7995

902.6
Г70

Пензенское О-во Любителей Естествознания.

На правахъ рукописи.

902.6
Г-70.

В. А. Городцовъ.

ПЕРВОБЫТНАЯ АРХЕОЛОГІЯ.

КУРСЪ ЛЕКЦІЙ,

ЧИТАННЫХЪ

въ Московскомъ Археологическомъ Институтѣ.

1969 г.

БИБЛИОТЕКА
Пензенского Областного
Краеведческого Музея

БИБЛИОТЕКА
ПГКМ ОБЛАСТНОЙ МУЗЕЙ

Печатня А.И.Снегиревой Москва.
1908.

5110.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Введеніе	1
Къ исторіи развитія знанія о первобытныхъ, доисторическихъ памятникахъ	13
Происхожденіе человѣка	28
Древность человѣка	55
Основы хронологической классификаціи	76
Опредѣленіе памятниковъ первобытной археологіи	94
Опредѣленіе и чтеніе коллективныхъ памятниковъ первобытной археологіи	115
Эолитическая эпоха	138
Палеолитическая эпоха	154
Пора тесанныхъ орудій	155
Пора сколотыхъ орудій	166
Неолитическая эпоха	273
Пора полированныхъ орудій	287
Пора сверленыхъ орудій	357
Заключеніе	407
Объясненіе таблицъ	409

№ 7495

Первобытная археологія.

Введеніе.

Разумный человѣкъ вѣчно стремится познать самого себя, познать окружающій его міръ, познать первопричину всего существующаго. Въ этомъ стремленіи имъ созданы многочисленныя науки, которыя, сообразно естественной тройственности главныхъ задачъ, дѣлятся на три категоріи, или основныхъ группы: 1) науки о природѣ, 2) науки о человѣкѣ, какъ обособленной части природы, и 3) науки о началѣ, или первопричинѣ, существующаго. Общею цѣлью наукъ является познаніе истины. Каждая наука идетъ къ этой истинѣ своимъ самостоятельнымъ путемъ. Однако ни одна изъ нихъ не можетъ двигаться, не соприкасаясь, не прибѣгая къ помощи или содѣйствію другихъ; такъ науки о человѣкѣ не могутъ обойтись безъ помощи наукъ о природѣ, а науки о первопричинѣ—безъ наукъ о природѣ и человѣкѣ. И чѣмъ ближе сходятся области изслѣдованія наукъ, тѣмъ чаще становятся ихъ соприкосновенія.

Археологія представляетъ одну изъ наукъ о человѣкѣ. Задачи и объемъ археологіи, а также и отношеніе ея къ другимъ наукамъ выяснялись крайне медленно. Имя ея заимствовано отъ греческихъ ἀρχαῖος и λόγος и означаетъ науку о древностяхъ, или, точнѣе, науку о перво-

бытныхъ древностяхъ. Впервые терминъ „археологія“ былъ употребленъ Платономъ въ смыслѣ исторіи прошедшихъ временъ. Впослѣдствіи въ томъ же смыслѣ терминомъ „археологія“ пользовались Діонисій Галикарнасскій, Іосифъ Флавій, Цицеронъ, Плиній, Теренцій Варронъ, блаженный Августинъ и блаженный Іеронимъ. Отсюда видно, что древніе писатели не отличали археологію отъ исторіи, а это указываетъ на большую близость, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ областей изслѣдованія обѣихъ наукъ. Только съ XVI столѣтія являются попытки отграничить археологію и придать ей самостоятельное значеніе. Въ началѣ XIX вѣка задачи и объемъ археологіи понимались въ довольно широкомъ смыслѣ обозначенія жизни и состоянія прошедшихъ временъ; но вскорѣ задачи эти были урѣзаны.

Въ началѣ 30-хъ годовъ (1830—1833) XIX вѣка Готфридъ Мюллеръ опубликовалъ свои лекціи „Handbuch der Archäologie der Kunst“, гдѣ придалъ особенное значеніе художественнымъ памятникамъ искусства. Лекціи Мюллера произвели столь глубокое впечатлѣніе на современниковъ, что они подъ археологіей стали понимать только науку объ изящныхъ классическихъ искусствахъ. Подъ этимъ совершенно ложнымъ взглядомъ появился въ Западной Европѣ цѣлый рядъ курсовъ археологіи; таковы: Рауля Рошета „Cours d'archéologie, professé à la bibliothèque du roi tous les mardis“, профессора Вермильоли „Lezioni elementari di archeologia esposte nella pontifica universita di Perugia“, Генриха Отта „Handbuch der kirchlichen Kunst-Archäologie“, аббата Годарда „Cours d'archéologie sacrée“ и другіе.

Съ 50-хъ годовъ является снова стремленіе расширить задачи археологіи. Caumon, въ своемъ „Abécédaire ou rudiments d'archéologie“, изданномъ въ 1835—62 годахъ, уже вводитъ въ объемъ археологіи всѣ вещественные памятники древности.

Въ это время выступаютъ русскіе ученые, принимая горячее участіе въ разработкѣ вопроса. Въ 1850 году

И. Сахаровъ, въ своемъ „Обозрѣніи русской археологіи“ [1]), проводитъ мысль о подраздѣленіи археологіи на два отдѣла: археологію исчезнувшихъ и археологію существующихъ народовъ. „Первая, по словамъ автора, отыскиваетъ слѣды древнихъ идей и народныхъ вѣрованій, угадываетъ въ жизни погасшаго народа одну творческую силу, составляетъ его исторію, за неимѣніемъ лѣтописей и актовъ, изъ обломковъ протекшихъ вѣковъ. Всѣ ея источники, по его мнѣнію, заключаются въ подземномъ мірѣ, гдѣ сокрытъ прахъ первобытныхъ народовъ съ ихъ памятниками... Вторая судитъ о былой жизни существующаго народа по наличнымъ памятникамъ, свидѣтельствуетъ о вѣрованіи по уцѣлѣвшимъ храмамъ, разсуждаетъ о народныхъ средствахъ и нуждахъ по зданіямъ, открываетъ нравы и вкусы въ домашнихъ утваряхъ, измѣряетъ бытъ его въ опредѣленныхъ границахъ, указанныхъ историческими событіями. Ея источники находятся въ лѣтописяхъ, актахъ, наличныхъ памятникахъ и въ открытіяхъ подземнаго міра“.

Въ 1873 году И. Е. Забѣлинъ, послѣ ряда статей, направленныхъ къ разъясненію задачъ русской археологіи [2]), въ своемъ рефератѣ на тему: „Въ чемъ заключаются основныя задачи археологіи, какъ самостоятельной науки“, проводитъ мысль, что археологія имѣетъ свой особый, опредѣленный и самостоятельный предметъ познанія. Этотъ предметъ есть единичное творчество человѣка въ безчисленныхъ, разнородныхъ и разнообразныхъ памятникахъ, вещественныхъ и духовныхъ, что основная задача археологіи, какъ науки, заключается въ раскрытіи и объясненіи законовъ единичнаго творчества, въ раскрытіи и объясне-

---

[1]) Записки Отд. русск. и славянск. археологіи Имп. Арх. Общ., т. I, стр. 3—80. (Отдѣльн. изданъ., Спб., 1851 г.).

[2]) Отечеств. Записки 1852 г.—Отечеств. Записки 1860 г., ноябрь, статья подъ заглавіемъ: „Размышленія о современныхъ задачахъ русской исторіи и древностей“. Печатано также въ 1-мъ томѣ его сочиненія: „Опыты изученія русскихъ древностей“.

ніи путей, по которымъ единичное творчество возсоздаетъ творчество родовое, или общественное, т.-е. историческое, въ раскрытіи и объясненіи той живой, неразрывной связи, въ какой постоянно находятся между собою творчество единицы и творчество цѣлаго рода или народа“ [1]).

По мнѣнію Забѣлина, невозможно ограничить задачу археологіи изученіемъ однихъ только вещественныхъ памятниковъ. Главными предметами изслѣдованія археологіи имъ выдвигаются: 1) пища, 2) одежда и 3) жилище, и далѣе, какъ сопутствующіе имъ результаты: 1) ремесла, 2) мастерства, 3) художества, 4) промыслы, словомъ цѣлый порядокъ памятниковъ домашняго народнаго быта во всѣхъ мелочныхъ подробностяхъ и во всѣхъ направленіяхъ его развитія.

Въ 1902 году К. Грузинскій, въ статьѣ „Археологія и исторія“ [2]), проводитъ мысль, что археологія есть самостоятельная наука, предметомъ изслѣдованія которой являются всѣ остатки произведеній физическаго труда человѣчества подъ вліяніемъ труда умственнаго, дошедшіе до насъ, преимущественно, въ вещественныхъ памятникахъ. По его мнѣнію, „физическій трудъ человѣка подъ вліяніемъ труда умственнаго обыкновенно стремится къ осуществленію одной изъ слѣдующихъ цѣлей: 1) завладѣть, 2) добыть сырые продукты, 3) переработать сырые продукты, 4) передать мысли и перемѣстить предметы. Сообразно съ этими цѣлями и всѣ произведенія этого рода человѣческаго труда раздѣлены на группы: 1) всѣ произведенія, направленныя къ завладѣнію и имѣющія объектомъ преимущественно „территорію“; 2) натуральные, или сырые, продукты, добытые физическою силою человѣка изъ природы, представляющіе изъ себя частицы

[1]) Труды VIII Арх. Съѣзда, т. 1.
[2]) „Древній міръ“, 1902 г., № 1, стр. 19—27.

естественныхъ богатствъ: фауны, флоры и минеральнаго царства, которыя (частицы) служатъ или для непосредственнаго удовлетворенія жизненныхъ потребностей человѣка, или предназначаются для переработки; 3) переработанные изъ сырыхъ продуктовъ предметы: а) орудія труда, б) предметы, служащіе или для непосредственнаго удовлетворенія жизненныхъ потребностей человѣка, или посредствомъ и при помощи которыхъ удовлетворяются эти потребности, в) предметы, служащіе для исключительнаго удовлетворенія духовныхъ потребностей человѣка; 4) всѣ произведенія и предметы: а) для передачи мысли человѣка, б) для облегченія и приспособленія передвиженія и перемѣщенія, или же какъ самые способы передвиженія и перемѣщенія".

Изъ приведенныхъ выдержекъ видно, что оба послѣдніе автора стремятся опредѣлить объемъ и задачи археологіи, пытаясь отграничить область ея изслѣдованій отъ области изслѣдованій исторіи. И должно согласиться, что представленныя ими основанія, насколько они касаются позднѣйшихъ историческихъ страницъ археологіи, являются остроумно обоснованными. Но, къ сожалѣнію, обо ими авторами не принятъ во вниманіе обширнѣйшій отдѣлъ доисторической археологіи, гдѣ рѣшительно нѣтъ мѣста для счетовъ съ исторіей. Между тѣмъ объемъ этой доисторической археологіи, въ отношеніи, напр., періода времени, во много разъ превышаетъ объемъ археологіи историческаго времени.

Постоянныя, многочисленныя открытія въ доисторической области археологіи всё болѣе и болѣе убѣждаютъ, что и самое количество памятниковъ доисторическаго времени гораздо болѣе памятниковъ времени историческаго. А это положительно требуетъ опредѣленія объема задачъ археологіи независимо отъ какой-либо другой науки. Такое опредѣленіе изъ русскихъ ученыхъ далъ гр. А. С. Уваровъ, по мнѣнію котораго „археологія есть наука, изучающая древній бытъ по всѣмъ памятникамъ, какого бы

ни было рода, оставшимся отъ древней жизни древняго народа“ [1]).

Это опредѣленіе археологіи въ настоящее время слѣдуетъ считать общепринятымъ. Общепринятымъ слѣдуетъ также считать и дѣленіе археологіи на двѣ обширныя области: доисторической и исторической археологіи.

Доисторическая археологія, составляющая предметъ нашего курса, является сравнительно новою наукою, съ не совсѣмъ установившимся именемъ. Такъ одни называютъ её доисторической, другіе — первобытной археологіей, третьи — палеоэтнологіей (этнологіей древнихъ временъ) и, наконецъ, четвертые, сокращая послѣдній терминъ,—пальэтнологіей. Каждое изъ приведенныхъ названій имѣетъ свои достоинства и недостатки.

Названіе „доисторическая археологія“, по авторитетному отзыву гр. А. С. Уварова, являясь популярнымъ и довольно понятнымъ для большинства публики выраженіемъ, лишено строгаго научнаго значенія по неточности и неопредѣленности времени, которое оно должно обозначать. На основаніи этого, на I-мъ Археологическомъ Съѣздѣ было единогласно принято замѣнить слово „доисторическая“ терминомъ „первобытная“ археологія.

Новое названіе однако не оказалось безупречнымъ, такъ какъ первобытное состояніе свойственно не только древнимъ, но и нѣкоторымъ современнымъ народамъ. Поэтому въ послѣднее время нѣкоторые ученые вновь вернулись къ старому, называя науку о древнѣйшихъ памятникахъ „доисторическою археологіею“.

Не безупречнымъ также оказалось и названіе древнѣйшаго отдѣла археологіи „палеоэтнологіей“, данное въ

[1]) Гр. А. С. Уваровъ. „Что должна обнимать программа для преподаванія русской археологіи и въ какомъ систематическомъ порядкѣ должна быть распредѣлена эта программа?“ Труды III Арх. Съѣзда, т. 1, стр. 21.

1865 году на I Международномъ конгрессѣ антропологіи и допсторической археологіи въ Спеціи. Это названіе, сокращенное въ „пальэтнологію“, въ настоящее время принято (хотя далеко не всѣми) въ Италіи и Франціи, въ послѣднее же время оно проникаетъ и въ Россію. Названіе коротко, благозвучно и рѣзко выдѣляетъ науку изъ смежныхъ археологическихъ наукъ и дисциплинъ. Но крупный недостатокъ термина заключается въ томъ, что „этнологія“, имя которой поставлено въ его основу, является не совсѣмъ установившеюся наукой: одни смѣшиваютъ её съ этнографіей, другіе—съ антропологіей, третьи относятъ къ разряду естественнопсторическихъ наукъ и четвертые, наконецъ, не признаютъ совсѣмъ за науку. Въ виду всего этого и производный терминъ „палеоэтнологія“ также не получаетъ опредѣленнаго значенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всеобщаго распространенія.

Въ нашемъ курсѣ мы будемъ держаться термина „первобытная археологія“.

Ближайшими къ первобытной археологіи науками являются антропологія, этнографія и историческая археологія. Съ этими науками первобытная археологія соприкасается очень часто, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ какъ бы сливается до невозможности сразу отмѣтить, гдѣ кончается область одной изъ нихъ, и гдѣ начинается область другой.

Изъ наукъ другихъ категорій также тѣсно къ нашей наукѣ примыкаютъ палеонтологія, геологія и минералогія.

Палеонтологія составляетъ науку о древнихъ ископаемыхъ остаткахъ животныхъ и растеній, она есть зоологія и ботаника вымершихъ организмовъ. Въ ея вѣдѣніе входитъ ученіе о человѣкѣ въ зоологическомъ, докультурномъ его состояніи, отъ котораго и начинаетъ свое ученіе первобытная археологія. Сверхъ сего палеонтологія даетъ возможность возстановить фауну и флору, сопутствующія первобытному, допсторическому человѣку.

Геологія представляетъ географію давно минувшихъ временъ. Ея отношеніе къ первобытной археологіи также

можно сравнить съ отношеніемъ географіи къ исторіи. Геологія поясняетъ, какое вліяніе имѣла та или другая форма суши, то или другое очертаніе воды на развитіе культуры; какъ ихъ комбинаціями обусловливались прогрессивное развитіе однихъ народовъ и отсталость или даже полная косность развитія другихъ. Но едва ли не самая главная заслуга геологіи заключается въ томъ, что она помогаетъ установить даты для древнѣйшихъ памятниковъ человѣческой культуры, погребенныхъ въ нѣдрахъ земли.

Минералогія опредѣляетъ большинство матеріаловъ, послужившихъ объектами дѣятельности человѣка.

Не малую услугу первобытной археологіи оказываютъ также зоологія и ботаника, помогающія, наравнѣ съ палеонтологіей, возстановленію цѣлыхъ картинъ первобытной природы, среди которыхъ протекала жизнь нашихъ болѣе близкихъ доисторическихъ предковъ.

Наконецъ, большое значеніе въ нашей наукѣ имѣетъ и языковѣдѣніе. Языкъ каждаго народа содержитъ много отголосковъ глубокой старины и тѣмъ самымъ помогаетъ выяснить исторію возникновенія и смыслъ разныхъ культурныхъ явленій. Названія металловъ, названія орудій труда иногда помогаютъ опредѣлить не только время и генезисъ появленія ихъ у того или другого народа, но и выясняютъ разнаго рода культурныя вліянія и теченія; названія божествъ, названія членовъ семьи, рода, общины проливаютъ свѣтъ на религіозныя воззрѣнія, семейныя и общественныя отношенія, и, наконецъ, общія названія растеній и животныхъ у отдѣльныхъ народовъ указываютъ на совмѣстное ихъ сожительство въ странѣ съ опредѣленнымъ физико-географическимъ характеромъ и т. д.

Предметомъ первобытной археологіи является научное изслѣдованіе всѣхъ древнихъ памятниковъ человѣческой культуры до появленія о нихъ историческихъ извѣстій, въ формѣ писанныхъ документовъ, а также легендъ и преданій.

Разсматривая предметъ въ отношеніи пространства и времени, можно убѣдиться, что первое ограничивается поверхностью земного шара, второе же, хотя и не подлежитъ точному учету, но въ общемъ представляется весьма значительнымъ. Начало его восходитъ къ эпохѣ, когда зоологическій видъ Homo получилъ ясно выраженныя черты разумнаго человѣка, когда его разумная дѣятельность запечатлѣлась какъ на всемъ его организмѣ, на общественныхъ отношеніяхъ, такъ и на разнаго рода вещественныхъ памятникахъ. Организмъ человѣка составляетъ предметъ непосредственнаго вѣдѣнія антропологіи. Но тотъ же организмъ, разсматриваемый какъ памятникъ постепеннаго культурнаго развитія, непремѣнно долженъ войти въ кругъ предметовъ изслѣдованія и первобытной археологіи. Если бы удалось найти останки самаго перваго человѣка, то они прежде всего были бы окружены вниманіемъ геологіи, антропологіи и первобытной археологіи. Геологія попыталась бы опредѣлить возрастъ человѣка, антропологія оцѣнила бы его физическія свойства и умственныя способности, а первобытная археологія занялась бы опредѣленіемъ его культурнаго состоянія.

До настоящаго времени однако древнѣйшими являются не останки самого человѣка, а произведенія его ума и рукъ, въ видѣ костровъ и самыхъ примитивныхъ орудій труда. Памятники эти относятся къ глубочайшей древности. Съ тѣхъ поръ объекты дѣятельности человѣка успѣли отложиться не только въ областяхъ современной суши, но и подъ водою озеръ и морей, такъ какъ, за весьма длинный протекшій періодъ времени, суша становилась дномъ моря, а дно моря—сушею. Слѣдуя такимъ перемѣнамъ, необходимо мѣнялись климатъ, флора и фауна, мѣнялись и самъ человѣкъ и его дѣятельность.

Самою главною и вмѣстѣ съ тѣмъ самою интересною задачею первобытной археологіи является открытіе памятниковъ жизни перваго человѣка, опредѣленіе ихъ даты и степени культурнаго ихъ совершенства. Затѣмъ второю

задачею выступаетъ уясненіе непрерывной связи всей цѣпи развитія культурной дѣятельности первобытнаго, доисторическаго человѣка до эпохи вступленія его въ историческій періодъ жизни. Въ послѣднемъ случаѣ первобытная археологія является естественнымъ введеніемъ въ исторію [1]).

Для рѣшенія своихъ задачъ первобытная археологія имѣетъ два главныхъ источника: 1) памятники древней жизни и 2) аналогіи изъ культуры современныхъ народовъ.

Памятники первобытной, доисторической жизни почти исключительно находятся въ почвѣ; связь и отношеніе ихъ другъ къ другу представляютъ большую научную цѣнность; поэтому изученіе памятниковъ необходимо вести съ момента открытія ихъ въ почвѣ.

Послѣ памятники изучаются по ихъ сущности; при чемъ извѣстные изъ нихъ выдвигаются, какъ точки опоры для научныхъ выводовъ и правильнаго развитія изслѣдованія; неизвѣстные тщательно изучаются, получаютъ имя, группируются по типамъ и описываются.

Для извлеченія знанія изъ отношенія первобытныхъ памятниковъ къ почвѣ существуетъ особый методъ, который можно назвать методомъ геолого-археологическимъ. Сущность его заключается въ томъ, чтобы изслѣдователь, собравши свѣдѣнія историческаго и этнографическаго характера, связанныя съ избранною для изслѣдованія мѣстностью, наведя справки у геологіи о возрастѣ и ге-

---

[1]) Нѣкоторые археологи, принимая во вниманіе, что народы развивались неодинаково быстро и поэтому вошли въ сферу исторической жизни далеко неодновременно, вводятъ въ объемъ первобытной археологіи, кромѣ изученія доисторическихъ временъ, общихъ всему человѣчеству, еще и изученіе временъ, которыя покоятся на рубежѣ исторіи, или даже проникаютъ глубоко въ предѣлы этой послѣдней. Однако съ этимъ едва ли можно вполнѣ согласиться.

Авт.

незнсѣ почвы, приступилъ къ разрѣзу послѣдней, съ цѣлью отысканія памятниковъ древнихъ культуръ и точнаго установленія ихъ отношенія къ почвѣ, другъ къ другу и къ собраннымъ историко-этнографическимъ свѣдѣніямъ.

Въ результатѣ методическихъ разрѣзовъ, или раскопокъ, почвы должно явиться столь же точное и связное чтеніе памятниковъ, какъ чтеніе обыкновенной книги. При этомъ не требуется никакихъ субъективныхъ вмѣшательствъ изслѣдователя, такъ какъ каждое явленіе, каждая вещь должны говорить сами за себя, какъ буквы и слова, написанныя на листахъ бумаги, говорятъ читателю всё, что имъ вмѣнено сказать.

При изученіи древнихъ памятниковъ по ихъ сущности, пользуются типологическимъ методомъ, выработаннымъ спеціально археологіею. Типологическій методъ состоитъ въ томъ, что памятники дѣлятся на группы и отдѣлы по типамъ или по ихъ ближайшему сродству какъ въ отношеніи формы и вещества, такъ и назначенія [1]). Затѣмъ каждый типъ освѣщается со стороны генезиса, со стороны отношенія его къ ближайшимъ типамъ и, наконецъ, со стороны хронологіи и площади его распространенія. Въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется разгадать смыслъ и назначеніе загадочныхъ или непонятныхъ памятниковъ, полезно обращаться къ сравнительному методу. Этотъ методъ требуетъ сравненія древнихъ памятниковъ или съ предметами культуры современныхъ первобытныхъ народовъ, или съ пред-

---

[1]) Типъ есть совокупность предметовъ, схожихъ по веществу, формѣ и назначенію. Типъ представляетъ основную степень типологической классификаціи.

Отдѣлъ есть совокупность однородныхъ типовъ; это—вторая степень классификаціи.

Группа есть совокупность однородныхъ отдѣловъ; это—третья, самая высшая, степень классификаціи.

Авт.

метами, составляющими пережитки въ культурахъ современныхъ цивилизованныхъ народовъ.

Самое опредѣленіе объектовъ древнѣйшаго отдѣла первобытной археологіи совершилось при помощи именно сравнительнаго метода мышленія. Благодаря ему былъ разгаданъ смыслъ многихъ предметовъ, совершенно вышедшихъ изъ употребленія въ болѣе развитыхъ культурахъ. Такъ, путемъ сравненія древнихъ кремневыхъ скребковъ съ такими же скребками современныхъ эскимосовъ, было выяснено, что какъ тѣ, такъ и другіе употреблялись для обработки шкуръ животныхъ. Такимъ же путемъ удалось разгадать назначеніе кремневыхъ пилокъ, ножей, сверлъ, грубыхъ тесанныхъ топоровъ и другихъ подобныхъ предметовъ; удалось выяснить способы добыванія огня, обработки дерева при помощи каменныхъ орудій и, наконецъ, самые способы фабрикаціи этихъ послѣднихъ.

Блестящій опытъ археологической работы сравнительнымъ методомъ далъ англійскій ученый Дж. Лёббокъ. Эта работа извѣстна въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ: „Доисторическія времена, или первобытная эпоха человѣчества, представленная на основаніи изученія остатковъ древности и нравовъ и обычаевъ современныхъ дикарей“.

Въ заключеніе коснемся пособій нашего курса.

Рѣшеніе этого вопроса въ настоящее время представляется далеко не легкимъ. Вполнѣ соотвѣтствующаго нашимъ задачамъ курса первобытной археологіи не имѣется не только въ русской, но и заграничной литературѣ; поэтому, въ силу необходимости, приходится пользоваться различными источниками, мѣняющимися при составленіи каждаго отдѣла, каждой главы курса. При такихъ условіяхъ возможно указать лишь болѣе подходящія пособія, каковыми на нашъ взглядъ представляются:

1) гр. А. С. Уварова „Каменный періодъ“,

2) проф. А. А. Иностранцева „Доисторическій человѣкъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера“,

3) проф. Д. Я. Самоквасова „Основы классификаціи южно-русскихъ древностей“,

4) проф. Н. И. Веселовскаго „Первобытный человѣкъ“,

5) Л. Нидерле „Человѣчество въ доисторическія времена“,

6) Mortillet „La Préhistorique antiquité de l'homme“ (имѣется въ русскомъ переводѣ),

7) Ranke „Der Mensch“ (имѣется въ русскомъ переводѣ),

и другія пособія, съ названіями которыхъ мы будемъ знакомиться по мѣрѣ развитія курса.

Къ исторіи развитія знанія о первобытныхъ, доисторическихъ памятникахъ.

Съ переходомъ въ историческую эпоху цивилизованные народы скоро позабыли о своемъ минувшемъ доисторическомъ бытѣ, позабыли о несовершенныхъ орудіяхъ труда своихъ предковъ, и если случайно находили ихъ, то считали произведеніями боговъ, небесныхъ силъ и т. п.; даже въ тѣхъ случаяхъ, когда доисторическіе предметы удерживались, въ видѣ пережитковъ, въ новомъ бытѣ, то и тогда ихъ окружали густымъ мистическимъ туманомъ, который не могли разсѣять ни сообщенія съ народами первобытнаго состоянія, работавшими или удовлетворявшими свои нужды тѣми же предметами, ни формы доисторическихъ предметовъ, иногда совершенно схожія съ обычными въ новомъ бытѣ народа.

Каменнымъ орудіямъ всѣ цивилизованные народы Азіи и Европы приписывали божественное происхожденіе, полагая, что они падали съ небесъ.

Богъ индійцевъ Индра называется каменодержцемъ, а воинственные небожители Маруты — стрѣляющими камнями; боги славянъ и германцевъ также сражались каменными орудіями. Отсюда и связь орудій съ молніей и громомъ, обычными аттрибутами боговъ. Въ Россіи ихъ

называютъ „громовыя стрѣлы“, въ Германіи—„Donnerkeile“, „Blitzsteine“, во Франціи—„pierres de tonnerre“, „pierres de foudre“, въ Англіи—„thunderstones“, въ Испаніи—„piedras de rayo“, въ Италіи—„saette o fulmini“, въ Голландіи—„donderbeitels“, въ Даніи—„tondersteen“, въ Норвегіи—„tonderkile“, въ Швеціи—„thorsviggar“, у римлянъ—„lapides fulminis“, у грековъ—„κεραύνια“, „ἀστροπελέκεια“; точно такія же названія они имѣли и у многихъ другихъ народовъ Стараго свѣта [1]).

Не менѣе наивными объясненіями сопровождались и другіе памятники доисторическаго быта. Даже въ началѣ новыхъ вѣковъ въ Западной Европѣ говорилось, что урны съ пепломъ, составляющія памятники доисторическихъ погребеній, растутъ въ землѣ, какъ грибы, особенно во время весеннихъ дождей. Въ такомъ родѣ писалъ король Фердинандъ къ Отто изъ Нейдека въ 1546 году, въ такомъ же родѣ высказывались въ своихъ сочиненіяхъ и нѣкоторые ученые не только XVI—XVII, но даже начала XVIII вѣка.

При такомъ полномъ забвеніи дѣйствительнаго значенія памятниковъ доисторическаго быта и суевѣрномъ къ нимъ отношеніи, неудивительно столь же суевѣрное отношеніе и къ памятникамъ, составлявшимъ пережитки. Такіе пережитки обычно удерживались въ религіозныхъ или церковныхъ обрядахъ, гдѣ и получали вполнѣ мистическое значеніе.

Въ Книгѣ Іисуса Навина (V, 2) говорится, что Іегова приказалъ Іисусу сдѣлать три каменныхъ ножа и обрѣзать ими во второй разъ сыновъ израилевыхъ.

Въ переводѣ той же книги Семидесятью Толковниками (Кн. І. Н., XXIV, 29 и 30) читается слѣдующее повѣствованіе, не дошедшее до насъ въ первоначальномъ еврейскомъ текстѣ: „Καὶ ἐκεῖ ἔθηκαν μετ' αὐτοῦ εἰς τὸ μνημεῖον, ἐν ᾧ ἔθαψαν αὐτὸν ἐκεῖ, τὰς μαχαίρας τὰς πετρίνας, ἐν αἷς περιέτεμε τοὺς υἱ-

[1]) Л. Пидерле. „Человѣчество въ доисторическія времена“, стр. VIII.

οὺς Ἰσραὴλ ἐν Γαλγάλοις, ὅτε ἐξήγαγεν αὐτοὺς ἐξ Αἰγύπτου καθὰ συνέταξε Κύριος καὶ ἐκεῖ εἰσὶν ἕως τῆς σήμερον ἡμέρας“, то-есть: „И въ могилу, въ которую опустили тѣло его (Іисуса Навина), положили каменные ножи, которыми онъ обрѣзалъ дѣтей израилевыхъ въ Галгалахъ, послѣ вывода ихъ изъ Египта по повелѣнію Іеговы, и они (эти ножи) тамъ до настоящаго времени“.

По свидѣтельству Геродота (кн. II, гл. 86) и Діодора Сицилійскаго (кн. I, II), египетскіе бальзамировщики мумій дѣлали вскрытіе труповъ кремневыми или вообще каменными ножами.

По Титу Ливію (I, 24), у римлянъ начальникъ общества феціаловъ, называемый „pater patratus“, при заключеніи мира, закалывалъ жертвеннаго поросенка кремневымъ ножемъ.

Въ приведенныхъ примѣрахъ видно, что каменныя орудія употребляются вовсе не потому, что они были практически лучше употребительныхъ въ тѣ времена металлическихъ орудій, а исключительно по мистическому отношенію къ этимъ пережиткамъ забытой доисторической старины. Отсюда одинъ шагъ до употребленія такихъ предметовъ въ видѣ амулетовъ, въ видѣ цѣлебныхъ средствъ. И, дѣйствительно, этруски носили мелкіе наконечники кремневыхъ стрѣлъ на шеѣ. До какой степени высоко ими цѣнились такіе предметы, можно судить по тому, что ихъ находили въ качествѣ центральныхъ украшеній въ драгоцѣннѣйшихъ золотыхъ ожерельяхъ [1]). У египтянъ, фригійцевъ и грековъ существовали каменные ножи и топоры съ вырѣзанными на нихъ іероглифами, рисунками божественныхъ эмблемъ и посвященіями. Подобныя вещи, съ очевидною профилактивною цѣлью, многіе народы, обладавшіе богатою металлическою утварью, полагали съ покойниками.

---

[1]) Гр. А. С. Уваровъ. „Каменный періодъ“, т. I.

Въ роскошномъ кульобскомъ погребеніи скиѳскаго царя, близъ Керчи, у ногъ покойника лежала груда осколковъ кремня.

Проф. Веселовскій нашелъ каменный топоръ при останкахъ римскаго воина, погребеннаго въ Кубанской области во II—III в. по Р. Хр.

Гр. А. С. Уваровъ нашелъ нѣсколько каменныхъ орудій въ курганахъ Ростово-Суздальской земли, относящихся къ позднему историческому времени, и отнесъ ихъ, совершенно правильно, къ разряду амулетовъ.

Одиночные экземпляры кремневыхъ стрѣлъ и каменныхъ топоровъ нерѣдко случается находить въ русскихъ городищахъ и селищахъ, не имѣвшихъ никакого отношенія къ каменной культурѣ; и это неудивительно, такъ какъ даже современные крестьяне имѣютъ въ своемъ распоряженіи значительное количество этихъ предметовъ, употребляя ихъ для лѣченія больныхъ и разнаго рода суевѣрныхъ манипуляцій. О существованіи же ихъ у старинныхъ и древнихъ русскихъ людей свидѣтельствуютъ проповѣди и наставленія духовныхъ лицъ; таковы увѣщанія мниха Аѳанасія Іерусалимскаго и наставленія попа Сильвестра въ его Домостроѣ. Подобное происходило и въ Западной Европѣ; такъ, напримѣръ, извѣстна кремневая стрѣлка, обдѣланная въ золотую оправу наподобіе медальона, принадлежавшая шотландской лэди, жившей въ 50-хъ годахъ XIX вѣка.

Итакъ, всюду историческіе народы порвали связь и забыли о доисторической культурѣ своихъ предковъ, и, казалось, прошлое всё гуще и гуще покрывается туманомъ забвенія и никогда не будетъ освѣщено для потомковъ.

Къ счастію, родъ людской время отъ времени получаетъ отдѣльныхъ лицъ съ пытливымъ, свободнымъ отъ предразсудковъ разумомъ, стремящимся всё осмыслить и понять. Эти лица являются истинными двигателями культуры и благодѣтелями людского, въ общемъ весьма инерт-

наго, рода. Благодаря такимъ-то лицамъ и былъ разсѣянъ туманъ, покрывавшій наше прошлое, дорогое для насъ своими положительными и отрицательными, часто очень горькими, опытами и завѣтами.

Первыя попытки къ разъясненію доисторической жизни предковъ можно прослѣдить въ глубокой древности. Ассиро-вавилоняне, египтяне, индусы стремились осмыслить жизнь человѣка съ момента его появленія на землѣ. Съ этой цѣлью они наблюдали и изучали содержимое различныхъ пластовъ земли и пришли къ заключенію о жизни человѣка до потопа и послѣ потопа, т.-е. до появленія нѣкоторыхъ пластовъ земли, отложившихся на днѣ водъ и вслѣдствіе этого изобилующихъ остатками водныхъ животныхъ, и послѣ отложенія этихъ слоевъ.

Древніе китайцы интересовались началомъ каменнаго вѣка и относили его ко второму миѳическому императору Шинъ-Нунгъ, хотя позднѣйшіе ученые Китая смотрѣли на это какъ на нестоющую вниманія басню и держались мнѣнія о небесномъ происхожденіи каменныхъ орудій.

Гезіодъ, древнѣйшій изъ европейскихъ писателей, жившій приблизительно за 900 лѣтъ до Р. Хр., положительно утверждалъ, что желѣзо было введено въ культуру человѣка позже, чѣмъ мѣдь и олово. Вѣрность такого сужденія въ настоящее время подтверждена какъ археологіей, такъ и лингвистикой, доказавшей, что понятіе „ковать металлъ“ греками выражалось словомъ „χαλκεύω“, означающимъ собственно „ковать мѣдь“, такъ какъ „χαλκός“ значитъ „мѣдь“.

Римскій цезарь Августъ, по свидѣтельству Светонія, имѣлъ музей, въ которомъ хранились кости большихъ третичныхъ и постпліоценовыхъ вымершихъ животныхъ, а также и каменныя орудія, считавшіяся за остатки героевъ. Всё это не могло не отразиться на правильности сужденій о прошедшемъ и, дѣйствительно, отразилось на воззрѣніяхъ лучшихъ мыслителей того времени.

Лукрецій, свободомыслящій римскій поэтъ I вѣка до Р. Хр., въ своей поэмѣ „De rerum natura“ говоритъ:

Arma antiqua manus, ungues, dentesque fuerunt,
Et lapides et item silvarum fragmina rami,
Posterius ferri vis est aerisque reperta;
Sed prior aeris erat quam ferri cognitus usus.

„Древнимъ оружіемъ служили руки, когти и зубы, а также камни и обломки вѣтвей или лѣсовъ; затѣмъ появились желѣзо и бронза, но бронза появилась раньше; употребленіе желѣза стало извѣстно лишь позже“.

Составленная Лукреціемъ схема культурнаго развитія доисторическаго человѣка, судя по даннымъ современныхъ наукъ, является вѣрною, а это не могло быть случайнымъ явленіемъ и, очевидно, обусловливалось фактическими матеріалами доисторической археологіи, сосредоточенными въ музеяхъ и собраніяхъ разныхъ любителей старины, въ родѣ цезаря Августа.

Съ паденіемъ римской имперіи и вмѣстѣ образованности въ Европѣ надолго остановилось стремленіе къ познанію доисторическихъ судебъ человѣка. Прошли вѣка, совершились великія открытія новыхъ земель, народы Европы познакомились со множествомъ новыхъ племенъ, находившихся въ первобытной стадіи культурнаго развитія, бытовая утварь которыхъ была совершенно похожа на доисторическую утварь европейцевъ, такъ часто попадавшуюся на глаза и хорошо извѣстную и простолюдинамъ и людямъ науки. Но, чтобы сблизить и обобщить однородныя явленія чужихъ и своихъ странъ, потребовалось еще нѣсколько вѣковъ. Такъ инертенъ и слабъ умъ человѣческій, и такъ трудно даются ему ассоціаціи идей.

Первые проблески здраваго сужденія о доисторическихъ вещахъ, въ новѣйшее время, относятся къ XVI в. Georgios Agricola въ 1546 и Albinus въ 1589 годахъ дали впервые правильное объясненіе погребальнымъ урнамъ съ остатками доисторическихъ трупосожженій.

Позже польскій врачъ Jonson Jac. Mallen, въ своей „Historia sepulcralis Sarmatiae“, изданной въ 1769 году, а также и другіе ученые присоединились къ этому взгляду. Но одинъ изъ чешскихъ ученыхъ того времени, именно Богуславъ Бальбинъ, отнесся критически къ здравымъ сужденіямъ и, въ концѣ XVII вѣка, писалъ въ своемъ „Miscellanea historica regni Bohemiae“ о древнихъ погребальныхъ урнахъ: „я думаю, что глина или илъ сами собою принимаютъ въ землѣ форму сосудовъ, какъ сама природа того желаетъ“.

Врачъ Михаилъ Меркати (Michailis Mercati Metallotheca), умершій въ 1593 году, первымъ высказалъ сомнѣніе въ принадлежности каменныхъ орудій къ произведеніямъ неба, пытаясь объяснить ихъ какъ примитивныя каменныя орудія древнихъ людей. Однако эта здравая мысль въ продолженіе всего XVII вѣка нисколько не подвинулась впередъ, и развитіе ея принадлежитъ уже XVIII вѣку.

Эстерлингъ (J. Oesterling), въ сочиненіи: „De urnis sepulcralibus et armis lapideis veterum Cattorum“, изданномъ въ 1714 году, съ полной увѣренностью высказался о существованіи каменнаго вѣка. „Если найдется кто-нибудь, говоритъ онъ, который бы вздумалъ отрицать существованіе такого оружія у германцевъ, то пусть онъ отправится къ жителямъ Луизіаны и другимъ дикарямъ Сѣверной Америки, которые до сихъ поръ пользуются острыми камнями вмѣсто ножей и оружія“.

Въ 1724 году іезуитъ Лафито (Lafitau) обнародовалъ обширный трудъ: „Mœurs des sauvages américains, comparées aux mœurs des premiers temps“, гдѣ проводитъ параллели между обычаями и культурой современныхъ дикарей и древнихъ народовъ.

Эккардъ (Eccardus), профессоръ исторіи въ Брауншвейгѣ, умершій въ 1730 году, въ сочиненіи: „De origine Germanorum“, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1750 году, въ параграфѣ XLII, говоритъ: „Lapideis armis apud omnes successere aerea“.

т.-е. „у всѣхъ народовъ бронзовое оружіе слѣдовало за каменнымъ“.

Въ то же время въ Россіи Петръ Великій, умершій въ 1725 году, заинтересовавшись естественно-историческими и археологическими раритетами, стягивалъ въ Петербургъ со всѣхъ концовъ Россійской имперіи разнаго рода памятники древнихъ народовъ, въ особенности волжскихъ болгаръ и обитателей Сибири. Въ 1701 году Петръ объясняетъ французскому путешественнику де-Бруину причину скопленія слоновыхъ костей на берегу р. Дона, близъ с. Костенки, Воронежской губерніи, полагая, что кости принадлежатъ боевымъ слонамъ арміи Александра Македонскаго, которая, по увѣренію нѣкоторыхъ историковъ, доходила до той мѣстности. Впослѣдствіи здѣсь была открыта одна изъ богатѣйшихъ русскихъ палеолитическихъ стоянокъ.

Между тѣмъ въ 1730 году во Франціи разыгралось замѣчательное событіе, показавшее, что не только составленіе правильныхъ сужденій о сравнительно простыхъ вещахъ, но и усвоеніе ихъ не всегда доступно даже и для развитыхъ умовъ. Въ этомъ году Магюдель (Mahudel) сдѣлалъ докладъ въ Парижской Королевской Академіи письменности и изящной литературы на тему: „Sur les prétendues pierres de foudre“, т.-е. „о стрѣлахъ, называемыхъ громовыми“, по поводу котораго члены Академіи выразили докладчику неодобреніе за то, что онъ не доказалъ невозможности образованія такихъ стрѣлъ въ громовыхъ тучахъ подъ вліяніемъ молніи.

Легко понять, какое гнетущее впечатлѣніе произвелъ такой судъ авторитетнаго ученаго учрежденія на лицъ, изучавшихъ первобытные доисторическіе памятники, едва прозрѣвавшихъ ихъ настоящее назначеніе.

Въ 1730 году Гмелинъ, членъ Русской Академіи Наукъ, совершенно вѣрно опредѣлилъ каменныя орудія, найденныя при рытьѣ Ладожскаго канала, отнеся ихъ къ искусственнымъ произведеніямъ человѣка, но, вѣроятно,

подъ впечатлѣніемъ критики Парижской Академіи, высказывался о нихъ очень осторожно или даже боязливо. Интересны заключительныя слова его замѣтки о ладожскихъ каменныхъ орудіяхъ. „Sub quarta denique classe comprehendo eos lapides, говоритъ Гмелинъ, qui rerum artificialium simulacra aut modulos cavitatum earum exacte referunt. Haec classis nova est, sed necessaria esse videtur ob varios lapides, quibus hoc praedicatum competit. Cum anno 1731 aquaeductum Ladogaensem in iserem, jussu Celsissimi Comitis de Münich, varii lapides oblati sunt, in terra quae effodibatur, copiose reperti, qui argillae induratae substantiam habent, et ita figurati sunt, ac si vel torno fabrefacti fuissent, vel in cavitate rerum tornatilium formati“. То-есть: „Къ четвертому, наконецъ, разряду я отношу тѣ камни, которые представляютъ изъ себя искусственно изготовленные предметы или же болванки для изготовленія формъ для таковыхъ. Этотъ разрядъ — новый, но, мнѣ кажется, его необходимо установить, вслѣдствіе разнообразія камней, подходящихъ подъ это опредѣленіе. Когда я въ 1731 году, по приказанію сіятельнѣйшаго князя графа Миниха, обозрѣвалъ Ладожскій каналъ, то мнѣ показывали разные камни, въ большомъ количествѣ найденные при его прорытіи въ землѣ, состоявшіе изъ отвердѣвшей глины и имѣвшіе такую форму, которая указывала, что или они были выточены на станкѣ мастера, или же вылѣплены въ формахъ, приготовленныхъ по точенымъ оригиналамъ“. Очевидно, въ искусственности этихъ каменныхъ предметовъ Гмелинъ не сомнѣвался.

Въ 1758 году французскій ученый Гоге (Goguet), въ сочиненіи: „L'origine des lois, des arts et des sciences et de leurs progrès chez les anciens peuples depuis le déluge“, говоритъ: „toute l'antiquité s'accorde à dire qu'il a été un temps où le monde était privé de l'usage des métaux“, и далѣе: „L'usage du cuivre a précédé celui du fer“. То-есть: „всѣ древности свидѣтельствуютъ, что было время, когда люди не имѣли металловъ, а изъ металловъ ранѣе узнали мѣдь, чѣмъ желѣзо“.

Въ концѣ XVIII вѣка каждый изъ цивилизованныхъ народовъ Европы выдвинулъ лицъ, болѣе или менѣе успѣшно занявшихся изученіемъ мѣстныхъ древностей. Но работы ихъ имѣли частный характеръ и касались преимущественно предметовъ поздняго доисторическаго или даже историческаго быта. Таковы въ Россіи работы Палласа, Лепехина, Зуева, Рычкова; таковы же работы чеховъ: Іосифа Бинненберка, Іосифа Добровскаго и многихъ другихъ западныхъ ученыхъ.

Изъ приведеннаго видно, что XVIII вѣкъ только прозрѣвалъ смыслъ доисторической археологіи, но мало далъ положительнаго знанія. Значеніе XVIII вѣка для нашей науки важнѣе по совершившемуся въ это время общему великому философскому движенію, выразившемуся въ объединеніи научныхъ методовъ изслѣдованія, чистыхъ опытахъ, основанныхъ на детальномъ и всесторонемъ изученіи вещей. Это-то движеніе впослѣдствіи и дало толчекъ къ развитію старыхъ и созданію новыхъ наукъ, а въ томъ числѣ созданію самостоятельной науки первобытной археологіи, которая въ XIX вѣкѣ получила такую тщательную обработку и обогатилась столь обширной литературой, что является затруднительнымъ слѣдить не только за всѣми, но и за выдающимися моментами ея развитія. Въ концѣ столѣтія въ трудахъ по первобытной археологіи приняли дружное участіе не только всѣ народы Европы, но и цивилизованные народы Америки, Азіи и Африки. Возникла цѣлая сѣть университетскихъ каѳедръ, спеціальныхъ высшихъ школъ и самостоятельныхъ ученыхъ учрежденій, въ видѣ археологическихъ институтовъ. Создались многочисленные музеи и общества, мобилизованные цѣлыми арміями спеціалистовъ и любителей археологіи, направленные къ пріобрѣтенію и детальному изученію мѣстныхъ и общенародныхъ древностей. Астрономы, геологи, палеонтологи, зоологи, ботаники, историки — всѣ дружно отозвались на запросы новой науки, и много лицъ въ этой работѣ успѣли стяжать себѣ по-

четныя вѣчныя имена въ исторіи человѣческой культуры. Результатомъ ихъ усилій явились сотни періодическихъ изданій и множество самостоятельныхъ печатныхъ трудовъ по первобытной археологіи, извлекшихъ изъ глубокихъ нѣдръ земли, изъ-подъ вѣковыхъ наносовъ и мусора, остатки древнѣйшихъ стоянокъ, селеній, городовъ и представившихъ предъ нашими глазами новые міры съ своими народами и своеобразными культурами, о существованіи которыхъ раньше и не подозрѣвалось.

Первыми въ этомъ движеніи приняли участіе датскіе и шведскіе ученые. Незначительные размѣры ихъ государствъ, какъ цѣлыхъ объектовъ изслѣдованія, и особенно счастливое скопленіе первобытныхъ доисторическихъ памятниковъ помогли мѣстнымъ ученымъ ранѣе другихъ выступить съ обобщеніями и законами классификаціи этихъ памятниковъ.

Томсонъ (Thomson), директоръ музеевъ этнографіи и археологіи въ Копенгагенѣ, прежде всѣхъ раздѣлилъ собранные доисторическіе памятники на три группы, отнеся древнѣйшіе — къ каменному, средніе — къ бронзовому и поздніе—къ желѣзному вѣкамъ [1]).

Затѣмъ Нильсонъ (Nilsson), профессоръ зоологіи Лундскаго университета, Форхгаммеръ (Forchhammer), датскій геологъ, Стеенструпъ (Steenstrup) и Ворсо (Worsaae) примкнули и развили взгляды Томсона. Въ 1848 году изъ трехъ послѣднихъ была составлена Датскою Академіею Наукъ особая комиссія, направленная для изученія доисторическихъ кухонныхъ отбросовъ, такъ называемыхъ kjökkenmödding'овъ. Пользуясь основательнымъ знаніемъ ботаники, зоологіи, гидрографіи и этнографіи, они успѣли поставить дѣло археологическихъ изслѣдованій на строго

---

[1]) Thomson. „Ladefrand til Nordisk Oldkyndighed“, 1836, изданное на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Leitfaden zur nordischen Alterthumskunde“, 1837.

научную почву, а впослѣдствіи, расширивъ районъ изслѣдованій, попытались затронуть вопросъ о расахъ, заселявшихъ страну въ глубокой древности, освѣтить ихъ нравы, обычаи, развитіе искусства, земледѣлія, торговыхъ сношеній и т. п. [1]).

Къ сѣвернымъ ученымъ примкнули швейцарскіе. Въ 1853 году Фердинандъ Келлеръ открылъ и обслѣдовалъ остатки первыхъ свайныхъ построекъ, располагавшихся близъ берега Цюрихскаго озера. Это послужило толчкомъ къ поискамъ такихъ построекъ въ разныхъ мѣстностяхъ, результатомъ чего явились открытія подобныхъ остатковъ во всѣхъ значительныхъ озерахъ Швейцаріи, Бельгіи, Франціи, Австріи, Германіи, Моравіи и др., а также родственныхъ сооруженій въ болотахъ Англіи, въ поёмныхъ долинахъ рѣкъ сѣверной Италіи и Россіи, гдѣ имъ даны названія, въ первой — кранножей, во второй — террамаръ, и въ третьей—плотинныхъ жилищъ. Другой швейцарецъ Морло (Morlot), профессоръ геологіи Лозанской Академіи, въ своей прекрасной, сжатой работѣ: „Études géologiques-archéologiques en Danemark et en Suisse“, изданной въ 1860 году, широко популяризировалъ классификацію Томсона и его послѣдователей.

Въ то же время велась еще болѣе энергичная, еще болѣе остроумная и важная работа во Франціи, установившая существованіе человѣка вмѣстѣ съ вымершими животными мамонтовой фауны и давшая нѣсколько опытовъ классификаціи древнѣйшихъ памятниковъ каменнаго періода.

Въ 1828 году Турналь (Tournal) напечаталъ въ „Annales des sciences naturelles“ (vol. XV, p. 348) объ открытіи въ пещерѣ Бизъ человѣческихъ костей и глиняной по-

[1]) Въ настоящее время среди скандинавскихъ археологовъ являются особенно замѣчательными по своимъ обширнымъ научнымъ трудамъ О. Монтеліусъ (Oscar Montelius) и Г. Гильдебрандъ (Hans Hildebrand).
Авт.

суды вмѣстѣ съ остатками вымершихъ и еще живущихъ видовъ животныхъ.

Годомъ позже Кристоль (de Christol), въ своей брошюрѣ: „Notice sur les ossements humains des cavernes du Gard“, опубликовалъ объ открытіи имъ въ пещерѣ, около Пондра, въ одномъ и томъ же слоѣ глины, костей человѣка, гіэны, носорога и обломковъ глиняной посуды.

Далѣе подобныя открытія были сдѣланы Э. Дюма въ пещерѣ Сувеньяра, докторомъ Питоромъ—въ Фозанѣ, Эд. Ларте—въ пещерѣ Ориньякъ, Габр. де-Мортилье—въ пещерахъ Мустье и Мадленъ и т. д.

Въ то же время знаменитому французу Буше-де-Перту (Boucher de Perthes), въ цѣломъ рядѣ сочиненій [1]), удалось доказать современность человѣка мамонту, ископаемому носорогу, пещерному медвѣдю и пещерной гіэнѣ, по совмѣстному залеганію остатковъ ихъ въ диллювіальныхъ пластахъ долины р. Соммы.

Всѣ эти грандіозныя открытія въ конецъ поколебали основы многовѣкового рутиннаго убѣжденія о происхожденіи и продолжительности существованія человѣка. Темные ретроградные умы дружно возстали въ защиту своихъ ложныхъ старыхъ доктринъ, но принуждены были преклониться предъ истиной фактовъ, и къ концу XIX вѣка во Франціи путь къ свободному воспріятію научныхъ истинъ о человѣкѣ былъ окончательно расчищенъ.

Ближайшая сосѣдка Франціи, Бельгія слѣдовала по стопамъ первой. Шмерлингъ (Shmerling) нашелъ въ пещерахъ Льежа человѣческія кости вмѣстѣ съ костями мамонта, носорога и вымершихъ плотоядныхъ видовъ и опубликовалъ описаніе ихъ въ своей объёмистой работѣ: „Recherches sur les ossements fossiles découverts dans les cavernes de la province de Liège“, 1833. Въ одной изъ льежскихъ

---

[1]) Boucher de Perthes. „De la création, essai sur l'origine et la progression des êtres“, 1838.—„Antiquités celtiques et antidiluviennes“, Paris, 1847—64 —„De l'homme antidiluvien et de ses œuvres“, 1860.

пещеръ, именно Энгинской, удалось найти черепъ старика, залегавшій въ нетронутой брекчіи подъ зубомъ вымершаго носорога.

Весьма энергично и много работали въ этомъ направленіи и англійскіе ученые. Особенно же выдались труды Лёббока, Ляйэлля и Дарвина.

Ляйэлль, въ „Геологическихъ доказательствахъ древности человѣка“, опубликовалъ цѣлый рядъ интереснѣйшихъ наблюденій и изслѣдованій, указавшихъ на возрастъ человѣка во много разъ бо́льшій, чѣмъ библейскій, считавшійся ранѣе абсолютно вѣрнымъ.

Дарвинъ не работалъ въ области археологіи, но его теорія происхожденія человѣка отъ какого-либо высшаго типа (primates) вымершихъ антропоморфныхъ формъ имѣла громадное вліяніе на развитіе первобытной археологіи, побуждая её къ энергичнымъ поискамъ древнѣйшаго человѣка и его прототипа, не стѣсняясь возрастомъ ихъ существованія.

Что касается развитія доисторической археологіи въ Германіи и Австріи, то до 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія оба эти государства ограничивались подражательными работами, заимствуя методъ и теорію у датскихъ, скандинавскихъ и французскихъ ученыхъ. Съ семидесятыхъ годовъ Германія, гордая успѣхами политической жизни, стремится завладѣть первенствомъ и въ научной области. Съ этою цѣлью германскіе археологи задорно вступаютъ въ полемику со своими учителями, датчанами и французами, и ведутъ её съ замѣтнымъ пристрастіемъ. Изъ наиболѣе видныхъ именъ, потрудившихся въ области германской первобытной археологіи, можно указать на Вирхова, составлявшаго повсюду оппозицію смѣлымъ, но вполнѣ основательнымъ попыткамъ заглянуть какъ можно дальше въ глубь прошедшаго человѣчества, Шлимана, болѣе счастливаго, нежели ученаго изслѣдователя Гиссарлика, Микенъ и Тиринѳа, Дерпфельда, сподвижника Шлимана и продолжателя его работъ, Курціуса, Фуртвенглера, изслѣ-

довавшихъ развалины Олимпіи, Линденшмидта и нѣкоторыхъ другихъ.

Въ Австріи въ послѣднее время являются особенно цѣнными труды чешскихъ ученыхъ: Пича (J. L. Pič) и Л. Нидерле; перваго замѣчательны труды: „Archaeologisky výskym v strednich Čechach", 1893 г., и „Starožitnosti Země České", а второго — „Человѣчество въ доисторическія времена". Изъ венгерскихъ ученыхъ выдѣляются J. Hampel и Dr. Fr. Romer.

Не очень быстро шло развитіе первобытной археологіи и въ Россіи. Причиной такого явленія служила, помимо недостатка научныхъ силъ, обширность территоріи государства. До конца XIX вѣка главное вниманіе русскихъ археологовъ было занято собираніемъ матеріаловъ; обобщающихъ же работъ явилось очень мало. Наибольшее вниманіе обращалось на скиѳскія и греческія древности Россіи, затѣмъ на курганы и городища разныхъ областей.

Среди изслѣдователей скиѳскихъ древностей выдѣляются А. Ашикъ, И. Е. Забѣлинъ, гр. А. А. Бобринскій, Д. А. Бертье-де-ла-Гардтъ и проф. Ѳ. Р. Штернъ. По изслѣдованію кургановъ и городищъ древнихъ народностей выдаются труды гр. А. С. Уварова, гр. П. С. Уваровой, проф. В. Б. Антоновича, В. И. Сизова, А. А. Спицына, В. В. Хвойки, Д. Я. Самоквасова, Д. Н. Анучина и другихъ.

Среди изслѣдователей первобытныхъ древностей каменнаго періода первое мѣсто занимаетъ гр. А. С. Уваровъ. Его крупный трудъ, подъ заглавіемъ: „Каменный періодъ", является лучшимъ въ русской археологической литературѣ. Важны также работы по каменному періоду проф. геологіи А. А. Иностранцева, акад. И. С. Полякова, В. В. Хвойки, А. А. Штукенберга, В. Б. Антоновича, Г. О. Оссовскаго, С. К. Кузнецова, Н. Ѳ. Кащенко, Н. І. Криштафовича.

Недостаточно сильно проявили дѣятельность польскіе археологи и ученые южныхъ славянскихъ государствъ.

Среди первыхъ выдвигаются труды гр. Завиши, Э. Маевскаго и Л. Житынскаго.

Энергичнѣе работали финскіе археологи, среди которыхъ особенно выдѣлились своими трудами Аспелинъ (J. R. Aspelin) и Хакманъ (Hackman).

За Европой въ разработкѣ первобытной археологіи слѣдовала Америка и другія страны, но ихъ работы, являясь подражаніемъ европейскимъ образцамъ, не имѣютъ существеннаго значенія въ развитіи основныхъ законовъ нашей науки.

Таково, въ общихъ чертахъ, въ настоящее время состояніе первобытной археологіи. Въ заключеніе намъ остается отмѣтить, что въ концѣ XIX вѣка выразилось повсюду стремленіе археологіи къ изслѣдованію главныхъ очаговъ древнихъ культуръ, каковыми являются страны Ассиро-Вавилоніи, Египта, Греціи и др. Это стремленіе увѣнчалось такими открытіями, которыя поколебали всѣ представленія о ходѣ, такъ называемой, Всемірной исторіи, удостовѣряя существованіе за установившимися предѣлами ея такихъ высоко развитыхъ культуръ и такихъ сложныхъ международныхъ отношеній, о которыхъ раньше не могло быть никакой рѣчи.

Въ то же время сдѣланы не менѣе энергичные поиски остатковъ третичнаго человѣка, но работы въ этомъ направленіи имѣли менѣе успѣха, и вопросъ о третичномъ человѣкѣ до настоящаго времени остается открытымъ.

Происхожденіе человѣка.

Т. Гёксли, знаменитый англійскій зоологъ XIX вѣка, назвалъ вопросъ о происхожденіи человѣка „вопросомъ всѣхъ вопросовъ человѣчества“; и это совершенно справедливо, такъ какъ въ рѣшеніи его заключается истинное познаніе самого себя, или начало высшаго міровоззрѣнія. Съ глубокой древности человѣкъ стремился къ правиль-

ному рѣшенію этого основного вопроса разумной жизни. За отсутствіемъ положительныхъ знаній онъ пытался найти рѣшеніе въ религіозномъ вдохновеніи, поэтическихъ мечтахъ и догадкахъ. Такимъ образомъ возникли различные сказанія и миѳы, приписывающіе созданіе людей то всесильнымъ богамъ, то чудодѣйственнымъ силамъ природы.

За тысячи лѣтъ до Р. Хр. вавилоняне думали, что Мардукъ, великій богъ древнѣйшихъ семитовъ, создалъ первую человѣческую пару, смѣшавъ глину съ божественной кровью. Варіантъ этого миѳа былъ заимствованъ евреями и введенъ въ ихъ „Библію“ какъ непогрѣшимый догматъ, какъ священный завѣтъ.

Древніе греки и римляне рѣшали вопросъ иначе. Одни изъ ихъ мыслителей полагали, подобно вавилонянамъ, что человѣкъ созданъ богами изъ матеріи; другіе думали, что онъ произошелъ изъ морского ила, путемъ произвольнаго зарожденія; и, наконецъ, по мнѣнію третьихъ, онъ былъ вѣченъ.

Христіанскіе народы восприняли ученіе евреевъ и, слѣдуя ихъ библейскому завѣту, вѣрятъ, что Богъ сотворилъ перваго мужчину — Адама — изъ земли, одухотворивъ его разумной душою, и первую женщину — Еву — изъ ребра Адама. Эта пара людей жила въ земномъ раю, потерянномъ за грѣхи. Отъ нея произошли и размножились всѣ современные люди.

Болѣе тысячи лѣтъ такое воззрѣніе на происхожденіе человѣка оставалось господствующимъ. Первый серьёзный ударъ былъ нанесенъ ему великими открытіями материковъ западнаго полушарія. Рѣшительно не допуская возможности проникновенія въ отдаленныя земли людей Стараго свѣта, христіане стали утверждать, что вновь открытые люди, хотя и похожи на обыкновенныхъ людей, но произошли не отъ однихъ предковъ, не отъ Адама и Евы. Насколько такой взглядъ былъ серьёзенъ, можно судить по тому, что для признанія американскихъ индѣйцевъ настоящими людьми, достойными крещенія и небеснаго

христіанскаго рая, потребовалось особое предписаніе святѣйшаго римскаго папы, которое, однако, не въ силахъ было совершенно уничтожить еретическую теорію о „преадамитахъ“, или людяхъ, происшедшихъ не отъ Адама и Евы.

Въ XVIII вѣкѣ еще бо́льшій ударъ христіанскому догмату причинило открытіе антропоморфныхъ обезьянъ. Въ это время впервые возникли мысли о родственности дикихъ людей съ обезьянами, и, подъ воздѣйствіемъ такихъ могучихъ мыслителей какъ Руссо и Кантъ, создавалась гипотеза о возможности развитія человѣка изъ большихъ антропоморфныхъ обезьянъ.

Въ 1755 году знаменитый естествоиспытатель Линней включилъ человѣка въ общую классификацію животныхъ и назвалъ его, по правиламъ двойной естественно-исторической терминологіи, „Homo sapiens“.

Въ началѣ XIX вѣка былъ провозглашенъ законъ, что природа не дѣлаетъ скачковъ: „natura non facit saltum“. Этотъ законъ требовалъ, чтобы развитіе живыхъ организмовъ совершалось въ непрерывной преемственности и строгой послѣдовательности. По этому закону, если, какъ теперь положительно выяснено, предки наши существовали въ четвертичный періодъ, то предки ихъ должны были существовать въ третичномъ періодѣ и далѣе — въ мезозойской, палеозойской и архейской эрахъ. Но такъ какъ въ древнѣйшихъ эрахъ среди земныхъ существъ не было другихъ животныхъ организмовъ, кромѣ простѣйшихъ и низшихъ въ видѣ инфузоріи, моллюсковъ и т. п., то, слѣдовательно, въ то время и человѣческій предокъ имѣлъ одну изъ тѣхъ же формъ. Послѣ, прогрессивно развивающіяся животныя прошли чрезъ формы рыбъ, пресмыкающихся и, наконецъ, млекопитающихъ; слѣдовательно, на ряду или даже во главѣ съ ними развивались и предки человѣка, пока, наконецъ, не получили и не передали намъ настоящей человѣческой формы, представляющей теперь вѣнецъ органическаго развитія на землѣ.

Въ 1809 году Ж. Ламаркъ, въ своей „Зоологической философіи", положилъ первое и твердое основаніе ученію о трансформизмѣ, или эволюціонной теоріи животныхъ формъ, указавъ на полную подчиненность ей и человѣка.

Позже теорію Ламарка развили и отчасти фактически обосновали еще болѣе знаменитые естествоиспытатели: Уоллесъ, Ч. Дарвинъ и Гёксли. Послѣдніе двое направили свои изслѣдованія на спеціальное рѣшеніе вопросовъ о происхожденіи человѣка, о его животной природѣ и развитіи духовной дѣятельности. Ихъ трудами было положительно установлено, что человѣкъ по своей организаціи и эмбріональному развитію имѣетъ ближайшее сродство съ антропоморфными обезьянами, и что нѣкоторые рудиментарные органы и аномаліи у отдѣльныхъ субъектовъ указываютъ на развитіе человѣка изъ соотвѣтствующихъ животныхъ стадій.

Столь же знаменитый естествоиспытатель Э. Геккель смѣло углубился къ самому корню происхожденія животныхъ организмовъ на землѣ и представилъ схему онтогенетическаго развитія человѣка черезъ низшихъ позвоночныхъ, асцидій и гаструлъ, изъ первородной животной клѣтки. Его докладъ, подъ заглавіемъ: „Происхожденіе человѣка", сдѣланный въ 1898 году на IV Международномъ конгрессѣ зоологовъ въ Кембриджѣ, является итогомъ всѣхъ работъ XIX вѣка по этому вопросу.

Считаясь съ ощутительными пробѣлами палеонтологическихъ свѣдѣній и относительной незначительностью остатковъ древнѣйшихъ животныхъ организмовъ, Геккель всё же нашелъ возможнымъ установить историческую послѣдовательность главныхъ ступеней развитія рода позвоночныхъ и въ правѣ былъ заключить, что „происхожденіе человѣка отъ вымершей третичной цѣпи приматовъ не есть больше туманная гипотеза, но историческій фактъ".

Въ настоящее время, въ началѣ XX вѣка, вопросъ объ онтогенетическомъ развитіи человѣка изъ низшихъ животныхъ существъ находится въ слѣдующемъ положеніи.

Первое появленіе животныхъ на землѣ относится къ концу архейской эры. Астрономія и геологія удостовѣряютъ, что земля первоначально имѣла видъ огненнаго шара, на которомъ существованіе живыхъ организмовъ было совершенно немыслимо. Послѣдніе явились лишь тогда, когда поверхность земли достаточно охладилась; при этомъ одни допускаютъ, что споры простѣйшихъ живыхъ существъ уже отъ вѣка носились и носятся въ міровомъ пространствѣ, попали оттуда на землю и развились въ разнообразныхъ формахъ; другіе полагаютъ, что живыя существа развились изъ вещества и силъ, свойственныхъ самой землѣ.

Независимо отъ положеній астрономіи и геологіи, издревле существуетъ ученіе, что всё въ мірѣ и самый міръ сотворены Богомъ.

Не касаясь здѣсь послѣдняго рѣшенія, относящагося къ области непосредственной вѣры, къ области чувства, религіознаго міропониманія, а не опытной науки, разберемъ, насколько удовлетворительны два первыя рѣшенія интересующаго насъ вопроса, дѣйствительно ли они даютъ намъ отвѣты о началѣ міровой жизни.

Для подтвержденія перваго ученія указываютъ на то, что мелкія и даже крупныя части неземной матеріи, въ видѣ такъ называемыхъ метеоритовъ, постоянно падаютъ на землю изъ мірового пространства. Одинаково съ ними могли попасть на землю изъ того же пространства и жизненные зародыши. Въ наше время споры бактерій всюду носятся въ воздухѣ, выносятъ холодъ въ 200 градусовъ и остаются жизнеспособными безъ всякаго воздуха; слѣдовательно, подобные зародыши могли вѣчно носиться въ міровомъ холодномъ и безвоздушномъ пространствѣ, находясь при этомъ какъ бы въ сонномъ состояніи, пока не попадали въ благопріятныя для своего пробужденія и развитія среды.

Существеннымъ недостаткомъ такого объясненія является, однако, то, что міровыхъ зародышей никому еще

не удавалось наблюдать, да и допускъ такого явленія вовсе еще не рѣшаетъ вопроса, а только переноситъ его рѣшеніе изъ одной болѣе доступной для насъ сферы въ другія, менѣе доступныя.

Для доказательства второй гипотезы указываютъ, что неорганическая матерія земли несомнѣнно обладаетъ творческими силами, благодаря которымъ до настоящаго времени безпрерывно возникаютъ совершенно опредѣленныя индивидуальныя формы кристалловъ, являющихся самыми низшими органическими существами. Возможно, что и первыя живыя органическія существа явились результатомъ подобныхъ творческихъ силъ земной природы.

По мнѣнію Геккеля и другихъ авторитетныхъ естествоиспытателей, живыя ощущенія должны считаться основнымъ свойствомъ всей міровой матеріи; поэтому, при благопріятныхъ сочетаніяхъ физико-химическихъ матеріаловъ и элементовъ движенія, непремѣнно должны явиться формы чувственной жизни. Время охлажденія раскаленнаго земного шара, ознаменовавшееся грандіозными физическими и химическими соединеніями, результатомъ которыхъ явились вода, воздухъ и другія стихійныя явленія, было наиболѣе удобнымъ для развитія земныхъ животворящихъ силъ.

Въ наши дни главныя усилія естествоиспытателей направлены къ обоснованію этой идеи опытами и положительными фактами. Благодаря такимъ усиліямъ, французскій ученый Бонъ, работая подъ руководствомъ знаменитыхъ супруговъ Кюри, положительно установилъ, что слабые лучи радія обладаютъ нѣкоторымъ животворящимъ дѣйствіемъ, оживляя обезсиленные и глубокоусыпленные организмы и побуждая къ развитію неоплодотворенныя яйца животныхъ.

Въ началѣ 1905 года англійскій ученый Бёркъ сдѣлалъ опытъ самопроизвольнаго зарожденія при помощи дѣйствія радія на стерилизованный бульонъ. Въ результатѣ ему удалось получить явленіе микроскопическихъ тѣлецъ—„радіобъ“, повидимому, размножающихся дѣле-

ніемъ, наподобіе одноклѣточныхъ микроорганизмовъ. Бёркъ доказывалъ, что эти-то самовозраждающіеся организмы и есть простѣйшія живыя существа, въ родѣ примитивныхъ бактерій.

Но опыты Бёрка вызвали справедливое сомнѣніе, допускающее, по мнѣнію академика Тарханова, возможность того, что благотворные лучи радія не возбуждали жизнь въ абсолютно мертвой матеріи, а только возвращали къ жизни заключенные въ ней живые организмы, крайне обезсиленные и усыпленные стерилизаціей, какъ это выяснили опыты Бона.

Въ сентябрѣ 1907 года ежедневная пресса сообщила намъ, что профессоръ Сорбоны Ивъ Делажъ достигъ того, что, подъ воздѣйствіемъ особыхъ химическихъ реактивовъ на неоплодотворенныя яйца морскихъ ежей и звѣздъ, заставилъ въ нихъ пробудиться зародыши нормальной жизни, заставилъ ихъ пройти всѣ фазы трансформаціи въ личинки, всѣ естественныя для этихъ животныхъ превращенія и получить возможность умереть въ зрѣломъ возрастѣ.

Хотя, по первымъ извѣстіямъ, еще нельзя принять открытіе Делажа за совершившійся фактъ, но, въ виду научно доказанныхъ опытовъ Бона, Кюри и отчасти Бёрка, мы уже въ правѣ признать этотъ фактъ возможнымъ.

Когда возникли живые организмы, то стали развиваться по законамъ, вложеннымъ въ ихъ сущность и сущность всего мірозданія.

Процессъ эволюціи развитія живыхъ существъ настолько ярко выраженъ въ природѣ, что является вполнѣ доступнымъ нашему наблюденію, и гипотеза о происхожденіи всѣхъ животныхъ формъ отъ одной простѣйшей формы съ каждымъ днемъ получаетъ всё бóльшее и бóльшее число подтвержденій.

По этой гипотезѣ всѣ живые организмы, не исключая человѣка, развиваются изъ одной клѣтки. Отсюда заключаютъ, что первичной животной формой на земномъ шарѣ

была простая клѣтка. Милліарды наиболѣе консервативныхъ простѣйшихъ животныхъ — Protozoa удержали до сихъ поръ эту первичную форму, обозначивъ первый этапъ развитія животнаго царства.

Разъ возникнувъ, живые организмы непремѣнно должны были приспособиться къ окружающей, часто измѣнчивой обстановкѣ и вступить во взаимную борьбу изъ за обладанія наилучшихъ жизненныхъ средствъ. Это служитъ причиной уклоненія отъ первичной формы и появленія все болѣе и болѣе сложныхъ и совершенныхъ существъ.

По мнѣнію Геккеля, второй стадіей развитія животныхъ явилась гаструла, т. е. организмъ, состоящій изъ многихъ клѣтокъ, образующихъ видъ мѣшечка, съ пищеварительной полостью внутри. Зародыши всѣхъ болѣе развитыхъ животныхъ, отъ акефелы до человѣка, непремѣнно проходятъ чрезъ эту стадію развитія; гаструльныя же личинки Pemmatodiscus'a остаются въ этой стадіи до настоящаго времени, обозначая второй этапъ развитія животнаго царства.

Въ послѣдствіи изъ первобытныхъ гаструльныхъ формъ —„гастреадъ"—образовались неподвижныя животныя въ видѣ губокъ, кораллovъ и др., а также подвижныя, изъ которыхъ въ ближайшихъ стадіяхъ развитія образовались черви.

Далѣе слѣдовалъ переходъ высшихъ формъ червей въ насѣкомыхъ, моллюсковъ, иглокожихъ и позвоночныхъ. Въ переходныхъ формахъ отъ червей къ позвоночнымъ, особенно интересными являются асциdіи. Это—маленькія морскія животныя, заключенныя въ скорлуповидную оболочку изъ вещества, похожаго на клѣтчатку. По своему строенію они занимаютъ мѣсто между червями и моллюсками, приближаясь болѣе къ первымъ, чѣмъ ко вторымъ. Въ тѣлѣ этихъ животныхъ имѣется тонкая хрящевая полоска, расположенная какъ хорда или спинная струна, представляющая первый зачатокъ позвоночнаго столба. У ланцетника, стерляди, осетра, акулы спинная струна пріоб-

рѣтаетъ все болѣе и болѣе твердую структуру, а у костистыхъ рыбъ переходитъ въ настоящій позвоночный столбъ.

Отъ жаберныхъ позвоночныхъ рыбъ получили начало легочнодышащія сухопутныя животныя. Возможность такого перехода доказывается существованіями двоякодышащихъ рыбъ (Ceratodus Forsteri) и сухопутныхъ животныхъ (Siredon pisciformis), а также и тѣмъ, что зародыши всѣхъ вообще рептилій, птицъ и животныхъ, со включеніемъ человѣка, имѣютъ въ извѣстные моменты эмбріональнаго развитія формы головастиковъ или рыбъ съ жаберными щелями на шеѣ.

Отъ легочнодышащихъ амфибій произошли сумчатыя и настоящія млекопитающія, на которыхъ, въ настоящее время, закончился циклъ высшаго развитія животнаго царства.

Млекопитающія отличаются образованіемъ плаценты. Плацента или послѣдъ-дѣтское мѣсто — имѣетъ огромное значеніе для развитія зародышей въ утробѣ матери. Дознано, что у родственныхъ видовъ образованіе плаценты совершается одинаково. У низшихъ обезьянъ — лемуровъ — образованіе плаценты идетъ другимъ путемъ, чемъ у высшихъ обезьянъ: у гиббоновъ же и орангъ-утанговъ, по изслѣдованію Зеленки, это образованіе оказалось совершенно одинаковымъ, какъ и у человѣка. Отсюда естественно заключаютъ, что названныя животныя принадлежатъ къ одному семейству съ человѣкомъ. Это первое положительное доказательство кровнаго родства высшихъ представителей царства животныхъ. Второе подобное доказательство кроется въ самыхъ свойствахъ нѣкъ кровей.

Кровь состоитъ изъ сукровицы или кровяной жидкости и кровяныхъ тѣлецъ. Кровь разныхъ животныхъ отличается формой послѣднихъ: кровяныя тѣльца то продолговаты, то круглы, то крупны, то мелки, — словомъ, не одинаковы у рыбы, саламандры, птицы и млекопитающихъ. „Эта глубокая своеобразность крови у каждой группы животныхъ, говоритъ Бельше, обусловливаетъ то, что нельзя

безнаказанно переливать кровь одного животнаго въ кровеносную систему другого, отличнаго отъ него. Въ подобномъ случаѣ двѣ крови какъ бы воюютъ другъ съ другомъ. Кровяная плазма одного животнаго уничтожаетъ кровяныя тѣльца другого. Животное, кровь котораго такимъ образомъ искусственно смѣшана съ чужой кровью, скоро испытываетъ роковыя послѣдствія этой борьбы въ своихъ кровеносныхъ сосудахъ: оно впадаетъ въ судороги и, въ концѣ-концовъ, погибаетъ совсѣмъ, какъ гибнетъ городъ, на улицахъ котораго вспыхнуло кровавое междуусобіе. И это мы наблюдаемъ даже у животныхъ, которыя въ общемъ, пожалуй, стоятъ близко другъ къ другу, напр. у млекопитающихъ. Кровь кошки, впрыснутая собакѣ, разрушаетъ кровь послѣдней, и наоборотъ. Но и тутъ есть граница. Кровь кошки, естественно, не разрушаетъ крови кошки же. Но такое мирное уживаніе крови различныхъ животныхъ наблюдается уже нѣсколько раньше. Очень близко родственныя животныя, легко переносятъ кровь другъ друга. Кровь собаки оказывается настолько близкой къ крови волка, что можно безъ всякой опасности для животнаго смѣшивать кровь одного изъ этихъ съ кровью другого. Точно такъ же обстоитъ дѣло у лошади и осла. Но вотъ недавно изслѣдователь Фриденталь, въ Берлинѣ, сталъ смѣшивать кровь человѣка и обезьяны. Пока для изслѣдованія служили человѣкъ и низшія обезьяны, кровь одного оказывалась ядомъ для крови другого. Но какъ только смѣшали кровь человѣка съ кровью шимпанзе, наступилъ миръ. Граница взаимной враждебности была перейдена: кровь человѣка и человѣкообразной обезьяны оказались настолько подходящими другъ къ другу, что они легко уживались рядомъ“ [1]).

Къ тѣмъ же результатамъ привели недавніе опыты англійскаго физіолога Грюнбаума надъ біологической реакціей крови человѣка и обезьянъ.

[1]) В. Бельше. Происхожденіе человѣка, стр. 23 и 24.

Біологическая реакція крови представляетъ новый способъ опредѣленія родства между животными, отличающійся большею точностью, чѣмъ морфологическія показанія. „Если мы приготовимъ изъ крови кролика кровяную сыворотку и прибавимъ къ этой прозрачной и безцвѣтной жидкости нѣсколько капель крови грызуна другого вида, напримѣръ, морской свинки, то ни произойдетъ ничего необыкновеннаго. Кровь морской свинки сохранитъ свою обычную окраску и красные шарики останутся приблизительно неизмѣнными. Прибавляя къ сывороткѣ кролика, вмѣсто крови морской свинки, нѣсколько капель ея кровяной сыворотки, увидимъ, что эти двѣ прозрачныя жидкости смѣшаются, при чемъ не произойдетъ тоже ничего необыкновеннаго.

„Если же, наоборотъ, мы приготовимъ сыворотку изъ крови такого кролика, которому предварительно была впрыснута кровь морской свинки, то убѣдимся, что сыворотка эта (называемая серумомъ) обладаетъ новыми и поистинѣ удивительными свойствами. Прибавимъ къ этому серуму нѣсколько капель крови морской свинки, мы вскорѣ увидимъ, что эта красная жидкость измѣняется. Изъ мутной она становится прозрачной. Смѣсь сыворотки подготовленнаго кролика и крови морской свинки принимаетъ оттѣнокъ краснаго вина, разбавленнаго водой. Измѣненіе это произошло вслѣдствіе растворенія красныхъ шариковъ морской свинки въ кровяной сывороткѣ подготовленнаго кролика.

„Серумъ пріобрѣлъ и другое, не менѣе достопримѣчательное свойство. Если къ нему прибавить уже не цѣльную кровь морской свинки, а только ея кровяную сыворотку, то смѣсь почти мгновенно помутнѣетъ и въ ней получится болѣе или менѣе обильный осадокъ.

„Итакъ, впрыскиваніе крови морской свинки кролику измѣнило серумъ послѣдняго и вызвало въ немъ новыя свойства: растворять красные шарики морской свинки и давать осадокъ въ смѣси съ кровяной сывороткой того-же животнаго.

„Серумъ животныхъ, подготовленныхъ предварительными впрыскиваніями крови другихъ животныхъ видовъ, часто бываетъ строго специфичнымъ. Въ такомъ случаѣ серумъ даетъ осадокъ только съ сывороткой того вида, кровь котораго была впрыснута, и растворяетъ кровяные шарики только того-же вида. Но существуютъ примѣры, когда сыворотка подготовленнаго животнаго растворяетъ не только красные шарики того вида, кровь котораго служила для впрыскиванія, но также кровяные шарики сосѣднихъ видовъ. Такъ кровяная сыворотка кролика, которому нѣсколько разъ впрыскивали курпную кровь, становится способной растворять не только красные кровяные шарики курицы, но и голубя, хотя въ меньшей степени.

„Этими свойствами серумовъ воспользовались въ судебной медицинѣ для распознаванія происхожденія пролитой крови.

„Какъ извѣстно, часто бываетъ очень важно узнать, происходитъ-ли кровяное пятно отъ человѣческой, или отъ животной крови.

„До послѣдняго времени не умѣли отличить кровь человѣка отъ крови другихъ млекопитающихъ. Поэтому попытались узнать, нельзя-ли растворить красные шарики кровяного пятна серумомъ животныхъ, предварительно привитыхъ человѣческою кровью. Положительный результатъ указывалъ-бы на то, что кровавое пятно происходитъ отъ человѣческой крови. Но вскорѣ нашли, что методъ этотъ недостаточно точенъ. Съ другой стороны, убѣдились въ томъ, что методъ осадковъ даетъ гораздо болѣе опредѣленные результаты. Вотъ, что необходимо для этого. Какому-бы-то ни было животному (кролику, собакѣ, овцѣ, лошади) нѣсколько разъ прививаютъ человѣческую кровь. Спустя нѣкоторое время у этого животнаго берутъ кровь и приготовляютъ изъ нея свѣтлый и прозрачный серумъ, хорошо освобожденный отъ кровянныхъ шариковъ. Если къ полученной кровянной сывороткѣ прибавить нѣсколько капель человѣческой сыворотки, то тотчасъ обра-

зуется осадокъ, падающій на дно сосуда. Такимъ путемъ убѣждаются въ томъ, что приготовленный серумъ достаточно дѣятеленъ; и тогда, съ его помощью, можно отличить человѣческую кровь, даже высохшую. Съ этою цѣлью растворяютъ ея небольшое количество въ физіологическомъ растворѣ и вливаютъ въ пробирку, заключающую серумъ животнаго, привитаго человѣческою кровью. Если черезъ короткое время въ жидкости образуется осадокъ, то это значитъ, что пятно дѣйствительно произошло отъ человѣческой крови. Методъ этотъ начинаетъ уже проникать въ судебно-медицинскую практику.

„Вышеупомянутая реакція интересна для насъ въ томъ отношеніи, что она способна выяснить родственную связь между животными видами. Серумъ животнаго, подготовленнаго кровью курицы, даетъ осадокъ не только съ куринымъ серумомъ, но и съ голубинымъ; онъ остается, наоборотъ, неизмѣненнымъ, если къ нему прибавить серумъ млекопитающихъ. Эта реакція указываетъ, слѣдовательно, что между курицей и голубемъ существуетъ довольно близкое родство. Другой примѣръ: серумъ животнаго, приготовленный съ бычачьей кровью, даетъ обильный осадокъ, если къ нему прибавить немного бычачьей-же кровяной сыворотки, но не даетъ этой реакціи съ кровяными сыворотками цѣлаго ряда другихъ млекопитающихъ, даже съ серумомъ овцы, оленя и лани [1]). Слѣдовательно, родство между бычачьей породой и другими жвачными не настолько велико, какъ родство между курицей и голубемъ.

„Что-же мы видимъ относительно серума животныхъ, привитыхъ человѣческою кровью? То, что серумъ, дающій осадокъ съ человѣческой кровяной сывороткой, обнаруживаетъ подобную-же реакцію исключительно съ серумомъ нѣкоторыхъ обезьянъ (малымъ павіономъ) [2]).

[1]) Uhlenhuth. „Deutsch. Med. Wochenschrift“, 1901, стр. 82.

[2]) Wassermann und Schütze: Berliner Klinische Wochenschrift. 1901. стр. 7.

„Грюнбауму [1]) въ Ливерпулѣ удалось достать довольно значительное количество крови трехъ большихъ человѣкообразныхъ обезьянъ: гориллы, шимпанзе и орангутанга.

„Во-первыхъ, онъ убѣдился въ томъ, что серумъ животныхъ, привитыхъ человѣческою кровью, даетъ осадокъ не только съ послѣдней, но и съ кровью вышеупомянутыхъ человѣкообразныхъ обезьянъ. Оказалось невозможнымъ „отличить этотъ осадокъ, какъ качественно, такъ и количественно, отъ того, который получается съ человѣческою кровью".

„Для контроля этого результата Грюнбаумъ бралъ серумъ животныхъ, привитыхъ кровью гориллы, шимпанзе и орангутанга. Всѣ три вида серумовъ давали осадки съ кровью этихъ трехъ обезьянъ и, въ той-же степени, съ кровью человѣка" [2]).

Такимъ образомъ, вполнѣ оправдалось мнѣніе Дарвина о родствѣ антропоморфныхъ приматовъ съ человѣкомъ и получили большую прочность законы Гексли, говорящіе, во первыхъ, что „анатомическія различія, отдѣляющія человѣка отъ гориллы и шимпанзе, не такъ велики, какъ различія, отдѣляющія этихъ человѣкообразныхъ обезьянъ отъ низшихъ обезьянъ", и во-вторыхъ, что „морфологическія различія между человѣкомъ и антропоморфными восточными обезьянами не такъ велики, какъ различія между этими человѣкообразными обезьянами и собакообразными обезьянами, низшими, узконосыми".

Итакъ, едва-ли возможно болѣе сомнѣваться въ томъ, что кровное родство человѣка съ антропоморфными обезьянами положительно установлено. Однако, сопоставляя эти родственные виды, легко замѣтить и большую разницу, какъ въ деталяхъ ихъ скелетовъ, мускулатурѣ, наружныхъ покровахъ тѣла, такъ и во всемъ складѣ ихъ ду-

---

[1]) „The Lancet" 18 Янв. 1902.

[2]) И. И. Мечниковъ. Этюды о природѣ человѣка, стр. 36—39.

ховной жизни. Все это, несомнѣнно, указываетъ на весьма давнее обособленіе видовъ отъ общаго ихъ корня и совершенно самостоятельное развитіе. А если это такъ, то мы вправѣ полагать, что чѣмъ древнѣе представители этихъ видовъ, тѣмъ сходства между ними должны быть больше. И дѣйствительно, такое положеніе подтверждается палеонтологическими находками.

Современные культурные и дикіе представители человѣческихъ расъ довольно сильно отличаются другъ отъ друга: тѣмъ не менѣе мы во всѣхъ ихъ легко узнаемъ человѣка, какъ по строенію его скелета, такъ и по произведеніямъ его рукъ.

Удаляясь отъ современнаго въ глубь прошедшаго, сначала мы также легко распознаемъ человѣка по тѣмъ же признакамъ, но затѣмъ издѣлія его становятся все грубѣе и грубѣе, дѣлаются спорными и, наконецъ, совсѣмъ неотличимыми отъ естественныхъ предметовъ. Параллельно и скелетъ человѣка становится грубѣе, получаетъ обезьяновидные признаки и, въ концѣ концовъ, становится спорнымъ или даже не узнаваемымъ въ смѣшеніи съ обезьяньими костями.

Подобное явленіе, но въ обратномъ направленіи, замѣчено и по отношенію обезьянъ, древнѣйшіе представители которыхъ оказались съ болѣе выраженными человѣческими признаками.

Недавно (да и теперь еще) противники животнаго происхожденія человѣка основывали свои опроверженія на отсутствіи опредѣленныхъ палеонтологическихъ свидѣтельствъ объ искомой связи человѣка и обезьянъ въ одномъ корнѣ. Они указывали, что найденныя въ разныхъ мѣстахъ ископаемыя обезьяны, въ томъ числѣ и антропоморфныя, существенно не отличаются отъ современныхъ формъ: точно также ископаемые остатки человѣка не указываютъ на болѣе низкую организацію, чѣмъ та, которая встрѣчается у современныхъ дикарей, и такимъ образомъ нисходящія генеологическія линіи обезьянъ

и человѣка будто-бы не направляются подъ угломъ къ одной точкѣ, а идутъ все время параллельно другъ другу.

Однако, послѣ знаменитой находки Дюбуа остатковъ ископаемой обезьяны Pithecanthropus erectus, приведенныя возраженія потеряли рѣшительно всякій смыслъ, такъ какъ этими остатками положительно установлено пересѣкающееся направленіе генеологическихъ линій человѣка и, покрайней мѣрѣ, одной изъ антропоморфныхъ обезьянъ, именно, гиббономъ—Hylobates.

Самой примитивной извѣстной ископаемой формой человѣка является неандертальская. Эта форма характеризуется черепомъ, похожимъ на обезьяній и стоящимъ по своему развитію гораздо ниже череповъ современныхъ дикарей, и генеологическая линія, проведенная отъ насъ на неандертальскихъ людей принимаетъ ясно животное, бестіальное направленіе.

Pithecanthropus erectus Дюбуа принадлежитъ къ древнѣйшимъ представителямъ гиббоновъ. Онъ имѣлъ ростъ равный человѣческому и почти вдвое болѣе современныхъ гиббоновъ, ходилъ вертикальной человѣческой походкой, имѣлъ черепъ, вмѣщавшій значительно большій объемъ мозга, чѣмъ существующіе виды обезьянъ [1]), и приближался настолько къ человѣку, что спеціалисты зоологи и антропологи были въ затрудненіи — поставить-ли его въ среду людей, или въ среду гиббоновъ-обезьянъ. Отсюда очевидно, что и генеологическая линія гиббоновъ, съ удаленіемъ въ глубь вѣковъ, чрезъ Pithecanthropus'а получаетъ направленіе человѣческое.

Слѣдовательно, генеологическія линіи человѣка и гиббона должны сойтись въ одной точкѣ. При научномъ ана-

[1]) Французскій антропологъ Манувріэ опредѣляетъ вѣсъ мозга человѣкообразной обезьяны въ 500, Pithecanthropus'а—въ 870, австрійца въ 1170 и современнаго парижанина—въ 1360 граммовъ; такимъ образомъ Pithecanthropus по вѣсу мозга стоитъ ближе къ человѣку, чѣмъ къ высшимъ антропоморфнымъ обезьянамъ.

лизъ, даже возможно установить образъ того общаго родича, который соединитъ въ себѣ обѣ линіи.

Сравнивая контуры череповъ неандертальскаго человѣка и Pithecanthropus'a, невольно поражаешься сходствомъ ихъ очертаній. Черепа эти не цѣлы, но по счастливой случайности отъ нихъ сохранились одинаковыя части. Ихъ кривыя сверху и сбоку—въ планѣ и разрѣзѣ—представляются весьма похожими. Рѣзко выраженныя надбровныя дуги, отсутствіе чела и сравнительно широкій затылокъ—для нихъ характерны почти въ одинаковой степени. Разницу представляютъ объемы череповъ: неандертальскій черепъ гораздо болѣе черепа Pithecanthropus'a.

Сходные признаки, очевидно, указываютъ на существованіе ихъ у предка обѣихъ генеологическихъ вѣтвей; разница же должна объясняться или прогрессивнымъ развитіемъ этого признака у одной вѣтви, или равномѣрнымъ прогрессивнымъ и регрессивнымъ удаленіемъ обѣихъ вѣтвей отъ общаго ихъ родового ствола.

Должно замѣтить, что неандертальскій человѣкъ жилъ въ четвертичную, а Pithecanthropus въ третичную эпохи. Время, отдѣляющее ихъ другъ отъ друга, огромно: оно, вѣроятнѣе всего, гораздо болѣе времени, отдѣляющаго насъ отъ неандертальскаго человѣка. Поэтому, допуская первое объясненіе разницы объемовъ череповъ, мы вправѣ считать, какъ это и дѣлаютъ многіе изъ спеціальныхъ изслѣдователей вопроса, Pithecanthropus'a за общаго предка современныхъ человѣка и гиббона; допуская же второе, мы вправѣ полагать, что искомая общая форма должна быть среднею между неандертальской и питекантропной. Въ послѣднемъ случаѣ, рѣшающее значеніе могли-бы имѣть ископаемые остатки другихъ видовъ антропоморфныхъ обезьянъ, но къ сожалѣнію, они еще не найдены.

Изъ всего приведеннаго легко усмотрѣть, какое важное значеніе для археолога имѣетъ изученіе обезьянъ, почему мы и позволимъ привести здѣсь небольшой очеркъ этихъ животныхъ.

Обезьяны дѣлятся на два отряда: 1) собственно обезьянъ - Simiae, Pitheci– и 2) полуобезьянъ—Prosimiae.

Отрядъ полуобезьянъ считается низшимъ. Дарвинъ и Геккель считаютъ его и наиболѣе древнимъ, полагая, что изъ этого отряда развился впослѣдствіе отрядъ настоящихъ обезьянъ. По своему внѣшнему виду современныя полуобезьяны очень разнообразны. Ростъ ихъ не великъ, съ кошку и менѣе. Онѣ живутъ на деревьяхъ; питаются растительной и животной пищей; родиной ихъ служитъ Африка, особенно островъ Мадагаскаръ, Индія и большіе острова южной Азіи.

Отрядъ настоящихъ обезьянъ представляетъ высшій отдѣлъ млекопитающихъ. Ростъ и строеніе ихъ тѣла весьма разнообразны: одинѣ похожи на бѣлокъ, другія — на человѣка. У большинства видовъ руки и ноги похожи на руки человѣка тѣмъ, что большіе пальцы ихъ противоставляются остальнымъ. Умственное развитіе выше, чѣмъ у другихъ животныхъ. Общественность также весьма развита. Большинство видовъ живетъ въ лѣсахъ и только немногіе — въ скалистыхъ горахъ. Пищей имъ служатъ плоды и растенія, а также насѣкомыя, яйца птицъ, мелкія позвоночныя животныя и въ исключительныхъ случаяхъ моллюски.

За исключеніемъ Австраліи, обезьяны водятся на всѣхъ материкахъ. Ихъ обширный отрядъ дѣлится на три семейства: 1) узконосыхъ - Catarrhini, 2) широконосыхъ — Platyrrhini, и 3) игрунковыхъ или когтистыхъ—Arctopitheci.

Семейства игрунковыхъ и широконосыхъ обитаютъ въ Америкѣ, преимущественно въ дѣвственныхъ лѣсахъ Бразиліи. Это — небольшія животныя, не крупнѣе собаки и не менѣе бѣлки. Тѣло ихъ тонко и довольно стройно, снабжено длиннымъ хвостомъ; большой палецъ переднихъ конечностей не противополагается прочимъ, какъ въ заднихъ конечностяхъ; ногти то плоскіе, то острые, какъ когти звѣрей. Живутъ исключительно на деревьяхъ; питаются плодами, сѣменами, листьями, цвѣтами, а также

насѣкомыми, науками, птичьими яйцами, птенцами и медомъ. Въ умственномъ и физическомъ отношеніи стоятъ выше полуобезьянъ, составляя какъ-бы связующее звено между отрядомъ полуобезьянъ и болѣе развитымъ семействомъ узконосыхъ обезьянъ.

Узконосыя обезьяны обитаютъ только въ Старомъ Свѣтѣ. Онѣ дѣлятся на два подсемейства: собакообразныхъ—Cynopithеci —и человѣкообразныхъ—Anthropomorpha.

Собакообразныя обезьяны живутъ въ Японіи, Китаѣ, на Малайскомъ архипелагѣ, въ Индіи, Кохинхинѣ, Южной Аравіи, во всей Африкѣ, за исключеніемъ восточной Сахары, и въ Испаніи. Принадлежатъ къ самымъ живымъ и подвижнымъ животнымъ. Обитаютъ на деревьяхъ и скалахъ. Питаются растительной и животной пищей. Ростъ имѣютъ небольшой. Бываютъ съ хвостами и безъ хвостовъ. По умственному и физическому развитію близко стоятъ къ широконосымъ и игрунковымъ обезьянамъ Америки.

Самую высшую по общему развитію группу представляютъ человѣкообразныя обезьяны. Ихъ четыре вида: горилла — Gorilla gina, шимпанзе — Simia troglodytes, орангъ-утанъ — Pithecus satirus, и гиббоны или длиннорукія обезьяны — Hylobates. По устройству и расположенію глазъ и ушей человѣкообразныя обезьяны ближе всего стоятъ къ человѣку. Руки ихъ длиннѣе, а ноги короче, чѣмъ у человѣка: хвоста нѣтъ; за исключеніемъ лица и пальцевъ ногъ, все тѣло покрыто шерстью. Обитаютъ, исключительно, въ тропическихъ лѣсахъ. Для ночлеговъ и жилья устраиваютъ на деревьяхъ гнѣзда въ видѣ платформъ, которыя покрываютъ крышей, защищающей отъ солнца и дождя. Живутъ парами, семьями и обществами. Питаются плодами и животной пищей.

Горилла обитаетъ въ лѣсахъ западной Африки. Это самая крупная обезьяна. Ростъ самцовъ достигаетъ 190 см., т. е. роста высокаго человѣка. Сложеніе его уродливѣй, но гораздо массивнѣе и сильнѣе, чѣмъ у человѣка. Живутъ горилы тѣсными семьями. „Такъ какъ они истребляютъ

большое количество пищи, говоритъ Копенфельсъ, то ведутъ странствующую жизнь: ночуютъ всегда тамъ, гдѣ ихъ застанутъ наступающія сумерки. Поэтому каждый вечеръ устраиваютъ себѣ новое гнѣздо изъ крѣпкихъ, стройныхъ деревьевъ, толщиною немного болѣе 3 см., на высотѣ 5—6 метровъ отъ земли; оно напоминаетъ гнѣздо журавля, располагается между первыми раздѣленіями вѣтвей дерева и свивается изъ зеленыхъ вѣточекъ. Въ гнѣздахъ ночуютъ дѣтеныши, а если имъ холодно, то вмѣстѣ съ ними помѣщается и мать; самецъ же сидитъ, съежившись, у основанія ствола, прижавшись спиной къ послѣднему; такъ проводитъ онъ ночь и охраняетъ своихъ отъ нападенія леопарда. Въ сухое время года, когда въ глубинѣ лѣсовъ замѣчается недостатокъ въ водѣ и пищѣ, гориллы посѣщаютъ плантаціи туземцевъ, гдѣ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ обезьяны, производятъ большія опустошенія". На свободѣ храбро защищаютъ себя и семейства отъ враговъ. Въ неволѣ ведетъ себя симпатично, напоминая болѣе неуклюжаго человѣка, чѣмъ обезьяну. Привязывается къ сторожу. Любитъ общество. Къ дѣтямъ относится очень любезно и снисходительно. Питается обыкновенно кухоннымъ столомъ; пріучается ѣсть ложкой; любитъ жаркое. Весь образъ жизни его напоминаетъ человѣка.

Шимпанзе также живетъ въ тропическихъ лѣсахъ Африки, но область распространенія его значительно обширнѣе. Ростъ немного меньше, чѣмъ гориллы, достигаетъ 170 см. Нравъ на свободѣ довольно дикій; онъ не боится напалать даже на преслѣдующаго его охотника. По словамъ Саважа, „шимпанзе избѣгаютъ по возможности мѣстъ, обитаемыхъ человѣкомъ. Свои жилища, имѣющія больше видъ гнѣзда, чѣмъ хижины, устраиваютъ на деревьяхъ, вообще неособенно высоко надъ почвой", покрывая ихъ густою крышею для защиты отъ дождя. Пища ихъ на свободѣ состоитъ преимущественно изъ растеній и плодовъ. Въ неволѣ они привыкаютъ пользоваться комфортомъ: остаются добродушными: у нихъ довольствіе

выражаютъ смѣхомъ, похожимъ на смѣхъ человѣка; привыкаютъ ѣсть ложками и пить стаканами.

Орангъ-утанъ, что, собственно, значитъ „лѣсной человѣкъ“ обитаетъ въ дѣвственныхъ болотистыхъ лѣсахъ Суматры и Борнео. Ростъ его достигаетъ 135 см. Животное отличается большой силой. Питается преимущественно плодами; въ неволѣ же ѣстъ все, что ему даютъ, не исключая жаренаго мяса и рыбы; пьетъ изъ стакана, обращаясь съ посудой бережно. На свободѣ устраиваетъ себѣ гнѣзда на деревьяхъ. Во время дождя, по словамъ даяковъ, орангъ-утаны прикрываются листьями пандануса и очень большими папортниками. „Въ голосѣ его, говоритъ Брэмъ, можно отличить только два звука: одинъ слабый, свистящій гортанный звукъ, который указываетъ на его душевное волненіе, и другой, — страшный ревъ, напоминающій нѣсколько ревъ испуганной коровы, и выражающій страхъ“. Черепъ молодыхъ очень похожъ на дѣтскій черепъ человѣка, но у взрослыхъ получаетъ сильно выраженныя животныя черты. У старыхъ орангъ-утановъ отрастаетъ борода.

Гиббоны живутъ въ лѣсахъ Ость-Индіи и на большихъ Зондскихъ островахъ. Они отличаются необыкновенно длинными руками. Ростъ ихъ не превышаетъ одного метра. Голова яйцевидной формы; лицо очень похоже на лицо человѣка, дѣтеныши же выказываютъ сходство съ человѣческими дѣтьми и во всемъ организмѣ. Гиббоны обладаютъ громкимъ голосомъ и могутъ пѣть цѣлую музыкальную гамму. При движеніи часто принимаютъ совершенно прямую походку, при чемъ наступаютъ на всю ступню, какъ человѣкъ, и совершенно почеловѣчески держатъ свои длинныя руки по бокамъ тѣла. Любятъ страстно своихъ дѣтей и матери часто купаютъ ихъ для чистоплотности въ рѣкѣ.

Гиббоны дѣлятся на нѣсколько видовъ. Всѣ живутъ въ глухихъ лѣсахъ, избѣгая человѣка. Неволи почти не переносятъ, поэтому жизнь и нравы ихъ менѣе изучены.

Гораздо выше обезьянъ въ природѣ стоитъ человѣкъ. Его главное превосходство надъ антропоморфными обезьянами заключается въ большемъ объемѣ мозга. Чтобы оцѣнить значеніе этого органа, слѣдуетъ указать на то, что микрокефалы, обладающіе наименьшимъ мозгомъ, не выучиваются говорить или пользоваться членораздѣльною рѣчью, этимъ величайшимъ орудіемъ обмѣна и развитія идей, поэтому представляется весьма правдоподобнымъ, что отсутствіе членораздѣльной рѣчи у антропоморфныхъ обезьянъ зависитъ лишь отъ незначительнаго объема ихъ мозга.

Топинаръ, въ своей „Антропологіи“ приводитъ цѣлый рядъ таблицъ съ измѣреніемъ емкости череповъ человѣка и антропоморфныхъ обезьянъ, изъ которыхъ видно, что мозгъ перваго въ три раза болѣе мозга послѣднихъ [1]). Очевидно, этому превосходству человѣкъ обязанъ своимъ удивительнымъ развитіемъ умственныхъ способностей, благодаря которыхъ онъ открылъ искусство добывать огонь, выучился обработывать орудія, необходимыя для личной обороны и добыванія пищи, выучился строить плоты и лодки, чтобы плавать по водѣ и т. п.

Но помимо умственнаго превосходства, человѣкъ надѣленъ и лучшимъ физическимъ строеніемъ. Онъ имѣетъ сильныя ноги, на которыхъ быстро и увѣренно движется, находясь въ вертикальномъ положеніи, при чемъ его высоко поднятая голова получаетъ широкій кругозоръ и вполнѣ господствующее положеніе, а свободныя руки всегда го-

---

[1]) Топинаръ. Антропологія, стр. 41. Измѣреніе емкости черепной полости:

Европейскій человѣкъ, кругл. числомъ	1,500	куб. сантим.
16 гориллъ самцовъ	531	„ „
3 „ самки	472	„ „
3 оранга самца	439	„ „
1 „ самка	418	„ „
7 шимпанзе самцовъ	421	„ „
3 „ самки	404	„ „

товы осуществить зарождающіяся въ головѣ идеи и желанія.

Постоянное стремленіе человѣка къ вертикальному положенію, естественно, отразилось на строеніи и развитіи всѣхъ органовъ тѣла и далеко отклонило ихъ отъ соотвѣтствующихъ органовъ ближайшихъ родственныхъ животныхъ—антропоморфныхъ обезьянъ.

Существуютъ различія и у разныхъ представителей человѣческаго рода. Эти различія касаются какъ существеннѣйшаго человѣческаго признака — объема мозга [1]), такъ и другихъ болѣе второстепенныхъ признаковъ, каковы взаимныя отношенія всѣхъ частей тѣла, строенія волосъ, цвѣта кожи, формы череповъ и т. п. Антропологія, спеціально изучающая человѣческій родъ въ его цѣломъ и въ отношеніи другихъ зоологическихъ группъ, даетъ нѣсколько видовъ классификацій съ подраздѣленіями всего рода на расы, группы, типы и т. п. Основанія классификацій испытывались разнообразныя, но до настоящаго времени ни одна изъ нихъ не признается вполнѣ научно обоснованною и удовлетворяющею всѣмъ практическимъ запросамъ. Трудность дѣленія объясняется близостью и перепутанностью повторныхъ связей между различными группами людей, а также и недостаточностью собранныхъ матеріаловъ.

Изъ старыхъ классификацій заслуживаютъ вниманіе— Линнея и Блуменбаха.

Линней отнесъ человѣка къ первому порядку — Pri-

[1]) Ibid., стр. 218. Емкость череповъ по измѣренію Мортона:

38 Европейцевъ	1534	куб. сантим.
18 Монголовъ	1421	„ „
79 Африканскихъ негровъ . .	1364	„ „
10 Океанійскихъ „ . .	1234	„ „
152 Перувіанца	1234	„ „
25 Мексиканцевъ.	1339	„ „
164 другихъ американцевъ. .	1234	„ „

mates, включавшему, кромѣ человѣка, обезьянъ, полуобезьянъ и летучихъ мышей.

Во главѣ порядка поставленъ человѣкъ—Homo sapiens. Видъ его подраздѣленъ на четыре разновидности или расы: a) Американца (Americani), b) Европейца (Europei), c) Азіатца (Asiatici) и d) Африканца (Aferis). Въ основу дѣленія положены цвѣтъ тѣла, свойства волосъ, характеръ, умственныя способности и др.

Блуменбахъ дѣлилъ человѣческія племена на пять расъ или разновидностей: A) Кавказскую, B) Монгольскую, C) Эѳіопскую, D) Американскую и E) Малайскую. Въ основу дѣленія положены тѣ же внѣшніе признаки, какіе мы видимъ у Линнея, но, кромѣ того, обращено вниманіе на форму черепа и лица.

Классификація Блуменбаха долгое время считалась наиболѣе удовлетворительною и она до сихъ поръ имѣетъ приверженцевъ, какъ въ Германіи, такъ и въ Россіи.

Изъ новѣйшихъ классификацій для археологовъ особенно интересна классификація Топинара, таблица которой нами берется у Ранке (Человѣкъ, т. II, 298). Топинаръ дѣлитъ родъ человѣка на три расы, понимая послѣднія какъ самостоятельные виды: I) Бѣлую, узконосую—leptorrhini; II) Желтую, средненосую — mesorrhini, и III) Черную, широконосую — platyrrhini. Каждая раса характеризуется формой волосъ, показателями череповъ, цвѣтомъ волосъ и кожи, величиной тѣла и типами главныхъ народовъ.

Въ настоящее время существуютъ попытки опредѣленія и первобытныхъ ископаемыхъ расъ. Такимъ образомъ установлено, что древнѣйшею извѣстною расою въ Зап. Европѣ являлась длинноголовая (долихоцефальная). Черепа этой расы характеризуются низкимъ сводомъ, большимъ откосомъ лобной кости и сильнымъ развитіемъ надбровныхъ дугъ. Эти признаки въ черепахъ современныхъ цивилизованныхъ и большинства дикихъ народовъ отсутствуютъ, они имѣются лишь у нѣкоторыхъ племенъ Австраліи, но въ болѣе развитой формѣ мы ихъ находимъ у

гориллъ и гиббоновъ. Самымъ характернымъ черепомъ древнѣйшей длинноголовой расы считается неандертальскій, именемъ котораго нерѣдко называютъ и всю расу. Черепъ найденъ въ 1857 году, въ пещерѣ, а по другимъ показаніямъ — близъ пещеры Неандарталь, около Дюссельдорфа. Вмѣстѣ съ черепомъ были открыты и другія кости скелета. Послѣднія совершенно утратили органическое вещество и легко липли къ языку, т. е. пріобрѣли свойства костей, весьма долго лежавшихъ въ землѣ. Скелетъ отличался мощнымъ развитіемъ: ребра его сильно закруглены: кости конечностей толсты, крѣпки и тяжелы; черепъ съ толстыми стѣнками, узкимъ лбомъ, съ необыкновенно выдающимися надбровными дугами, напоминаетъ черепа антропоморфныхъ обезьянъ; объемъ его вычисляется приблизительно въ 1200 кубич. сантим. и слѣдовательно значительно больше объема самыхъ развитыхъ современныхъ обезьянъ и даже болѣе объема минимальныхъ человѣческихъ череповъ. Ростъ субъекта опредѣляется въ 1,613 м.

Нѣкоторые ученые отрицали всякое археологическое и антропологическое значеніе неандертальскаго черепа, считая его паталогической формой или уродливымъ отклоненіемъ отъ нормальнаго развитія. Но въ настоящее время, стали извѣстны уже многіе черепа древнѣйшаго времени, представляющіе ясно выраженныя черты, свойственныя неандертальскому черепу.

Значительно позже въ Европѣ появилась короткоголовая (брахицефальная) раса. Обыкновенно древнѣйшіе костяки съ короткоголовыми черепами въ Европѣ находятся съ памятниками неолитической эпохи.

Древнѣйшіе обитатели Евр. Россіи такъ же, какъ и Зап. Европы относятся къ длинноголовой расѣ. Черепа ихъ иногда имѣютъ ясно выраженные неандерталоидные признаки т. е. сильно выдающіяся надбровныя дуги, низкій покатый лобъ и развитой затылокъ. Костяки средняго роста, сильнаго сложенія.

Короткоголовая раса въ Россіи появилась поздно. Она, повидимому, пришла съ востока уже въ историческое время.

На этомъ мы закончимъ обзоръ вопроса о „Происхожденіи человѣка“ и скажемъ словами Топинара: „Какова бы ни была тайна мірозданія, но живыя существа представляются намъ теперь такими, какъ будто они произошли другъ отъ друга. Хотя все еще существуетъ много пробѣловъ, но съ каждымъ днемъ число ихъ уменьшается вслѣдствіе неожиданныхъ открытій въ нѣдрахъ земли, въ безднахъ океана или въ какомъ-нибудь уголкѣ земного шара... Несомнѣнно, что человѣкъ удивительнымъ образомъ выдѣляется изъ ряда животныхъ и справедливо господствуетъ надъ всѣмъ живымъ міромъ нашей планеты. Но не слѣдуетъ забывать, что, съ анатомической точки зрѣнія, онъ не представляетъ существенныхъ отличій отъ своихъ ближайшихъ сосѣдей въ зоологической системѣ, т. е. отъ человѣкообразныхъ обезьянъ; у него мы видимъ тѣ же органы, отличающіеся только нѣкоторыми второстепенными подробностями; его органы чувствъ, его ноги, руки, тазъ, грудь, сердце устроены такъ же, какъ и у нихъ, мозгъ его также одинаковъ, за исключеніемъ только объема. Въ физіологическомъ отношеніи мы видимъ то же самое: отправленія человѣческаго тѣла составляютъ почти повтореніе того, что совершается у животныхъ; болѣзни также схожи; единственное отличіе заключается въ количествѣ и степени координаціи умственныхъ способностей, сумма которыхъ обусловливаетъ сужденіе, разсудокъ, умъ“ [1]).

[1]) Топинаръ, Антропологія, стр. 16 и 179.

Классификація человѣческихъ расъ по Топинару.

Показатель носа на живомъ.	Волосы.	Показатель черепа.	Цвѣтъ.	Величина тѣла.	Т и п ы.
I. Бѣлая раса. Узконосые, leptorrhini.	Волнистые, овальный разрѣзъ.	Длинноголовые, долихоцефалы.	Волосы: свѣтлые, красные, темноруссые.	Большая,	Англо-скандинавы или кимрійцы, 1.
				сравнит.	Финны 1, типъ 2.
		Среднеголовые, мезоцефалы.	„	малая,	Средиземцы, 3.
				„	Семиты, египтяне, 4.
		Короткоголовые, брахицефалы.	„ каштановые.	малая,	Лопари, лигуры, 5.
				средняя,	Кельто-славяне, 6.
II. Желтая раса. Средненосые, mesorrhini.	Толстые, прямые, поперечный разрѣзъ круглый, волосы на головѣ длинные, на остальномъ тѣлѣ скудные.	Длинноголовые, долихоцефалы.	Кожа: желтая, краснов.	малая, большая,	Эскимосы, 7. Тегуэлачи, 8.
		Среднеголовые, мезоцефалы (около 76).	„	„	Полинезійцы, 9.
		Короткоголовые, брахицефалы.	„ желтоват. оливков.	„ средняя, малая,	Амер. красн., 10. Гуараниссы, 11. Перуанцы, 12.
III. Черная раса. Широконосые. platyrrhini.	Прямые, поперечный разрѣзъ овальный.	Длинноголовые, долихоцефалы.	Кожа: черная,	большая,	Австралійцы, 13.
			желтоватая,	оч. малая,	Бушмены, (наклонн. къ стеатон.) 14.
			черная.	большая,	Меланизійцы, 15.
	Шерстистые, поперечный разрѣзъ эллептическій.				Типическіе (выдающіяся надбровныя дуги, глубокій корень носа).
		„	„	„	Африканскіе негры вообще, 16.
		Среднеголовые, мезоцефалы (около 76).	„	средняя,	Тасманійцы, 17.
		Короткоголовые, брахицефалы.	„	малая.	Негритосы, 18.

Древность человѣка.

Знаніе человѣку не дается даромъ: за него, обыкновенно, платятся лишеніями и усиленнымъ трудомъ. Можетъ быть, поэтому то люди такъ охотно уживаются съ разъ установившимися, хотя бы и совершенно ложными, взглядами и такъ неохотно принимаются за повѣрку и переработку ихъ.

Недавно, да и теперь еще, всѣ европейскіе народы, изъ которыхъ многіе стоятъ во главѣ современнаго культурнаго движенія, полагали, вслѣдъ полуцивилизованнымъ древнимъ евреямъ, что міръ и человѣкъ сотворены за 5508 лѣтъ до Р. Хр. Эта цифра, въ глазахъ нѣкоторыхъ людей, окружается такимъ ореоломъ святости, что всякое критическое отношеніе къ ней кажется равносильнымъ великому грѣху. Между тѣмъ, другіе древніе народы, стоявшіе въ культурномъ отношеніи неизмѣримо выше евреевъ, оцѣнивали древность человѣка совершенно иначе: индусы полагали, что человѣкъ существуетъ не менѣе 10—12,000 лѣтъ, египтяне—болѣе 30,000, китайцы—129,000 лѣтъ, а „вавилоняне заходили еще дальше, приписывая, по словамъ Шпигеля, своимъ десяти древнѣйшимъ патріархамъ періодъ жизни, въ общемъ равнявшійся 432,000 лѣтъ“. Такія вопіющія противорѣчія лишь, сравнительно, въ недавнее время вызвали научную критику, которая и установила, что ни одна изъ древнихъ датъ не имѣетъ достаточнаго основанія и поэтому не можетъ быть принята за болѣе вѣрную; при этомъ наименѣе близкою къ истинѣ является еврейская дата, такъ какъ даже исторической наукой, на основаніи записей, установлено, что до сотворенія еврейскаго міра, въ цивилизованныхъ государствахъ Азіи и Африки существовали развитые религіозные культы, писанные законы, процвѣтали искусства и различные виды промышленности. Вмѣстѣ съ тѣмъ и вавилонская дата, не поддаваясь точному учету, кажется

совершенно невѣроятною и это, не смотря на послѣднія открытія въ области археологіи, положительно удостовѣрившія, что древность вавилонской культуры, дѣйствительно, громадна. За много вѣковъ до Р. Хр., вавилоняне приступили къ астрономическимъ наблюденіямъ, на основаніи которыхъ ими былъ созданъ календарь, существующій до настоящаго времени. Поправки этого календаря, сдѣланныя сообразно измѣненіямъ небесныхъ явленій, указываютъ на большую древность и даютъ надежду опредѣлить послѣднюю въ болѣе точныхъ цыфрахъ. Но каковы бы ни были эти цыфры, онѣ укажутъ лишь на древность культурной жизни вавилонянъ, на древность ихъ знанія одной изъ высшихъ наукъ—астрономіи, но это далеко не будетъ соотвѣтствовать всей древности человѣка. Рѣшеніемъ послѣдняго вопроса занялись современныя науки. Представители астрономіи, геологіи, зоологіи, археологіи и др. естественноисторическихъ и историческихъ наукъ одинаково ревностно ищутъ основаній для хронологическихъ вычисленій какъ явленій жизни природы, такъ и явленій жизни человѣка.

Въ Европѣ найдены остатки человѣческой культуры въ до-ледниковыхъ и ледниковыхъ отложеніяхъ.

Кроль, на основаніи астрономическихъ вычисленій, опредѣлилъ, что въ сѣверномъ полушаріи послѣдняя ледниковая эпоха началась около 240,000 и кончилась около 80,000 лѣтъ до христіанской эры, имѣя въ это время періоды болѣе мягкой и даже тропической температуры.

Уоллесъ, Дрэперъ, Балль и др. ученые присоединились къ гипотезѣ Кроля и, освободивъ ее отъ нѣкоторыхъ ошибокъ и неточностей, придали ей большую прочность и нѣсколько большую широту.

Въ то же время геологъ Ч. Ляйэлль, изучая опусканіе и поднятіе разныхъ частей европейскаго материка, пришелъ къ заключенію, что продолжительность четвертичной эпохи, когда существовалъ человѣкъ, должна быть болѣе 100,000 лѣтъ.

Археологъ Г. Мортилье, спеціально посвятившій свои труды изученію первобытныхъ древностей, путемъ детальнаго изученіи различныхъ хронологическихъ выкладокъ, убѣдился, что человѣкъ существуетъ отъ 230 до 240 тысячъ лѣтъ.

Сетонъ-Карра исчисляетъ древность палеолитическихъ орудій, найденныхъ въ Индіи, въ 250,000 лѣтъ.

Бурмейстеръ, руководясь наблюденіями надъ скоростью отложенія наносовъ въ долинѣ р. Нила и залеганіемъ въ нихъ разнаго рода культурныхъ остатковъ, опредѣлилъ, что въ Нижнемъ Египтѣ человѣкъ существовалъ въ теченіи 72,000 лѣтъ. Пользуясь такимъ же методомъ вычисленія, Беннетъ-Даулеръ вычислилъ древность человѣческихъ остатковъ, отложенныхъ въ наносахъ дельты Миссисипи, въ 57,000 лѣтъ.

Число подобныхъ попытокъ—выразить древность человѣка въ опредѣленномъ количествѣ лѣтъ, очень велико. Однако, болѣе строгіе мыслители ни одну изъ нихъ не признаютъ за вполнѣ удачную, поэтому и совѣтуютъ относиться къ нимъ съ крайнею осторожностью и даже недовѣріемъ. Вполнѣ присоединяясь къ ихъ строгому суду, мы, съ своей стороны, прибавимъ, что осторожность и недовѣріе, въ данномъ случаѣ, отнюдь не слѣдуетъ понимать, какъ отрицаніе возможности болѣе вѣрныхъ вычисленій. Уроки прошлаго ясно говорятъ намъ, что невозможное для однихъ поколѣній становится возможнымъ для другихъ и очень простымъ и естественнымъ для третьихъ. Въ виду этихъ-то уроковъ, необходимо нетолько не пренебрегать попытками, въ большинствѣ случаевъ, весьма серьезныхъ и остроумныхъ мыслителей, но и тщательно изучать ихъ труды, стараясь выяснить основы ошибокъ и пытаясь замѣнить эти основы другими, пока истина не будетъ достигнута.

Съ послѣднею цѣлью мы остановимся и разсмотримъ здѣсь нѣсколько болѣе характерныхъ и типичныхъ доказательствъ древности человѣка.

Въ настоящее время наибольшимъ значеніемъ пользуются астрономическія вычисленія древности ледниковаго періода и связанной съ послѣднимъ культуры человѣка. Въ основу такихъ вычисленій положены измѣненія въ величинѣ экцентрицитета земной орбиты.

Земная орбита представляетъ эллипсисъ, въ одномъ изъ фокусовъ котораго находится солнце. Форма эллипсиса подвержена измѣненіямъ: она то вытягивается, увеличивая экцентрицитетъ, то расширяется, приближаясь къ формѣ круга. Изучая законы измѣненія формы орбиты, убѣдились въ существованіи подобныхъ измѣненій и въ глубокой древности, и вычислили, что наболѣе вытянутую форму земная орбита имѣла приблизительно за 2.500,000 и 850,000 лѣтъ, а также между 240,000 и 80,000 лѣтъ до начала христіанской эры; при этомъ допускаютъ, что слѣдствіемъ удлиненія орбиты является охлажденіе климата, а слѣдствіемъ послѣдняго — оледенѣнія на землѣ. Если же это вѣрно, то послѣдняя ледниковая эпоха, въ сѣверномъ полушаріи, перемежаясь съ теплыми періодами, должна начаться за 240,000 и кончиться за 80,000 лѣтъ до нашей эры.

Недостаткомъ изложенной гипотезы является, во-первыхъ, то, что доселѣ не найдены признаки ледниковыхъ эпохъ, соотвѣтствующихъ двумъ древнѣйшимъ датамъ: во-вторыхъ, согласно гипотезы, необходимо, что бы сѣверное и южное полушарія не были одновременно подвержены оледенѣнію, но покрывались льдами одно послѣ другого; между тѣмъ, до сихъ поръ, факты не подтвердили этого: увеличеніе экцентрицитета, по гипотезѣ, должно вліять на пониженіе температуры въ областяхъ между полюсами и тропиками, но отнюдь не подъ экваторомъ; слѣды же ледниковъ дилювіальной эпохи наблюдаются и въ тропическихъ областяхъ, а это указываетъ, что оледенѣніе сѣвернаго и южнаго полушарія совершилось одновременно, а слѣдовательно, независимо отъ экцентрицитета земной орбиты; наконецъ, въ третьихъ, остается со-

вершенно невыясненнымъ, достаточно ли вліяніе увеличенія экцентрицитета на климатъ, что бы вызвать оледенѣнія на землѣ. Такимъ образомъ, астрономическую гипотезу лѣтосчисленія древности нѣкоторыхъ геологическихъ явленій и человѣка, въ настоящее время, еще нельзя считать вполнѣ научно обоснованною, а слѣдовательно — вѣрною.

Еще менѣе точными считаются геолого-археологическія попытки опредѣленія древности человѣка въ абсолютныхъ числахъ. Эти попытки довольно разнообразны. Основаніемъ однѣхъ изъ нихъ служитъ простое ариѳметическое отношеніе объема эррозіи или отложенія одной единицы времени къ объему эррозіи или отложенія всего времени; основаніемъ другихъ — скорость движенія мѣстнаго подъема или опусканія земной коры и ледниковъ. Въ обоихъ случаяхъ требуется, чтобы явленія, отъ начала до конца, совершались одинаково равномѣрно, чего, оперируя съ огромными періодами времени, совершенно нельзя допустить.

Во Франціи, въ мѣстечкѣ Э-ле-Бенъ, находятся известковыя скалы, которыя въ ледниковую эпоху были покрыты и отшлифованы ледниками. Однѣ изъ этихъ скалъ до сихъ поръ лежатъ подъ слоемъ щебня, предохраняемыя отъ всякихъ внѣшнихъ вліяній; другія — оставались открытыми со времени отступленія ледника, и, наконецъ, третьи—искусственно обнажены римлянами около 1,500 лѣтъ тому назадъ. Поверхность первыхъ остается гладко отшлифованною; на поверхности вторыхъ образовались эррозіальныя борозды въ $1^1/_2$ аршина глубиною; такія же борозды появились и на поверхности третьихъ, но глубиною всего лишь въ $^1/_{10}$ дюйма. Отсюда, съ нѣкоторыми поправками, сдѣлали выводъ, что, если на образованіе борозды глубиною въ $^1/_{10}$ дюйма требуется 1,500 лѣтъ, то на образованіе борозды въ $1^1/_2$ аршина должно потребоваться 430,000 лѣтъ.

Въ данномъ примѣрѣ, въ основу заключенія положено

два условія: 1) что въ періодъ образованія глубокихъ бороздъ на поверхности скалъ дѣйствовали атмосферныя и другія вліянія совершенно такъ же, какъ и въ періодъ образованія малыхъ бороздъ, и 2) что порода скалъ, въ отношеніи состава и плотности, совершенно однородна.

Первое условіе требуетъ, чтобы, въ продолженіи 430,000 лѣтъ, были одинаковыми и климатъ, и атмосферные осадки. Между тѣмъ, при отступленіи ледника, температура несомнѣнно, была ниже современной и атмосферные осадки обильнѣе.

Известковая порода, въ отношеніи плотности, является крайне непостоянною, а поэтому дѣйствія однихъ и тѣхъ же агентовъ на разные слои ея должны выразиться весьма разнообразно.

Слѣдовательно, вычисленія, сдѣланныя въ Э-ле-Бенѣ, не имѣютъ правильныхъ основаній и поэтому не могутъ считаться вѣрными.

Въ известковыхъ пещерахъ, нерѣдко наблюдается просачиваніе воды, падающей съ потолка въ формѣ капель, осаждающихъ на полу частицы углекислой извести, называемыя сталагмитами. Въ нѣкогда обитаемыхъ пещерахъ, сталагмиты покрываютъ бытовые памятники. Это дало поводъ искать въ сталагмитахъ масштаба времени, по которому можно было бы судить о древности погребенныхъ подъ ними памятниковъ.

Такимъ способомъ Вивіанъ вычислилъ, что, для отложенія слоя сталагмитовъ въ Кентской пещерѣ (въ Англіи), покрывшаго остатки вымершихъ животныхъ мамонтовой фауны и кремневыя орудія человѣка, обитавшаго въ ледниковую эпоху, потребовалось времени 364,000 лѣтъ. Однако, рѣшительно невозможно допустить, что бы, въ продолженіи такого громаднаго періода времени, образованіе сталагмита шло одиноково равномѣрно. Напротивъ, подъ вліяніемъ извѣстныхъ перемѣнъ климата, землятресеній и другихъ агентовъ, образованіе это должно было идти крайне неравномѣрно и даже временами прекращаться совсѣмъ.

Помимо этого, вычисленія объемовъ осадка какъ въ опредѣленную единицу времени, такъ и въ цѣломъ представляются дѣломъ не совсѣмъ легкимъ, почему, напримѣръ, Давкинсъ, остановившись на болѣе крупномъ указателѣ годового осадка, высказалъ мнѣніе, что сталагмитовые слои Кентской пещеры могли образоваться всего лишь въ нѣсколько тысячъ лѣтъ.

Въ общемъ, все это указываетъ, что подобныя вычисленія, при настоящихъ условіяхъ знанія, не могутъ считаться удовлетворительными.

Россія является страною обширнѣйшихъ равнинъ и большихъ тихихъ рѣкъ; поэтому, для русскихъ изслѣдователей особенно важно познакомиться съ попытками точныхъ хронологическихъ вычисленій, сдѣланныхъ при условіяхъ, наиболѣе обычныхъ для Россіи, каковыми представляются вычисленія, основанныя на скорости аллювіальныхъ (водныхъ) и субъаэральныхъ (воздушныхъ) отложеній.

Розіеръ, въ своемъ общирномъ трудѣ „Description de l'Egypte“ (Hist. nat. t. II, p. 494), опредѣляетъ среднюю скорость осадка въ дельтѣ Нила въ 2 дюйма 3 линіи въ одно столѣтіе. Ляйэлль, повѣряя выводъ Розіера, могъ сдѣлать лишь небольшую поправку, полагая, что наростаніе аллювіальной почвы дельты шло со скоростью 2 дюймовъ 6 линій. Но Бурмейстеръ, дѣлая вычисленія для всего Нижняго Египта, увеличилъ эту цыфру до 3 дюймовъ 6 линій.

При искусственныхъ разрѣзахъ, произведенныхъ въ долинѣ Нила, были найдены издѣлія человѣческихъ рукъ на разныхъ глубинахъ, изъ которыхъ наибольшая достигала 200 футъ, почему Бурмейстеръ и опредѣлилъ возрастъ человѣка Нижняго Египта въ 72,000 лѣтъ, а кирпичи, найденные Линатъ-Беемъ въ буровой скважинѣ, близъ дельты Нила, на глубинѣ 72 футовъ, должны имѣть возрастъ почти въ 25,000 лѣтъ. „Но, говоритъ Ляйэлль, если буровыя скважины Линатъ-Бея сдѣланы въ такомъ мѣстѣ, гдѣ рукавъ рѣки былъ засыпанъ въ то время,

когда вершина дельты была нѣсколько южнѣе или далѣе отъ моря нежели теперь, то вышеупомянутые кирпичи могутъ быть относительно очень новыми".

Повидимому, болѣе точныя вычисленія для рѣчныхъ отложеній сдѣланы въ Швейцаріи.

Въ Женевское озеро, близъ Вильнева, впадаетъ потокъ Тиньеръ, образуя небольшую дельту и ежегодно покрывая ее отложеніями гравія и песка. Въ результатѣ, дельта получила форму сплющеннаго конуса. При проведеніи черезъ дельту желѣзной дороги, сдѣланъ разрѣзъ въ 1,000 футъ длины и 32 фута глубины. Въ этомъ разрѣзѣ установлена полная правильность строенія дельты, указывающая, что ростъ ея происходилъ все время равномѣрно подъ однообразнымъ дѣйствіемъ одной и той же причины.

Въ разрѣзѣ, на различныхъ глубинахъ, открыты три культурныхъ слоя, отличавшихся темною окраскою. Первый слой имѣлъ 5 дюймовъ толщины и залегалъ на глубинѣ 4 футовъ подъ современною поверхностью конуса; въ немъ найдены памятники римской эпохи. Второй слой достигалъ 6 дюймовъ толщины и находился на глубинѣ 10 футовъ; въ немъ оказались памятники бронзовой эпохи. Наконецъ третій слой—въ 6—7 дюймовъ толщины—залегалъ на глубинѣ 19 футовъ и содержалъ одинъ человѣческій скелетъ и разные бытовые отбросы неолитической эпохи.

Морло, оцѣнивъ древности памятниковъ римской эпохи въ 16 — 18 вѣковъ, вычислилъ древность памятниковъ бронзовой эпохи въ 3—4 тысячи лѣтъ и древность памятниковъ неолитической эпохи въ 5—7 тысячъ лѣтъ.

Второе вычисленіе сдѣлано Тройономъ, для опредѣленія древности остатковъ свайныхъ построекъ, открытыхъ въ торфяномъ болотѣ близъ Эвердюна, на Невшательскомъ озерѣ. Эвердюнъ основанъ римлянами, въ IV вѣкѣ, на самомъ берегу озера, но съ тѣхъ поръ, благодаря новымъ отложеніямъ, берегъ озера приросъ настолько, что городъ отдѣлился отъ озера полосою суши въ 2,500 футовъ ши-

рины. Допуская, что заростаніе берега совершалось равномѣрно и въ сторону открытыхъ свайныхъ построекъ, Тройонъ сдѣлалъ заключеніе, что, если для образованія прибрежной полосы суши, шириною въ 2,500 футъ, требовалось времени 15 столѣтій, то для болѣе широкой береговой полосы, образовавшейся между берегомъ и свайными постройками, относящимися къ бронзовой эпохѣ, должно потребоваться не менѣе 3,500 лѣтъ.

Пользуясь совершенно такимъ же методомъ, Гильеронъ опредѣлилъ древность свайныхъ построекъ неолитической эпохи, открытыхъ у Тьельскаго моста, между Біеннскимъ и Невшательскимъ озерами, въ 6,750 лѣтъ. Масштабомъ для вычисленій послужилъ приростъ берега Біеннскаго озера, случившійся въ $7^1/_2$ вѣковъ и отмѣченный монастыремъ св. Іоанна, основаннымъ въ началѣ XII вѣка на самомъ берегу озера.

Результаты послѣднихъ двухъ вычисленій особенно важны потому, что они совпадаютъ съ результатами перваго вычисленія, но все же основанія ихъ, даже по собственному признанію изслѣдователей, являются весьма недостаточными.

Въ Россіи подобныхъ попытокъ не было сдѣлано, хотя по многимъ признакамъ, страна имѣетъ для этого особенно благопріятныя условія. Благодаря равнинности, аллювіальныя отложенія русскихъ рѣкъ повсюду отличаются покойнымъ и постояннымъ характеромъ, и въ естественныхъ разрѣзахъ береговъ не разъ встрѣчались культурные слои и нетолько въ одинъ, но и въ два яруса. При внимательномъ отношеніи къ подобнымъ явленіямъ, вѣроятно, не замедлили бы явиться и датирующіе памятники. Нужно полагать, что съ развитіемъ интереса къ изученію древностей, такія попытки и у насъ будутъ сдѣланы.

Русскихъ изслѣдователей болѣе интересовали субъаэральныя (воздушныя) отложенія. Къ такимъ отложеніямъ относится черноземъ южнорусскихъ степей, пред-

ставляющій изъ себя ничто иное, какъ лёссъ, обогащенный органическимъ перегноемъ.

Въ концѣ 60-хъ годовъ XIX вѣка, ботаникъ Рупрехтъ пришелъ къ заключенію, что черноземъ „даетъ ключъ къ абсолютному опредѣленію времени древнихъ періодовъ“ и указалъ на курганы, какъ опорныя пункты, на которыхъ точныя вычисленія вполнѣ возможны.

Позже, другой изслѣдователь, производя археологическія раскопки въ Харьковской и Екатеринославской губерніяхъ, пришелъ, совершенно самостоятельно, къ тѣмъ же выводамъ. Сравнивая толщи слоя чернозема, залегавшаго подъ насыпями кургановъ, съ слоемъ чернозема сосѣднихъ полей, онъ выяснилъ, что черноземъ поля значительно толще чернозема, засыпаннаго курганами, а это убѣждало, что, *за время существованія кургановъ, ростъ чернозема постоянно увеличивался, и что разность толщи чернозема открытаго цѣлиннаго поля должна дать точныя цыфры роста чернозема, если только время прекращенія роста подкурганнаго слоя чернозема будетъ вѣрно датировано.*

Съ цѣлью провѣрки такихъ положеній, былъ произведенъ рядъ тщательныхъ промѣровъ подкурганнаго чернозема и чернозема открытаго поля, шагахъ въ 50 отъ кургана. Въ дѣвственной ковыльной степи окрестностей ж. д. станціи Юзовки, измѣренія дали слѣдующія цифры: для толщи подкурганнаго чернозема—39 см., а для толщи чернозема открытаго поля—76 см. Оцѣнивая максимальный возрастъ кургановъ, содержавшихъ древнѣйшіе погребенія съ окрашенными костяками, въ 4,000 лѣтъ, приходилось заключить, что возрастъ чернозема равенъ приблизительно 8,000 лѣтъ, а наростаніе его выражается 9 миллиметрами въ столѣтіе.

Верстахъ въ пяти къ сѣверу отъ описанныхъ кургановъ, близъ хут. Пески, выполнена вторая группа измѣреній для кургановъ той же древности, на мѣстности, которую лишь недавно стали распахивать, при чемъ получено для подкурганнаго чернозема—33 см., а для черно-

зема открытаго поля 66 см. Приростъ здѣсь совершался медленнѣе, а именно въ одно столѣтіе на 8 мм., но задержка роста чернозема на этой мѣстности имѣлась и въ докурганную эпоху развитія, почему общій возрастъ его оказывается равнымъ предшествующему и можетъ быть оцѣненъ также въ 8 тысячъ лѣтъ; кромѣ того, это явленіе указывало, *что ростъ чернозема совершался пропорціонально первоначальной скорости его развитія.*

Приведенныя вычисленія имѣютъ особенную цѣнность въ томъ отношеніи, что получены на площадяхъ дѣвственнаго и едва тронутаго культурой чернозема.

Въ окрестностяхъ г. Бахмута, на площадяхъ сильно выпаханныхъ, отношеніе столь же древняго подкурганнаго чернозема къ черноземy открытаго поля получилось совершенно другое, а именно, какъ 40 см. къ 62 см. Ненормальность такого отношенія удалось установить промѣромъ толщи чернозема на межѣ, расположенной шагахъ въ 400 отъ кургановъ, гдѣ толща чернозема достигала 78 см. Такъ какъ межа, повидимому, никогда не распахивалась, то толща слоя занятой ею почвы, должна соотвѣтствовать общей толщѣ почвы всего поля, до начала его распахиванія, а это устанавливаетъ то же отношеніе подкурганнаго чернозема къ черноземy открытаго поля, какое получено въ дѣвственной степи, опредѣляя приростъ чернозема въ 1 столѣтіе на 9 мм.

Въ д. Переѣздной, верстахъ въ 20 отъ г. Бахмута, тѣмъ же изслѣдователемъ были открыты обильные остатки стоянки и мастерской кремневыхъ орудій неолитической эпохи. Эти остатки залегали одинаково какъ въ черноземѣ поля, такъ и въ черноземѣ, подстилающемъ насыпь кургана. Слѣдя за расположеніемъ ихъ, легко было установить, что главная масса ихъ залегаетъ на границѣ лесса и чернозема, то внѣдряясь въ первый, то разсѣеваясь во второмъ. Очевидно, обитатель этой стоянки былъ свидѣтелемъ перваго отложенія чернозема въ степи, а слѣдовательно имѣетъ съ нею равный возрастъ.

Необходимо, однако, замѣтить, что большимъ препятствіемъ точности вычисленій служитъ неясность дѣленія чернозема и подстилающаго его лесса. Это препятствіе, мѣстами, бываетъ настолько велико, что вычисленія становятся прямо невозможными. Поля, подверженныя многолѣтнему распахиванію, также не годятся для точныхъ измѣреній.

Не смотря, однако, на всѣ недостатки, произведенныя попытки положительно выяснили, что черноземъ долженъ имѣть большое значеніе, если не въ дѣлѣ абсолютныхъ, то, по крайней мѣрѣ, въ дѣлѣ относительныхъ вычисленій древности, а это далеко не маловажно. Въ будущемъ, повидимому, такую же роль будутъ играть и субъаэральныя отложенія лесса, представляющаго по многимъ признакамъ, совершенно однородное явленіе съ черноземомъ.

Попытка опредѣленія абсолютнаго лѣтосчисленія на основаніи движенія ледниковъ сдѣлана проф. Армашевскимъ. „О продолжительности пребыванія ледниковаго покрова на территоріи Россіи, говоритъ онъ, можно судить отчасти потому, что для перенесенія валуновъ изъ Скандинавіи и Финляндіи до южныхъ границъ распространенія ледника, отстоящихъ иногда болѣе, чѣмъ на 1,000 верстъ, требовалось, по крайней мѣрѣ, 10,000 лѣтъ, такъ какъ средняя годовая скорость движенія ледниковаго покрова къ югу едва ли превосходила 50 саженъ“.

Расчетъ представленъ очень схематично, безъ указанія какъ конечныхъ пунктовъ движенія ледника, такъ и основанія вычисленія годовой скорости.

Многіе геологи полагаютъ, что исходнымъ пунктомъ русскихъ ледниковъ, служила сѣверовосточная Швеція, т. е. Лапландскія горы, приблизительно, у истоковъ р. Торнео. Конечнымъ же пунктомъ ихъ распространенія въ Россіи является г. Кременчугъ. Разстояніе отъ истоковъ р. Торнео до Кременчуга равно 2,150 верстамъ.

Скорость движенія ледниковъ весьма разнообразна: она находится въ прямой зависимости отъ наклона русла

или плоскости теченія, массы льда и окружающей температуры. Разстоянія, проходимыя ледниками въ 1 годъ, варіируютъ между нѣсколькими миллиметрами и 300 метрами; въ среднемъ же—между 40—100 метрами.

Проф. Армашевскій остановился на большемъ указателѣ средней скорости, выразивъ его въ круглой русской мѣрѣ въ 50 саженей. Допуская, что эта цыфра, дѣйствительно, болѣе другихъ соотвѣтствуетъ скорости движенія, находимъ, что русскіе ледники, двигаясь отъ истоковъ Торнео къ Кременчугу, только для одного своего рейса должны потребовать 21,500 лѣтъ. Сокращая это время сообразно высшей скорости, какая извѣстна въ движеніи современныхъ ледниковъ, получаемъ цыфру въ 7,000 лѣтъ, и хотя эта цыфра, скорѣе всего, гораздо менѣе дѣйствительной, все же она ярко рисуетъ съ какими громадными періодами времени должно оперировать, чтобы обнять всю жизнь человѣка и всѣ сопровождающія ее перемѣны въ окружающихъ физическихъ условіяхъ. Въ одну четвертичную эпоху, въ продолженіи которой существованіе человѣка положительно доказано, совершилось большое число весьма крупныхъ событій, требовавшихъ большого количества времени.

Но въ современной наукѣ, все чаще и чаще раздаются голоса въ доказательство существованія человѣка въ предшествующую третичную эпоху и возможно, что этотъ вопросъ получитъ утвердительное рѣшеніе, а это понудитъ увеличить возрастъ человѣка на такой длинный рядъ вѣковъ, о которомъ затруднительно составить, хотя бы какое нибудь, числовое представленіе. Въ этихъ случаяхъ, рѣчь можетъ идти только объ относительной хронологіи древностей.

Опредѣленіемъ относительной хронологіи древнихъ органическихъ остатковъ, а въ томъ числѣ и человѣка, спеціально занимается геологія. Мы позволимъ остановиться и хотя бы вкратцѣ познакомиться съ исторіей земли, установленной на основаніи этой хронологіи.

Геологія всѣ наслоенія земли дѣлитъ на *группы* (groupes, Gruppen); группы дѣлитъ на системы (systèmes, Systemen); *системы* — на отдѣлы (sections, Abteilungen); *отдѣлы* — на ярусы (étages, Etagen), подраздѣляющіеся на *подъ-ярусы* (sous étages, Unter-Etagen), или на *свиты* и *комплексы слоевъ* (assises, Schichtencomplexen).

Соотвѣтственно группамъ, системамъ, ярусамъ, и геологическое время раздѣлено на эры (éres, Aera), періоды (périodes, Perioden), эпохи (époques, Epochen) и вѣка (âges, Zeitalter).

Древнѣйшая группа названа архейскою (ἀρχαῖος—первобытный, первоначальный); изъ послѣдующихъ, первая названа палеозойскою (παλαιός — старый, ζῶον — животное), вторая—мезозойскою (μέσος—средній) и послѣдняя—кайнозойскою (καινός—новый).

Архейская группа слагается изъ двухъ системъ: Лаврентьевской и Гуронской. Въ составъ ихъ входятъ первозданныя кристаллическія породы. Какъ извѣстно, земля нѣкогда была огненножидкимъ шаромъ, со временемъ остывшимъ и покрывшимся твердою корою. Повидимому, громадныя массы архейскаго гранита и были первою оболочкою земли. Позже, подъ вліяніемъ осѣвшей воды, появились слоистыя образованія гнейсовъ, сланцевъ, известняковъ, мраморовъ, антрацитовъ, графитовъ и др. съ богатѣйшими включеніями драгоцѣнныхъ камней, золота, платины, серебра, мѣди и желѣза.

Толща всѣхъ архейскихъ отложеній оцѣнивается въ 30000 метровъ; отсюда можно заключить, какіе необъятные періоды времени потребовались для отложенія всѣхъ этихъ толщъ. По мнѣнію геологовъ, архейская эра длилась больше времени, чѣмъ всѣ остальныя въ сложности.

До сихъ поръ, въ архейскихъ образованіяхъ, ни разу не удалось найти никакихъ органическихъ остатковъ, почему ихъ иногда называютъ азойскими, т.-е. безжизненными (α—безъ ζῶον—животное). Но послѣднее не со-

всѣмъ вѣрно, такъ какъ существуютъ положительные признаки, что вся растительная и животная жизнь получила начало, именно, въ образованіяхъ архейской группы.

За архейской слѣдуетъ палеозойская группа; она дѣлится на пять системъ: 1) кембрійскую, 2) силлурійскую, 3) девонскую, 4) каменноугольную и 5) пермскую. Пласты палеозойской группы слагаются почти исключительно изъ водныхъ осадковъ, каковы пески, песчаники, глины, различные сланцы, мергеля, известняки, доломиты и др. Эти пласты нерѣдко прорѣзываются лавой и друг. продуктами частыхъ и сильныхъ вулканическихъ изверженій; содержатъ много золота, серебра, мѣди, но особенно богаты каменнымъ углемъ, антрацитомъ, нефтью, каменною солью и гипсомъ. Всю толщу наслоеній оцѣниваютъ въ 15—25000 метровъ. Палеозойская эра продолжалась чрезвычайно долго: за ея время успѣла смѣниться вся фауна, такъ что ни одна животная форма не пережила всей эры; суша неоднократно заливалась моремъ и моря вытѣснялись сушей; климатъ преобладалъ теплый и довольно равномѣрный, но къ концу эры замѣтно сталъ холоднѣе, мѣстами же появились ледники.

За время палеозойской эры, материки мало по малу покрылись громадными лѣсами древовидныхъ папортниковъ, хвощей, сигиллярій, лепидодендровъ, а къ концу эры, небольшимъ количествомъ хвойныхъ деревьевъ и саговыхъ пальмъ. Въ то-же время явились первые представители сухопутной фауны: разнаго рода пресмыкающіяся, голые гады—предки высшихъ позвоночныхъ, громадные пауки, скорпіоны, тысяченожки, термиты, сверчки, саранча, кузнечики и др. Море изобиловало моллюсками, кораллами, граптолитами, морскими ежами и лиліями, среди которыхъ плавали ракообразныя и носились ганоидныя и панцырныя рыбы. Земля и море совершенно ожили, но воздухъ не получилъ еще своихъ пернатыхъ гостей.

Палеозойская эра смѣнилась мезозойской. Въ составъ группы ея наслоеній входятъ системы: 1) тріасовая, 2) юр-

ская и 3) мѣловая. Горныя породы—почти исключительно осадочные, среди которыхъ господствовали песчанники, рухляки, сланцы, известняки, доломиты, гипсъ, мѣлъ и друг., кромѣ того, тріасовая система отличается богатыми залежами каменной соли. Вся мощность слоевъ измѣряется въ 1000 метровъ; она гораздо менѣе, чѣмъ у предшествующихъ; но если судить по толщѣ слоевъ о продолжительности потребнаго для ихъ образованія времени, то должно сказать о послѣднемъ, что оно и въ данномъ случаѣ было громадно.

Въ мезозойскую эру совершились рѣзкія измѣненія въ очертаніяхъ моря и суши, но климатъ, повидимому, былъ теплый. Органическій міръ продолжалъ прогрессировать въ своемъ развитіи. Въ первую половину эры, на сушѣ повсюду господствовали безцвѣтковыя растенія: хвощи, древовидные папортники, хвойныя, цикадовыя и др.; но во второй половинѣ флора обогащается новыми видами: среди цикадовыхъ и саговыхъ пальмъ, достигшихъ наивысшаго развитія, явились цвѣтковыя: дубъ, кленъ, ива и друг.

Фауна мезозойской эры богата и разнообразна. Это было время могучаго господства всевозможныхъ рептилій и гадовъ; многіе изъ нихъ достигали громадныхъ размѣровъ и чудовищныхъ формъ. Белодоны, телеозавры, нарейазавры, бронтозавры, динозавры, игуанодоны оспаривали другъ у друга права на существованіе, боролись и гибли, уступая мѣсто болѣе совершеннымъ организмамъ. Только что появившіяся млекопитающія еще не играли роли. Въ воздухѣ царили летающія ящеры, хотя на ряду съ ними кое гдѣ показались и пернатыя птицы. Въ водахъ несли ужасъ и опустошенія ихтіозавры, плезіозавры и имъ подобныя чудовища; съ ними вступаютъ въ соперничество ненасытныя акулы, а во время этой борьбы появляются болѣе совершенныя костистыя рыбы, раки и краббы; въ отрядѣ же малюсковъ получили огромное развитіе аммониты и белемниты.

Послѣдняя кайнозойская группа отложеній для насъ имѣетъ особенное значеніе. Съ появленіемъ вопроса о третичномъ человѣкѣ, отъ археолога требуется основательное знаніе всѣхъ системъ этой группы; ихъ всего три: 1) третичная, 2) четвертичная и 3) современная.

Третичная система подраздѣляется на четыре отдѣла: эоценовый, олигоценовый, міоценовый и пліоценовый. Первымъ двумъ отдѣламъ присваивается названіе палеогенныхъ (παλαιός — древній, γέος — родъ) и вторымъ двумъ — названіе неогенныхъ, (νέος — новый и γένος — родъ).

Въ составъ третичныхъ отложеній входятъ нуммулитовые и раковистые известняки, пески, гравій, глины, прѣсноводные рухляки, гипсъ; изъ полезныхъ ископаемыхъ наиболѣе заслуживаетъ вниманія слои бураго угля. Общая толща этихъ слоевъ исчисляется, приблизительно, въ 1000 метровъ. И только къ концу періода, Европа получила очертанія, близкія къ современнымъ.

Въ то время, климатъ былъ жаркій, подтропическій и лишь въ пліоценовую эпоху сталъ замѣтно холоднѣе, предвѣщая явленіе ледниковой эпохи.

Флора и фауна третичнаго періода представляютъ особенный интересъ въ изученіи эволюціи современныхъ видовъ. Въ это время явились коллективные виды, отъ которыхъ получили начало всѣ наши современныя животныя и растенія. Измѣняясь, природа обогощалась новыми все болѣе и болѣе совершенными представителями. Ляйэлль первымъ установилъ, что чѣмъ новѣе отложенія, тѣмъ они больше содержатъ современныхъ видовъ. Въ лѣсахъ Европы всюду появляются кленъ, букъ, лавръ, платанъ, тропическая пальма, секвоня и фиговое дерево. Среди растеній находятъ пищу и пріютъ сухопутныя маллюски. Helix, Bulimus, Clausilia и др... Жуки, клопы, муравьи, мухи, бабочки, пчелы и множество другихъ насѣкомыхъ оживляли пейзажи, а въ воздухѣ носились орлы, совы попуган, голуби, фламинго и др.

Среди сухопутныхъ начинаютъ рѣшительно господствовать млекопитающія. Получивъ начало въ мезозойской эрѣ въ видѣ нѣсколькихъ ничножныхъ, низкоорганизованныхъ формъ, они, въ третичный періодъ, достигаютъ цвѣтущаго состоянія. Слоны, мастодоны, динотеріи, олени, верблюды, гиппопотамы, антрокотеріи, палеотеріи, волки, медвѣди, гіенны, кошки, махайродусы, обезьяны и имъ под. населяли цвѣтущую землю. Многіе изъ этихъ видовъ вымерли, не доживъ до нашихъ дней, но многіе, видоизмѣняясь, живутъ еще и въ настоящее время. Изъ послѣднихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ обезьяны.

Вопросъ о существованіи обезьянъ въ третичный періодъ въ долгое время служилъ предметомъ ожесточенныхъ споровъ. Знаменитый зоологъ Кювье сказалъ „ископаемыхъ обезьянъ нѣтъ“. Многіе изрѣченіе Кювье сочли непреложнымъ закономъ и, когда послѣдовали открытія, не хотѣли этому вѣрить.

Въ настоящее время положительно выяснено, что обезьяны уже существовали въ эоценовую эпоху и принадлежали тогда къ низшему семейству лемуровъ или полуобезьянъ. Позже появились представители высшихъ семействъ. Повидимому, всѣ третичныя обезьяны Стараго Свѣта принадлежали къ отряду узконосыхъ, который и теперь остается на тѣхъ же мѣстахъ. Въ міоценовыхъ отложеніяхъ Европы распространены остатки Pliopithecus'a; во Франціи открыты остатки Dryopithecus'a, который ростомъ не уступалъ человѣку, и, по мнѣнію Полига, при хожденіи могъ держаться прямо, подобно горилламъ; въ Индіи найдена челюсть Palaeopithecus'a или Anthropithecus'a (пліоценоваго шимпанзе), близко подходящая къ челюсти человѣка. Дюбуа нашелъ на ост. Явѣ остатки обезьяны, названной имъ Pithecanthropus erectus, которую онъ считаетъ переходнымъ видомъ между человѣкомъ и обезьяной. Pithecanthropus ходилъ на двухъ ногахъ прямо, какъ человѣкъ; его черепъ гораздо болѣе развитъ, чѣмъ черепа современныхъ высшихъ обезьянъ. Остатки же самаго че-

ловѣка, до сихъ поръ, еще нигдѣ не найдены, хотя многіе авторитетные ученые утверждаютъ, что найдены издѣлія человѣка, въ видѣ искусственно обработанныхъ кремней.

Третичный періодъ смѣнился четвертичнымъ; его называютъ также дилювіальнымъ, ледниковымъ, постъ — пліоценовымъ, плейстоценовымъ и антропологическимъ. Отложенія четвертичнаго періода состоятъ, преимущественно, изъ рыхлыхъ обломочныхъ породъ: гравія, песка, глины, съ включеніями залежей торфа. Наиболѣе характернымъ явленіемъ періода представляются огромные ледники, покрывшіе всю Скандинавію, Финляндію, большую часть Россіи, Сѣверную Германію, Швейцарію, Шотландію, Сѣверную Америку и др. менѣе значительныя области. Достигнувъ наибольшаго напряженія, ледники отступили, но затѣмъ вновь увеличились и вторично покрыли оставленныя области, хотя и не достигли столь широкаго распространенія, какъ при первомъ движеніи.

Причина явленія ледниковъ не выяснена. Геологія установила лишь фактъ существованія этого феномена и въ болѣе древнихъ геологическихъ эрахъ. Одно несомнѣнно, что явленіе связано съ измѣненіемъ климата. Полагаютъ, что пониженіе градусовъ на 6 цельсія современной температуры и нѣкоторое увеличеніе атмосферныхъ осадковъ могутъ создать совершенно достаточныя условія для развитія ледниковъ.

Двигаясь, ледникъ дробилъ и растиралъ въ порошокъ поверхностые пласты, твердыя частицы увлекалъ съ собою и разбрасывалъ ихъ далеко отъ мѣсторожденія. Ручьи и потоки, обыкновенно обильно вытекающіе изъ подъ льдовъ, также принимаютъ дѣятельное участіе въ разбрасываніи обработаннаго льдами горнаго матеріала. По отступленіи ледника, ложе его оказывается покрытымъ мореною, или слоемъ продуктовъ разрушенія поверхностной почвы, произведеннаго движеніемъ ледника.

Въ Россіи прослѣжено два оледенѣнія. По отступленіи перваго ледника, почва покрылась растительностью и

заселилась живыми существами. Во многихъ мѣстахъ отложились залежи торфа и лигнита съ остатками растеній и животныхъ. Это и есть межледниковыя отложенія. По мнѣнію нѣкоторыхъ послѣдователей, межледниковая эпоха продолжалась отъ 6000 до 8000 лѣтъ. Климатъ въ это время былъ теплѣе современнаго, но потомъ вновь понизился и обусловилъ вторичное появленіе ледниковъ.

Допускаютъ даже три ледниковыхъ и двѣ межледниковыхъ эпохи. Но для площади Россіи это не установлено.

Флора и фауна четвертичнаго періода имѣла крайне пестрый характеръ: виды полярныхъ, умѣренныхъ и теплыхъ странъ то живутъ почти совмѣстно, то далеко расходятся, стремясь занять соотвѣтствующія области.

Представителями флоры являлись дубъ, береза, кленъ, вязъ, липа, букъ, серебристый тополь, орѣшникъ, осина, сосна, ива, верески, осоки, мхи, папортники, хвощи и др. живущіе и теперь виды; но помимо ихъ существовали и угасшіе, таковы мамонтовый дубъ, особые виды тополя, орѣховаго дерева и др.

Фауна характеризуется крупными млекопитающими. Въ Европѣ водились слоны разныхъ видовъ, мамонты, носороги, эласмотеріи, пещерные медвѣди, гіены, два вида дикихъ быковъ, дикая лошадь, олени и множество другихъ видовъ, существующихъ до настоящаго времени; имѣлись даже обезьяны. Среди этой богатой и сильной фауны, выступаетъ человѣкъ и не какъ животнообразное, но какъ культурное существо, обладавшее каменными орудіями и знаніемъ добыванія огня. Но это еще не былъ царь природы, какимъ онъ является въ современную геологическую эпоху, когда успѣлъ вооружиться металлами, паромъ, электричествомъ, радіемъ и др.

Такова исторія земли. Она учитъ о непрерывномъ прогрессѣ развитія организмовъ, завершенномъ, къ настоящему времени, явленіемъ человѣка, обладающаго сильнымъ разумомъ и стремящагося къ достиженію міро-

вой нравственности; но въ то же время исторія земли учитъ, что для достиженія актовъ прогресса требуются ни чудеса творенія, а лишь одно время. И времени, съ момента образованія земли, протекло такъ много, что предъ его цѣлымъ, время жизни человѣка кажется короткимъ мгновеніемъ. А между тѣмъ на глазахъ человѣка уже въ послѣледниковую эпоху, въ природѣ совершились крупныя перемѣны: Европа покрывалась сплошнымъ лѣсомъ, затѣмъ обширныя области получили характеръ степи, и снова покрылись лѣсами. „Мальта и Сицилія отдѣлились отъ Африки, образовался Суэскій перешеекъ, суша, бывшая на мѣстѣ Эгейскаго моря, покрылась водою и Черное море вступило въ сообщеніе съ Средиземнымъ; кромѣ того, Каспійское море соединилось съ Чернымъ, но вскорѣ отдѣлилось отъ него и затѣмъ уменьшилось до такой степени, что въ настоящее время его уровень лежитъ на 25 м. ниже уровня Чернаго моря. За предѣлами Европы разорвалось сообщеніе между сѣверо-восточной Азіей и сѣверо-западной Америкой, а также, можетъ быть, происходили значительныя перемѣщенія суши и моря въ области острововъ, окаймляющихъ азіатскій материкъ съ востока. Въ уровнѣ моря происходили также значительныя колебанія въ разсматриваемый промежутокъ времени; такъ, на сѣверѣ море занимало гораздо болѣе высокое положеніе, чѣмъ теперь, и находятъ скопленіе дилювіальныхъ раковинъ на высотѣ 300 метровъ, надъ современнымъ морскимъ уровнемъ“ [1]).

На все это, конечно, требовалось много вѣковъ и тысячелѣтій.

Для облегченія оріентировки въ исторіи минувшей жизни земли и человѣка прилагаемъ таблицу геологическихъ группъ и системъ, установленную въ 1881 году, на Болонскомъ геологическомъ конгрессѣ:

---

[1]) Неймайръ, М. Исторія земли, т. II, стр. 360—361.

I	II	III	IV
Архейская группа.	Палеозойская.	Мезозойская.	Кайнозойская.
1. Лаврентьевская.	3. Кембрійская.	8. Тріасовая.	11. Третичная.
2. Гуронская.	4. Силлурійская.	9. Юрская.	12. Четвертичная.
	5. Девонская.	10. Мѣловая.	13. Современная.
	6. Каменноугольн.		
	7. Пермская.		

Основы хронологической классификаціи.

При изученіи явленій, весьма важное значеніе имѣетъ хронологія или счисленіе времени. Въ современныхъ наукахъ принято два вида хронологіи: 1) видъ точной или абсолютной и 2) видъ схематической или относительной хронологіи.

Изобрѣтеніе абсолютной хронологіи на точныхъ астрономическихъ основахъ принадлежитъ древнимъ ассиро-вавилонянамъ; изобрѣтеніе же второй хронологіи принадлежитъ современной европейской наукѣ.

Въ основу абсолютной хронологіи положены скорости равномѣрнаго движенія земли вокругъ солнца и собственной оси. Время перваго движенія названо годомъ, второго—сутками. Сутки раздѣлены на часы, минуты и секунды. Такое счисленіе признается вполнѣ удовлетворительнымъ не только для изученія современныхъ явленій земной планеты, но и для изученія подобныхъ явленій на всѣхъ другихъ планетахъ и звѣздахъ, доступныхъ человѣческому наблюденію. Къ сожалѣнію, эта хронологія не можетъ быть примѣнена ко всемъ явленіямъ прошедшаго. Намъ извѣстно, что земля была расплавленнымъ шаромъ,

затѣмъ покрылась корою, на которой появились и мало по малу достигли современнаго развитія флора и фауна. Какъ скоро совершались эти явленія и сколько времени протекло отъ начала ихъ и до настоящаго момента? Современная наука не даетъ отвѣта въ точныхъ цыфрахъ, а поэтому, по необходимости пришлось прибѣгнуть къ помощи относительной хронологіи. Введеніе ея въ употребленіе скоро убѣдило въ большой пользѣ: получилась возможность изучать явленія въ болѣе строгой системѣ и той послѣдовательности, какую они должны были имѣть въ отношеніи времени.

Отъ научной относительной хронологіи требуется, что бы она имѣла въ основѣ *принципъ единства и равномѣрности дѣленія*.

Флора и фауна за періодъ существованія ихъ на земномъ шарѣ, благодаря безпрерывнаго развитія, нѣсколько разъ мѣняли свой видъ. Этими перемѣнами воспользовались и положили ихъ въ основу хронологическихъ дѣленій. Но такъ какъ виды органическихъ существъ измѣняются неодинаково быстро, и являются неодинаково распространенными, то въ основу хронологическаго дѣленія положено развитіе только нѣкоторыхъ морскихъ животныхъ, пользовавшихся наиболѣе широкимъ распространеніемъ и въ смѣнѣ формъ, имѣвшихъ наибольшую равномѣрность. Въ настоящее время, *единицей геологической относительной хронологіи считается тотъ „промежутокъ времени, въ продолженіи котораго весьма распространенныя и, при современномъ состояніи науки, хорошо изученныя морскія животныя въ значительной своей части остаются неизмѣнными“*.

Противъ такой основы дѣленія можно возражать и возражаютъ, но недостатки значительно уступаютъ достоинствамъ, оказавшимъ огромное вліяніе на развитіе науки.

Дѣлались попытки примѣнить геолого-палеонтологическія основы и въ хронологической классификаціи первобытной археологіи; ихъ оставили лишь тогда, когда

убѣдились въ превосходствѣ классификаціи на основахъ прогрессивнаго развитія разныхъ явленій человѣческой культуры. Для ближайшаго ознакомленія съ обоими видами классификаціи, разсмотримъ нѣсколько ихъ образцовъ.

Проф. Равенье предложилъ раздѣлить каменный вѣкъ на эпохи:

1) доледниковую,
2) ледниковую,
3) послѣледниковую и
4) эпоху свайныхъ построекъ.

Основаніе дѣленія, за исключеніемъ послѣдняго пункта, чисто геологическое. Въ настоящее время оно не можетъ быть принято уже потому, что современная геологія допускаетъ не одно, а два и болѣе оледенѣній, посѣтившихъ Европу въ четвертичное время.

Позже классификацію представилъ Пьеттъ (Piette). Онъ назвалъ эпохи ярусами и подраздѣлилъ ихъ на подъярусы и слои, которые назвалъ именами руководящихъ животныхъ. Представленная на Парижскомъ международномъ конгрессѣ антропологіи и доисторической археологіи (1889 г.), классификація его имѣла слѣдующій видъ:

Ярусы.	Подъярусы.	Слои.
Мадленскій	Оленій — cervidienne	Слоновый — elaphienne Оленій — tarandienne
	Лошадиный — equidienne	Лошадиный — hippiquienne Бычачій — bovidienne

Недостатки каассификаціи настолько оказались существенными, что она никѣмъ не была принята.

Эд. Ларте, изучая палеолитическія древности Франціи, установилъ для нихъ четыре эпохи, изъ которыхъ древнѣйшая характеризовалась пещернымъ медвѣдемъ, вторая—мамонтомъ, третья—сѣвернымъ оленемъ, четвертая –дикимъ быкомъ (зубромъ), будто бы въ Европѣ послѣдовательно смѣнившихъ другъ друга. Однако болѣе серьезное изученіе жизни избранныхъ имъ животныхъ указало, что всѣ они водились одновременно, причемъ мамонтъ жилъ въ равнинахъ, вслѣдствіе чего и остатки его чаще всего встрѣчаются въ аллювіальныхъ отложеніяхъ рѣкъ; пещерный медвѣдь предпочиталъ ютиться въ горахъ, почему его остатки особенно часто встрѣчаются въ скальныхъ пещерахъ; сѣверный олень и зубръ, появившись въ Европѣ въ четвертичную эпоху, остаются живы и до настоящаго времени. Столь крупныя ошибки вскорѣ заставили совсѣмъ отказаться отъ классификаціи Ларте. Попытки Гарригу (Garrigou), Гами (Hamy), Дюпона (Dupont) и др. усовершенствовать эту классификацію не привели ни къ чему. Трудами ихъ лишь выяснено, что научная хронологія на палеонтологическихъ основахъ, не можетъ быть построена на преобладаніи только одного или немногихъ видовъ, а можетъ быть построена только на основаніи перемѣны общаго характера фауны, связанной съ измѣненіями климата, почвы и др. условій. На основаніи такого принципа проф. Вальдржихъ построилъ классификацію, которая признается для средней Европы наиболѣе удовлетворительною. Онъ раздѣлилъ четвертичный періодъ на эпохи:

1) арктической или ледниковой фауны.
2) степной или подъарктической фауны,
3) луговой фауны и
4) лѣсной фауны.

„Уже изъ названій этихъ эпохъ, говоритъ Л. Нидерле, видно, что здѣсь дѣло идетъ о различномъ видѣ поверхности и растительности средней Европы и о томъ, что разница въ условіяхъ естественно обусловила и разницу въ

фаунѣ. Полярныя животныя отличаются отъ степныхъ, а эти въ свою очередь, отъ лѣсныхъ. Въ первую эпоху— эпоху ледниковъ и великаго сѣвернаго обледенѣнія большая часть средней Европы представляла изъ себя него-степріимныя равнины, походившія на нынѣшнія тундры или арктическія степи Сибири. Характерными животными были въ эту эпоху разные виды пеструшекъ или лемминговъ, земляныхъ мышей, песцовъ или полярныхъ лисицъ и др., а о томъ, что эти животныя дѣйствительно жили тогда въ большомъ числѣ, свидѣтельствуютъ значительныя количества остатковъ ихъ, найденныя чешскимъ ученымъ г. Машкой (K. Maška) въ Штрамбергскихъ пещерахъ, въ Моравіи. Послѣ этой ледниковой эпохи, когда равнины покрылись болѣе обильною травяною растительностью и сдѣлались похожими на нынѣшнія южно-русскія степи, измѣнилась и ихъ фауна. Въ это время имѣлось уже гораздо больше средствъ для пропитанія, что должно было вызвать большее богатство и разнообразія фауны, а затѣмъ эти условія еще болѣе улучшились въ цвѣтущую эпоху пастбищъ (степныхъ пространствъ, перемежавшихся съ лѣсами), которыя, по мнѣнію Вальджиха, давали пріютъ огромному количеству большихъ травоядныхъ съ мамонтомъ во главѣ. Къ концу дилювія степи отступили понемногу на востокъ, куда за ними послѣдовала и свойственная имъ фауна, именно въ Россію, а оттуда, по южно-русскимъ и пріуральскимъ степямъ, и въ Сибирь. Послѣдняя эпоха—лѣсной фауны съ многочисленными видами оленей, дикихъ кабановъ, бобровъ и т. д., продолжалась въ Европѣ до неолитическихъ временъ и даже до исторической эпохи".

Проф. Иностранцевъ, при описаніи богатыхъ остатковъ неолитической стоянки побережья Ладожскаго озера, также призналъ лучшимъ основаніемъ хронологической классификаціи фаунистическое начало, при чемъ, онъ считаетъ необходимымъ, кромѣ организмовъ вымершихъ, принимать во вниманіе и организмы вытѣсненные совер-

шенно или отчасти изъ данной мѣстности, а равно и вводъ домашнихъ животныхъ, считая въ этомъ послѣднемъ коэфиціентѣ извѣстный признакъ культуры. Сдѣлавъ подсчетъ млекопитающимся, птицамъ и рыбамъ, и выразивъ въ процентномъ отношеніи, какъ вымершіе и вытѣсненные, и прирученные виды для Швейцаріи (I), Ладожскаго побережья (II) и Даніи (III), онъ составилъ прилагаемую таблицу, по которой легко видѣть, въ какомъ отношеніи стоятъ культуры каменнаго вѣка названныхъ областей.

	Швейцарія.		Ладожское побережье.		Данія.	
Вымершихъ животныхъ	1.6%		4.5%		4.7%	
Вытѣснен. совершенно	5.0		11.3		16.6	
. . . . . отчасти	16.4	98,4.	11.3	95.5,	11.9	95.3.
Домашнихъ животн.	10.0		2.2		2.3	
Нынѣ живущихъ . . .	67.0		70.7		64.5	

Остатки каменнаго вѣка Ладожскаго побережья по времени, занимаютъ среднее мѣсто между такими же остатками Швейцаріи и Даніи, находясь ближе къ послѣднимъ, чѣмъ къ первымъ.

Должно согласиться, что такое построеніе хронологическихъ опредѣленій отвѣчаетъ научнымъ требованіямъ, но для изученія археологическихъ памятниковъ оно не всегда возможно какъ потому, что, стоянки древняго человѣка чаще всего совсѣмъ не имѣютъ связи съ большинствомъ представителей современной имъ фауны, такъ и потому, что такое спеціальное изученіе флоры и фауны, какое требуется для подобнаго рода хронологическихъ выкладокъ, не можетъ входить въ кругъ археологическихъ задачъ. Поэтому отдавая дань справедливости подобнаго рода вычисленіямъ, археологи могутъ пользоваться, при благопріятныхъ условіяхъ, ихъ услугами, какъ результатомъ вспомогательныхъ наукъ.

Каждая самостоятельная наука должна имѣть свои средства для удовлетворенія важнѣйшихъ потребностей. поэтому вполнѣ естественно, въ первобытной археологіи

главныя усилія были направлены къ выработкѣ хронологической классификаціи на основахъ человѣческой индустріи.

Внимательное изученіе формъ разныхъ предметовъ древняго быта привело къ заключенію, что обще-человѣческая культура все время прогрессировала и ослажнялась новыми болѣе развитыми и болѣе сложными формами, и что этому общему закону не могутъ противорѣчить частные случаи регресса культуры у отживающихъ или отмирающихъ обществъ. На этомъ основаніи датскіе ученые Томсонъ и Ворсо раздѣлили первобытныя доисторическія времена на три вѣка:

1) каменный 2) бронзовый и 3) желѣзный.

Эта классификація скоро вошла во всеобщее употребленіе, такъ какъ повсюду, гдѣ только производились болѣе тщательныя изслѣдованія остатковъ древнихъ культуръ, можно было примѣнять ее къ дѣлу.

Впослѣдствіи французскіе ученые раздѣлили каменный вѣкъ на два отдѣла:

1) періодъ оббитаго камня и

2) періодъ полированнаго камня.

Такое дѣленіе они основали на томъ, что первоначально человѣкъ дѣлалъ свои каменныя орудія только при помощи оббивки, тогда какъ послѣ онъ прибѣгалъ къ полированію ихъ, хотя и далеко не всегда; напротивъ, и въ періодъ полированнаго камня масса орудій вырабатывалась только оббивкой. Позже Дж. Леббокъ назвалъ эти періоды палеолитическимъ (παλαιός — древній, λίθος — камень) и неолитическимъ (νέος — новый, λίθος — камень), а Г. Мортилье прибавилъ третій періодъ и назвалъ его эолитическимъ (ἕως — заря, начало, λίθος — камень), обозначивъ имъ культуру третичнаго человѣка. Идя далѣе, этотъ ученый создалъ цѣлую шкалу второстепенныхъ дѣленій, которыя даютъ болѣе детальное представленіе развитія культуры въ зап. Европѣ, начиная съ древнѣйшихъ третичныхъ временъ и кончая историческими. Вотъ таблица этой интересной классификаціи:

Времена.		Вѣка.	Періоды.	Эпохи.
Современныя четвертичныя.	Историческія.	Желѣзный.	Меровингскій.	Вабенская (Вабенъ, На-де-Кале.
			Римскій.	Шандоленск. (Шандоланъ, Сена и Уаза).
				Люгдюньенская (Ліонъ, Рона).
	Протоисторическія.		Галатскій.	Беврэйская (Монп-Беврэй, Ньевръ).
				Марнская (департаментъ Марны).
				Галльштатская (Галльштатъ, Верхняя Австрія).
		Бронзовый.	Цыганскій.	Ларнодская (Ларно, Юра).
				Моржская (Моржъ, кантонъ де-Во, Швейцарія).
		Каменный.	Неолитическій.	Робенгаузенск. (Робенгаузенъ, Цюрихъ).
				Тарденуазская (Феръ-анъ-Тарденуа, Эна).
Древнія четвертичныя.			Палеолитическій.	Турасская (Турасъ, Верхняя Гаронна).
				Мадленская (Мадлена, Дордонь).
				Салютрейская (Солютре, Сона и Луара).
				Мустьерская (Мустье, Дордонь).
				Ашельская (Сентъ Ашель, Сомма).
				Шелльская (Шелль, Сена и Марна).
Третичныя.			Эолитическій.	Пюикурнійская (Пюи-Курни, Кантонъ).
				Тенэйская (Тенэ, Луара и Шеръ).

Недостатки классификаціи Г. Мортилье заключаются въ томъ, что она носитъ лишь мѣстный характеръ и поэтому не можетъ быть примѣнена къ дѣлу общечеловѣческой культуры. Указывали также на многіе примѣры находокъ даже во Франціи, не подходившихъ подъ типы установленныхъ періодовъ и доказывавшихъ другую послѣдовательность культурнаго развитія.

„Въ этихъ упрекахъ, говоритъ Л. Нидерле, не мало справедливаго, но тѣмъ не менѣе классификація Мортилье удержалась и выдержала даже новое испытаніе на съѣздѣ,

въ Марсели, въ 1891 году. Какъ оказалось ее принимаютъ даже противники Мортилье: подраздѣленія Картальяка (Cartaillac), Ами (Hamy), Буля (Boule), Пьетта (Piette), д'О-дю-Мениля (d'Aut-du-Mesnil), Сальмона (Ph. Salmon) и др., въ основаніяхъ своихъ ничѣмъ не отличаются отъ дѣленія Мортилье. Причина этого заключается въ томъ, что если бы классификація Мортилье и не была вѣрна хронологически (для Франціи, такъ какъ для остальныхъ странъ Западной Европы она не подходитъ), то она все таки очень удобна *типологически*. Если и не вполнѣ справедливо то, что человѣческая индустрія шла во Франціи (и въ остальной Европѣ) хронологически, именно, этими пятью ступенями, установленными Г. де-Мортелье, то все-таки, несомнѣнно, что въ примѣненіи къ общему характеру типовъ издѣлій, классификація эта оказывается весьма полезною. Въ Чехіи она была принята впервые для классификаціи четвертичныхъ находокъ проф. Вальдрихомъ. Но мы не можемъ, во всякомъ случаѣ, имѣть здѣсь въ виду точную хронологическую послѣдовательность. Находки мадлэнскаго характера въ Чехіи, напр., хронологически не соотвѣтствуютъ (ни абсолютно, ни относительно) этой эпохѣ Мортилье". То же самое, какъ мы увидимъ ниже, можно сказать и про находки того же характера въ Россіи.

Весьма любопытное и оригинальное примѣненіе классификаціи Мортилье къ древностямъ Сиріи даетъ Бланкенгорнъ [1]), дополнившій ее абсолютной хронологіей.

I) Эолитическій періодъ, говоритъ Бланкергорнъ, въ Сиріи не доказанъ.

II. Древнепалеолитическій (Шельскій) періодъ характеризуется первымъ движеніемъ человѣка изъ внутреннихъ странъ Азіи на западъ.

III. Среднепалеолитическій (Мустьерскій и Салютрейскій) періодъ, современный послѣднему межледниковому,

[1]) Zeitschrift für Ethnologie 1905, Heft II und III.

ознаменовался появленіемъ человѣка въ долинахъ рѣкъ и на берегахъ Средиземнаго моря. Въ стоянкахъ финикіянъ этого времени найдены кремневыя и костяныя подѣлки. Въ составъ фауны входили: носорогъ — Rhinoceros tichorhinus, быкъ—Bos primigenius, бизонъ—Bos priscus, олень—servus elaphus, свинья—sus scrofa, лошадь—equus caballus, медвѣдь—ursus и др.

IV. Позднепалеолитическій (Мадленскій) періодъ современенъ позднѣйшей дилювіальной или послѣдней ледниковой эпохѣ. Стоянки характеризуются обильными костяными подѣлками. Въ стоянкахъ найдены человѣческія кости съ признаками людоѣдства. Бытъ—охотничій.

V. Отъ 10,000 до 5,000 лѣтъ до Р. Хр.—раннiй неолитическій періодъ. Появляются шлифованныя каменныя издѣлія въ видѣ топоровъ и долотъ, а также керамика и мастерскія каменныхъ орудій. Фауна остается въ составѣ предыдущаго періода.

VI. Отъ 5,000 до 2,000 лѣтъ до Р. Хр.—позднеолитическій періодъ. Выясняются первые признаки земледѣлія и скотоводства; основываются первыя поселенія въ равнинахъ. Жилищами служатъ землянки, искусственные пещеры и гроты, выдолбленные при помощи каменныхъ орудій. Появляются каменныя постройки и жилища, окруженныя земляными валами. Каменныя издѣлія состоятъ изъ ножей, пилъ, серповъ, полированныхъ топоровъ и подѣлокъ изъ кости. Въ числѣ домашнихъ животныхъ имѣется овца, корова, свинья, коза. Сооружаются мегалитическіе памятники, дольмены, кромлехи, каменные очаги. ставятся менгиры. Племена—досемитическія и доханаанскія, это— такъ называемые великаны: Хоримъ, Гебалена и др. Возникаютъ первые города: Гебалъ (Библосъ), Сидонъ, Тиръ, Гевронъ, Дамаскъ и др.

VII. Отъ 2,000 до 1250 года до Р. Хр. — бронзовый періодъ. Раса семитическая, допзральская: аморитяне, финикійцы, геттиты. Замѣтны культурныя теченія изъ Египта и Вавилона. Предметы домашняго быта дѣлаются

изъ бронзы, мѣди, кости и камня. Глиняная посуда груба, изъ красной глины, съ раскрашенной поверхностью. Возникаютъ сооруженія изъ каменныхъ столбовъ, вытесанныхъ и поставленныхъ въ рядъ; сооружаются храмы; практикуются человѣческія жертвоприношенія; начинается воздѣлываніе маслянічнаго дерева и винограда.

VIII. Отъ 1250 до 1050 года до Р. Хр.—древнежелѣзный періодъ. Вторичное семитическое населеніе Палестины, въ составъ котораго входятъ Филистимляне, Израильтяне, Эдомиты, Моавиты и Аммониты. Начинаютъ пользоваться желѣзомъ, но бронза остается во всеобщемъ употребленіи. Кремневыя издѣлія встрѣчаются еще часто. Замѣтно вліяніе финикійской культуры. Появляются образцы голубой и зеленоватой глиняной посуды съ орнаментомъ въ видѣ лѣстницы, остродонные кувшины, широкіе сосуды съ длинными шейками и глиняныя лампочки.

IX. Отъ 1,050 до 600 года до Р. Хр. — израильскій, царскій періодъ. Открывается начало историческаго времени. Предметы домашняго быта дѣлаются изъ желѣза, бронзы и кремня. Глиняная посуда лѣпится изъ сѣроватой, синеватой и красной глины; окрашивается въ черный или красный цвѣтъ; орнаментъ состоитъ изъ волнообразныхъ и геометрическихъ линій и фигуръ.

X. Отъ 600 до 0 лѣтъ до Р. Хр. — періодъ чужеземнаго владычества въ Сиріи, преимущественно вавилонянъ, персовъ и греко-ассирійцевъ. Вводится греческая культура. Желѣзо преобладаетъ. Кремневыя орудія становятся рѣдкими. Появляется черная керамика съ блестящей поливой.

Приведенная классификація особенно интересна опытомъ соединенія хронологіи относительной съ абсолютной.

Въ данномъ случаѣ, это обусловливается какъ прекраснымъ изученіемъ археологическихъ памятниковъ страны, такъ и соприкосновеніемъ ея съ культурными странами, весьма рано вступившими въ сферу исторической жизни. Опытъ Бланкенгорна не единственный: были попытки созданія подобныхъ классификацій и ранѣе и позже, такъ.

въ 1904 году, Рейнакъ въ своей статьѣ о раскопкахъ Эванса и др. лицъ въ Кносѣ и на островѣ Критѣ (L'Anthropologie, 1904, № 3—4), далъ слѣдующую хронологическую классификацію древностей критской культуры.

I. 4,500—2,800 до Р. Хр. Неолитическая эпоха. Характерны для эпохи глиняные идолы.

II. 2,800—2,200 до Р. Хр. Первая миносовская эпоха. Начало сношеній съ Египтомъ (XII династія). Появленіе на о. Критѣ мѣди и бронзы.

III. 2,200 - 1,900 до Р. Хр. Вторая миносовская эпоха. Сношенія съ Египтомъ и Архипелагомъ (о. Мелосъ).

IV. 1,900 – 1,500 до Р. Хр. Третья миносовская эпоха. Постройка второго дворца. Развитіе керамики и живописи. Критская письменность.

V. 1,500—1,200 до Р. Хр. Микенская эпоха. Зооморфическая керамика. Центръ міровой цивилизаціи переносится въ Пелопонесъ. Послѣдній критскій царь Идоменей переселяется (около 1,200 г.) изъ Крита въ Италію. Критъ затѣмъ впадаетъ въ варварство.

Подобнымъ образомъ, А. Спицынъ, въ статьѣ „О постепенной смѣнѣ культуръ на сѣверовостокѣ Россіи“ дѣлитъ памятники названной области на шесть періодовъ:

I. Періодъ около Р. Хр. Мѣдная культура.

II. Періодъ отъ I до II вѣка по Р. Хр. Культура типа Ананьинскаго могильника. Скиѳскіе кинжалы; кривые ножи; бляхи съ изображеніемъ волка, оленя и др. Культура имѣетъ отношеніе къ племени Роксоланъ.

III. Періодъ отъ III до IV вѣка по Р. Хр. Культура получаетъ мѣстный характеръ. Центръ ея Обь, за Ураломъ.

IV. VII вѣкъ. Появляются болгары и вносятъ совершенно новыя культурныя формы. Торговый центръ переносится съ Оби на Каму. Подѣлки Востока и Кавказа, характерныя для этого времени, привозятся болгарскими купцами въ обмѣнъ на мѣха и рабовъ.

V. VIII—X вѣка. Періодъ арабской культуры.

VI. XI вѣкъ. Начало вліянія русской культуры.

VII. Періодъ XIII—XIV. Культура съ ярко выраженными особенностями.

Приведенные примѣры, прежде всего ясно указываютъ на необходимость соединенія обоихъ видовъ хронологическихъ классификацій и настоятельно необходимой выработки относительной хронологіи на такихъ основахъ, которыя бы столько же были бы общи всѣмъ человѣческимъ культурамъ, какъ обще имъ абсолютная хронологія.

Перейдемъ къ обзору хронологическихъ системъ, принятыхъ или возросшихъ на русской почвѣ.

Господствующею въ Россіи является классификація Лёббока съ подраздѣленіемъ каменнаго періода на палеолитическую и неолитическую эпохи. Распространителемъ ея былъ гр. А. С. Уваровъ, дополнившій классификацію введеніемъ средней переходной эпохи, но послѣднее дѣленіе у насъ пока не привилось. Преждевременная смерть этого выдающагося русскаго археолога не позволила ему разработать и довести до конца классификацію русскихъ древностей. Его работу закончилъ проф. Д. Я. Самоквасовъ. Въ своемъ трудѣ „Основанія хронологической классификаціи могильныхъ древностей Европейской Россіи“, онъ дѣлитъ время на эпохи:

1) Киммерійскую, до VII в. до Р. Хр.
2) Скиѳскую, VII—II вѣка до Р. Хр.
3) Сарматскую, II в. до Р. Хр. по V в. по Р. Хр.
4) Славянскую, VI—XI в. по Р. Хр.
5) Половецко-татарскую, XII—XIV в. по Р. Хр.

„Могильники киммерійской эпохи отличаются отъ могильниковъ послѣдующихъ историческихъ эпохъ главнымъ образомъ тѣмъ, что не содержатъ въ себѣ оружія и орудій домашняго быта изъ желѣза, а содержатъ только предметы быта изъ глины, кости, камня и бронзы“.

Скиѳская и сарматская эпохи характеризуются содержаніемъ оружія и разныхъ орудій домашняго быта изъ желѣза, а также бытовыхъ предметовъ классической цивилизаціи, предметовъ искусства древнихъ грековъ и рим-

лянъ, иногда съ греческими и латинскими надписями: греческихъ и римскихъ монетъ; терракотовыхъ, стеклянныхъ, золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, иногда съ изображеніями сценъ изъ греческой и римской миѳологіи и сценъ изъ скиѳскаго быта; золотыхъ вѣнковъ, повязокъ, серегъ, ожерелій, браслетъ, перстней, камей, бляхъ, фибулъ и другихъ украшеній классическаго искусства; оружія и вооруженія греческой и римской работы, напримѣръ, мечей съ ажурными греческими ручками, иногда украшенными фигурными и узорчатыми золотыми бляхами, чешуйчатыхъ панцырей изъ бронзовыхъ и желѣзныхъ пластинокъ, римскихъ фибулъ и т. д.".

Въ славянскую эпоху совершается притокъ предметовъ византійскаго искусства, въ видѣ монетъ, тканей и др., помогающихъ отличить древности славянской эпохи отъ древностей предыдущихъ культуръ.

Половецко-татарская эпоха характеризуется предметами, датированными византійскими монетами XII вѣка, золотоордынскими монетами татарскихъ хановъ и др.

На VIII Археологическомъ Съѣздѣ, гдѣ проф. Самоквасовъ впервые изложилъ основы своей классификаціи, послѣдняя была подвергнута всестороннему обсужденію, при чемъ указано, что въ Россіи введеніе этнографическихъ терминовъ въ относительной хронологіи опасно и преждевременно.

Гр. А. А. Бобринскій устанавливаетъ слѣдующія дѣленія:

I) Эпоха каменнаго вѣка.

II) Эпоха энеолитическая. Заканчивается въ VII—VI в. до Р. Хр...

III) Эпоха скиѳосарматская. Вліяніе греческой культуры. VI—II вв. до Р. Хр. (Иныя поздніе могилы достигаютъ, можетъ быть, первыхъ вѣковъ до и послѣ Р. Хр.; эпоха La Tène въ Западной Европѣ).

IV) Эпоха вліянія римской культуры. Время почти неизслѣдованное, отъ II в. до Р. Хр. до III в. по Р. Хр.

V') Эпоха великаго переселенія народовъ. III—VI вв. по Р. Хр.

VI) Эпоха славянская. Время куфическихъ монетъ VI—IX вв.

VII) Эпоха великокняжеская. Византійское вліяніе. Періодъ X—XII вв. по Р. Хр.

Въ сущности эта классификація страдаетъ тѣми же недостатками, какъ и предшествующая.

Подводя итоги ко всему сказанному, мы прежде всего замѣчаемъ отсутствіе единства основной терминологіи, затѣмъ—отсутствіе единства принциповъ въ построеніи классификаціи,—отсутствіе связи частныхъ классификацій съ общею и, наконецъ, полную непригодность въ общей относительной хронологіи этнографическихъ основъ дѣленія.

Не говоря уже про термины низшихъ дѣленій, мы видимъ на каждомъ шагу необыкновенный произволъ въ употребленіи даже общихъ терминовъ. Такихъ терминовъ въ первобытной археологіи имѣется всего три: 1) вѣкъ, 2) эпоха и 3) періодъ. Казалось бы ничего нѣтъ проще, какъ условиться въ одинаковомъ употребленіи такого ограниченнаго числа терминовъ, но на дѣлѣ вышло не такъ, и трудно найти двухъ авторовъ классификацій, которые бы воспользовались терминами одинаково. Чаще же всего, не только разные, но и одинъ и тотъ же авторъ въ одной и той же работѣ, даже въ одной и той же главѣ, употребляетъ одни и тѣже термины различно и противорѣчиво. Такъ можно видѣть терминъ „вѣкъ“ въ обозначеніи высшихъ дѣленій, а термины „періодъ“ и „эпоха“ въ дѣленіяхъ подчиненныхъ ему, и въ значеніи „столѣтъ“ или въ самой низшей градаціи относительной хронологіи. То выдвигается на первое мѣсто терминъ „періодъ“, то „эпоха“; то всѣ эти термины, въ одной и той же работѣ капризно свиваются, путаются, занимая то первое, то второе, то третіе мѣсто. Это, конечно, лучше всего характеризуетъ юность живой и сильной науки,

когда ея многочисленные адепты еще не вышли изъ сферы диллетантизма и, не считаясь ни съ своими, ни съ чужими предшествующими трудами, спѣшатъ сказать слово по одному лишь вдохновенію.

Принятіе или непринятіе того или другого научнаго термина всегда зависитъ отъ добровольнаго соглашенія, основаннаго на сознаніи превосходства на данномъ мѣстѣ, именно, этого, а не другого изъ нихъ. Иногда такое соглашеніе подтверждается рѣшеніемъ ученыхъ обществъ, съѣздовъ и т. п. Выше мы упомянали, что въ 1881 году международный Болонскій конгрессъ естествоиспытателей установилъ дѣленіе времени исторіи земли на „эры“, дѣленіе эръ—на „періоды“, періодовъ—на „эпохи“ и эпохъ на „вѣка“. Такой порядокъ дѣленія времени слѣдуетъ принять и для первобытной археологіи. Исключенію подлежитъ только терминъ „вѣкъ“, неудобный въ относительной хронологіи нашей науки тѣмъ, что совпадаетъ съ „вѣкомъ“ въ значеніи столѣтія. Исключенный терминъ можно замѣнить „порой“.

Послѣ чего получимъ слѣдующую шкалу терминовъ въ ихъ взаимно-подчиненномъ отношеніи къ первому: I) эра, II) періодъ, III) эпоха и IV) пора.

Ведя далѣе поправки, мы ставимъ, на мѣсто этнографическихъ, индустріальныя обозначенія дѣленій и получаемъ для палеолитическаго времени два, для неолитическаго — два, для бронзоваго—два и для желѣзнаго—одинъ терминъ.

Хронологическая классификація, основанная на принципѣ развитія индустріи.

Эра.	Періодъ.	Эпоха.	Пора.
Кайнозойская.	Индустріальная.	Каменный.	Эолитическая.	Сомнительныхъ орудій.
			Палеолитическая.	Тесанныхъ орудій (ранняя пора).
				Сколотыхъ орудій (поздняя пора).
			Неолитическая.	Полированныхъ орудій (ранняя пора).
				Сверленыхъ орудій (поздняя пора).

Эра.	Періодъ.	Эпоха.	Пора.
Кайнозойская.	Индустріальная.	Металлическій.	Бронзовая.	Мѣдныхъ орудій (ранняя пора).
				Бронзовыхъ орудій (поздняя пора).
			Желѣзная.	Желѣзныхъ орудій.

Приводимъ характеристику нашей классификаціи:

I *Индустріальная эра*, совпадаетъ съ кайнозойской эрой развитія земной коры и животнаго царства, представляющей послѣднее крупное дѣленіе въ классификаціи геологіи и палеонтологіи. Эра, въ культурномъ отношеніи, характеризуется памятниками мануфактурнаго производства.

1. *Каменный періодъ*, соотвѣтствуетъ четвертичному и отчасти современному періодамъ геологіи.

А. Эолитическая эпоха соотвѣтствуетъ третичному періоду геологіи. Въ продолженіи эпохи появились на землѣ признаки искусственнаго огня и каменныя, на столько несовершенныя орудія, что ихъ затруднительно отличить отъ случайныхъ осколковъ камня.

В. Палеолитическая эпоха соотвѣтствуетъ четвертичному періоду геологіи. Памятниками культуры человѣка служатъ остатки несомнѣнно искусственнаго огня, тесанныя кремневыя орудія и другіе предметы быта.

а) Пора тесанныхъ орудій является древнѣйшею въ эпохѣ и характеризуется кремневыми орудіями, сдѣланными посредствомъ оббивки цѣлой гальки или желвака и приспособленными для работы отъ руки; это такъ называемые типы шельскій и сентъ-амельскій.

в) Пора сколотыхъ орудій составляетъ позднійотдѣлъ палеолитической эпохи. Свойственныя порѣ орудія представляютъ осколки, отбитые однимъ ловкимъ ударомъ отъ нуклеуса или куска кремня, спеціально подготовлен-

наго для выработки орудій и затѣмъ нѣсколько подправленные по краямъ вторичной оббивкой. Приготовленныя такимъ способомъ орудія имѣютъ одну сторону совершенно плоскую, а противоположную—съ двумя или нѣсколькими гранями, и въ общемъ имѣютъ видъ плосковатый. Это—мустьерскій и мадленскій типы классификаціи Мортилье.

С. Неолитическая эпоха соотвѣтствуетъ современному періоду геологіи, и характеризуется появленіемъ полированія и сверленія каменныхъ орудій, а также керамикой.

а) Пора полированныхъ орудій—ранняя въ неолитической эпохѣ. Типы каменныхъ орудій разнообразны, но датирующими служатъ сравнительно рѣдкіе полированные экземпляры и глиняная посуда.

в) Пора сверленныхъ орудій—поздняя въ неолитической эпохѣ, датируется сверленными, сплошь полированными топорами—молотами.

2) *Металлическій періодъ* соотвѣтствуетъ современному періоду геологіи.

А. Бронзовая эпоха характеризуется появленіемъ мѣдныхъ и бронзовыхъ орудій и соотвѣтствуетъ небольшому отдѣлу современнаго періода геологіи.

а) Пора мѣдныхъ орудій—древнѣйшая въ эпохѣ. Въ эту пору на ряду съ господствующими разнообразнѣйшими каменными орудіями, появляются первые сначала крайне рѣдкіе, экземпляры, сдѣланные изъ чистой, или съ природной примѣсью мѣди.

в) Пора бронзовыхъ орудій—позднѣйшая въ эпохѣ. Кремневыя орудія становятся рѣже, преобладаютъ сверленные топоры и прекрасно оббитыя кремневыя стрѣлы. Масса оружія и орудій выдѣлывается изъ бронзы или сплава мѣди съ оловомъ, свинцомъ и друг.

В. Желѣзная эпоха соотвѣтствуетъ послѣднему небольшому отдѣлу современнаго періода геологіи и характеризуется явленіемъ желѣзныхъ орудій.

Разсматривая нашу классификацію въ отношеніи хронологической классификаціи геологіи и палеонтологіи, мы видимъ между ними полную органическую связь. Археологическая классификація является развитіемъ послѣдняго звена геологической хронологіи. По нашему мнѣнію, такимъ же естественнымъ и прямымъ развитіемъ послѣдняго или послѣднихъ звеньевъ археологической классификаціи должны явиться и всѣ классификаціи историческихъ древностей. Такимъ лишь путемъ установится и поддержится необходимая связь первобытной археологіи, съ одной стороны съ ближайшими естественными науками, а съ другой стороны, съ науками чисто историческими.

Опредѣленіе памятниковъ первобытной археологіи

Подъ опредѣленіемъ памятниковъ первобытной археологіи слѣдуетъ разумѣть: 1) признаніе пользованія ими человѣкомъ, или 2) признаніе ихъ произведеніями рукъ человѣка.

Чѣмъ позже памятники, тѣмъ болѣе они походятъ на историческіе и современные, тѣмъ легче ихъ опредѣленіе и тѣмъ большимъ требованіямъ должно удовлетворять ихъ опредѣленіе. Но помѣрѣ увеличенія древности, памятники становятся всё менѣе и менѣе похожими на современные и опредѣленіе ихъ становится всё болѣе и болѣе затруднительнымъ; послѣднее, вѣроятнѣе всего, было бы и совсѣмъ недоступнымъ, если бы только мы не овладѣли общимъ закономъ развитія культуры, указывающимъ на безпрерывный общій прогрессъ. Поэтому непреложному для культуры всего человѣчества закону всѣ памятники жизни человѣка развивались изъ болѣе простыхъ въ болѣе сложныя и совершенныя формы. Отсюда, идя назадъ, въ глубь прошедшаго, возможно заранѣе предвидѣть предшествующія, болѣе прототипныя формы изучаемыхъ памятниковъ.

Зная, что палеолитическія каменныя орудія очень грубы, мы вправѣ заключить, что въ предшествующее время они должны быть еще грубѣе и, въ концѣ концовъ должны быть простыми камнями, подобранными на поверхности почвы. Существованіе послѣдняго вида орудій возможно допустить лишь у человѣка самыхъ древнихъ временъ, у человѣка, только что выдѣлившагося отъ общаго родового ствола животныхъ-приматовъ. Памятники этого начальнаго періода существованія человѣка для науки представляютъ выдающійся интересъ и они повсюду, во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, дѣятельно отыскиваются.

Понятно, что для успѣшныхъ поисковъ необходимо знать или имѣть хотя бы гипотетическое представленіе объ искомомъ.

Животныя низшихъ классовъ не имѣютъ орудій, но обезьяны иногда пользуются камнями и сучьями деревьевъ.

„Чимпанзе, говоритъ Ч. Дарвинъ [1]), въ естественномъ состояніи разбиваетъ каменьями одинъ изъ туземныхъ плодовъ, похожій на грѣцкій орѣхъ [2]). Ренгеръ [3]) безъ всякаго труда выучилъ американскую обезьяну разбивать такимъ образомъ пальмовые орѣхи, и она впослѣдствіи по собственному побужденію разбивала каменьями другого рода орѣхи и коробки. Она пользовалась тѣмъ же способомъ для очистки плодовъ отъ мягкой коры, вкусъ которой ей не нравился. Другая обезьяна выучилась открывать крышку большаго ящика палкой, и впослѣдствіи употребляла палку вмѣсто рычага, когда хотѣла сдвинуть что-либо тяжелое. Я самъ видѣлъ, продолжаетъ Дарвинъ, какъ молодой орангъ всунулъ палку въ щель, положилъ руку на противоположный конецъ и дѣйство-

[1]) Ч. Дарвинъ. Происхожденіе человѣка. Перев. проф. И. Сѣченова, изд. О. Н. Поповой, стр. 55 со ссылками на

[2]) Savage and Wyman in „Boston Journal of Nat. Hist.“ vol IV, 1843—44, p, 383;

[3]) „Säugethiere von Paraguay“, 1830, pp. 51—56.

валъ ею совершенно какъ рычагомъ... Я видѣлъ молодого оранга, который покрывалъ и защищалъ себя соломенной рогожей, каждый разъ, какъ ему предстояло быть битымъ".

Бремъ, во время своего путешествія съ герцогомъ Кобургъ-Готскимъ, участвовалъ въ вооруженномъ нападеніи на толпу павіановъ въ проходѣ Менза, въ Абиссиніи. Обезьяны эти начали сбрасывать съ горы такую массу камней, изъ которыхъ многіе были величиной съ человѣческую голову, что нападающіе были принуждены поспѣшно удалиться, и проходъ былъ фактически недоступенъ для каравана на нѣкотое время. Замѣчательно, что здѣсь обезьяны дѣйствовали сообща. Уоллесъ [1]) три раза видѣлъ, какъ самки оранга, сопутствуемыя дѣтенышами, „отламывали вѣтви и большіе колючіе плоды деревьевъ съ явнымъ выраженіемъ злобы и бросали внизъ такой градъ метательныхъ снарядовъ, что фактически не было возможности приблизиться къ дереву. Я много разъ видѣлъ, что чимпанзе кидаетъ въ людей, дразнящихъ ихъ; а вышеупомянутый павіанъ съ мыса Доброй Надежды даже приготовилъ для этой цѣли грязь.

Въ зоологическомъ саду обезьяна, у которой зубы были плохи, имѣла привычку разбивать орѣхи камнемъ, и сторожъ увѣрялъ меня, что она всякій разъ прятала потомъ камень въ солому и не позволяла ни одной изъ обезьянъ дотрогиваться до него".

Изъ приведенныхъ примѣровъ, можно составить нѣкоторое понятіе о самыхъ первобытныхъ формахъ орудій человѣка: они не могли быть ниже, чѣмъ орудія современныхъ обезьянъ, но они и не могли значительно отличаться отъ послѣднихъ, а слѣдовательно, вполнѣ вѣроятно, что первыми орудіями человѣка, дѣйствительно, были естественные камни, обломки дерева и другіе подобные предметы.

---

[1]) „The Malay Archipelaho" vol. 1, 1869, p. 87.

Возникаетъ вопросъ, возможно ли подобные предметы отличить отъ естественныхъ, небывшихъ въ услуженіи человѣка. Повидимому, для громаднаго большинства случаевъ это совершенно невозможно. Особенно ненадежно дерево, которое, если и сохранится отъ глубокихъ временъ, то все же въ значительной степени утратитъ свою внѣшнюю форму. Лучше—камни: они долговѣчнѣе и лучше сохраняютъ на себѣ всякіе слѣды, въ родѣ отколовъ, забоинъ, очень возможныхъ при раскалываніи камнями твердой скорлупы плодовъ и костей животныхъ.

Въ опредѣленіи отношенія подобныхъ предметовъ къ человѣку, гораздо большее значеніе должны имѣть комбинаціи ихъ при отложеніи въ почвѣ. Если бы въ разрѣзѣ чистой однородной почвы, въ видѣ, напримѣръ, лёсса, обнаружилось небольшое пятно, обозначенное рядомъ болѣе или менѣе однотипныхъ некрупныхъ камней, обломковъ древесныхъ сучьевъ, скорлупы разбитыхъ орѣховъ, сломанныхъ костей животныхъ и т. п., совокупнаго нахожденія которыхъ невозможно было бы объяснить никакими естественными причинами, то мы, конечно, были бы вправѣ заключить, что комбинація ихъ составлена при участіи какого-то разумнаго существа, пользовавшагося этими предметами съ опредѣленною цѣлью. При научномъ критическомъ изслѣдованіи планировки этихъ предметовъ въ почвѣ, изученіи ихъ формъ и породъ, предположеніе можетъ получить значеніе факта.

Такимъ образомъ, имѣется возможность опредѣленія самыхъ примитивныхъ памятниковъ дѣятельности человѣка, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они не носятъ никакихъ признаковъ искусственной обработки. Для археологіи такое положеніе чрезвычайно важно, такъ какъ благодаря его, наша наука получаетъ возможность вести фактическое изученіе жизни человѣка до самыхъ первыхъ моментовъ ея существованія.

Успѣхъ поисковъ этихъ древнѣйшихъ слѣдовъ жизни человѣка много зависитъ отъ знанія, гдѣ, на какихъ гео-

графическихъ площадяхъ, болѣе возможны такіе слѣды. Изслѣдователю, желающему принять участіе въ рѣшеніи вопроса о существованіи пліоценоваго человѣка на площади Евр. Россіи, необходимо знать физическую карту того времени, потому что было бы совсѣмъ неразумно искать слѣды человѣка въ отложеніяхъ морей, но вполнѣ разумно искать ихъ на берегахъ послѣднихъ и другихъ водныхъ источниковъ. Такія карты даетъ геологія.

Насколько затруднительны подобные поиски, можно судить потому, что до настоящаго времени самые первобытные памятники еще нигдѣ не были найдены. Это— задача, безусловно, будущаго.

Нѣсколько легче опредѣляются памятники, оставленные человѣкомъ на второй стадіи его развитія, когда онъ научился искусственно обработывать камень, дерево и кость, а также сталъ пользоваться огнемъ.

Мы разсмотримъ каждый изъ этихъ факторовъ культуры и оцѣнимъ насколько они доступны опредѣленію каждый въ отдѣльности и комбинаціяхъ.

Обработка камня, премущественно, кремня легко могла возникнуть отъ случайныхъ расколовъ и забоинъ необработанныхъ камней во время ихъ употребленія въ дѣло. Замѣтивъ, что при этомъ получаются острые осколки, годные для рѣзьбы и рубки, и что самые камни могутъ получить болѣе пригодные для дѣла формы, человѣкъ, естественно, могъ пожелать и пожелалъ сдѣлать преднамѣренные отколы и расколы камня, а это и было началомъ новой стадіи культурнаго развитія, новой эрой искусственно обработанныхъ орудій. Само собой разумѣется, что первые искусственно обработанные камни мало или даже и совсѣмъ не отличались отъ естественныхъ осколковъ и обломковъ камней, разбросанныхъ въ разныхъ горизонтахъ земной коры; ихъ искусственное происхожденіе можетъ быть установленнымъ лишь въ комбинаціяхъ.

Болѣе доступными опредѣленію являются осколки кремня, полученные при помощи накаливанія камня на

огнѣ, способомъ, практиковавшимся, по нѣкоторымъ даннымъ, въ глубочайшей древности и практикующійся теперь лишь у чрезвычайно консервативныхъ дикарей Андаманскихъ острововъ и у австралійцевъ центральнаго Квинслэнда. Эти осколки, хотя и не легко отличаются отъ осколковъ кремня, растрескавшагося при естественномъ огнѣ, напримѣръ, при огнѣ пожаровъ, воспламененныхъ молніей, вулканическимъ изверженіемъ, треніемъ сухихъ вѣтвей деревьевъ, взрывомъ газовъ и т. п., но все же ихъ искусственное происхожденіе легче опредѣлить уже потому, что въ природѣ подобные имъ осколки встрѣчаются чрезвычайно рѣдко.

Характернымъ признакомъ кремней, бывшихъ въ сильномъ огнѣ, служатъ ихъ безцвѣтность и матовость, яркость и дробность изломовъ, трещиноватость и т. п. Самымъ лучшимъ способомъ ознакомленія съ характеромъ этихъ предметовъ являются опыты, доступные при всякой обстановкѣ.

Вполнѣ опредѣлимыми, кремневыя подѣлки становятся лишь тогда, когда къ производству ихъ примѣнены пріемы болѣе высшей техники. Эти пріемы Г. Мортилье называетъ *отколомъ*—percussion,—*оббивкой*—martellement — и *нажимомъ*—pression. Онъ даетъ имъ довольно точное опредѣленіе, принятое повсюду.

Отколъ производится ударомъ молота или вообще твердаго предмета по обрабатываемому кремню съ цѣлью отдѣленія осколковъ требуемой формы. Ударъ, въ этомъ случаѣ, необходимо направлять на болѣе ровную плоскость. Обработка кремневыхъ кругляковъ начинается, именно, съ подготовки такой плоскости, называемой „*плоскостью удара*". Когда такая плоскость имѣется, то ударомъ по краю ея стараются отдѣлить возможно болѣе длинные и тонкіе осколки и пластины—lames. Каждый изъ отбитыхъ кусковъ непремѣнно сохраняетъ часть плоскости удара, которая составляетъ одинъ изъ характерныхъ признаковъ искусственности откола.

Но болѣе важнымъ и рѣшающимъ признакомъ является, получаемая при этомъ, „*раковистость излома*“—conchoïde de percussion и щербина—esquillement de percussion—на вершинѣ выпуклости излома; та и другая представляютъ слѣдствіе одинѣхъ и тѣхъ же причинъ: быстроты, ловкости и силы удара.

„Присутствіе на какомъ нибудь образцѣ трехъ признаковъ: плоскости удара, раковистости и щербины излома, по мнѣнію Мортилье, не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ намѣренномъ отколѣ, въ дѣйствіи разумной воли. Но и одной правильной раковистости излома, онъ считаетъ достаточнымъ для того, что бы съ увѣренностью признать намѣренность оббивки“.

Позднѣйшія наблюденія и опыты показали, однако, что это не совсѣмъ такъ. Въ дѣйствительности и въ природѣ встрѣчаются осколки кремня не только съ однимъ, но и съ двумя признаками. Подъ г. Москвою, въ поверхностныхъ валунныхъ пескахъ, изобилующихъ всевозможными обломками и осколками кристаллическихъ галекъ, нетрудно собрать такіе, которые по формѣ не отличимы отъ осколковъ, обычно сопровождающихъ мастерскія кремневыхъ орудій. Очевидно, несмотря на значительную выразительность искусственности раковистыхъ изломовъ и плоскостей ударовъ, ихъ все же нельзя считать безусловно годными для доказательства искусственной обработки камня.

Въ послѣднее время большую сенсацію вызвали кремни, обработанные движеніемъ воды на водяныхъ цементныхъ мельницахъ. Эти кремни представляютъ почти полную аналогію съ каменными орудіями не только полеолитическими, но и неолитическими. Отсюда сдѣлали выводъ, логически необходимый даже и безъ этихъ опытовъ, что жители каменнаго періода могли, не выдѣлывая орудій изъ камня, пользоваться готовыми экземплярами, обработанными движеніемъ воды въ рѣкахъ, озерахъ и т. п. Но слѣдуетъ помнить то, что для обработки кремня

въ орудія требуется очень быстрое вращательное движеніе воды и удары множества собранныхъ вмѣстѣ кремней, чего въ природѣ никогда не могло случиться, по крайней мѣрѣ, въ большомъ количествѣ. Самое сходство мельничныхъ кремней съ древними кремневыми орудіями должно объясняться лишь сходствомъ происхожденія подъ одинаковымъ вліяніемъ на нихъ человѣка. Такое же сходство съ древними кремневыми орудіями имѣютъ ружейные кремни и кремни огнивъ, вырабатываемые въ значительномъ количествѣ во многихъ мѣстахъ Россіи и Зап. Европы еще и до нашихъ дней, но ихъ и обработка была совершенно схожа съ первобытною. Они выдѣлываются, говоритъ акад. К. М. Бэръ [1]), „ударами совершенно круглой колотушки. Кремню сперва сообщаютъ почти призматическую многогранную форму; потомъ стараются отбить отъ него куски, которые отличаются отъ каменнаго періода только тѣмъ, что имѣютъ, кромѣ двухъ боковыхъ граней, еще двѣ, составляющія обухъ, тогда какъ у древнихъ ножей такая грань только одна. Затѣмъ такой брусокъ раскалывается на два или на три куска, для чего кладутъ его на острую плаху и ударяютъ по немъ. Въ этомъ случаѣ, заключаетъ Бэръ, все зависитъ, преимущественно, отъ навыка, но отчасти и отъ свойства камня. Пока кремни употреблялись для ружей въ большомъ количествѣ, Французы выдѣлывали ихъ съ большимъ искусствомъ, и хотя во многихъ государствахъ въ кремнѣ не было недостатка, однако для ружей приходилось выписывать этотъ кремень преимущественно изъ Франціи, гдѣ его обработывали наилучшимъ и самымъ дешевымъ способомъ. Одна деревня Мёсне доставляла 20 милліоновъ ружейныхъ кремней, и строго было запрещено передавать иностранцамъ и даже описывать употребляемые при этомъ пріемы. Республика впервые уничтожила

[1]) К. М. Бэръ. О первоначальномъ состояніи человѣка въ Европѣ. Прилож. къ календ. 1864 г., стр. 43.

такое запрещеніе. Тогда всѣ удивились простотѣ аппарата, служившаго для этой цѣли".

Другой древній способъ обработки кремней, названный „оббивкой", заключается въ повторныхъ ударахъ въ разныхъ направленіяхъ, съ цѣлью придать обрабатываемому куску или осколку камня требуемую форму. Сами по себѣ слѣды оббивки являются не особенно характерными, но въ общей сложности они въ состояніи вполнѣ удостовѣрить искусственность подѣлки.

Въ древности, повидимому, былъ очень распространенъ и третій способъ обработки кремня, при помощи „нажимовъ". Этотъ способъ состоялъ въ томъ, что твердымъ и упругимъ, чаще всего, костянымъ инструментомъ, въ формѣ палки, отдѣлялись болѣе крупные осколки или пластинки кремня, которые послѣ тѣмъ же способомъ обработывались въ различныя формы орудій. Такой способъ практиковался у многихъ дикихъ племенъ Америки и давалъ самые совершенные результаты обработки кремня, за исключеніемъ, конечно, шлифовки. Окончательную отдѣлку орудій, называютъ „ретушью". Ретушь покрываетъ одну или обѣ стороны орудія и чаще встрѣчается по лезвіямъ ихъ. Ее можно наблюдать также на естественныхъ кремневыхъ осколкахъ, но тамъ она отличается неправильностью или вообще нецѣлесообразностью выбоинъ.

Шлифовка кремня и другихъ породъ камня, съ цѣлью выработки орудій совершались посредствомъ тренія шлифуемаго предмета по точильному камню, смоченному и посыпанному пескомъ, или порошкомъ желѣзной окиси, называемой охрой, употребляемой и въ настоящее время при полировкѣ ювелирныхъ издѣлій.

Въ общемъ, вопросъ о признакахъ искусственности обработки кремней остается еще далеко не вполнѣ вырѣшеннымъ и отъ каждаго изслѣдователя, чтобы избѣжать частыхъ въ работахъ диллетантовъ ошибокъ, требуется много опытности и наблюдательности. Для вполнѣ пра-

вильнаго пониманія техники расколовъ кремня необходимо внимательное изученіе какъ естественныхъ осколковъ кремня, такъ и кремневыхъ издѣлій, въ видѣ, напримѣръ, огнивъ, ружейныхъ кремней, кремней водяныхъ цементныхъ мельницъ и кремней молотилокъ, какія еще и теперь употребляются на Балканскомъ полуостровѣ.

Съ обработкой дерева человѣкъ, вѣроятнѣе всего, познакомился еще ранѣе, чѣмъ съ обработкой камня. На первое время, для этого ему могли служить съ полнымъ успѣхомъ естественные осколки кремня, которые можно отыскать на поверхности почвы.

Съ усовершенствованіемъ обработки каменныхъ орудій и открытіемъ искусственнаго огня, должны были получить значительно большее разнообразіе формъ и полной выразительности своего искусственнаго происхожденія. Судя по обилію деревянныхъ орудій и разнаго рода другихъ издѣлій у современныхъ дикарей Австраліи, Америки и Африки, нужно полагать, что и у древняго человѣка ихъ было не мало. Къ крайнему сожалѣнію, вещество дерева очень дурно противостоитъ разрушительному вліянію времени и до насъ отъ древнѣйшихъ временъ почти никакихъ деревянныхъ издѣлій не дошло.

Самыя древнія деревянныя издѣлія, найденныя въ предѣлахъ Россіи относятся только къ неолитическому времени, таковы: челнъ и др. предметы изъ Ладожской стоянки [1]), кусокъ, обработаннаго дерева изъ Волосовской стоянки [2]) и нѣкоторые др. Въ странахъ Зап. Европы подобныя находки, хотя и гораздо обильнѣе, но также, преимущественно, относятся къ неолитическому времени. Изъ нихъ особенно интересны находки въ озерныхъ отложеніяхъ свайныхъ построекъ, террамарахъ и торфянникахъ.

[1]) А. Иностранцевъ. Доисторическій человѣкъ камен. вѣка побережья Ладожскаго озера, стр. 171—173.

[2]) И. С. Поляковъ. Изслѣд. по камен. вѣку въ Олон. губ. въ долинѣ Оки и пр. стр. 75.

гдѣ открыты остатки обработанныхъ свай, деревянныхъ жилищъ, челны, рукоятки разныхъ орудій, мечи и т. п.

Казалось бы ничего нѣтъ легче, какъ опредѣлить искусственную обработку дерева, однако, когда вопросъ касается глубокой древности и здѣсь являются возможными грубыя ошибки. Вотъ два любопытныхъ примѣра, которые мы заимствуемъ у г. Мортилье [1]).

„ 6 марта 1873 года, въ засѣданіи Парижскаго антропологическаго общества, д-ръ Шарно [2]) показалъ большой кусокъ окаменѣвшаго дерева со слѣдами довольно глубокой зарубки. Онъ полагалъ, что эта зарубка произведена рѣжущимъ инструментомъ ранѣе, нежели дерево начало окаменѣвать. Это ископаемое дерево найдено близъ d'Autry-Issard, на возвышенной площади Bourbon l'archambault (Allier).

„Въ самой основѣ пласта, состоящаго изъ песка и валуновъ, налегавшаго на весьма древнюю почву, залегаютъ въ большомъ изобиліи огромные куски окаменѣвшихъ деревъ. Между этими то кусками, происходящими, по всей вѣроятности, изъ обнаженныхъ и разрушенныхъ третичныхъ отложеній, былъ найденъ и кусокъ дерева, представленный Шарно.

„Однако, подвергнувъ тщательному критическому изслѣдованію зарубки, г. Легюе (Leguay), въ томъ же засѣданіи, доказалъ, что онѣ не могли быть сдѣланы каменнымъ инструментомъ.

„Окаменѣвшіе деревья претерпѣваютъ болѣе или менѣе значительныя измѣненія, благодаря которымъ древесина замѣщается молекулами кремнезема. Благодаря такихъ замѣщеній дерево часто принимаетъ очень странныя формы, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ легко принять за обработанныя рукою человѣка. Сверхъ того молекулы кремнезема, проникающія въ дерево, содержатъ

[1]) G. e Mortillet. Le Prehistorique, p. 77—79 со ссылками на

[2]) Charnaux et Leguay Bull. Soc. d'anthr., mars, 1873, p. 227 et 228.

много воды и, когда начинаютъ высыхать, то сжимаются и даютъ трещины и изломы, перпендикулярные волокнамъ древесины, которые являются очень похожими на искусственные зарубки и нарѣзы, за каковые они и были приняты г. Шарно".

„Совершенно аналогичный фактъ былъ опубликованъ, въ іюлѣ 1876 года, въ Тріестскомъ адріатическомъ ученомъ обществѣ, г. Маршезетти [1]) (Marchesetti). Онъ полагалъ также, что открылъ въ Индіи цѣлый лѣсъ окаменѣвшихъ деревьевъ со слѣдами человѣческихъ работъ. Этотъ лѣсъ и слѣды человѣческой дѣятельности онъ относилъ къ мѣловой эпохѣ, такъ какъ они покрыты базальтомъ, излившимся въ концѣ той эпохи".

Изъ животныхъ соперникомъ человѣка въ отношеніи обработки дерева является одинъ только бобръ. „Во время свайныхъ озерныхъ построекъ бобръ часто конкурировалъ съ человѣкомъ. Иногда даже трудно было опредѣлить настоящаго строителя, какъ это случилось при изслѣдованіи озера Saint-Andéol, въ Лозерѣ. Но оттиски, оставленные на деревѣ, даютъ возможность узнать ихъ истиннаго производителя. Широкія борозды, расположенныя парами, съ острымъ гребнемъ между нихъ, выдали вмѣшательство сильныхъ зубовъ бобра" [2]).

Лучше дерева сохраняется кость и поэтому изученіе ея доставляетъ гораздо обильнѣе матеріалъ для познанія древнѣйшей жизни человѣка. Чтеніе различнаго рода знаковъ, часто запечатлѣваемыхъ на костяхъ, представляетъ высокій научный интересъ и должно быть обязательно для археолога.

Въ древнихъ стоянкахъ человѣка, чаще всего встрѣчаются искусственные *расколы* костей, съ цѣлью извлеченія изъ нихъ мозга. Характерными признаками искусственнаго раскола такихъ костей служатъ выбоины на

[1]) Bull. di paletnologia Italiane, aeut 1876, p. 161.
[2]) G. de Mortillet. Le Préhistorique, 1883, p. 38 et 39.

мѣстахъ ударовъ орудія и болѣе или менѣе ясно выраженная продольность раскола.

Въ пещерѣ Голефельса, въ долинѣ Швабскаго Аха, въ Германіи, обитаемой въ палеолитическій періодъ, кости съѣденныхъ животныхъ разбивались клыкомъ нижней челюсти пещернаго медвѣдя, спеціально приспособленной для нанесенія ударовъ [1]). Каждый удачный ударъ клыка по твердой трубчатой кости оставлялъ въ ней сквозную дыру, отъ которой и начинался расколъ кости.

Въ русскихъ неолитическихъ стоянкахъ расколы костей, повидимому, производились только посредствомъ каменныхъ орудій.

Расколотыя кости, по извлеченіи изъ нихъ мозга, не всегда бросались; иногда лучшія изъ нихъ отбирались для выработки разнаго рода издѣлій. Въ одной изъ окскихъ неолитическихъ стоянокъ оказался цѣлый складъ такихъ отобранныхъ и сложенныхъ костей [2]).

Труднѣе опредѣляется искусственность расколовъ въ окаменѣвшихъ костяхъ. Дѣло въ томъ, что эти кости, подобно окаменѣвшему дереву, принимаютъ разныя формы, иногда напоминающія расколы, произведенные рукою человѣка; вслѣдствіе чего и въ данномъ случаѣ отъ изслѣдователя требуется большая осторожность въ опредѣленіи.

Опиловка костей, въ первобытныя времена, производилась, преимущественно, кремневыми пилами, имѣвшими форму тонкихъ зазубренныхъ пластинокъ. Разрѣзъ такихъ пилъ въ общемъ похожъ на разрѣзъ современныхъ стальныхъ пилъ, но грубѣе, шире, штриховатѣе и перерывчатѣе.

Зарубки имѣютъ довольно разнообразныя формы. Онѣ производятся топорами. Каменные топоры оставляютъ

---

[1]) Ранке, Человѣкъ, II, 506—507.

[2]) В. А. Городцовъ. Результ. археолог. изслѣд. 1898. Арх. Изв. и Зем. 1899 г. №№ 6 и 7. V. Результаты изслѣд. холма „Черепковъ", въ окрестностяхъ с. Дубровичъ, Землянка № 1.

слѣды менѣе ясные, чѣмъ металлическіе. Мелкія, едва обозначенныя зарубки называютъ *насѣчками*.

Нарѣзы производятся острыми тонкими инструментами. Чистый нарѣзъ на кости можно произвести только острыми металлическими ножами; каменными же ножами можно оставить менѣе ясные нарѣзы, скорѣе напоминающіе царапины.

Удары по кости тупымъ орудіемъ обозначаются впадинами или помятостью поверхности кости.

При изученіи всѣхъ подобныхъ явленій, необходимо имѣть въ виду то, что кости нерѣдко несутъ подобные же слѣды воздѣйствія на нихъ разныхъ естественныхъ природныхъ силъ. Такъ на нихъ нерѣдко запечатлѣваются слѣды зубовъ плотоядныхъ животныхъ и грызуновъ. Для избѣжанія ошибокъ, которыя уже не разъ случались, археологу необходимо тщательно изучать и эти явленія.

Г. Мортилье, въ своемъ капитальномъ трудѣ „Préhistorique antiquité de l'homme“ даетъ обстоятельное описаніе какъ характера такихъ естественныхъ знаковъ, отпечатавшихся на костяхъ, такъ и всѣхъ болѣе характерныхъ случаевъ ошибочныхъ опредѣленій этихъ знаковъ. По его словамъ, грызуны, хотя не принадлежатъ къ плотоядпымъ, однако любятъ грызть кости или для того, чтобы съѣдать остатки мяса, или для того, чтобы стачивать свои зубы. Оставляемыя ими борозды всегда располагаются параллельными парами, соотвѣтственно расположенію рѣзцовъ въ челюстяхъ звѣрка. По размѣрамъ и характеру бороздъ возможно даже опредѣлить видъ звѣрка. Ляйэль, такимъ образомъ, доказалъ, что часть ископаемыхъ костей, добытыхъ въ Сенъ-Прэ, во Франціи, была обгрызана большимъ грызуномъ, теперь уже несуществующимъ въ живомъ состояніи и принадлежавшимъ къ семейству бобровъ, именно Trogontherium Fich. Бартлеттъ—Bartlett, завѣдывающій зоологическимъ садомъ въ Лондонѣ, давалъ кости лошади и быка, еще покрытыя мясомъ, разнымъ видамъ семейства Histris (cristata, javani-

са) для обгладыванія, запирая ихъ въ особыя клѣтки, что бы въ обгладываніи этихъ костей не участвовали другія животныя, особенно крысы. Послѣ этого опыта кости, дѣйствительно, были изцарапаны, а нѣкоторыя царапины оказались совершенно одинаковыми съ открытыми на ископаемыхъ костяхъ изъ Сенъ-Прэ [1]).

Еще легче узнаются слѣды зубовъ плотоядныхъ животныхъ, изъ которыхъ грызутъ кости только гіены и собаки. Сильные зубы гіены оставляютъ продолговатые, неправильно расположенные широкіе, многочисленные и часто расположенные слѣды въ формѣ ясныхъ и глубокихъ выемокъ и бороздъ, настолько характерныхъ, что ихъ достаточно однажды посмотрѣть, чтобы отличить отъ всякихъ другихъ. Они весьма обыкновенны въ костеносныхъ пещерахъ и такъ характерны, что ихъ принимаютъ за положительное доказательство существованія въ пещерахъ гіенъ, хотя бы въ нихъ и не оказалось никакихъ другихъ остатковъ этихъ звѣрей.

Собаки, грызя кость, оставляютъ менѣе замѣтные слѣды, которые похожи на непрерывные ряды точекъ.

Самые рѣзкіе слѣды зубовъ на костяхъ оставляютъ морскія плотоядныя животныя и многіе изслѣдователи ошибочно принимали ихъ за слѣды работы рукъ человѣка, пока опыты не установили истины.

Въ 1878 г., д-ръ Е. Мажито [2])—Magitot—опубликовалъ свои опыты съ клювомъ Меча рыбы, которыми доказывалъ, что слѣды на костяхъ ископаемаго кита Balaenotus'a, найденныхъ Капеллини въ третичныхъ отложеніяхъ, оставлены не человѣкомъ, какъ это ошибочно утверждалось, а названной рыбой. Для опытовъ „клювомъ меча наносились быстрые, прямые удары по спинной оконечности китового ребра. Удары совершались, по возможности, одно-

---

[1]) Щуровскій. Объ каменномъ человѣкѣ, 1865, стр. 8—9.

[2]) Dr. E. Mogitot. Etudes et experiences sur les traces de l'existence de l'homme aux temps tertiairs.

образно, подражая нападенію рыбы, обладающей, какъ извѣстно, огромною силой мускуловъ, увеличиваемой еще ее огромнымъ вѣсомъ и сопротивленіемъ животнаго, подвергающагося аттакѣ. Хотя многіе клювы, сильно высохшіе и иступленные, вслѣдствіе продолжительнаго сохраненія, сломались во время опытовъ, тѣмъ не менѣе Magitot удалось получить на ребрѣ зарубки, похожія на тѣ, которыя Capellini нашелъ на костяхъ своего Boloenotus“ [1]).

Подобнымъ образомъ Геберъ убѣдилъ, что слѣды на ребрахъ Halitherium'a, найденныхъ Делонэ въ известнякахъ Пуансэ, которые долго приписывались человѣку, въ дѣйствительности принадлежатъ акулѣ—Carchorodon megalodon, которая дѣлала ихъ, перегрызая кости [2]).

Наконецъ, помимо слѣдовъ отъ зубовъ животныхъ, на костяхъ нерѣдко наблюдаются разнаго рода царапины, произведенныя камнями и другими твердыми тѣлами при естественныхъ движеніяхъ почвы, въ родѣ обваловъ, сдвиговъ, оползней, трещинъ и т. п. Эти слѣды, при внимательномъ изслѣдованіи, легко отличить отъ искусственныхъ, хотя ошибки случались неоднократно.

Помимо слѣдовъ на предметахъ, въ родѣ камня, дерева и кости, человѣкъ оставилъ не менѣе выразительные слѣды своего вліянія и на самой почвѣ.

Человѣкъ очень рано началъ пользоваться убѣжищами въ разныхъ неровностяхъ, складкахъ и трещинахъ земной коры. При этомъ легко и вполнѣ естественно должна была возникнуть мысль объ устраненіи стѣснявшихъ выступовъ почвъ, расширеніи естественныхъ трещинъ въ видѣ пещеръ и гротовъ и, наконецъ, искусственномъ сооруженіи подобныхъ убѣжищъ.

Большинство почвъ хорошо и долго сохраняютъ слѣды такихъ работъ и, давая возможность выяснить многія

---

[1]) Н. Высоцкій. Современные вопросы о существованіи человѣка въ третичную эпоху, стр. 11.

[2]) Заборовкій. Доисторическій человѣкъ, стр. 18.

черты древняго быта, представляютъ весьма важный источникъ знанія.

Искусственные разрѣзы почвы, обыкновенно, или закрываются естественными отложеніями почвы, или засыпаются самимъ человѣкомъ. Открытыми разрѣзы остаются недолго. Если разрѣзы сдѣланы въ однородной и одноцвѣтной рыхлой почвѣ, въ родѣ, напримѣръ, дюнныхъ песковъ, то, будучи засыпаны, скоро становятся почти неузнаваемыми. Благодаря этого свойства почвы, въ богатыхъ финскихъ могильникахъ, открытыхъ на дюнахъ р. Оки, формы погребальныхъ ямъ остались совершенно невыясненными. Невыясненными остались и формы жилыхъ ямъ, вырытыхъ на тѣхъ же дюнахъ болѣе древнимъ неолитическимъ человѣкомъ, существованіе которыхъ тамъ положительно установлено.

Яснѣе становятся слѣды искусственныхъ разрѣзовъ въ тѣхъ почвахъ тогда, когда въ выполнившей ихъ почвѣ встрѣчаются золистые, углистые или темные растительные прослои.

Лучше сохраняютъ слѣды искусственныхъ разрѣзовъ слоистые пески и супеси, такъ какъ въ нихъ всякая выемка обозначается нарушеніемъ рисунка прослоекъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда такіе пески и супеси пріобрѣтаютъ болѣе значительную плотность, является даже возможность возстановленія всѣхъ деталей разрѣза.

Глина и лёссъ, въ большинствѣ случаевъ, вполнѣ сохраняютъ и нетолько слѣды разрѣзовъ, но и слѣды инструментовъ, которыми разрѣзы воспроизводились. Изучая послѣдніе слѣды, возможно съ полною точностью установить форму рабочихъ концовъ инструментовъ и даже ихъ вещество.

При изслѣдованіяхъ древнѣйшихъ курганныхъ погребеній на берегахъ р. Донца, въ 1901 году, обращалось на изученіе инструментныхъ слѣдовъ самое тщательное вниманіе. Однажды, на бокахъ погребальной ямы, содержавшей скорченный костякъ, были замѣчены необыкно-

венные штрихи и полосы, которые тотъ-часъ же были измѣрены, зарисованы и подвергнуты критической оцѣнкѣ; при чемъ выяснилось, что инструментъ, оставившій изучаемые штрихи и полосы, имѣлъ форму длиннаго, тонкаго цилиндрическаго прута съ легка пріостреннымъ концомъ. На основаніи такихъ признаковъ рѣшено, что прутъ не былъ каменнымъ и костянымъ, такъ какъ ни кость, ни камень данныхъ размѣровъ не могли выдержать ударовъ при отрывкѣ твердой лёссовой почвы; онъ не былъ мѣднымъ, по той же причинѣ; онъ былъ желѣзнымъ. Но такъ какъ желѣза для эпохи погребенія никакъ нельзя было допустить, то явилось подозрѣніе, не произведены ли изслѣдуемыя полосы желѣзными щупами самихъ изслѣдователей. Сравненія и опыты, произведенные тутъ же, на мѣстѣ, подтвердили догадку и помогли вспомнить, что, дѣйствительно, во время откапыванія ямы, пришлось нѣсколько разъ ощупывать ея бока имѣвшимися желѣзными щупами.

Этотъ, повидимому, пустой, отчасти даже комичный случай, имѣетъ ту важность, что наглядно доказываетъ полную возможность точнаго воспроизведенія всей той части инструмента, которой онъ соприкасался къ стѣнѣ ямы, возможность, которая, до этого случая, доказывалась только путемъ отвлеченныхъ наведеній.

На основаніи отпечатковъ инструментовъ на лёссовыхъ стѣнкахъ ямъ, въ тѣхъ же донецкихъ изслѣдованіяхъ, положительно установлено, что большинство погребеній со скорченными костяками, приписываемыхъ до этого къ неолитическому времени, относится къ металлическому и скорѣе всего къ бронзовому времени, что и подтвердилось находками въ другихъ аналогичныхъ погребеніяхъ не только бронзовыхъ украшеній, но и орудій и даже каменныхъ формъ, служившихъ для отливки металла.

Присутствіе слѣдовъ инструментовъ на стѣнкахъ разрѣзовъ почвы служитъ лучшимъ признакомъ прикосновенія къ нимъ человѣка.

Помимо искусственныхъ, въ почвѣ очень часто встрѣчаются слѣды естественныхъ разрѣзовъ. Большинство послѣднихъ производится звѣрками, въ родѣ лисицъ, грызуновъ и др., устраивающихъ свои гнѣзда въ норахъ. Слѣды такихъ норъ легко наблюдаются въ вертикальныхъ обнаженіяхъ лёсса и глины. Они имѣютъ видъ или небольшихъ круглыхъ пятенъ или рукавовъ, протягивающихся по обнаженію или уходящихъ вглубь почвы.

При работахъ въ лёссовыхъ степныхъ почвахъ, особенно часто приходится считаться съ разрѣзами ходовъ и норъ сурковъ — бабаковъ — Arctomis bobac. Эти довольно крупные грызуны любятъ проникать въ древніе курганы и устраивать свои гнѣзда или въ самой погребальной ямѣ, особенно, когда послѣдняя имѣетъ форму ниши, катакомбы, или въ боку ямы. Самое гнѣздо ихъ совершенно похоже на искусственныя погребальныя катакомбы, отличаясь лишь миніатюрными размѣрами. При этомъ, особенно любопытно то, что на стѣнкахъ этихъ катакомбъ ясно отпечатываются слѣды когтей, которыми звѣрокъ производилъ свои работы. Эти слѣды представляютъ видъ довольно глубокихъ, немного искривленныхъ царапинъ, расположенныхъ въ разныхъ направленіяхъ, но всегда попарно, соотвѣтственно когтямъ двухъ среднихъ пальцевъ лапы.

Въ каменныхъ породахъ человѣкъ производилъ отколы, стесы, долбленіе и полировку.

Старый искусственный отколъ скалы затруднительно отличить отъ естественныхъ отколовъ, но стёсываніе, долбленіе и полировка распознаются легко и сохраняются на долго. Сколько-нибудь точные отпечатки инструментовъ, по которымъ можно было бы составить сужденіе о формѣ послѣднихъ, на каменныхъ породахъ почти не встрѣчаются.

Въ Евр. Россіи, съ каменными породами почвы человѣку, повидимому, приходилось имѣть дѣло рѣдко. Въ Ю. Россіи, въ известковыхъ и мѣловыхъ породахъ, изрѣдка выдалблива̀лись погребальныя ямы, а въ Крыму и на Кавказѣ—пещерныя жилища.

Остается еще сказать о слѣдахъ искусственныхъ разрѣзовъ въ почвахъ, состоящихъ изъ обломочныхъ горныхъ породъ. Подобные слои часто встрѣчаются въ сѣверной Россіи, въ районахъ такъ называемыхъ ледниковыхъ ландшафтовъ, характеризующихся обширными холмами и грядами, представляющими изъ себя остатки озъ или конечныхъ моренъ, состоящихъ изъ сплошныхъ массъ валуновъ, галекъ и щебня. Въ Ярославской губерніи, близъ с. Великаго, на одномъ такомъ холмѣ былъ открытъ интересный могильникъ начала металлическаго времени. Погребенія никакихъ наружныхъ признаковъ не имѣли: ихъ можно было замѣтить лишь въ вертикальныхъ разрѣзахъ почвы; для чего, во время изслѣдованія, пришлось прорѣзать поперекъ части могильника глубокую траншею, во всю толщу каменистаго слоя, и затѣмъ подвигаться впередъ путемъ разбора и срѣзанія одной стѣны, что, однако совсѣмъ не гарантировало отъ ошибокъ, когда дно погребальной ямы углублялось въ подпочвенный слой песка; поневолѣ, приходилось отыскивать признаки въ слоѣ щебня. Такими признаками явились: 1) бо́льшая рыхлость слоя на мѣстѣ погребальныхъ ямъ, и 2) не совсѣмъ обычное расположеніе крупныхъ камней, иногда уложенныхъ рядами, чего въ естественныхъ разрѣзахъ не замѣчалось.

Первобытный человѣкъ нерѣдко также пользовался отдѣльными камнями, не подвергая ихъ никакой обработкѣ Прикосновеніе къ нимъ человѣка опредѣляется мѣстоположеніемъ камней, ихъ отношеніемъ другъ къ другу или къ другимъ памятникамъ человѣческой дѣятельности. Такіе камни то полагались или ставились одиночно, то грудами, то кругами, то рядами, то цѣлыми лабиринтами, то, наконецъ, въ формѣ примитивныхъ жилыхъ помѣщеній. Назначеніе ихъ преимущественно ритуальное, но иногда и бытовое, въ значеніи, напримѣръ, примѣтъ и знаковъ собственности. Нѣкоторымъ, болѣе типичнымъ формамъ какъ отдѣльныхъ камней, такъ ихъ

комбинаціи присвоены особыя названія, таковы: менгиры, кромлехи, долмены и др.

Искусственное происхожденіе болѣе сложныхъ комбинацій камней устанавливается легко, но опредѣленіе одиночныхъ камней и простѣйшихъ комбинацій ихъ, въ видѣ, напримѣръ, небольшихъ грудъ или скопленій, представляетъ серьезное затрудненіе. Дѣло въ томъ, что такіе одиночки и груды нерѣдко встрѣчаются и въ природѣ, особенно въ раіонахъ ледниковыхъ ландшафтовъ, гдѣ множество валуновъ разныхъ объемовъ и формъ оказываются разбросанными на громадныхъ пространствахъ и въ различныхъ глубинахъ ледниковыхъ наносовъ почвы. Во время весеннихъ разливовъ рѣки, очень часто льдины, ударяясь о крутые валунные или вообще каменистые берега, нагружаются камнями и переносятъ ихъ на десятки верстъ отъ первоначальнаго мѣстонахожденія. Въ горныхъ странахъ тоже дѣлаютъ быстрые ручьи и рѣки, въ особенности послѣ ливней въ области ихъ истоковъ.

Весьма яркіе слѣды человѣческой дѣятельности представляютъ продукты горѣнія искусственнаго огня. Съ употребленіемъ огня человѣкъ познакомился очень рано. Находки Рама—Rames и Боржуа—Borgbois, по мнѣнію нѣкоторыхъ, очень компетентныхъ ученыхъ доказываютъ, что во Франціи уже въ міоценовый періодъ жило существо, знавшее употребленіе огня. Въ четвертичный періодъ, повидимому, всѣ народы Европы и Азіи были знакомы съ огнемъ. Остатки горѣнія искусственнаго огня помогаютъ положительно опредѣлить прикосновеніе человѣка даже къ такимъ предметамъ, которые сами по себѣ никакихъ слѣдовъ искусственной обработки не имѣютъ. Однако, необходимо имѣть въ виду то, что искусственность огня, въ особенности по отношенію къ древнѣйшимъ культурамъ, опредѣляется не легко, потому что въ природѣ нерѣдко встрѣчаются продукты горѣнія естественныхъ огней. Извѣстны случаи лѣсныхъ пожаровъ отъ молніи, вулканическихъ изверженій, отъ тренія сухихъ сучьевъ и т. п. Огонь

такихъ пожаровъ легко могъ повліять на разные предметы, придавая имъ признаки, какъ бы искусственнаго воздѣйствія человѣка: въ видѣ, напримѣръ, обугливанія костей животныхъ, раскола кремней и др. Слѣдовательно требуется большая внимательность и осторожность изслѣдователя и въ этомъ случаѣ. Разсуждая отвлеченно, можно полагать, что, такъ какъ естественные пожары совершаются не часто, то продукты горѣнія ихъ должны располагаться въ видѣ обширныхъ тонкихъ прослоекъ, повторяющихся въ однихъ и тѣхъ же слояхъ чрезвычайно рѣдко; тогда, какъ продукты горѣнія искусственныхъ огней, въ большинствѣ случаевъ имѣютъ видъ небольшихъ гнѣздъ и пятенъ, располагающихся въ разныхъ горизонтахъ, сопровождая ростъ пласта почвы. Въ неолитическую эпоху въ Европейской Россіи широко и систематично практиковались искусственныя выжиганія дюнъ. Цѣль такихъ операцій, повидимому, заключается въ томъ, чтобы очистить эти мѣстности, удобныя для лѣтнихъ стоянокъ, отъ вредныхъ животныхъ и массы, нестерпимо докучливыхъ болотныхъ насѣкомыхъ. Результатомъ дюнныхъ пожаровъ явился характерный и въ разрѣзахъ, обыкновенно, свѣтлыхъ песковъ, ярко выраженный пепелисто-темный слой, достигающій отъ 1 до 4 вершковъ толщины и простирающійся черезъ всю поверхность дюны, иногда на десятокъ и болѣе верстъ.

На этомъ мы закончимъ обзоръ наиболѣе важныхъ признаковъ, по которымъ можно опредѣлить вліяніе на предметы и почву человѣка, независимо отъ времени ихъ появленія. Знаніе этихъ признаковъ должно быть въ основѣ всѣхъ первобытныхъ археологическихъ изысканій.

Опредѣленіе и чтеніе коллективныхъ памятниковъ первобытной археологіи.

Коллективные памятники содержатъ въ своемъ первоначальномъ положеніи въ почвѣ не отдѣльные или однородные,

но смѣшанные и разнородные памятники человѣческой дѣятельности; таковы остатки стоянокъ, селеній, городовъ и др. Опредѣленіе такихъ памятниковъ заключается въ установленіи причины, цѣли и времени ихъ появленія. Чтеніе коллективныхъ памятниковъ равносильно выясненію роли, какую игралъ въ цѣломъ каждый отдѣльный предметъ. Только на основаніи такого чтенія изслѣдователь можетъ сдѣлать отвлеченные выводы о степени физическаго, умственнаго и нравственнаго состоянія человѣка, оставившаго по себѣ тотъ или другой коллективный памятникъ.

Самый процессъ опредѣленія и чтенія коллективныхъ памятниковъ можно сравнить съ процессомъ опредѣленія и чтенія старинной книги, при изученіи которой прежде всего изслѣдуется переплетъ, затѣмъ бумага, чернила, почерки, орнаментика и, наконецъ, содержаніе. Точно также при изученіи первобытныхъ коллективныхъ памятниковъ сначала изслѣдуются покрывающіе и подстилающіе ихъ слои почвы, затѣмъ содержаніе самаго изслѣдуемаго памятника.

Извѣстно, что поверхность почвы, съ теченіемъ времени, закрывается новыми отложеніями; поэтому развалины древнихъ городовъ, селеній и др., обыкновенно, находятся скрытыми подъ новѣйшей почвой. Въ Римѣ, близъ собора Св. Петра, образовался наносъ, доходящій до оконъ перваго этажа. Развалины Ольвіи, Пантикапеи, Херсонеса и друг. покрылись слоями почвы до двухъ и болѣе саженъ толщины. Остатки Кирилловской палеолитической стоянки, въ Кіевѣ, оказались на глубинѣ восьми саженъ. Однако ростъ почвы совершается не всегда одинаково быстро. Напротивъ, мѣстами наростаніе едва замѣтно, а мѣстами наблюдается обнаженіе древнѣйшихъ слоевъ. Все это зависитъ отъ чрезвычайно разнообразныхъ физическихъ условій. Тщательное изученіе верхнихъ наносовъ нерѣдко помогаетъ опредѣленію древности скрытыхъ подъ ними культурныхъ памятниковъ. Въ послѣд-

немъ отношеніи важно изученіе и нижнихъ подстилающихъ слоевъ. Верхніе слои указываютъ, что погребенные подъ ними памятники старше ихъ, а нижніе—что эти памятники моложе ихъ. Въ упомянутой Кирилловской стоянкѣ нижнимъ подстилающимъ слоемъ оказались третичныя отложенія, а это указывало, что открытые памятники моложе третичной эпохи. Въ составъ верхняго слоя входили лёссъ и валунные пески, характерные для четвертичныхъ отложеній; послѣдніе входили также и въ составъ культурныхъ отложеній стоянки; слѣдовательно, стоянка принадлежала къ четвертичной геологической эпохѣ.

При чтеніи культурныхъ наслоеній отъ археолога требуется особенная внимательность; въ это время для него ничто не должно быть маловажнымъ. Всё замѣченное точно и совершенно объективно заносится въ дневникъ, который долженъ представить вѣрную копію прочитаннаго. Послѣ выбираются открытыя вещи и отправляются на храненіе съ цѣлью дальнѣйшаго изученія ихъ. При этомъ возникаетъ вопросъ, какія вещи должны быть взяты и какія оставлены? Правильнѣе всего было бы взять всё, что найдется, но это часто бываетъ совершенно невозможно, такъ какъ множество вещей, въ родѣ обломковъ сосудовъ, костей, кусковъ дерева, безконечно повторяютъ другъ друга, какъ будто бы не прибавляя ничего новаго. Такое явленіе и заставляетъ изслѣдователя рѣшать, что взять и что оставить на мѣстѣ или, почти все равно, предать уничтоженію.

Нѣкоторые изъ русскихъ, довольно авторитетныхъ, археологовъ полагаютъ, что матеріалы, относящіеся къ фаунѣ и флорѣ, могутъ быть совершенно игнорированы, какъ не относящіеся къ предмету археологіи. Но съ этимъ никакъ нельзя согласиться: возстановленіе окружающей природы даетъ не только фонъ картины древней жизни человѣка, но и помогаетъ установить многія детали его быта, которыя безъ такого возстановленія никогда не могутъ быть выяснены.

Остановимся на нѣсколькихъ примѣрахъ.

„Торфяныя отложенія Даніи, достигающія отъ 10 до 30 футовъ мощности, образовались въ углубленіяхъ, или впадинахъ сѣверной аллювіальной почвы, или boulder formation... Самый нижній слой болотнаго торфа, толщиною отъ 2 до 3 футовъ, состоитъ преимущественно изъ мха или sphagnum, поверхъ котораго растилается другой слой торфа, составленнаго не исключительно изъ однѣхъ водяныхъ или болотныхъ растеній. По краямъ болотъ, и на различной глубинѣ ихъ, лежатъ погребенные стволы деревьевъ, преимущественно сосны лѣсной (Pinus sylvestris), достигающіе часто 3 футовъ въ діаметрѣ, и которыя, вѣроятно, росли когда-то по берегамъ торфянниковъ и часто падали въ нихъ. Сосна лѣсная, какъ теперь, такъ и вообще въ историческія времена, никогда не была туземной на датскихъ островахъ и не произрастала, если ее и старались разводить. Однако, очевидно, что это дерево было современно существованію человѣка, потому что Стеенструпъ собственноручно вынулъ однажды изъ-подъ ствола такой погребенной сосны кремневое орудіе. Также ясно видно, что та же сосна лѣсная впослѣдствіи замѣнилась видоизмѣненіемъ обыкновеннаго дуба съ сидячими желудями (sessiliflora), стволы котораго часто находятъ въ слояхъ, лежащихъ поверхъ уровня сосны. Немного выше встрѣчается видоизмѣненіе того же дуба съ (стебельчатыми) ножчатыми желудями (Quercus Robur, L.) вмѣстѣ съ ольхой, березой (Betula verrucosa, Ehrb.) и орѣшникомъ. Дубъ, въ свою очередь, въ настоящее время замѣстился въ Даніи обыкновеннымъ букомъ“ [1]).

Установлено, что „каменный вѣкъ Даніи соотвѣтствовалъ періоду первой растительности, или періоду лѣсной сосны, и, развѣ отчасти, вторичной растительности, то-есть произрастанію дуба. Но значительная часть эпохи

[1]) Г. Ляйэлль. „Геологическія доказательства древности человѣка“, стр. 7 и 8.

дуба совпадала съ „бронзовымъ періодомъ“, потому что сабли (мечи) и щиты изъ этого металла, хранящіеся въ Копенгагенскомъ музеѣ, найдены въ тѣхъ же слояхъ торфа, въ которыхъ изобилуетъ дубъ. Желѣзный вѣкъ, болѣе новѣйшій, соотвѣтствовалъ періоду бука“ [1]).

Изъ приведеннаго примѣра видно, что, на основаніи изученія остатковъ флоры, явилась возможность установить, что человѣку одной и той же мѣстности, но въ разное время, приходилось жить далеко не при одинаковыхъ физическихъ условіяхъ.

Еще болѣе интересные выводы дало изученіе остатковъ фауны датскихъ раковинныхъ скопленій „kjokkenmödding'овъ“.

„Самое убѣдительное доказательство древности этихъ „скопленій остатковъ“, говоритъ Ляйэлль, выводится изъ характера самихъ раковинъ. Онѣ принадлежатъ исключительно къ живущимъ видамъ, но только обыкновенная съѣдомая устрица достигаетъ здѣсь своей полной, настоящей величины, между тѣмъ какъ та же ostrea edulis не можетъ теперь жить въ малосоленой водѣ Балтійскаго моря, кромѣ его устья, гдѣ сильные сѣверо-западные вѣтры часто вызываютъ потокъ съ океана, приносящій огромное количество соленой воды. Также видно, что, во время всего періода скопленія „грудъ раковинъ“, устрицы жили въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ нынѣ не существуетъ, что Cordium edule, Mytilus edulis и Littorina littorea встрѣчаются въ огромномъ количествѣ въ „сорныхъ кучахъ“, имѣютъ такіе же размѣры, какихъ онѣ достигаютъ въ океанѣ, между тѣмъ какъ тѣ же виды моллюсковъ, живущіе въ непосредственно сосѣднихъ частяхъ Балтійскаго моря, достигаютъ только $^1/_3$ своей естественной величины, дѣлаются уродливыми и останавливаются въ ростѣ, вслѣдствіе огромнаго количества прѣсной воды, вливаемой

[1]) Ibid. стр. 9, со ссылкой на Morlot, Bulletin de la Société Vaudoise des Scien. Nat. t. VI, p. 292.

рѣками въ это средиземное море. Мы можемъ съ полнымъ вѣроятіемъ заключить, что, во времена первобытныхъ рыбаковъ и охотниковъ, океанъ имѣлъ болѣе свободный доступъ въ Балтійское море, чѣмъ нынѣ и, можетъ быть, сообщался съ нимъ чрезъ полуостровъ Ютландію, бывшій еще въ недавнее время архипелагомъ"...

„Изучая остатки позвоночныхъ, сохранившихся въ этихъ грудахъ, мы находимъ, что здѣсь, такъ же, какъ и въ торфянникахъ Даніи, всѣ четвероногія принадлежатъ къ видамъ, живущимъ въ Европѣ въ историческія времена. Здѣсь не находятъ никакихъ угасшихъ видовъ, кромѣ дикаго быка (Bos urus L., или Bos primigenius Bojanus), многочисленность остатковъ котораго доказываетъ, что онъ былъ любимою пищею этихъ древнихъ племенъ... Бобръ, давно истребленный въ Даніи, встрѣчается довольно часто, точно такъ же, какъ и тюлень (Phosa Gryppus Fab.), теперь очень рѣдкій на датскомъ берегу. Съ ними перемѣшаны кости лани и косули... Тутъ же находятъ кости различныхъ хищныхъ, напримѣръ, рыси, лисицы, волка, но никакого слѣда костей домашнихъ животныхъ, исключая собаки. Всѣ длинныя кости большихъ млекопитающихъ разбиты какимъ-то орудіемъ, какъ бы съ цѣлью извлеченія костнаго мозга; хрящевыя части обглоданы, вѣроятно, собаками, существованію которыхъ и приписываютъ полное отсутствіе костей молодыхъ птицъ и даже маленькихъ косточекъ скелета птицъ бо́льшихъ размѣровъ. Относительно послѣдняго обстоятельства, проф. Стеенструпъ доказалъ на опытѣ, что если дать собакамъ тѣ же виды птицъ, то онѣ съѣдаютъ именно недостающія части скелета и оставятъ тѣ, которыя до сихъ поръ сохранились въ „сорныхъ кучахъ".

„Собаки, единственныя домашнія животныя въ грудахъ раковинъ, гораздо меньше собакъ бронзовой эпохи, находимыхъ въ торфянникахъ; а эти послѣднія, по величинѣ и развитію, стоятъ гораздо ниже собакъ желѣзнаго вѣка. Домашній быкъ, лошадь и баранъ, встрѣчающіеся

въ грудахъ, похоронены въ томъ слоѣ торфа Даніи, наростаніе котораго происходило въ бронзовый и желѣзный періодъ".

„Изъ костей птицъ чаще всего встрѣчаются кости чистика короткокрылаго (Alcâ impenis), угасшаго въ Европѣ и вымершаго недавно въ Исландіи, но встрѣчающагося еще въ Гренландіи, гдѣ однако число этихъ птицъ быстро уменьшается. Рядомъ съ нимъ находятъ кости глухаря (Tetrao Urogallus), питавшагося, какъ предполагаютъ, почками лѣсной сосны, въ тѣ времена, когда это дерево процвѣтало вокругъ торфянистыхъ болотъ. Различныя степени развитія роговъ косули и присутствіе костей дикаго лебедя, посѣщающаго теперь эти страны только зимою, были приводимы въ доказательство того, что туземцы жили въ тѣхъ же поселеніяхъ круглый годъ". Они также отваживались выходить далеко въ море для рыбной ловли на лодкахъ, выдолбленныхъ изъ ствола одного дерева, сходныхъ съ находимыми нынѣ въ торфянникахъ. Доказательствомъ чему служатъ остатки костей разныхъ видовъ рыбъ, живущихъ въ открытомъ морѣ, какъ, напр., селедки, трески, камбалы" [1]).

Культурныхъ растеній ни въ датскихъ торфянникахъ, ни въ кухонныхъ раковинныхъ скопленіяхъ не было найдено, но они отыскались въ отложеніяхъ швейцарскихъ свайныхъ построекъ.

„Въ Вангеймѣ, близъ Штейна, на Констанскомъ озерѣ,... профессоръ Гееръ нашелъ куски обугленныхъ стеблей пшеницы (Triticum vulgare) и зерна другого вида пшеницы (Triticum dicoccum), ячменя (Hordeum distichon); далѣе въ Роббенгаузенѣ и еще нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ нашли полныя колосья (Hordeum hexostichon) того же вида ячменя, который встрѣчается въ египетскихъ муміяхъ. Все это ясно показываетъ, что, во время каменнаго періода, злаки эти воздѣлывались обитателями озеръ, обра-

[1]) Ibid., стр. 11—13.

тившими въ домашнее состояніе собаку, быка, барана и козу“ [1]).

Отсюда мы видимъ, что, на основаніи остатковъ фауны и флоры, сопровождающихъ культурные памятники человѣка, возможно создать широкую картину природы давно прошедшихъ временъ, прослѣдить очертанія береговъ моря, климатъ и т. п., а также опредѣлить образъ жизни человѣка, обогащеніе его домашними животными, культурными растеніями и т. п. Но еще бо́льшее значеніе этимъ остаткамъ сообщилъ профессоръ Иностранцевъ. Въ своемъ образцовомъ трудѣ: „Доисторическій человѣкъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера“, въ которомъ приняли участіе нѣсколько выдающихся русскихъ ученыхъ, онъ приводитъ цѣлые списки животныхъ и растеній, устанавливаетъ отношеніе ихъ къ современнымъ той же мѣстности, сравниваетъ съ древними, столь же тщательно изученными видами животныхъ и растеній Даніи и Швейцаріи, и полагаетъ въ основу своей оригинальной классификаціи древностей.

Въ послѣднее время нѣкоторые изъ русскихъ археологовъ обратили вниманіе на числовое сравненіе остатковъ домашнихъ животныхъ, залегающихъ въ разныхъ горизонтахъ жилыхъ слоевъ древнихъ городищъ, селеній и т. п.

Въ городищѣ „Дупа“, близъ г. Лихвина, Калужской губ., раскопками 1897 года, Н. В. Тепловъ [2]) установилъ дѣленіе жилого слоя на три горизонта, характеризующіеся различными типами вещей. Возрастъ верхняго поздивйшаго горизонта оказался датированнымъ арабскими монетами VIII вѣка. Возрасты другихъ горизонтовъ изслѣдователь опредѣлилъ на основаніи общаго характера вещей, содержавшихся въ этихъ горизонтахъ, и, такимъ образомъ, отнесъ средній изъ нихъ къ VI—VII, а нижній—къ IV—V

[1]) Ibid., стр. 18.

[2]) Изв. „Калужской Ученой Архивной Комиссіи“, 1899 г., вып. 1. стр. 15—20.

вѣкамъ. Сдѣлавъ подсчетъ зубовъ найденныхъ животныхъ, изслѣдователь составилъ слѣдующую таблицу:

	Equus caballus.	Sus scrofa.	Bos taurus.	Ovis.	Cervus alces.	Ursus arctos.	Castor fiber.	Canis domest.
Верхній слой. . . .	10	82	48	13	17	12	7	1
Средній слой. . . .	53	40	41	18	10	7	7	1
Нижній слой. . . .	128	34	23	36	10	1	1	1+3?

Изъ таблицы видно, что первые насельники городища занимались, главнымъ образомъ, коневодствомъ, а позднѣйшіе — свиноводствомъ; у первыхъ насельниковъ преобладалъ крупный, у позднѣйшихъ — мелкій домашній скотъ, что несомнѣнно указываетъ на обѣдненіе населенія, которое, видимо, старается пополнить недостатки существованія охотничьими промыслами. Такъ охота на бобровъ увеличилась въ 7, на медвѣдя въ 12 и на лося въ 2 раза.

Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы оцѣнить значеніе остатковъ фауны и флоры, сопровождающихъ культурные памятники человѣка. Игнорированіе ихъ не только обезцѣнитъ изслѣдованіе, но сдѣлаетъ его совсѣмъ ненаучнымъ. Поэтому археологъ обязанъ относиться къ этому матеріалу съ полнымъ вниманіемъ, и если самъ не въ состояніи научно освѣтить его, то долженъ представить спеціалистамъ. Малочисленность послѣднихъ и трудность сношеній съ ними является стимуломъ, побуждающимъ археолога къ изученію, по крайней мѣрѣ, тѣхъ остатковъ древней и современной флоры и фауны, которые чаще всего сопровождаютъ культурные памятники человѣка; таковы крупныя животныя мамонтовой фауны, таковы наиболѣе обычныя животныя, служившія цѣлью

охотъ, и домашнія животныя позднѣйшаго человѣка, таковы, наконецъ, главные представители мѣстной лѣсной флоры и культурныхъ растеній. Знаніе ихъ поможетъ и лучшей оріентировкѣ въ остальномъ матеріалѣ того же рода. Дѣло въ томъ, что для несвѣдущаго человѣка многое различное кажется одинаковымъ, и, вслѣдствіе этого, онъ, даже при желаніи имѣть образцы всѣхъ видовъ, не въ состояніи будетъ этого сдѣлать.

Изъ бытовыхъ предметовъ коллективныхъ памятниковъ первобытнаго человѣка обычными представляются издѣлія изъ камня, кости и глины, а въ болѣе поздніе эпохи и остатки металлическаго пропзводства. При выборѣ этихъ памятниковъ также требуется знаніе дѣла и большая осторожность. Слѣдуетъ твердо помнить, что каждый изъ этихъ памятниковъ представляетъ букву первобытной лѣтописи; и если непозволительно стирать буквы въ рукописныхъ лѣтописяхъ, то, казалось бы, тѣмъ болѣе должно быть непозволительнымъ уничтоженіе буквъ въ древнѣйшихъ вещественныхъ лѣтописяхъ. Во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ рѣшиться тѣ или другіе предметы подвергнуть уничтоженію, археологъ обязанъ тщательно и вполнѣ добросовѣстно изучить ихъ и описать. Всѣ первобытные коллективные памятники могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: памятники бытовые и памятники ритуальные. Наиболѣе типичными бытовыми памятниками являются стоянки, мастерскія, пещерныя жилища, свайныя постройки, кранноэки, селища и городища. Въ число ритуальныхъ памятниковъ входятъ жертвенныя мѣста и погребенія мертвыхъ.

Стоянки представляютъ разнаго рода отбросы и случайно или преднамѣренно оставленныя вещи на мѣстѣ временныхъ жилищъ или становищъ первобытнаго человѣка. Стоянки, обыкновенно, сопровождаются кострами, очагами, кухонными отбросами, рѣже остатками жилищъ.

Костры характеризуются скопленіями золы и угля на болѣе или менѣе ограниченныхъ участкахъ земли: средніе

размѣры костровъ, обыкновенно, варьируютъ около 1—2 аршинъ въ діаметрѣ.

Очаги представляютъ болѣе усовершенствованные костры. Простѣйшею формою очага является костеръ, снабженный камнями, служившими для поджариванія рыбной и, вѣроятно, мясной пищи. Болѣе сложною формою очага можно считать яму, спеціально приспособленную для разведенія въ ней огня.

Съ видами костровъ и очаговъ неолитической эпохи удобнѣе всего знакомиться на дюнныхъ стоянкахъ Европ. Россіи, гдѣ они часто обнажаются вѣтромъ и представляются настолько сохранными и свѣжими, что кажутся будто бы только оставленными первобытными хозяевами.

Около костровъ и очаговъ сосредоточиваются разнаго рода пищевые или кухонные отбросы, въ видѣ костей животныхъ, птицъ, рыбъ, раковинъ моллюсковъ, скорлупы плодовъ и т. п. Характерною особенностію древнѣйшихъ кухонныхъ отбросовъ служитъ отсутствіе остатковъ домашнихъ животныхъ и земледѣлія.

Мастерскія. Кромѣ кухонныхъ отбросовъ, близъ костровъ и очаговъ стоянокъ, нерѣдко находятся остатки разнаго рода производствъ, въ видѣ, напримѣръ, каменныхъ, гончарныхъ, костяныхъ и металлическихъ издѣлій. Большія скопленія подобныхъ остатковъ называютъ мастерскими. Мастерскія кремневыхъ орудій нерѣдко помѣщаются въ сторонѣ отъ стоянокъ; иногда около такихъ мастерскихъ находятся шахты для добыванія изъ болѣе глубокихъ слоевъ почвы необходимаго кремня.

Жилища стоянокъ. Жилища открытыхъ стоянокъ, вѣроятнѣе всего, представляли легкія сооруженія въ родѣ заслоновъ, шалашей и землянокъ, какими еще до настоящаго времени пользуются австралійскіе дикари. Отъ древнихъ заслоновъ и шалашей, въ большинствѣ случаевъ, не могло сохраниться никакихъ остатковъ. Только особенно счастливыя сочетанія благопріятныхъ условій въ состояніи предохранить ихъ отъ вліянія всесокрушающаго времени.

Такъ на Дубровической стоянкѣ (подъ г. Рязанью) удалось прослѣдить планъ одного сгорѣвшаго неолитическаго шалаша, остовъ котораго составляли тонкія жерди, поставленныя нижними концами по окружности круга. Гораздо лучше сохраняются остатки землянокъ, и они открыты во многихъ неолитическихъ стоянкахъ какъ въ Зап. Европѣ, такъ и въ Россіи. Въ послѣдней мы укажемъ на землянки, открытыя на берегу р. Днѣпра, въ Кіевѣ [1]), на берегу р. Оки, близъ г. Рязани, [2]) и на берегу рѣки Волги, у г. Балахны [3]). Въ болѣе позднихъ первобытныхъ стоянкахъ кое-гдѣ встрѣчаются остатки жилищъ, имѣвшихъ легкій деревянный остовъ, обмазанный глиною. Послѣ разрушенія такой постройки, куски глиняной обмазки, попадая въ почву, долго сохраняютъ свою форму и отпечатокъ той деревянной основы, на которой они первоначально находились. Древнѣйшія изъ такихъ жилищъ были найдены въ Австріи, близъ Вѣны [4]), они относятся къ началу бронзовой эпохи.

Пещерныя жилища. Пещеры, служившія человѣку жилищами, дѣлятся на два рѣзко обособленныхъ типа: естественныхъ и искусственныхъ пещеръ.

Естественныя пещеры представляютъ болѣе или менѣе обширныя пустоты въ горныхъ, преимущественно, известковыхъ породахъ почвы. Такія пустоты съ древнѣйшихъ временъ служили убѣжищами животныхъ и человѣка. Изученіе ихъ представляетъ большой научный интересъ не только для археолога, но и для геолога, палеонтолога, зоолога и др. Полости такихъ пещеръ постепенно заполняются разнаго рода отложеніями, какъ бы классифици-

[1]) Арх. Изв. и Зам. 1898 г. № 11 и 12, стр. 378. Труды X Арх. С., т. III, прот. 83.

[2]) В. А. Городцовъ. „Жилища неолитической эпохи въ дол. р. Оки“, Тр. VIII Арх. С.

[3]) Спицынъ и Каменскій. „Стоянка каменнаго вѣка близъ Балахны“. Зап Отд. Русск. и Слав. арх. Имп. Русск. Арх. Общ., т. VII, в. 1.

[4]) Арх. Изв. и Замѣтки, 1899 г. № 1—2, стр. 62.

рующими содержимые въ нихъ остатки животныхъ и человѣка. Изъ этихъ отложеній особенный интересъ представляютъ сталактиты и сталагмиты; они образуются только въ известковыхъ пещерахъ, при условіи проникновенія въ нихъ дождевой воды. Проникая черезъ растительные слои, эта вода насыщается углекислотой и получаетъ способность растворять известь, вслѣдствіе чего, просачиваясь черезъ слои известняка, она обогащается известью. Но когда капля такой воды выходитъ наружу, то начинаетъ испаряться, а известь осаждается на твердой поверхности пещеры. Современемъ, на мѣстахъ просачиванія водяныхъ капель образуются длинныя сосульки, которыя называются *сталактитами*. При болѣе обильномъ просачиваніи воды, капли съ потолка падаютъ на полъ пещеры и здѣсь уже, окончательно испарившись, отлагаютъ весь свой запасъ извести, образуя изъ нея холмики, извѣстные подъ названіемъ *сталагмитовъ*. Когда вода стекаетъ по стѣнамъ пещеръ, то и стѣны покрываются особою *сталактитовою корою*.

Отложенія сталактитовъ и сталагмитовъ совершаются настолько равномѣрно, что нѣкоторые изслѣдователи полагали возможнымъ, по объему ихъ отложенія въ опредѣленную единицу времени, сдѣлать хронологическія вычисленія, и, хотя такія попытки нельзя признать вполнѣ удачными, тѣмъ не менѣе съ самымъ явленіемъ необходимо считаться, т. к. несомнѣннымъ представляется, что предметъ, лежащій подъ сталагмитомъ, попалъ на свое мѣсто ранѣе, чѣмъ предметъ, лежащій сверхъ этой корки. Значеніе такого явленія увеличивается еще тѣмъ, что искусственное введеніе предмета подъ сталагмитъ въ болѣе позднее время легко узнается по нарушенію твердой конструкціи отложеній и, такимъ образомъ, избавляетъ насъ отъ разнаго рода недоразумѣній и фальсификацій.

Обитаемыми естественными пещерами особенно славится Франція. Эти пещеры обогатили археологію многими драгоцѣнными памятниками первобытной культуры, имѣли

большое вліяніе на выработку относительной классификаціи памятниковъ глубочайшей древности, познакомили насъ съ фауной и самимъ человѣкомъ того времени.

Самыми замѣчательными являются многочисленныя пещеры въ долинѣ р. Везера и Дордоньи. Въ другихъ странахъ подобныя пещеры встрѣчаются рѣже и значительно бѣднѣе. Еще менѣе ихъ извѣстно въ Россіи. Гр. А. С. Уваровъ, въ своемъ капитальномъ трудѣ по „Каменному періоду", даетъ подробный обзоръ по возможности всѣхъ пещеръ, но изъ нихъ обитаемыхъ первобытнымъ человѣкомъ оказалось немного. Наиболѣе замѣчательною является Мамонтовая пещера, открытая на берегу р. Рудавы, притока Вислы, въ Кѣлецкой губ., гдѣ, на ряду съ каменными орудіями, были найдены кости мамонта, кости и просверленые зубы пещернаго медвѣдя, волка, лисицы и др.

Естественными пещерами человѣкъ пользовался весьма долго, а нѣкоторыя племена австралійцевъ, веддовъ, бушменовъ живутъ въ нихъ и до настоящаго времени. „Весьма часто, говоритъ гр. А. С. Уваровъ, на самомъ днѣ пещеры лежатъ орудія палеолитической эпохи, а въ высшихъ слояхъ иловаго наслоенія попадаются уже шлифованныя орудія неолитической эпохи. Даже иногда еще выше, или на самой поверхности наносовъ, встрѣчаются и металлическіе предметы. Въ такомъ случаѣ мы наглядно убѣждаемся, что первобытный человѣкъ хранилъ свою пещеру не только въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній, но даже и въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ и періодовъ культурнаго развитія"[1]). На ряду съ древнѣйшими пещерными жилищами иногда встрѣчаются *убѣжища* (abri) подъ нависшими скалами. Въ Россіи такое убѣжище указывается въ окрестностяхъ Инкермана [1]).

Достигнувъ болѣе высокой степени культурнаго развитія, человѣкъ стремится усовершенствовать естественныя

[1]) Гр. Уваровъ. „Каменный періодъ", I, 185.

пещеры, стараясь передѣлать ихъ въ болѣе удобныя жилища или приспособить ихъ къ новымъ требованіямъ быта. Въ Крыму и на Кавказѣ такимъ путемъ естественныя пещеры преобразовались въ цѣлые пещерные города, съ улицами, лѣстницами, церквами и изящнымъ жильемъ [1]). Повидимому, такимъ же путемъ возникли великолѣпные, подземные храмы и катакомбы въ Индіи, Египтѣ, Италіи и др. странахъ, высѣченные въ каменныхъ породахъ почвы. Параллельно съ усовершенствованіемъ естественныхъ пещеръ возникаютъ искусственныя пещерныя жилища, въ менѣе плотныхъ глинистыхъ, преимущественно, лёссовыхъ почвахъ. Цѣлые десятки ихъ найдены по берегамъ рѣки Днѣпра и другимъ мѣстностямъ Ю. Россіи. Многіе китайцы пользуются такими жилищами и до настоящаго времени.

Убѣжища подъ скалами (*surplombs*). Стоянки подъ защитой нависшихъ или очень крутыхъ скалъ. Такія убѣжища обычны въ гористыхъ мѣстностяхъ, гдѣ они, мѣстами, сохранились и до настоящаго времени.

Свайныя постройки. Конецъ каменнаго періода въ Европѣ ознаменовался появленіемъ жилищъ на водѣ. Вѣроятно, ради наилучшей защиты отъ внезапныхъ нападеній враждебныхъ сосѣдей или изъ какихъ-либо другихъ соображеній, нѣкоторыя племена рѣшили перенести свои жилища съ суши на воды озеръ и болотъ. Съ этою цѣлью они въ дно вбивали сваи, покрывали послѣднія настилкой и сооружали жилища, получившія въ настоящее время названіе „свайныхъ построекъ“. Такія постройки въ Африкѣ, Новой Гвинеѣ и др. мѣстностяхъ сооружаются до сихъ поръ. Въ Европѣ онѣ также существовали еще въ историческую эпоху. Геродотъ говоритъ, что во Ѳракіи, на озерѣ Празіасѣ, былъ построенъ цѣлый свайный городъ, который безуспѣшно осаждалъ Мегабизъ, полководецъ Дарія Гистаспа. Но наибольшій расцвѣтъ свайныхъ поселе-

[1]) Ibid., 185.

ній совпадаетъ съ болѣе ранней доисторической порой, именно съ бронзовой эпохой: первое же появленіе ихъ восходитъ, какъ сказано, къ концу неолитической эпохи.

Терramары представляютъ разновидность свайныхъ построекъ. Онѣ найдены только въ верхней Италіи. Остатки терramаръ въ настоящее время представляютъ видъ плосковатыхъ четырехугольныхъ кургановъ, 2—5 метровъ высоты, 97 – 200 м. длины и 74—150 метровъ ширины, но первоначальная ихъ форма была другою: это были укрѣпленныя поселенія, окруженныя валомъ и воднымъ рвомъ. Рву придавали четырехугольную форму ромба, трапеціи, но чаще всего прямоугольника. Валъ укрѣплялся сваями, фашинами и ряжами или деревянными срубами. Внутри вала строились помосты на сваяхъ, служившихъ основаніемъ хижины. Время терramаръ относятъ къ ранней бронзовой эпохѣ въ Италіи, т. е. приблизительно ко II тысячелѣтію до Р. Хр. [1]).

Кранноги также являются разновидностью свайныхъ поселеній. Они извѣстны въ Англіи и главнымъ образомъ въ Ирландіи. Сооруженіе ихъ велось слѣдующимъ образомъ: на дно озера или болота клали дубовыя балки, укрѣпляя ихъ вертикальными стойками, футовъ 6—8 высоты, и создавая кругообразную загородку, раздѣленную внутри подобными же деревянными перегородками на нѣсколько отдѣленій, которыя потомъ заполняли иломъ, грязью, а иногда камнями; въ результатѣ получался островъ, удобный для возведенія на немъ жилищъ. Кранноги относятъ къ болѣе позднему времени, хотя въ нихъ и найдены каменныя орудія [2]).

Плотинныя жилища. На обширной площади Россійской имперіи до сихъ поръ не были найдены ни свай-

[1]) Гернесъ М. „Исторія первоб. человѣчества“, 35—56. — Модестовъ В. „Откуда пришли и кто были латиняне“. Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1898 г. ноябрь, стр. 16—19. Его же. „Введ. въ Римск. Ист.“, часть I, стр. 104—140.

[2]) Ч. Ляйэлль. „Геологич. доказ. древности человѣка“, стр. 26—28.

ныя постройки, ни террамары, ни крапножи; но въ разныхъ пунктахъ отысканы сооруженія, напоминающія каменныя плотины, на поверхности которыхъ возводились жилища. Наиболѣе характернымъ плотиннымъ сооруженіемъ является открытое на холмѣ Черепковъ, въ поемной долинѣ р. Оки, близъ с. Дубровичи, верстахъ въ 12 отъ г. Рязани. Въ настоящее время оно представляетъ видъ холма, окруженнаго почти со всѣхъ сторонъ водою. Холмъ сооруженъ изъ кусковъ известковаго камня и песка. На поверхности холма были возведены жилыя помѣщенія въ видѣ небольшихъ круглыхъ землянокъ. Время сооруженія относится къ неолитической эпохѣ [1]).

Остатки подобныхъ сооруженій открыты на верховьяхъ р. Волги и на островѣ Эзелѣ; на послѣднемъ возникновеніе ихъ относятъ къ болѣе позднему времени [2]).

Къ плотиннымъ жилищамъ, по своей конструкціи и назначенію, тѣсно примыкаютъ, такъ называемыя, болотныя городища. Эти городища представляютъ видъ болѣе или менѣе округлыхъ, плоскихъ холмовъ, расположенныхъ или въ поемныхъ долинахъ рѣкъ, или среди болотныхъ равнинъ. Весною, во время разлива воды, болотныя городища и въ настоящее время представляются островами; ранѣе же, когда почва не была такъ суха, они, вѣроятно, представлялись островами и въ продолженіе всего теплаго времени года. Остатки этихъ интересныхъ жилищъ наблюдались въ разныхъ пунктахъ Евр. Россіи, но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не получили достаточнаго научнаго освѣщенія. Время ихъ, судя по имѣющимся даннымъ, не древнѣе желѣзной эпохи.

Городища. Типичныя городища характеризуются присутствіемъ земляного вала. Количество городищъ въ Россіи — громадно. Формы ихъ довольно разнообразны, но пре-

---

[1]) В. Городцовъ. „Жилища неолитической эпохи въ долинѣ р. Оки".

[2]) А. А. Благовѣщенскій. „Островъ Эзель и его древности". Сборникъ Арх. Инст. 1881 г. кн. 5.

обладаютъ трехугольныя, огражденныя съ двухъ сторонъ естественными рвами — оврагами, и съ третьей — однимъ или нѣсколькими искусственными валами и рвами. Нерѣдко бока естественныхъ овраговъ обрѣзались, подправлялись, съ очевидною цѣлью сдѣлать ихъ менѣе доступными. Валы устраивались различными способами: одни изъ простой земли, вынутой изъ прилегающихъ рвовъ, другіе изъ той же почвы, но искусственно уплотненной, третьи сооружались изъ обожженныхъ слоевъ глины, четвертые складывались изъ камня и, наконецъ, пятые—изъ камня сплавленнаго на огнѣ. Валы изъ камня извѣстны въ Австріи, въ странѣ чеховъ [1]); валы изъ сплавленнаго камня — во Франціи, Индіи и др. [2]). Прочіе виды существуютъ въ Россіи.

Селища. Остатки древнихъ селищъ, или селеній, имѣютъ большое сходство со стоянками. Ихъ отличительными признаками являются скотоводство и земледѣліе.

Въ составъ ритуальныхъ, коллективныхъ памятниковъ входятъ жертвенныя мѣста, храмы, погребенія мертвыхъ.

Жертвенныя мѣста характеризуются памятниками вотивнаго, или обѣтнаго, характера; таковы уменьшенные предметы бытового характера, головы или рога животныхъ и т. п. За отсутствіемъ такихъ признаковъ подобныя мѣста не отличаются отъ остатковъ стоянокъ или селищъ.

Жертвенныя мѣста у болѣе развитыхъ доисторическихъ народовъ получили видъ храмовъ, т.-е. зданій, спеціально предназначенныхъ для богослуженій и религіозныхъ обрядовъ. Въ предѣлахъ Россіи остатковъ первобытныхъ храмовъ не извѣстно, имѣются лишь жертвенныя мѣста, называемыя костищами. Особенно замѣча-

---

[1]) Шидерле Л. д-ръ. „Чел-во въ доисторич. времена“, стр. 538 и др.
[2]) Barthélemy F. „Camps vitrifiés et camps calcinés“.

тельно Гляденовское костище, изслѣдованное Новокрещеннымъ [1]).

Погребенія. Несравненно многочисленнѣе и разнообразнѣе являются памятники погребеній. Обряды погребенія возникли въ неолитическую эпоху; ранѣе же ихъ, повидимому, совсѣмъ не существовало. Возникнувъ, обряды скоро приняли различныя формы: однихъ покойниковъ зарывали въ землю, другихъ полагали на деревьяхъ, третьихъ бросали въ воду, четвертыхъ—въ огонь. Отъ первыхъ сохранялся костякъ, отъ вторыхъ и третьихъ или ничего не сохранялось, или разсыпавшіяся отдѣльныя кости и, наконецъ, отъ четвертыхъ—остатки жженыхъ костей, которые, если ихъ зарывали въ землю, сохранялись очень долго.

Для археолюга особенный интересъ представляютъ сохранившіеся остатки цѣлыхъ погребеній. Древніе люди, достигнувъ нѣкотораго умственнаго развитія, пришли къ заключенію, что человѣкъ продолжаетъ жить и послѣ смерти въ загробномъ краю. Благодаря такой вѣры, они начинаютъ сопровождать своихъ покойниковъ разными вещами домашняго быта, чтобы эти вещи служили покойнику и въ загробной жизни, которая представлялась имъ по образцу земной. Еще позже, по чувству привязанности и уваженія къ покойнымъ, стали украшать могилы, возводя надъ ними разнаго рода сооруженія и монументы и придавая самимъ могиламъ формы жилищъ. Такъ возникли курганы, пирамиды, катакомбы и т. п. Въ послѣднее время разныя комбинаціи типовъ погребеній получили особыя названія. Мы разсмотримъ наиболѣе важные изъ нихъ.

Кладбище. Этимъ именемъ въ Россіи называются всѣ современныя мѣста погребеній покойниковъ, безъ различія религіозныхъ обрядовъ; такъ существуютъ кладбища христіанскія, магометанскія, еврейскія и т. п. Ихъ при-

[1]) Зап. Русск. Арх. Общ., т. XII, вып. 1 и 2.

знаками служитъ спеціальность назначенія для погребеній, вслѣдствіе чего кладбища изобилуютъ покойниками. Отдѣльныя могилы получаютъ разнаго рода внѣшнія отличія въ видѣ земляныхъ холмовъ или холмовъ изъ камня, отдѣльныхъ безыскусственныхъ или искусственно обработанныхъ камней, деревянныхъ, каменныхъ и металлическихъ крестовъ, рѣшетокъ, каменныхъ и металлическихъ изваяній, иногда высоко-художественной работы, наконецъ, цѣлыхъ часовенъ и храмовъ. Каждый изъ этихъ памятниковъ получилъ начало въ болѣе или менѣе глубокой древности и въ своей исторіи заключаетъ развитіе какой-нибудь древней спеціальной идеи.

Могильники. Такъ называютъ кладбища болѣе древнихъ доисторическихъ временъ. На могильникахъ обыкновенно не сохранилось никакихъ внѣшнихъ признаковъ. Ихъ открытіе является всегда болѣе или менѣе случайнымъ. Покойники въ могильникахъ, какъ въ кладбищахъ, лежатъ въ большомъ количествѣ. Въ могильникахъ находятъ простыя погребенія и трупосожженія. Интересны могильники, сопровождаемые большимъ количествомъ глиняныхъ сосудовъ. Имъ присвоено названіе „полей погребальныхъ урнъ“. Такіе могильники открыты въ Западн. Европѣ и въ Россіи. Полагаютъ, что они принадлежатъ славянамъ или германцамъ и относятся ко временамъ, близкимъ къ христіанской эрѣ.

Курганы и курганные могильники. Курганами особенно богата Россія. Курганы, то стоятъ одиночно, то группируются въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ. Въ послѣднемъ случаѣ они получаютъ названіе курганныхъ могильниковъ.

При изученіи каждаго кургана въ отдѣльности требуется обращать вниманіе, какъ на устройство и форму насыпи, такъ и на устройство погребальнаго ложа.

Въ курганахъ покойниковъ полагали или въ грунтѣ, ниже горизонта, или на горизонтѣ, или въ насыпи, выше горизонта. Въ грунтѣ для покойника вырывались ямы и

катакомбы. Въ ямахъ нерѣдко возводились разнаго рода сооруженія въ видѣ срубовъ, каменныхъ ящиковъ, склеповъ и т. п. Катакомбы также, нерѣдко, получали весьма сложную конструкцію, обращаясь въ цѣлые лабиринты. Начало свое онѣ получили отъ жилыхъ искусственныхъ и естественныхъ пещеръ.

На горизонтѣ остатки покойниковъ полагались или безъ всякихъ сооруженій для нихъ, или въ срубахъ, каменныхъ ящикахъ и т. п. Точно также полагались и въ насыпи.

Насыпи кургановъ имѣютъ видъ холма. Формы ихъ довольно разнообразны; онѣ, то круглы, полушарны или расплывчаты, съ вершиной надъ центромъ основанія или сбоку центра, то вытянуты съ одною и двумя вершинами; въ послѣднемъ случаѣ курганы, иногда, называются „чубатыми“.

Насыпи сооружались чаще всего изъ почвы, взятой вокругъ кургана, но иногда ихъ сооружали изъ привозной почвы, или изъ однихъ камней. Наружность земляной насыпи, также нерѣдко, обкладывали камнями, то покрывавшими всю насыпь сплошь, то по подошвѣ, то по вершинѣ, гдѣ иногда ставили большіе одиночные камни или каменныя изваянія и т. п.

Башни и тирамиды. Кромѣ земляныхъ насыпей надъ могилами покойниковъ или для помѣщенія покойниковъ сооружались особыя каменныя зданія. На Кавказѣ: въ Осетіи, Кабардѣ, Чечнѣ и др. существовалъ обычай сооружать для покойниковъ небольшія каменныя башни и каменные домики съ двухскатною крышею. На переднемъ фасѣ, башни имѣютъ небольшія отверстія, черезъ которыя вкладывались трупы покойниковъ [1]).

У парсовъ огнепоклонниковъ существуютъ до настоящаго времени особаго устройства башни, называемыя „башнями молчанія“. Покойники полагаются на плоскую

[1]) Гр. П. С. Уварова. „Мог. Сѣв. Кавказа“, стр. 4, 104 и др.

крышу, а когда ихъ трупы уничтожаются птицами, то кости сбрасываются въ колодезь, сооружаемый внутри башни. Этотъ обычай—очень древній. Среди послѣдователей законовъ Заратхустры, погребеніе покойниковъ въ землѣ считалось большимъ преступленіемъ и осквернениемъ послѣдней. Во избѣжаніе такого грѣха еще древніе персы стали строить башни молчанія „дохма", гдѣ трупы съѣдались птицами, послѣ чего, очищенныя отъ мяса, кости хоронились въ особыхъ ямахъ или склепахъ [1]). Въ Египтѣ для знатнѣйшихъ погребеній сооружались пирамиды, которыя вызываютъ изумленіе своими громадными размѣрами.

Тумулусы. Тумулусами (лат. tumulus—холмъ) въ Зап. Европѣ называются курганы съ погребальными камерами внутри. Ихъ особенно много въ Даніи. Камеры сооружаются изъ камня, имѣютъ видъ комнаты; иногда въ нихъ ведутъ корридоры, сложенные также изъ камня служившіе для приноса новыхъ покойниковъ въ камеры.

Менгиры, кромлехи, дольмены. Поименованные памятники еще недавно относили къ каменному періоду, называя ихъ мегалитическими памятниками, но въ послѣднее время все болѣе и болѣе накопляется доказательствъ въ пользу принадлежности ихъ къ болѣе позднему времени. Площадь распространенія памятниковъ громадна: они обнимаютъ всѣ материки стараго свѣта, даже проникаютъ на острова Австраліи. Названія ихъ взяты изъ бретанскаго нарѣчія, гдѣ ихъ ранѣе всего подвергли изученію, полагая, что они представляютъ изъ себя остатки религіозныхъ сооруженій друидовъ, или жрецовъ древнихъ галловъ.

Названіе менгиръ заимствовано отъ men — камень и hir—высокій. Такимъ именемъ называются большіе продолговатой формы камни, поставленные вертикально, въ

[1]) Гр. А. С. Уваровъ. „Курганы съ расчлененіемъ близъ с. Дербента". М. 1887, стр. 5 и 6.

видѣ обелиска. Назначеніе ихъ не выяснено, хотя всѣ изслѣдователи согласно приписываютъ имъ религіозное значеніе: одни полагаютъ, что менгирами обозначались мѣста святилищъ, другіе склонны въ нихъ видѣть надгробные памятники, хотя слѣдовъ погребеній, по крайней мѣрѣ въ Зап. Европѣ, подъ ними ни разу не было найдено.

Менгиры извѣстны въ Бретани, Англіи, Скандинавіи, Ю. Россіи, средней Сибири и др. Весьма правдоподобнымъ представляется, что извѣстныя въ Россіи и Сибири каменныя бабы получили свое начало именно отъ менгировъ. Возможно также, что въ связи съ ними находятся и тѣ удивительные вертикально-поставленные камни съ изображеніемъ человѣческихъ лицъ, которые открыты на остр. Св. Пасхи, въ Австраліи, хотя всѣ эти памятники настолько примитивны, что возникновеніе ихъ у разныхъ народовъ могло итти и совершенно самостоятельными путями.

Кромлехи (krom—кругъ и lech—камень) представляютъ сочетаніе нѣсколькихъ менгировъ, расположенныхъ по окружности круга, въ центрѣ котораго иногда находится дольменъ.

Дольменъ (dol—столъ и men—камень) представляетъ четырехугольный ящикъ, составленный изъ четырехъ каменныхъ плитъ, покрытыхъ сверху пятою болѣе обширною плитою. Имѣются и другія формы дольмена; такъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ дольменъ состоитъ всего лишь изъ двухъ камней: одного поставленнаго на ребро и другого положеннаго однимъ концомъ на первый камень, а другимъ—на землю; въ другихъ случаяхъ дольменъ является составленнымъ изъ цѣлаго ряда камней, расположенныхъ по окружности круга, овала, эллипсиса и прикрытыхъ сверху одною плитою. Нѣкоторые дольмены внутри имѣютъ перегородку. Въ стѣнахъ ихъ иногда встрѣчаются четырехугольныя и круглыя отверстія, затыкавшіяся особыми каменными пробками, по формѣ на-

поминающими грибъ. Иногда стѣны дольменовъ покрывались орнаментами, фигурами людей и животныхъ.

Назначеніе дольменовъ въ настоящее время точно установлено: они служили мѣстами погребеній. Распространеніе дольменовъ чрезвычайно обширно. Ихъ находятъ въ Европѣ, Азіи и Африкѣ, вокругъ Средиземнаго моря, самые же крайніе изъ нихъ найдены въ Исландіи и Индіи.

Заканчивая на этомъ наше первое знакомство съ главными видами коллективныхъ памятниковъ, болѣе близкое знакомство съ ними мы оставимъ до времени историческаго обзора развитія первобытной культуры, когда намъ потребуется выяснить и время ихъ появленія, и площадь распространенія, и назначеніе, и принадлежность тѣмъ или другимъ народамъ.

Эолитическая эпоха.

Эолитической эпохой человѣческой культуры называется время, совпадающее съ третичнымъ геологическимъ періодомъ. Поэтому, вмѣсто эолитическая нерѣдко говорятъ, третичная эпоха, заимствуя отъ послѣдняго термина и многіе производные, напр., „третичная культура“, „третичный человѣкъ“ и т.п.

Терминъ „эолитическая эпоха“ впервые данъ французскимъ археологомъ Габріелемъ Мортилье въ 1873 году и въ послѣднее время получилъ всеобщее распространеніе.

Вопросъ объ эолитическомъ человѣкѣ до настоящаго времени остается весьма спорнымъ. Его рѣшаютъ двумя путями: логическимъ и фактическимъ.

При изученіи вопроса о происхожденіи человѣка, мы видѣли, что развитіе всѣхъ живыхъ организмовъ совершается по одному плану, путемъ послѣдовательныхъ, крайне медленныхъ накопленій новыхъ особенностей, закрѣпощаемыхъ потомствомъ. Отсюда становится логически необходимымъ, чтобы палеолитическій, или четвертичный, чело-

вѣкъ, существованіе котораго представляется положительнымъ фактомъ, имѣлъ своего предшественника и въ болѣе раннюю, т.-е. эолитическую эпоху, при чемъ позднѣйшіе эолитическіе и самые ранніе палеолитическіе люди должны быть наиболѣе похожими другъ на друга.

На послѣднемъ Международномъ конгрессѣ доисторической археологіи въ Монако, 1906 г., нѣкоторые археологи указали на то, что древнѣйшія палеолитическія кремневыя орудія слишкомъ совершенны, чтобы не имѣть своихъ предшественниковъ, а поэтому необходимо заключить о существованіи еще болѣе примитивныхъ орудій въ предшествующую эолитическую эпоху.

Таковы главные логическіе выводы. Полагая, что они правильны, все-таки, для положительной достовѣрности, требуется фактическое подтвержденіе. Въ виду послѣдняго, уже десятки лѣтъ большое вниманіе удѣляется на отысканіе вещественныхъ памятниковъ эолитическаго человѣка.

Габріель, а позже и сынъ его Адріанъ Мортилье посвятили много труда для изученія явленій, принимавшихся и принимаемыхъ за признаки существованія эолитическаго человѣка. Данный ими критическій анализъ этихъ явленій представляетъ большой научный интересъ, и желающему заняться спеціально изученіемъ вопроса необходимо поближе познакомиться съ коллективною работою почтенныхъ археологовъ,

Весь матеріалъ, приводимый до настоящаго времени въ доказательство существованія эолитическаго человѣка, дѣлится на три группы: 1) кости ископаемыхъ третичныхъ животныхъ, покрытыя зарубами и нарѣзами, напоминающими искусственные зарубы и нарѣзы, воспроизведенные вооруженною рукою человѣка; 2) кости самаго человѣка, найденныя въ третичныхъ отложеніяхъ почвы, и, наконецъ, 3) кремни, какъ бы носящіе признаки искусственной обработки.

Въ 1863 году французскій геологъ Ж. Денуайе, при изслѣдованіи, въ Сенъ-Пре, пліоценовыхъ отложеній, со-

стоящихъ изъ песка и гравія, нашелъ кости Elephas meridionalis, покрытыя нарѣзами, произведенными, какъ полагалъ изслѣдователь, эолитическимъ человѣкомъ при помощи кремневыхъ орудій. Однако, болѣе серьезное изученіе нарѣзовъ привело къ заключенію, что они не были произведены человѣкомъ. Впослѣдствіи также выяснилось, что Elephas meridionalis жилъ не только въ эолитическую, но и палеолитическую эпоху, а слѣдовательно самъ по себѣ не могъ представить тотъ интересъ, какой ему хотѣли сообщить, въ случаѣ положительнаго доказательства прикосновенія къ нему руки человѣка его времени.

Въ 1867 году аббатъ Делоней открылъ, близъ Пуансе, остатки Halitherium'a, третичнаго ископаемаго изъ семейства куницъ, съ зарубами и глубокими нарѣзами на ребрахъ. Однако, расположеніе и форма зарубовъ и нарѣзовъ позволяли приписать ихъ не человѣку, а только зубамъ большихъ хищниковъ изъ семейства акулъ, пожиравшихъ трупы животныхъ, случайно попадавшихъ на прибрежныя морскія мели, гдѣ и были найдены кости Halitherium'a.

Позже, при совершенно аналогичныхъ условіяхъ, нашли кости тѣхъ же животныхъ (Halitherium'овъ) и съ такими же зарубами и нарѣзами въ пескахъ Chazé и Chavognes-les-eaux, но и онѣ также оказались обработанными зубами акулъ.

Въ то же время Buck нашелъ въ пліоценовыхъ отложеніяхъ Суффолька зубы акулы Carcharodon, имѣвшіе сквозныя сверлины, какъ бы для подвѣшиванія ихъ въ ожерельяхъ. Тотчасъ же была высказана мысль, что сверленіе зубовъ дѣло рукъ эолитическаго человѣка, хотя на самомъ дѣлѣ оно было выполнено моллюсками-литофагами, жившими въ пліоценовыхъ моряхъ.

Особенно много шума сдѣлали и привлекли большое вниманіе находки профессора геологіи Болонскаго университета Канеллини (Capellini), который, въ 1876 году, представилъ Международному конгрессу антропологіи и доисторической археологіи остатки скелета китообразнаго жи-

вотнаго Baloenotus fossilis изъ Монте-Аперто, съ ясными, по его мнѣнію, слѣдами дѣйствія руки человѣка, вооруженной кремнемъ.

Дѣйствительно, на твердыхъ костяхъ взрослаго ископаемаго животнаго были видны многочисленныя зарубы и нарѣзы, расположенныя исключительно на наружныхъ поверхностяхъ реберъ. Капеллини объяснилъ это явленіе тѣмъ, что животное застряло на обмелѣвшемъ берегу моря, гдѣ имъ овладѣлъ человѣкъ и при помощи кремневыхъ орудій отдѣлялъ отъ костей куски мяса.

Многіе члены конгресса примкнули къ объясненію Капеллини, но нѣкоторые указывали на возможность поврежденія костей отъ тренія животнаго, бившагося на мели, объ острые углы камней или отъ острыхъ зубовъ нападшихъ рыбъ и др. животныхъ.

Проф. Капеллини продолжалъ демонстрировать свою находку на конгрессахъ въ Парижѣ, въ 1878 г., въ Лиссабонѣ, въ 1880 г., пока, наконецъ, не былъ убѣжденъ въ ошибкѣ. Мажито (Magitot), на Парижскомъ конгрессѣ, въ присутствіи всѣхъ членовъ, произвелъ рядъ интереснѣйшихъ опытовъ. Нанося удары по свѣжимъ китовымъ ребрамъ то клювомъ „меча-рыбы“, то клювомъ „пилы-рыбы“, то тесанными кремнями, онъ доказалъ, что ни кремни, ни клювы „пилы-рыбы“ не въ состояніи произвести такихъ поврежденій, какія имѣются на ископаемыхъ костяхъ Baloenotus'a, но быстрые и сильные удары клювомъ „меча-рыбы“, направленные на поверхности реберъ кита, могутъ ихъ воспроизвести съ нѣкоторою точностью. Однако, еще позже, положительно удалось установить, что изслѣдуемые нарѣзы сдѣланы зубами акулъ, которыя и въ настоящее время производятъ совершенно такіе же нарѣзы на костяхъ пожираемыхъ ими животныхъ.

Такихъ примѣровъ существуютъ десятки. Вызванные въ свѣтъ, какъ доказательства существованія эолитическаго человѣка, всѣ они, безъ исключенія, были опровергнуты; однако и имъ наука обязана нѣкоторыми положи-

тельными успѣхами: прежде всего, они заставили внимательно изучить явленія, въ родѣ знаковъ на костяхъ, ранѣе не обращавшія на себя никакого вниманія; затѣмъ, благодаря изученія ихъ, доисторическая археологія обогатилась цѣлымъ рядомъ признаковъ, по которымъ возможно судить, произведены ли извѣстныя явленія человѣкомъ, животными или просто силами неодушевленной природы.

Не болѣе удачными оказались попытки доказать существованіе эолитическаго человѣка на основаніи находокъ человѣческихъ костей въ третичныхъ отложеніяхъ. Большою популярностью пользовался „калифорнскій черепъ“. Въ 1866 году геологъ Витней (Whitney) редакторъ геологическаго журнала въ Калифорніи, получилъ черепъ человѣка, будто бы выкопанный, на глубинѣ 153 футовъ, изъ третичныхъ аллювіальныхъ, золотоносныхъ наносовъ. Витней придалъ преувеличенное значеніе находкѣ и рекламировалъ её сначала на Парижскомъ международномъ конгрессѣ антропологіи и доисторической археологіи, въ 1867 г.; затѣмъ въ журнальныхъ статьяхъ и частной перепискѣ къ ученымъ Европы, благодаря чего, въ продолженіи, почти десяти лѣтъ, черепъ пользовался незаслуженнымъ вниманіемъ, возбуждалъ научные споры и изслѣдованія, пока, наконецъ, на Брюссельскомъ конгрессѣ, не было окончательно доказано его позднее происхожденіе и принадлежность субъекту эскимосской расы.

Та же участь постигла и „савонскій человѣческій скелетъ“, найденный Артуромъ Исселемъ въ пліоценовомъ мергелѣ, содержавшемъ большое количество ископаемыхъ устрицъ и др. раковинъ, характерныхъ для пліоцена. Внимательное изученіе условій этой находки привело, однако, къ заключенію о принадлежности скелета позднему человѣку историческаго времени.

Подобные поиски имѣли одинъ важный результатъ, именно, они способствовали окончательному выясненію того, что, если человѣкъ и существовалъ въ эолитическую эпоху, то онъ долженъ былъ сильно отличаться отъ со-

временнаго человѣка, и это потому, что ни одинъ третичный зоологическій видъ не сохранился въ первоначальной чистотѣ и теперь едва можетъ быть узнанъ въ своихъ отдаленныхъ потомкахъ; поэтому было бы невѣроятнымъ предположеніе, что одинъ только человѣкъ остался неизмѣненнымъ, въ особенности, если принять во вниманіе естественно-историческій законъ, по которому чѣмъ совершеннѣе организація живого существа, тѣмъ быстрѣе совершаются ея измѣненія. Въ виду этого закона, большинство и наиболѣе авторитетныхъ ученыхъ полагаютъ, что въ третичную (эолитическую) эпоху предокъ человѣка имѣлъ другой отличный отъ современнаго видъ и походилъ болѣе на обезьяну, чѣмъ на современнаго человѣка. Такого мнѣнія держатся Геккель, Годри, Мортилье, Дарвинъ и др. Вслѣдствіе же этого, всѣ кости человѣка современнаго его вида, въ какихъ бы слояхъ онѣ ни находились, не могутъ быть относимы къ эолитической эпохѣ.

Болѣе положительныя доказательства существованія эолитическаго человѣка хотѣли извлечь изъ кремней, какъ бы носившихъ признаки обработки ихъ рукою человѣка.

Въ 1867 году, въ одномъ изъ засѣданій Парижскаго международнаго конгресса антропологіи и доисторической археологіи, аббатъ Буржуа сдѣлалъ докладъ: „Étude sur des silex travallés trouvés dans les dépôts tertiaeres de la commune de Thenay, près Pontlevoy (Loir et Cher)“, этюдъ объ оббитыхъ кремняхъ, найденныхъ въ третичныхъ отложеніяхъ общины Тенэй, близъ Понлевуа, въ департаментѣ Луары и Шера [1]).

„Я, говорилъ Буржуа, внимательно сравнилъ эти третичныя орудія съ тѣми, которыя мною были собраны въ большомъ количествѣ на поверхности почвы той же самой мѣстности, и тотчасъ же замѣтилъ полное сходство въ

[1]) „Compte rendu du Congrès de Paris“ 1867, p. 67.—G. Mortillet „L'homme préhistorique“.

основныхъ типахъ... Хотя общій видъ этихъ орудій показываетъ на грубую работу, однако здѣсь можно замѣтить тщательно выполненную тонкую ретушировку (дополнительную мелкую оббивку острыхъ краевъ орудій). Чтобы судить о способностяхъ сдѣлавшихъ ихъ первобытныхъ мастеровъ, необходимо обратить вниманіе на дурную породу кремней, бывшихъ въ ихъ распоряженіи"...

„Многія изъ орудій оказались поврежденными огнемъ; слѣдовательно, уже тогда человѣкъ былъ знакомъ съ употребленіемъ огня"...

„Наконецъ, я нашелъ въ нихъ почти всѣ признаки, по которымъ узнается работа человѣка, таковы: ретушъ, симметрическія выбоины, сдѣланныя для гармоніи съ естественными отколами, слѣды сношенности и въ особенности повторенія однѣхъ и тѣхъ же формъ".

„Присутствіе оббитыхъ кремней въ основѣ известняковъ Босса, заключаетъ Буржуа, есть фактъ странный, неслыханный, чрезвычайно важный, но фактъ для меня несомнѣнный".

Известняки Босса принадлежатъ къ міоцену. Древность отложеній, заключавшихъ тенэйскіе кремни, съ геологической точки зрѣнія не возбуждала ни малѣйшаго сомнѣнія. Представленные кремни изучались всѣми участниками конгресса, и по поводу ихъ возникла горячая полемика. Одни ученые не хотѣли допустить возможности существованія человѣка въ столь отдаленное время; другіе старались объяснить происхожденіе осколковъ кремней разнаго рода естественными толчками и ударами кремневыхъ желваковъ, а слѣды огня—случайнымъ пожаромъ или случайнымъ вліяніемъ горячихъ источниковъ; наконецъ, третьи старались доказать, что кремни, дѣйствительно, носятъ признаки обработки ихъ разумнымъ существомъ, т.-е. человѣкомъ или предшественникомъ его.

Въ 1872 году, на Брюссельскомъ международномъ конгрессѣ антропологіи и доисторической археологіи была составлена комиссія изъ 15 членовъ для спеціальнаго

изслѣдованія тенэйскихъ кремней. Въ составъ комиссіи вошли такія знаменитости, какъ Стеенструпъ, Вирховъ, Дезоръ, Катрфажъ, Картальякъ, Ворсо и др. Комиссія раздѣлилась на двѣ почти равныя части, изъ которыхъ меньшинство объясняло форму кремней естественными причинами, большинство же высказалось за искусственную оббивку кремней разумнымъ существомъ. Однако, вопросъ остался и послѣ этого вполнѣ спорнымъ и, видимо, базировался на недостаточномъ знаніи характера естественныхъ и искусственныхъ отколовъ кремня. Только въ позднѣйшее время наука обогатилась нѣсколькими положительными свѣдѣніями, указывающими на возможность явленія естественныхъ осколковъ кремня съ совершенно аналогичными признаками, какіе свойственны и считались специфическими признаками искусственно обработанныхъ кремней. Недавно, Обермайеръ, Буль и Картальякъ замѣтили и сами произвели опыты обработки кремней движеніемъ воды при помощи водяной мельницы. Полученные такимъ образомъ осколки представляютъ полную аналогію не только съ каменными орудіями палеолитической, но и даже неолитической эпохъ. Отсюда названные ученые дѣлаютъ выводъ, что первобытный человѣкъ каменнаго вѣка могъ и, не выдѣлывая для себя орудій, пользоваться уже готовыми экземплярами, обработанными движеніемъ воды въ рѣкахъ. И это совершенно вѣрно, хотя обобщеніе не слѣдуетъ вести слишкомъ далеко: въ природѣ, дѣйствительно, встрѣчаются кремни, совершенно похожіе на искусственныя орудія человѣка каменнаго вѣка, но ихъ далеко не такъ много, чтобы удовлетворить всѣмъ запросамъ послѣдняго. Въ Россіи, обыкновенно, такіе кремни встрѣчаются въ сравнительно позднихъ ледниковыхъ отложеніяхъ. Намъ лично неоднократно приходилось находить на сѣверныхъ берегахъ р. Волги и подъ г. Москвою осколки кремня то вполнѣ подражающіе нуклеусамъ, то разнаго рода подѣлкамъ со всѣми признаками кажущейся искусственности ихъ обработки.

Несомнѣнно, такія явленія въ состояніи подорвать и значительно подорвали довѣріе къ тенэйскимъ кремнямъ. Однако послѣдніе и до сихъ поръ имѣютъ своихъ сильныхъ защитниковъ, указывающихъ на связь кремней съ огнемъ, какъ на двойное доказательство искусственнаго ихъ происхожденія. И въ этомъ много справедливаго, такъ какъ для опроверженія искусственности тенэйскихъ кремней приходится допускать стеченіе двухъ случайностей: 1) оббивающей кремни наподобіе искусственной обработки ихъ, и 2) обжигающей ихъ также наподобіе искусственной обработки ихъ обжиганіемъ. Такой допускъ для безпристрастнаго разума становится затруднительнымъ, хотя въ данномъ случаѣ возможно, что главною обработывающею силою служилъ жаръ, подготовившій или облегчившій дальнѣйшую естественную оббивку кремней. Во всякомъ случаѣ, вопросъ о тенэйскихъ кремняхъ остается нерѣшеннымъ и, хотя при настоящихъ условіяхъ знанія, положительное рѣшеніе его представляется болѣе близкимъ къ истинѣ, все же нельзя согласиться съ заключеніемъ Г. и А. Мортилье, что „нижняя часть среднихъ третичныхъ отложеній Тенэ дала многочисленные образцы кремней, потрескавшихся и расколовшихся отъ жары, изъ которыхъ нѣкоторые покрыты ретушемъ, *сдѣланнымъ намѣренно человѣкомъ*“; заключенію этому недостаетъ оговорки въ формѣ „какъ бы“ или самое большое „вѣроятнѣе всего“, сдѣланнымъ намѣренно человѣкомъ. Только при такихъ условіяхъ объемъ заключенія не превыситъ объема положительныхъ посылокъ и сохранитъ логическую вѣрность.

То же самое должно сказать и о кремняхъ, собранныхъ Карломъ Рибейро въ третичныхъ слояхъ Отто, въ Португаліи. Первое извѣстіе объ этихъ кремняхъ получено въ 1871 году, на одномъ изъ засѣданій Лиссабонской Академіи Наукъ; затѣмъ Рибейро представилъ образцы кремней на Брюссельскій международный конгрессъ антропологіи и доисторической археологіи, а въ 1881 году на та-

комъ же конгрессѣ въ Лиссабонѣ, гдѣ была назначена для оцѣнки ихъ особая комиссія изъ наиболѣе крупныхъ ученыхъ съѣзда. Всѣ члены единодушно признали, что представленные Рибейромъ кремни имѣютъ раковистость излома, что нѣкоторые изъ этихъ кремней, дѣйствительно, происходятъ изъ третичныхъ отложеній.

„Образцы, представленные для разсмотрѣнія комиссіи, говорятъ Г. и А. Мортилье, имѣли плоскость и точку удара, и раковистую выпуклость, а большинство и со щербиной на вершинѣ раковины, т.-е. всѣ признаки намѣренной оббивки“.

Но мы уже приводили примѣры, когда несомнѣнно естественные осколки кремня имѣли эти признаки. Очевидно, явленіе такихъ признаковъ на естественно расколотыхъ кремняхъ встрѣчаются нерѣдко. А что кремни Отто, скорѣе всего, естественнаго, а не искусственнаго раскола, за это говоритъ то, что они собраны среди множества различныхъ кремней, выполнявшихъ третичныя отложенія. Совершенно особый интересъ имѣли бы эти предметы, если бы они были найдены въ почвѣ, не содержавшей никакихъ обломочныхъ горныхъ породъ, напримѣръ, въ дюнныхъ пескахъ, лёссѣ, чистой глинѣ и т. п.; тогда самое сочетаніе ихъ съ почвою имѣло бы значеніе положительнаго доказательства искусственнаго ихъ происхожденія. Но этого не случилось, а поэтому и находка не имѣетъ значенія искомаго факта.

Открытія кремней, подобныхъ описаннымъ, совершаются въ разныхъ мѣстностяхъ и до настоящаго времени. Такъ въ 1877 году геологъ Ромъ нашелъ, повидимому, также мнимо-обработанные кремни въ слояхъ кварцевыхъ песковъ міоценоваго возраста Пюи-Курни, близъ Орильяка. Въ 1894 году Ф. Нётлингъ (F. Noetling) отыскалъ подобные же кремни въ пліоценовыхъ отложеніяхъ Индіи. Наконецъ, въ 1906 году, на Монакскомъ международномъ конгрессѣ антропологіи и доисторической археологіи, вопросу объ эолитахъ, или третичныхъ кремняхъ, было по-

священо пять рефератовъ такихъ выдающихся изслѣдователей, какъ Обермайеръ, Ланкастеръ, Жпро, Имберъ и Капитанъ. Рефераты ихъ вызвали оживленныя пренія, но вопросъ и на этотъ разъ остался нерѣшеннымъ.

Въ такомъ положеніи находится въ настоящее время интереснѣйшій вопросъ о существованіи эолитическаго человѣка. Мы видѣли, что въ рѣшеніи его приняли участіе представители наиболѣе культурныхъ странъ, каковы Франція, Англія, Италія и Португалія; косвенное участіе принимала въ ихъ трудахъ и Германія; но мы не видали никакого участія Россіи. Это явленіе заслуживаетъ нашего особеннаго вниманія. Владѣя почти седьмою частью всей суши, Россія, конечно, въ своихъ предѣлахъ имѣетъ благопріятныя условія для подобнаго рода изысканій, и если она къ таковымъ не приступила, то причина скорѣе всего кроется въ отсутствіи достаточнаго числа спеціально подготовленныхъ людей. Изъ вышеприведеннаго легко убѣдиться, что даже для постановки вопроса объ эолитическомъ человѣкѣ отъ автора требуется солидная эрудиція и прежде всего основательное знаніе, помимо первобытной археологіи, еще палеонтологіи и геологіи. Такимъ счастливымъ сочетаніемъ знанія изъ русскихъ ученыхъ обладаютъ очень немногіе, а въ послѣднее время въ этомъ отношеніи замѣчается даже убыль. Прислушиваясь къ отрицательнымъ мнѣніямъ западныхъ, особенно нѣмецкихъ ученыхъ, русскіе современные ученые охотно распространяютъ это отрицательное направленіе, мало или даже нисколько не пытаясь взяться за положительную работу. Вопросъ объ эолитическомъ человѣкѣ въ Россіи всецѣло является вопросомъ будущаго. Въ настоящее же время намъ остается только по мѣрѣ возможности подготовить путь къ постановкѣ его. Съ этою цѣлью мы остановимся и разсмотримъ, представляла ли Россія въ третичный періодъ условія, удобныя для существованія человѣка, разсмотримъ, хотя въ общихъ, схематическихъ чертахъ, распредѣленіе морей и суши, а также флору и фауну, населявшія ея пространства.

Выше мы уже видѣли, что третичный періодъ для Европейскаго континента характеризуется большою неустойчивостью и разнообразіемъ очертаній суши и морей, жаркимъ, подтропическимъ климатомъ, разнообразіемъ представителей органическаго міра, небывалымъ развитіемъ высшихъ млекопитающихъ.

Въ эоценовую эпоху, Европейская Россія была совершенно отдѣлена отъ Азіи и, въ связи съ землями Германіи, Австріи и Франціи, представляла одинъ обширный острововидный материкъ, охваченный съ востока большимъ моремъ, отходившимъ изъ области Обской губы и Сѣвернаго Ледовитаго океана на югъ въ область Арало-Каспійской низменности. Западная береговая линія этого моря шла вдоль восточнаго склона Урала къ сѣверовосточному берегу современнаго Каспійскаго моря, откуда поворачивала вновь къ сѣверу, образуя, въ области современнаго нижняго теченія р. Волги, широкій заливъ, достигавшій устья р. Камы. Далѣе, повернувъ на югъ и пройдя водораздѣломъ рр. Дона и Волги, сливалась съ береговою линіею Чернаго и затѣмъ древняго Паннонскаго морей, составлявшихъ южную границу Россіи и Средней Европы. Кавказъ представлялъ изъ себя островъ; Бѣлаго моря, повидимому, еще не существовало и сѣверъ Россіи, какъ и всей Европы, имѣлъ другое очертаніе.

Въ это время Россія представляла обширную площадь суши, простиравшуюся тысячи на двѣ верстъ съ запада на востокъ и не менѣе этого съ сѣвера на югъ.

Въ слѣдующую олигоценовую эпоху площадь русской суши значительно уменьшилась: на счетъ ея распространилось море, залившее всю Малороссію, южную часть Великороссіи, всю Бѣлороссію, часть Польши и другихъ прибалтійскихъ областей.

Климатъ, во все время эоцена и олигоцена, въ южной и средней Россіи былъ жаркій, подтропическій. Въ эоценовую эпоху, въ предѣлахъ современныхъ Кіевской и Черниговской губерній росли пальмы, фикусы, эвкалипты, маг-

ноліи, дубы, клены и другіе представители современныхъ подтропическихъ странъ. Судя же по сѣверо-германской болѣе изученной флорѣ, въ Россіи, въ соотвѣтствующихъ широтахъ, также должны были произрастать кипарисы, лавры, фиговыя и кокосовыя пальмы, платаны, виноградъ и др.

Обширные лѣса, памятниками которыхъ остались залежи бураго угля или, распространеннаго въ разныхъ областяхъ южной и западной Россіи, населялись множествомъ насѣкомыхъ и животныхъ. Янтарь, смолистое отложеніе палеогеновыхъ хвойныхъ лѣсовъ, сохранилъ до 2000 видовъ насѣкомыхъ. Для травоядныхъ животныхъ открывался богатѣйшій столъ, и они начинаютъ быстро развиваться, пріобрѣтая все болѣе и болѣе крупные размѣры. Сопутствующія травоядным, плотоядныя также изобилуютъ и выдвигаютъ все болѣе, и болѣе ужасныхъ представителей. Появляются такъ называемые коллективные виды животныхъ. Таковы, изъ травоядныхъ, Paläotherium'ы, которые водились большими стадами на протяженіи всей Европы. Полагаютъ, что это животное видомъ напоминало тапира, но оно соединяло въ себѣ признаки тапира, лошади и носорога. Мелкіе представители палеотеріумовъ были ростомъ не болѣе зайца, но крупные достигали размѣровъ быка.

Еще болѣе интересными являлись Anoplotherium'ы; это—животныя, напоминавшія лошадь, но по своему строенію ближе подходившія къ жвачнымъ и свиньямъ. Они были также весьма многочисленны. Ростъ ихъ колебался между ростомъ осла и свиньи.

На ряду съ названными стадными животными водились граціозные ксифодонты (Xiphodon gracile) ростомъ съ серну, соединяющіе въ себѣ признаки жвачныхъ и толстокожихъ, и анхитеріумы (Anchitherium), соединяющіе таппрообразныхъ палеотеріумовъ съ лошадьми и считающіеся предками послѣднихъ.

Въ Южной Европѣ, повидимому, впервые появились собаковидныя обезьяны (Cänopithecus). Полагаютъ, что эта

обезьяна — родоначальница всѣхъ обезьянъ вообще, отъ которой съ одной стороны отходитъ вѣтвь къ современнымъ полуобезьянамъ, а съ другой — къ настоящимъ и высшимъ обезьянамъ.

Никакихъ слѣдовъ человѣка въ палеогеновыхъ, или нижнетретичныхъ, отложеніяхъ нигдѣ не найдено. Весьма возможно, что въ это время человѣкъ, какъ разумное существо, еще совсѣмъ не появлялся, скрываясь въ какомъ-либо коллективномъ видѣ высшихъ животныхъ.

Въ продолженіе всей міоценовой эпохи область Евр. Россіи остается въ прежнихъ благопріятныхъ физическихъ условіяхъ. Въ началѣ этой эпохи южное русское море отступило съ сѣвера къ югу, освободивъ всю Малороссію, Новороссію и Приволжье, и только къ самому концу эпохи оно нѣсколько расширилось, образовавъ обширное внутреннее Сарматское море, залившее всю Вѣнскую котловину, Черное море, Кавказъ, Каспійское и Аральское моря съ прилегающими къ нимъ низменностями.

Климатъ оставался жаркій, подтропическій.

Флора и фауна, продолжая развиваться, значительно приблизились къ существующимъ въ настоящее время, хотя съ середины міоцена не осталось ни одного вида, который существовалъ бы и теперь: съ того времени всѣ животныя и растенія видоизмѣнились

Въ міоценовую эпоху въ Россіи впервые появились мастодонты, носороги, гиппаріоны, динотеріи и др.

Въ то же время, въ Зап. Европѣ водились обезьяны, изъ которыхъ дріопитекъ (Dryopithecus fontani), обитавшій во Франціи, достигалъ роста человѣка и былъ близокъ къ человѣкообразнымъ обезьянамъ. Еще большимъ распространеніемъ пользовался Pliopithecus, родственный длиннорукимъ гиббонамъ (Hylobates), живущимъ въ настоящее время въ Юго-восточной Азіи.

Въ отложеніяхъ средняго міоцена Франціи найдены тенэйскіе кремни, расколотые при помощи огня и какъ бы искусственно оббитые рукою разумнаго существа, являв-

шагося, какъ полагаютъ нѣкоторые ученые, предшественникомъ человѣка. Справедливо или несправедливо ихъ заключеніе, но несомнѣнно то, что какъ климатъ, такъ флора и фауна Европы и въ частности Россіи были вполнѣ благопріятны для появленія такого разумнаго существа, и поэтому ничего нѣтъ невѣроятнаго, если бы дѣйствительно подтвердилось, что остатки самаго этого существа или слѣды его разумной дѣятельности уже открыты или будутъ открыты въ какой-либо области Европы, а въ томъ числѣ и Россіи.

Въ пліоценовую эпоху въ послѣдней продолжается убыль южныхъ морей. Сарматское море значительно сократилось и разбилось на двѣ области Чернаго и Каспійскаго морей. Галицко-подольскій рукавъ сузился. Бессарабія, Новороссія и часть Крыма вышли изъ-подъ воды; Кавказъ вошелъ въ составъ Малой Азіи и соединился узкимъ перешейкомъ съ южной Россіей.

Жаркій, подтропическій климатъ въ началѣ эпохи къ концу ея значительно охладился, хотя, несомнѣнно, былъ теплѣе современнаго.

Флора и фауна все болѣе и болѣе приближались къ современнымъ. Въ началѣ эпохи въ Россіи обитали мастодонты (Mastodon arvensis), динотеріи (Dinotherium), носороги (Rhinoceros), а въ концѣ слоны (Elephas meridionalis), мамонты (Elephas primigenius), эласмотеріи (Elasmotherium), гиппаріоны (Hipparion mediterraneum), а также множество оленей, антилопъ, быковъ, лошадей, медвѣдей, собакъ, кошекъ и др., виды которыхъ живутъ и понынѣ. Изъ птицъ особеннаго вниманія заслуживаютъ страусы, обитавшіе въ концѣ пліоцена въ окрестностяхъ современнаго Херсона.

Въ пліоценовую эпоху число видовъ обезьянъ значительно увеличилось, хотя на русской территоріи онѣ все еще не найдены. Особенно знамениты ископаемыя обезьяны Юго-восточной Азіи. Въ пліоценовыхъ Сиваликскихъ отложеніяхъ Индіи найдена нижняя челюсть шимпанзе (Pa-

laeopithecus sivalensis), сохранившіеся въ Африкѣ потомки которой, по своему строенію ближе всего подходятъ къ человѣку. Позже Дюбуа нашелъ въ верхнепліоценовомъ андезитовомъ туфѣ Кенденга, на островѣ Явѣ, еще болѣе важные остатки совершенно новаго вида обезьяны, названной имъ Pithecanthropus erectus. Выше мы видѣли, что многіе ученые считаютъ этотъ видъ переходнымъ между человѣкоподобными обезьянами и человѣкомъ.

Обиталъ ли Pithecanthropus erectus или подобныя ему существа въ Россіи и вообще въ Европѣ, остается неизвѣстнымъ, но по климатическимъ и другимъ условіямъ, по крайней мѣрѣ въ началѣ пліоценовой эпохи и въ южныхъ областяхъ, они вполнѣ могли существовать. Особенно же были пригодными эти условія для жизни существъ, овладѣвшихъ искусствомъ добыванія огня и обработки камня въ орудія, необходимыя для добыванія пищи, одежды и сооруженія жилищъ.

Изъ приведеннаго легко видѣть, что въ продолженіе всего третичнаго періода въ Россіи имѣлись условія вполнѣ благопріятныя для появленія человѣка или предшественника его въ видѣ болѣе разумнаго существа среди животнаго царства, а слѣдовательно можно считать вполнѣ возможными открытія какъ остатковъ этихъ существъ, такъ и памятниковъ ихъ разумной дѣятельности.

Въ заключеніе мы позволимъ освѣтить тѣ признаки, по которымъ возможно было бы объявить, что остатки или памятники дѣйствительно принадлежатъ эолитическому человѣку или другому разумному существу, какъ предку или предшественнику человѣка.

1. Требуется доказать, что найденные остатки и памятники не могли быть перемѣщены изъ одного геологическаго слоя почвы въ другой и что слои, въ которыхъ сдѣланы находки, дѣйствительно третичные, или эолитическаго времени.

2. Требуется установить точное отношеніе найденныхъ остатковъ организма къ организму современнаго человѣка

и древнѣйшаго его палеолитическаго предка, а также къ организму приближающихся видовъ животныхъ.

3. Требуется доказать, что найденные вещественные памятники произведены или сосредоточены живымъ существомъ съ разумною цѣлью, а не силою природы.

Палеолитическая эпоха.

Палеолитическая эпоха соотвѣтствуетъ древнему четвертичному, или диллювіальному, періоду. Это время характеризуется несомнѣннымъ появленіемъ человѣка. Выше мы видѣли, что въ концѣ третичнаго періода существовалъ, по крайней мѣрѣ, одинъ антропоморфный видъ, стоявшій, въ отношеніи умственнаго развитія, а также и въ отношеніи наиболѣе существенныхъ признаковъ организма, ближе всего къ человѣку, но этотъ видъ не принадлежалъ еще къ роду Homo. Мы видѣли также, что въ этотъ періодъ появляются памятники, многими учеными принимаемые за произведенія разумнаго человѣкообразнаго существа, но эти памятники все же оказываются не настолько вразумительными, чтобы на нихъ можно было основать положительное научное рѣшеніе.

Несомнѣнные памятники человѣческой дѣятельности и несомнѣнные остатки самаго человѣка появляются только въ четвертичный періодъ, и хотя древнѣйшіе изъ нихъ отстоятъ далеко отъ современныхъ, но они уже легко узнаются, какъ человѣческіе.

На ряду съ этимъ великимъ явленіемъ, въ продолженіе четвертичнаго періода, на земномъ шарѣ совершились и другія крупныя событія. Довольно теплый климатъ, бывшій въ началѣ періода, скоро охладился и посырѣлъ. На высотахъ горъ и въ полярныхъ странахъ образовались мощные глетчеры, которые двинулись въ плодородныя, еще недавно цвѣтущія долины и покрыли огромныя площади. Роскошнѣйшія флора и фауна, завѣщанныя

пліоценовой эпохой, спѣшили отступить въ болѣе теплыя страны или примѣниться къ новымъ болѣе тяжелымъ условіямъ жизни, въ противномъ же случаѣ гибли, не оставивъ по себѣ никакого потомства. Когда это совершилось, громадные ледники отступили, и въ природѣ, по крайней мѣрѣ Европы, возобновились условія близкія къ современнымъ, но затѣмъ снова повторилось, хотя и въ меньшемъ масштабѣ, оледенѣніе обширныхъ странъ. Эти колебанія также произвели свое вліяніе на всѣ живые организмы, приведя ихъ, въ результатѣ, къ современному состоянію.

Человѣкъ пережилъ всѣ эти событія и вышелъ изъ борьбы и примѣненія къ различнымъ природнымъ условіямъ не только не ослабленнымъ, но значительно развитымъ и еще болѣе сильнымъ, и этимъ онъ обязанъ исключительно созданной имъ культурѣ и въ особенности искусственно разводимому огню и обработаннымъ каменнымъ орудіямъ. По степени совершенства техники въ отдѣлкѣ послѣднихъ, палеолитическая эпоха жизни человѣка дѣлится на двѣ поры: тесанныхъ и сколотыхъ орудій. Сообразно съ этимъ дѣленіемъ мы и поведемъ нашъ дальнѣйшій обзоръ жизни палеолитическаго человѣка.

Пора тесанныхъ орудій.

Пора тесанныхъ орудій соотвѣтствуетъ доледниковой и началу первой ледниковой геологическимъ эпохамъ. Въ первое время въ Европѣ господствовали физическія условія весьма благопріятныя: теплый климатъ, пышная флора и могучая фауна дѣлали безбѣднымъ существованіе человѣка, и размноженію его, повидимому, не встрѣчалось сколько-нибудь значительныхъ препятствій. Гораздо труднѣе становилась жизнь къ концу поры, когда наступило сильное охлажденіе и вообще то, что называется порчей климата. Требовалась усиленная борьба за существованіе, которая и выразилась въ усовершенствованіи и разнообразіи орудій, выработанныхъ человѣкомъ.

Первыя орудія поры имѣли одну форму, представляя кусокъ кремня или гальку, обтесанные такъ, что ими можно было стругать, рѣзать и даже рубить безъ рукоятки, держа просто въ рукѣ. Иногда, для бо́льшаго удобства схватыванія орудій рукою, часть гладкой поверхности галекъ оставлялась несбитою, и тогда орудіе получало естественную рукоятку, иногда называемую „пяткой“. Позже, во время первой ледниковой эпохи, формы орудій значительно умножились, и отдѣлка ихъ улучшилась. Появились подтрехугольные тщательно обтесанные экземпляры и первые экземпляры типа сколотыхъ орудій, но, повидимому, сдѣланные изъ случайныхъ осколковъ, естественно получавшихся при обтесываніи обычныхъ для того времени орудій, или изъ подобныхъ осколковъ, подобранныхъ среди естественныхъ залежей кремневаго матеріала.

Стоянки поры тесанныхъ орудій встрѣчаются не часто. Это объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что остатки ихъ обыкновенно залегаютъ глубоко въ почвѣ, а поэтому не всегда доступны для изслѣдованія, во-вторыхъ, — тѣмъ, что, будучи даже обнаженными, они часто не узнаются какъ памятники человѣческой дѣятельности, а принимаются за естественныя произведенія природы, и, наконецъ, въ-третьихъ, — тѣмъ, что часть ихъ могла быть окончательно стерта дѣятельностью ледниковъ, уничтожившихъ на огромныхъ площадяхъ всякія отложенія доледниковой суши.

Человѣкъ поры тесанныхъ орудій охотнѣе всего обиталъ на берегахъ рѣкъ и озеръ, гдѣ обыкновенно и находятся его издѣлія.

Самыя типичныя стоянки открыты во Франціи; рѣже онѣ встрѣчаются въ прилегающихъ сѣверныхъ странахъ и чаще въ странахъ южныхъ полуострововъ Европы.

Франція. Франція является классическою страною палеолитическихъ памятниковъ. Ей принадлежитъ велпкая честь открытія четвертичнаго человѣка и побѣды надъ вѣковыми предразсудками, связывавшими свободу изслѣдованія нашей минувшей жизни.

Стяжавшій себѣ безсмертную славу французскій археологъ Буше-де-Пертъ, въ 1838 году, впервые обнародовалъ свои открытія памятниковъ дилювіальнаго, или, какъ онъ вѣрилъ, допотопнаго, человѣка въ долинѣ рѣки Соммы, близъ Аббевиля, и когда его открытіе не было признано, то онъ не упалъ духомъ и въ продолженіе двадцати лѣтъ трудился, чтобы доказать вѣрность своихъ воззрѣній, и достигъ своей цѣли. Прежде всѣхъ его оцѣнили англійскіе натуралисты, во главѣ которыхъ стоялъ геологъ Чарльзъ Ляйэлль, знаменитость своего времени. Онъ не только призналъ открытіе Буше-де-Перта дѣйствительнымъ, но и самъ принялъ живое участіе въ отысканіи и изученіи памятниковъ дилювіальнаго человѣка.

Послѣ этого число открытій быстро увеличилось: они послѣдовали не только во Франціи, но и въ другихъ странахъ Европы, а впослѣдствіи и на всѣхъ материкахъ свѣта, за исключеніемъ одной Австраліи.

Самая древняя стоянка открыта въ водоемѣ р. Марны, близъ г. Шелля. Геологическія условія расположенія стоянки таковы: къ востоку отъ г. Шелля располагается небольшое плато, въ составъ котораго входятъ пески, въ нижнемъ отдѣлѣ цементированные известью, мощностью въ 8 метровъ.

Изслѣдованіями геолога Амегино и археолога Г. Мортилье выяснено, что отложенія плато могутъ быть раздѣлены на два пласта, современные эпохамъ тесанныхъ (шелльскихъ) и сколотыхъ (мустьерскихъ) орудій. Пластъ первой эпохи составляетъ ядро плато, пластъ же второй служитъ какъ бы плащемъ, покрывающимъ основное ядро съ восточной стороны. Въ пластѣ ядра были найдены тесанныя орудія исключительно миндалевидной формы; въ слояхъ же, покрывающихъ ядро, — сколотыя орудія плоской формы. На ряду съ первыми залегали кости древнѣйшихъ четвертичныхъ ископаемыхъ, отчасти общихъ съ пліоценовыми; таковы: Elephas antiquus, Rhinoceros, Merckii, Trogontherium, Hippopotamus amphibius, Ursus spelaeus, косуля

и другіе неопредѣленные виды оленьихъ, крупные и мелкіе быки, лошадь, видъ которой ближе подходитъ къ Equus Stenonis, чѣмъ къ E. caballus, наиболѣе свойственной диловію.

Такимъ образомъ полная примитивность каменныхъ орудій и древность фауны говорятъ за доледниковый возрастъ Шелльской стоянки.

Аналогичныя стоянки во Франціи найдены лишь въ немногихъ пунктахъ. Мортилье выдѣлилъ ихъ въ особую группу, пріурочивъ къ древнѣйшему четвертичному времени, названному имъ Шелльской эпохой. Однако нельзя согласиться, чтобы для такого дѣленія было вполнѣ достаточное основаніе. Къ стоянкамъ шелльскаго типа примыкаетъ цѣлый рядъ стоянокъ болѣе поздняго времени, характеризующихся лишь незначительнымъ осложненіемъ индустріи и малымъ измѣненіемъ фауны. Типомъ послѣднихъ являются знаменитыя стоянки долины р. Соммы, Аббевильская и Сентъ-Ашельская. Первая знаменита тѣмъ, что на ея остаткахъ впервые вырѣшился вопросъ о четвертичномъ человѣкѣ, вторая — необыкновеннымъ изобиліемъ сдѣланныхъ тамъ находокъ древнѣйшихъ орудій и костей ископаемыхъ животныхъ.

Геологическія условія обѣихъ стоянокъ вполнѣ тождественны. Долина р. Соммы, гдѣ обѣ стоянки располагаются, пролегаетъ въ области бѣлаго мѣла, богатаго кремнемъ, послужившимъ матеріаломъ для выработки орудій древнѣйшаго человѣка. Мѣловые берега долины достигаютъ 200—300 футовъ высоты. Спускаясь съ ихъ гребня къ рѣкѣ, встрѣчаютъ, приблизительно на полускатѣ, одну или двѣ древнихъ диловіальныхъ и одну современную аллювіальную террасу.

Аллювіальная терраса слагается изъ торфа, глины и песка. Находимыя въ нихъ раковины сухопутныхъ и прѣсноводныхъ моллюсковъ, а также остатки млекопитающихъ принадлежатъ къ современнымъ видамъ. Точно такъ же и археологическіе памятники, заключенные въ слояхъ аллю-

вія, принадлежатъ или къ историческому или къ неолитическому времени.

Въ составъ дилювіальныхъ террасъ входитъ гравій, или грубый песокъ, содержащій раковины рѣчныхъ и морскихъ моллюсковъ, а также кости то Elephas meridionalis, Elephas antiquus и Rhinoceros Merckii, то Elephas primigenius, Rhinoceros tichorhinus, Equus fossilis, Bos primigenius и друг. На ряду съ костями животныхъ, чаще всего внизу древнихъ террасъ, залегаютъ многочисленныя тесанныя каменныя орудія. Среди нихъ господствуютъ миндалевидныя формы, но встрѣчаются также формы, сколотыя въ видѣ плоскихъ осколковъ, ножей и скребковъ. Поверхность многихъ орудій покрыта то налетомъ углекислой извести, въ видѣ патины, то дендритами, представляющими вѣтвистую кристаллизацію окиси желѣза и марганца.

По свидѣтельству Ляйэлля и др. вполнѣ авторитетныхъ изслѣдователей, аббевильскія и сентъ-ашельскія тесанныя орудія залегали въ основѣ обѣихъ дилювіальныхъ террасъ. Это явленіе чрезвычайно интересно. Оно указываетъ на то, что орудія составляютъ памятники или разныхъ геологическихъ эпохъ, или одна часть, именно залегающая въ отложеніяхъ позднѣйшей террасы, находится не на первичномъ мѣстѣ залеганія, будучи перемѣщена на другое мѣсто во время размыванія древней террасы.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что относящимися къ порѣ тесанныхъ орудій слѣдуетъ считать лишь тѣ орудія, на ряду съ которыми не были найдены ни типичныя формы болѣе позднихъ сколотыхъ орудій, ни представители болѣе поздней фауны, характеризующейся присутствіемъ Elephas primigenius и Rhinoceros tichorhinus.

Помимо стоянокъ, во Франціи открыты цѣлыя мастерскія, гдѣ изготовлялись только древнія тесанныя орудія. Одна изъ такихъ мастерскихъ находится въ Бретани, въ общинѣ св. Елены. Въ этой мастерской орудія изготовлялись изъ мѣстной породы кварцита; ея остатки характеризуются испорченными и недоконченными экземплярами

орудій и осколками, стесанными при обработкѣ послѣднихъ. Орудія изъ этой мастерской распространялись по всей Бретани.

Вторая еще болѣе обширная мастерская найдена въ долинѣ р. Соны, у Шарбоньера, гдѣ де-Ферри собралъ нѣсколько сотъ coups de poing, т.-е. тесанныхъ миндалевидныхъ орудій, изъ которыхъ одни были только что начаты, другія сломались во время работы, третьи брошены за негодностью кремня и, наконецъ, четвертыя оказались вполнѣ отдѣланными.

Существуютъ и другія менѣе значительныя мастерскія.

Изрѣдка находки тесанныхъ орудій случаются въ пещерахъ и гротахъ. Таковы находки въ пещерѣ Grande Chambre, въ Hydréquent, общины Rinxent (Па-де-Кале), и въ гротѣ Феи, въ Арси-сюръ-Кюръ (деп. Іонны), гдѣ было найдено по нѣскольку экземпляровъ вполнѣ типичныхъ тесанныхъ орудій.

Южные полуострова Европы. Стоянки поры тесанныхъ орудій открыты на всѣхъ южныхъ полуостровахъ Европы: Пиренейскомъ, Апеннинскомъ и Балканскомъ, что вполнѣ и естественно, такъ какъ эти области, находясь въ продолженіе всего времени въ особенно благопріятныхъ физическихъ условіяхъ, не могли остаться безъ обитателей, памятники которыхъ, благодаря отсутствію ледниковъ, имѣли больше шансовъ сохраниться до нашего времени. Не вдаваясь въ болѣе подробный обзоръ этихъ памятниковъ, мы ограничимся общимъ замѣчаніемъ, что они, по своему виду и условіямъ нахожденія, близко подходятъ къ французскимъ.

Области Средней и Восточной Европы. Въ Бельгіи, ближайшей странѣ къ Франціи, находки тесанныхъ орудій такъ же часты, какъ и въ послѣдней. Интересною особенностью ихъ мѣстонахожденія можно указать лишь то, что онѣ чаще встрѣчаются въ пещерахъ и гротахъ. Въ Германіи и Австріи найдены только отдѣльные экземпляры орудій; возрастъ ихъ нѣмецкіе ученые опре-

дѣляютъ, однако, первой межледниковой эпохой, т.-е. пріурочиваютъ къ порѣ сколотыхъ орудій.

Англія. Гораздо бо́льшее количество памятниковъ поры тесанныхъ орудій найдено въ Англіи, гдѣ они сосредоточиваются исключительно въ южной части, т.-е. въ районѣ, наиболѣе тѣсно связанномъ съ Франціей. Геологическія условія отложеній въ этой части Англіи также близки къ французскимъ [1]). Ч. Ляйэлль отмѣчаетъ одну мѣстность на лѣвомъ берегу р. Темзы, въ 21 милѣ ниже Лондона, гдѣ въ древнѣйшихъ четвертичныхъ отложеніяхъ, состоящихъ изъ кирпичной глины, ила и гравія, были найдены остатки ископаемыхъ животныхъ, типичныхъ для шелльской фауны начала поры тесанныхъ орудій. Такъ въ составъ ея вошли: Elephas antiquus, Rhinoceros Merckii (sin. R. leptorhinus, R. nagarhinus), лошадь, быкъ, благородный олень, медвѣдь и др.; въ числѣ же сопровождающихъ эти остатки раковинъ найдены: Cyrena fluminalis, Unio littoralis, Paludina marginata и др., изъ которыхъ два послѣднихъ вида давно уже не живутъ въ Англіи, но составляютъ часть современной фауны Франціи. При такомъ полномъ тождествѣ четвертичной фауны и смежности областей естественно ожидать и одинаковыхъ слѣдовъ человѣка того времени. И, дѣйствительно, они имѣются.

Еще въ концѣ XVII вѣка, въ водоемѣ Темзы, было найдено, съ остатками ископаемыхъ слоновъ, превосходное тесанное орудіе шелльскаго, или древнѣйшаго, времени, какъ разъ соотвѣтствующаго описанной Ляйэллемъ фаунѣ. Это орудіе хранится до настоящаго времени въ Британскомъ музеѣ. Подобныя находки повторялись и позже, но особенно участились онѣ съ 1861 года, когда за поиски взялись выдающіеся англійскіе геологи и палеонтологи. Престичъ, Эвансъ, Флауеръ и др. нашли много

[1]) Въ началѣ палеолитической эпохи Англія входила въ составъ материка Европы, служа какъ бы продолженіемъ Франціи.

Авт.

тесанныхъ орудій въ долинѣ р. Узы и Темзы. Часть этихъ орудій, несомнѣнно, явилась въ свѣтъ въ первую межледниковую эпоху, т.-е. позже, чѣмъ во Франціи; таковы орудія и отбойники, сдѣланные изъ кварцита, кварца и полевого шпата, породы которыхъ въ южной Англіи встрѣчаются лишь въ видѣ эрратическихъ валуновъ и, слѣдовательно, сдѣлались доступными для обработки человѣка только по отступленіи изъ страны ледника. Это явленіе можно объяснить или тѣмъ, что тесанныя орудія въ Англіи существовали долѣе, чѣмъ во Франціи, или тѣмъ, что ледникъ, въ области нахожденія орудій изъ эрратическихъ валуновъ, оставался лишь очень короткое время; послѣднее подтверждается геологическими данными.

Въ Англіи тесанныя орудія обнаружены также въ пещерахъ, при чемъ въ Укейгольской (Wookey-Hole) пещерѣ, въ Сомерсетширѣ, они найдены вмѣстѣ съ костями Rhinoceros Merckii, а въ Кентсгольской (Kent's-Hole), въ Девонширѣ,—съ костями Machairodus'a, самаго крупнаго ископаемаго изъ плотоядныхъ семейства кошекъ, совершенно вымершаго въ первую ледниковую эпоху.

Россія. Въ Россіи древнія тесанныя орудія нигдѣ не найдены.

Африка, Азія и Америка. Внѣ Европейскаго материка тесанныя орудія найдены въ Африкѣ, Азіи и Америкѣ.

Въ Африкѣ тесанныя орудія являются разсѣянными повсюду: ихъ нашли въ Египтѣ, близъ Алжира, въ центральной Сахарѣ, на берегахъ р. Конго и даже въ областяхъ Южной Африки. Однако необходимо замѣтить, что многія изъ этихъ орудій не имѣютъ ни точно установленнаго типа, ни возраста.

Изъ азіатскихъ областей находки сдѣланы въ Палестинѣ, древней Вавилоніи, Индіи и др.

Въ С. Америкѣ каменныя орудія, оббитыя съ обѣихъ сторонъ крупными осколками, встрѣчаются въ изобиліи; обыкновенно ихъ относятъ къ палеолитическому періоду, но данныя, касающіяся ихъ, отличаются малою точностью

и доказательностью, а поэтому рекомендуютъ относиться къ нимъ съ особенною осторожностью.

Изъ приведеннаго краткаго обозрѣнія географическаго распространенія тесанныхъ орудій видно, что площадь, занимаемая ими, огромна. Если даже не принимать въ расчетъ Америку и области Южной Африки, гдѣ находки вызываютъ сомнѣнія, то и тогда въ районъ ихъ разсѣеванія войдетъ широкій сѣверный подтропическій и тропическій поясъ, въ составъ котораго придется включить всѣ средиземноморскія области и почти всѣ области Южной Азіи. Допуская же заселеніе всего этого огромнаго пояса въ началѣ палеолитической эпохи, или четвертичнаго періода, по необходимости приходится заключить, что первоначальное разселеніе человѣка должно было совершиться еще ранѣе, т.-е. въ эолитическую эпоху, или третичный періодъ, а это является новымъ подтвержденіемъ необходимости существованія третичнаго человѣка.

Въ заключеніе намъ остается познакомиться съ личностью палеолитическаго человѣка поры тесанныхъ орудій.

Остатковъ этого человѣка сохранилось очень мало, и находки ихъ носятъ совершенно случайный характеръ. Это объясняется тѣмъ, что въ то время человѣкъ еще не имѣлъ обычая погребать своихъ покойниковъ; онъ бросалъ ихъ тамъ, гдѣ ихъ постигала смерть, предоставляя трупъ на съѣденіе звѣрей, птицъ и насѣкомыхъ; поэтому и человѣческія кости встрѣчаются очень рѣдко и почти всегда изолированно.

Остатковъ человѣка начала поры тесанныхъ орудій, или доледниковаго времени, совсѣмъ не найдено. Самыя древнія ихъ находки могутъ быть пріурочены лишь къ концу поры, когда человѣкъ, подъ вліяніемъ ледниковой пониженной температуры, сталъ искать убѣжища въ пещерахъ и гротахъ; таковы, повидимому, остатки неандер-

тальскаго человѣка, давшаго имя древнѣйшей европейской расѣ, нолетская нижняя челюсть и друг.

Костякъ неандертальскаго человѣка найденъ въ 1856 году, въ водоемѣ р. Рейна, блпзъ Дюссельдорфа, при раскопкѣ пещеры въ Неандертальскомъ оврагѣ. Отъ костяка, открытаго цѣлымъ, сохранились черепной сводъ, оба бедра, обломки реберъ и нѣкоторые другіе. Эти остатки залегали въ слоѣ лёсса, выполнившаго пещеру.

Древность неандертальскаго человѣка, за отсутствіемъ при немъ какихъ-либо издѣлій или костей животныхъ, не могла быть опредѣлена; но въ сосѣдней пещерѣ, также въ лёссѣ, нашли фауну конца поры тесанныхъ и начала поры сколотыхъ орудій. Сравнивая общее состояніе человѣческихъ костей съ этими ископаемыми, многіе ученые признали возможнымъ приписать всѣмъ костямъ одинаковую древность. Поверхности какъ человѣческихъ, такъ и животныхъ костей были покрыты дендритами и настолько утратили свое органическое вещество, т.-е. клейдающую соединительную ткань, что липли къ языку,—свойство, присущее костямъ, пролежавшимъ въ землѣ весьма длинный періодъ времени.

Костякъ неандертальскаго человѣка, какъ выше было уже сказано, отличался большими особенностями. Кости конечностей имѣли мощное развитіе и рѣзко выраженныя мѣста прикрѣпленія мышцъ, а черепъ—совершенно своеобразную форму, указывающую на слабое умственное развитіе субъекта. Этотъ черепъ своими размѣрами равняется среднимъ черепамъ современныхъ людей, но отличается узкимъ и чрезмѣрно низкимъ, покатымъ лбомъ, необыкновенно выдающимися надбровными дугами, огромными, почти круглыми орбитами, широкимъ корнемъ носа и широкимъ затылкомъ. Ребра костяка, сильно округленныя, напоминаютъ ребра животныхъ. Бедра толсты, съ короткой шейкой, какъ у гориллъ.

Человѣкъ былъ средняго роста и сильнаго сложенія. Видъ его настолько оригиналенъ, что, при пер-

вомъ знакомствѣ съ нимъ, возникъ вопросъ: дѣйствительно ли это человѣкъ? Ирландецъ Кингъ предложилъ выдѣлить его въ особый видъ, наименовавъ его „Homo neanderthalensis“. Однако не всѣ ученые считаютъ остатки неандертальскаго человѣка нормальными: проф. Дави (Davis), Вирховъ и др. видятъ въ нихъ болѣзненныя патологическія формы и отрицаютъ за ними всякое антропологическое и археологическое значеніе. Но рѣшительными противниками такого взгляда явились еще болѣе авторитетные ученые, какъ Гёкслн и Шаафгаузенъ, которые доказали, что неандертальскій человѣкъ вовсе не патологическій субъектъ, а настоящій расовый типъ низкаго развитія, и выводы этихъ ученыхъ все болѣе и болѣе оправдываются тѣмъ, что остатки людей неандертальскаго типа отыскиваются все въ большемъ числѣ мѣстностей, и въ настоящее время ихъ извѣстно довольно много. Послѣднее обстоятельство побудило вновь вернуться къ идеѣ Кинга и выдѣлить неандертальскую расу въ особый вымершій видъ подъ названіемъ Homo primigenius.

Остатки нолетскаго человѣка найдены въ 1865 году, въ одной изъ бельгійскихъ пещеръ, на лѣвомъ берегу р. Лесса, извѣстной подъ именемъ Ла-Нолеты (La Naulette). Въ этой пещерѣ, въ слоѣ иловатой глины, найдены лежавшими на одномъ уровнѣ кости ископаемыхъ слона, носорога и человѣка. Кости послѣдняго принадлежали субъекту малаго роста, повидимому женщинѣ. Изъ костей особенно замѣчательною оказалась нижняя челюсть; непропорціонально большая, толстая, съ подбородкомъ скошеннымъ назадъ, она напоминала челюсти обезьянъ. Въ ней также хотѣли усмотрѣть болѣзненную патологическую форму; но къ настоящему времени удалось найти совершенно аналогичныя челюсти во Франціи и др. странахъ. Онѣ дополняютъ скелетъ Неандерталя, удостовѣряя, что видъ человѣка начала четвертичной эпохи дѣйствительно сильно отличался отъ современнаго.

Изучая характеръ и расположеніе бытовыхъ остатковъ,

а также интеллектуальныя способности древнѣйшаго человѣка, можно прійти къ заключенію, что онъ, въ началѣ поры тесанныхъ орудій, держался въ долинахъ и прирѣчныхъ возвышенностяхъ, какъ держатся наиболѣе дикія племена современной Бразиліи; жилъ небольшими семьями, не придерживаясь сколько-нибудь опредѣленныхъ стоянокъ, почему и оставленные имъ памятники планируются небольшими, широко разсѣянными, группами или гнѣздами и нигдѣ не сосредоточиваются въ болѣе значительныя скопленія, какъ это наблюдается на мѣстахъ болѣе позднихъ стоянокъ. Образъ жизни его былъ вполнѣ бродячій. Пищей ему, по всей вѣроятности, служили всѣ съѣдобные для насъ продукты естественной природы, каковы: плоды, ягоды, клубни, травы, моллюски, рыбы, птицы и ихъ яйца, мелкіе животныя и звѣри, а также трупы павшихъ крупныхъ животныхъ, какъ-то: слоновъ, носороговъ, гиппопотамовъ и др. Полагаютъ, что онъ не зналъ одежды и украшеній и былъ чуждъ религіозныхъ воззрѣній, но онъ не былъ чуждъ прогрессивному культурному развитію, благодаря чего, къ концу поры его издѣлія изъ камня стали значительно совершеннѣе. Къ этому времени древній человѣкъ начинаетъ соединяться въ большія сообщества, устраивается болѣе солидно на своихъ стоянкахъ, или даже въ пещерахъ, явившихся первыми постоянными жилищами человѣка.

Пора сколотыхъ орудій.

Пора тесанныхъ орудій миновала; её смѣнила пора сколотыхъ орудій. Эта смѣна совершилась во время развитія перваго ледниковаго періода въ Европѣ; дальнѣшее развитіе новой поры совпадаетъ съ межледниковымъ временемъ, а конецъ — со временемъ окончательнаго отступленія второго ледника. Такимъ образомъ, въ продолженіе ея, въ окружающей насъ природѣ имѣли мѣсто весьма крупныя событія: климатъ то становился влажнымъ и холоднымъ, то болѣе сухимъ и теплымъ. Обширныя страны

то покрывались льдами, представляя ледяныя пустыни, то вновь оттаивали и застилались растительнымъ ковромъ. Флора и фауна принимали то тундровый, то таежный, то степной характеръ.

Типичными представителями фауны Европы служили громадные мамонты, носороги, пещерные львы, медвѣди и гіэны, сѣверные олени и другъ.

Человѣкъ, оспаривая свое право на существованіе, то ютился подъ нависшими скалами, то скрывался въ пещерахъ, выбивая оттуда звѣрей, то выступалъ на открытые берега рѣкъ, изобиловавшихъ разнаго рода дичью, рыбой и съѣдобными моллюсками. Его издѣлія постоянно совершенствовались и иногда получали художественный характеръ; но самымъ главнымъ открытіемъ въ его индустріи являлся новый способъ обработки кремневыхъ орудій.

Въ пору тесанныхъ орудій человѣкъ умѣлъ лишь тесать камень, т.-е. отбивать или стесывать осколки отъ того камня, который онъ предназначилъ для орудія; при чемъ получались далеко несовершенныя и грубыя формы. Теперь онъ выучился расчленять камни на тонкія и длинныя пластины, изъ которыхъ изготовлялись болѣе совершенныя и практичныя орудія.

Самый способъ такой техники, какъ выше говорилось, заключался въ слѣдующемъ. Выбиралась продолговатая кремневая или другая подобная галька; одинъ конецъ ея отбивался поперечнымъ ударомъ такъ, что получалась поперечная плоскость, необходимая для нанесенія продольныхъ ударовъ; послѣдніе наносились въ край гальки, при чемъ одинъ за другимъ скалывались раковистые осколки и пластины, пока отъ обрабатываемаго камня не оставался стержень, или нуклеусъ, неудобный для дальнѣйшихъ отколовъ. Для производства такой работы употреблялись особые отбойники.

Въ предшествующую пору роль отбойниковъ выполняли простые случайно подобранные камни, теперь для

этой цѣли спеціально вырабатывались орудія, имѣвшія видъ шаровъ или призмъ, сдѣланныхъ изъ твердаго и упругаго камня.

Получаемые при такомъ способѣ обработки камня осколки и пластины имѣютъ вполнѣ характерныя формы. Осколки представляютъ чечевицевидныя частицы, удаляемыя съ цѣлью подготовки обрабатываемыхъ камней для расчлененія ихъ на пластины; ихъ наружная сторона обыкновенно покрыта коркой, какая свойственна галькамъ кремня и другихъ кристаллическихъ породъ камня, чаще всего избираемыхъ для обработки, а внутреннія стороны раковисто-выпуклы и блестящи.

Формы пластинъ довольно разнообразны, но изъ нихъ вполнѣ типичными являются только двѣ: 1) овально-подтрехугольная и 2) длинная ножевидная.

Овально-подтрехугольныя пластины появляются первыми; ими характеризуется древнѣйшее время поры. Вторыя появляются нѣсколько позже.

Въ каждой пластинѣ можно легко различить плоскость удара, раковистость излома и щербину на вершинѣ раковистости излома. Одна сторона пластины является всегда гладкою, другая же—многогранною. Большинство пластинъ получало назначеніе орудій безъ всякой дальнѣйшей обработки ихъ, но нѣкоторыя изъ нихъ для этой цѣли подвергались дополнительной отдѣлкѣ, придававшей имъ болѣе соотвѣтствующую форму. Эта дополнительная отдѣлка производилась тѣми же отбойниками, которыми наносились легкіе и частые удары по краямъ пластины, придавая послѣднимъ зазубренную форму. Совершенно такую же зазубренную форму краямъ пластинокъ можно придать отбойниками, не ударяя, а нажимая ими на обрабатываемые края. Весьма возможно, что человѣкъ въ эту пору пользовался обоими способами отдѣлки пластинъ, но, несомнѣнно, первый способъ существовалъ ранѣе, чѣмъ второй, получившій наиболѣе широкое распространеніе лишь въ послѣдующую неолитическую эпоху.

Среди изготовленныхъ такимъ образомъ орудій преобладаютъ три формы: копьевидная, скребковидная и ножевидная.

Орудія копьевидной формы являются наиболѣе крупными. Г. Мортилье полагаетъ, что ими работали безъ рукоятокъ, прямо отъ руки, почему онъ и назвалъ ихъ „pointe à main“, т.-е. *ручнымъ остроконечникомъ*. Однако, ничто не мѣшаетъ этимъ орудіямъ быть вооруженными рукоятками и служить наконечниками копій, ножей и др. Нѣкоторые изъ мелкихъ экземпляровъ легко могли бы употребляться какъ наконечники стрѣлъ, если бы лукъ существовалъ въ столь отдаленное время.

Скребки чаще всего имѣютъ овальную форму, рѣже продолговатую, иногда подправленную по концамъ дополнительной оббивкой. Повидимому, большинствомъ изъ нихъ работали непосредственно отъ руки, тѣмъ болѣе, что они могли служить только для обработки шкуръ, гдѣ не требовалось большихъ усилій.

Ножевидныя пластины представляютъ узкую и длинную форму безъ подправокъ или дополнительныхъ оббивокъ по краямъ. Эти орудія ближе всего стоятъ къ металлическимъ ножамъ и, вѣроятнѣе всего, предназначались, именно, для выполненія ихъ функцій. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ острые концы, которые удобно могли служить и проколками или шилами.

Помимо издѣлій изъ камня, въ описываемую пору, появляются костяныя издѣлія, совершенно неизвѣстныя въ предшествующую пору тесанныхъ орудій. Первое появленіе ихъ относится скорѣе къ серединѣ, чѣмъ къ началу поры. Среди костяныхъ издѣлій встрѣчаются большія палицы, вырѣзанныя изъ мамонтовыхъ и слоновыхъ бивней, болѣе легкія копья, гарпуны, шила, иглы и т. п. Нѣкоторыя изъ нихъ украшаются орнаментомъ, рѣзными фигурами животныхъ и цѣлыми картинами довольно сложныхъ композицій.

Стоянки, убѣжища подъ скалами и пещерныя жилища человѣка обыкновенно сопровождаются остатками сожжен-

ныхъ костровъ, иногда достигавшихъ большихъ размѣровъ, а также костями животныхъ, среди которыхъ особенно характерными являются кости мамонта и носорога. Стѣны пещеръ нерѣдко разрисовываются фигурами животныхъ и человѣка, иногда поражающими живостью и реальностью своихъ очертаній.

Этимъ исчерпываются главныя черты культуры поры сколотыхъ орудій. Онѣ настолько ярки и выразительны, что всѣми учеными признаются за положительныя доказательства существованія четвертичнаго, или палеолитическаго, человѣка.

Стоянки этого времени найдены въ большомъ числѣ въ Европѣ, менѣе—въ Азіи, Африкѣ и Америкѣ.

Франція. Первою страною по количеству открытыхъ и собранныхъ памятниковъ поры сколотыхъ орудій является Франція. Г. Мортилье, пользуясь огромными матеріалами, собранными французскими учеными, выработалъ особую классификацію, установивъ для этихъ памятниковъ четыре самостоятельныя эпохи: мустьерскую, салютрейскую, мадлэнскую и турасскую. Эта классификація съ внѣшней стороны такъ хорошо обставлена, что, казалось, могла быть принятою для международнаго пользованія, какъ нѣкоторыми изслѣдователями и сдѣлано. Однако, при болѣе глубокомъ анализѣ, классификація Мортилье оказывается не только неудовлетворительною для всеобщаго пользованія, но даже и для Франціи.

Выше мы уже отмѣчали, что научная классификація непремѣнно должна имѣть въ основѣ единство принципа и ясность дѣленій.

Мортилье въ основу первыхъ трехъ своихъ дѣленій совершенно правильно ставитъ принципъ развитія техники каменныхъ орудій, но турасскую эпоху онъ устанавливаетъ на характерѣ техники костяныхъ издѣлій, что является принципіальною ошибкою. И, дѣйствительно, это дѣленіе, какъ невѣрно установленное, почти нигдѣ и никѣмъ не было принято.

Вычеркивая его, мы получаемъ три дѣленія: мустьерское, салютрейское и мадлэнское. Изъ нихъ первое и третье дѣленія одинаково характеризуются каменными орудіями сколотой техники, а слѣдовательно неспособными стать въ основу разныхъ дѣленій. Но во Франціи обѣ эти эпохи раздѣляются клиномъ цѣлой серіи каменныхъ орудій салютрейской формы, и если орудія этой формы дѣйствительно существовали въ указанное палеолитическое время, то классификацію Мортилье должно признать правильно обоснованною. Такимъ образомъ слѣдуетъ подвергнуть строгой критикѣ опредѣленіе времени салютрейской культуры. При этомъ мы прежде всего замѣчаемъ, что, внѣ Франціи, культуры салютрейскаго типа являются свойственными только неолитической эпохѣ, а это сразу возбуждаетъ сомнѣніе въ ихъ принадлежности къ палеолиту и во Франціи. Это сомнѣніе увеличивается еще тѣмъ, что салютрейскихъ памятниковъ во Франціи оказывается немного, т.-е они тамъ какъ бы атрофируются сами собой. Типичнымъ представителемъ ихъ является стоянка Салютре. Открытіе и изслѣдованіе ея относится къ шестидесятымъ годамъ XIX вѣка, когда еще не были установлены признаки постепенности развитія первобытныхъ культуръ, и поэтому дѣлались крупныя ошибки въ опредѣленіи ихъ времени. Такъ, достаточно сказать, что первоначально къ палеолитической эпохѣ былъ отнесенъ и салютрейскій могильникъ, открытый рядомъ со стоянкой, въ дѣйствительности, какъ выяснено впослѣдствіи, принадлежавшій уже къ исторической эпохѣ. Повидимому, подобная ошибка лежитъ и въ основѣ опредѣленія эпохи стоянки, которой нормальное мѣсто должно бы быть не въ палеолитической, а въ неолитической эпохѣ.

Удаливъ же салютрейскій клинъ изъ классификаціи Мортилье, мы получаемъ двѣ эпохи: мустьерскую и мадлэнскую, дѣленіе которыхъ на основаніи техники каменныхъ орудій пока еще не можетъ быть установлено, по причинѣ отсутствія ясно выраженныхъ признаковъ. Въ

виду же всѣхъ приведенныхъ соображеній приходится и французскія древности эпохъ Мустье—Мадлэнъ—Турасъ разсматривать въ одномъ отдѣлѣ „поры сколотыхъ орудій". При чемъ нельзя не отмѣтить того, что, съ выключеніемъ салютрейской культуры, устанавливается тождество въ ходѣ развитія каменной индустріи не только во всѣхъ странахъ Европы, но и въ странахъ Азіи и Африки.

Въ описываемую пору населеніе Франціи значительно увеличилось, а къ концу ея пріобрѣло замѣтное благосостояніе. Его памятники найдены въ долинахъ рѣкъ и на возвышенныхъ мѣстахъ. Они планируются въ видѣ временныхъ стоянокъ и болѣе устойчивыхъ поселеній, сосредоточенныхъ подъ нависшими скалами, въ гротахъ и пещерахъ.

Самыя типичныя стоянки открыты подъ слоемъ лёсса, въ древнихъ диліовіальныхъ террасахъ рѣкъ, гдѣ ихъ обычно сопровождаютъ кости мамонтовъ, носороговъ, исполинскихъ оленей и др. Таковы стоянки въ долинѣ рѣки Соммы, близъ знаменитаго по находкамъ палеолитовъ Сентъ-Ашеля и Аббевиля, въ разныхъ пунктахъ бассейновъ Сены, Луары, Гаронны и др. Наиболѣе извѣстною изъ нихъ является стоянка Кёвръ, въ округѣ Суассонъ, департамента Эны; она служила центральнымъ пунктомъ по отношенію къ цѣлому ряду болѣе мелкихъ стоянокъ на открытомъ воздухѣ. Индустрія ея характеризовалась орудіями изъ мѣлового кремня и кремнеземистаго известняка. Её сопровождали многочисленныя кости животныхъ, среди которыхъ господствовали кости лошади; довольно обыкновенными являлись кости мамонтовъ и канадскаго оленя, носороговъ, а также кабановъ, сурковъ, медвѣдей, гіэнъ и изрѣдка волковъ.

Гораздо болѣе обильныя и многочисленныя находки дали пещеры или гроты и убѣжища подъ скалами.

Мы видѣли, что климатъ описываемаго времени подвергался значительнымъ колебаніямъ и, по крайней мѣрѣ дважды, въ эпохи наибольшаго распространенія льдовъ,

былъ холоднымъ и сырымъ, тяжело вліявшимъ на человѣка, что и заставило его искать убѣжища у подножія крутыхъ нависшихъ скалъ, защищавшихъ его отъ вѣтра и дождя, а также скрываться въ мрачныхъ пещерахъ.

Какъ на образецъ убѣжищъ слѣдуетъ указать на стоянку Ше-Пуре, расположенную въ небольшой долинѣ, у подножія нависшихъ скалъ. Это убѣжище сопровождается многочисленными остатками палеолитической индустріи, очагами и грудами кухонныхъ отбросовъ, въ составъ которыхъ входятъ кости различныхъ видовъ животныхъ, употреблявшихся въ пищу.

Благодаря особенностямъ древнихъ отложеній почвы, пещеры и гроты во Франціи весьма многочисленны. Большинство ихъ служило жилищами палеолитическаго человѣка. Особенно богатъ обитаемыми пещерами водоемъ р. Дордоньи. Въ долинѣ Везеры, одного изъ притоковъ Дордоньи, находится знаменитый гротъ или небольшая пещера Мустье. Открытая въ 1867 году извѣстными учеными Ларте и Кристи, она тщательно изучалась и въ послѣдующее время не менѣе выдающимися французскими археологами, изъ которыхъ Г. Мортилье культуру пещеры призналъ типичною для самостоятельной эпохи, названной имъ по имени этой пещеры мустьерскою.

Небольшая пещера Мустье въ настоящее время находится въ 200 метрахъ отъ праваго берега Везеры и на высотѣ 24 метровъ надъ уровнемъ послѣдней. Какъ внутри ея, такъ и въ прилегающей мѣстности найдено огромное число типичныхъ сколотыхъ кремневыхъ орудій, отличающихся довольно крупными размѣрами. Около половины всѣхъ орудій составляютъ копьевидные остроконечники, затѣмъ слѣдуютъ скребки и, наконецъ, тесанные топоры миндалевиднаго типа, указывающіе на глубокую древность культуры. Орудій изъ рога и кости не найдено, хотя, среди кухонныхъ отбросовъ, немало найдено костей мамонта, гіэны, лошади, быковъ, оленей и др.

Не менѣе интересною является также пещера Фей, въ Арси-сюръ-Кюръ, департамента Іонны, извѣстная по раскопкамъ де-Вибре. На днѣ пещеры отложились два древнихъ культурныхъ слоя, изъ которыхъ нижній заключалъ въ себѣ сколотыя орудія, залегавшія вмѣстѣ съ костями мамонта, носорога (R. tichorhinus) и большого медвѣдя, а верхній содержалъ подѣлки изъ кремня, кости и глины и относился къ болѣе позднему, вѣроятнѣе всего, неолитическому времени.

Во многихъ пещерахъ водоема Шаранты и Дордоньи, относящихся къ концу палеолитической эпохи, найдены рѣзныя изображенія, выполненныя на кости и на пещерныхъ стѣнахъ, а также и настоящія скульптурныя изображенія, сдѣланныя изъ кости и камня.

Среди изящныхъ подѣлокъ, обращаютъ на себя особенное вниманіе такъ называемые начальническіе жезлы. Вырѣзанные изъ рога оленя, эти предметы часто покрывались богатымъ орнаментомъ и рисунками.

Кромѣ стоянокъ и пещерныхъ жилищъ, во Франціи нерѣдко встрѣчаются также и мастерскія издѣлій изъ камня. Самая обширная изъ нихъ открыта въ сѣверозападномъ углу Франціи въ общинѣ Эны, гдѣ найдено большое число сколотыхъ орудій въ видѣ копій, ножей, скребковъ и огромное количество разнаго рода осколковъ, отбитыхъ во время выработки орудій.

Въ общемъ памятники изслѣдуемой поры во Франціи настолько многочисленны, что ихъ находятъ, по словамъ Мортилье, повсюду, гдѣ есть изслѣдователи.

Бельгія. Древности Бельгіи тѣсно связаны съ французскими. Наиболѣе замѣчательными изъ нихъ являются пещеры и убѣжища подъ скалами въ долинахъ рѣкъ Мааса и Лесса. Первымъ изслѣдователемъ бельгійскихъ пещеръ былъ Шмерлингъ, который въ 1833 году раскопалъ извѣстныя Энгисскую и Энгигульскую пещеры, близъ Люттиха, гдѣ собраны типичныя сколотыя орудія, сопровождавшіяся костями мамонта и носорога (R. tichorhinus), а

также и памятники болѣе поздняго неолитическаго времени. Не менѣе интересныя находки сдѣланы Эдуардомъ Дюпономъ въ Фюрфозскихъ пещерахъ долины Лесса, гдѣ найдены разныхъ типовъ кремневыя орудія, подѣлки изъ кости и остатки человѣческихъ погребеній, вызвавшихъ горячіе научные споры, выяснившіе болѣе позднее происхожденіе послѣднихъ.

Въ 1893 г. Ренье открылъ подобные памятники въ долинѣ Весдры (Vesdre), близъ Вервье, въ гротѣ Шантуаръ; позже они отыскались въ дилювіи водоемовъ Мааса и Эско (Escaut), близъ Монса; въ составъ ихъ вошли остроконечники и скребки типичной сколотой техники.

Англія. Въ Англіи памятники поры сколотыхъ орудій также не рѣдки. Они подобно французскимъ и бельгійскимъ находятся въ дилювіальныхъ террасахъ и пещерахъ. Особенною извѣстностью пользуется Кентская пещера, близъ Торкейя, въ Девонширѣ. Эта пещера уже въ тридцатыхъ годахъ XIX вѣка была прекрасно изучена МакъЭнери, а послѣ него цѣлымъ рядомъ другихъ изслѣдователей. Ея культурный слой достигаетъ нѣсколькихъ метровъ и содержитъ остатки разныхъ культурныхъ эпохъ, изъ которыхъ древнѣйшіе относятся къ порѣ сколотыхъ орудій и содержатъ большое количество типичныхъ каменныхъ подѣлокъ, кости мамонта, носорога (R. tichorhinus), лошади и др. Болѣе поздніе остатки сосредоточены у входа въ пещеру. Они характеризуются узкими, продолговатыми скребками и костяными гарпунами, иглами и шилами.

Подобныя древности найдены и въ нѣсколькихъ другихъ пещерахъ.

Южные полуострова Европы. Пиренейскій, Апеннинскій и Балканскій полуострова Европы, какъ не подвергавшіеся оледенѣнію, должны были бы имѣть особенно обильные памятники поры сколотыхъ орудій, однако до настоящаго времени ихъ открыто не такъ много. О нахожденіи ихъ въ Испаніи и Португаліи существуетъ нѣсколько

указаній. Судя по найденнымъ тамъ кремневымъ орудіямъ, можно полагать, что индустрія этого времени явилась на Пиренейскомъ полуостровѣ плодомъ прогрессивнаго развитія индустріи предшествующей поры. Остатки человѣческихъ стоянокъ найдены какъ въ слояхъ древняго аллювія, такъ и въ пещерахъ.

Гораздо болѣе изслѣдовано памятниковъ въ Италіи. Судя по изобилію сдѣланныхъ находокъ, можно заключить о присутствіи тамъ въ описываемую пору густого населенія, какъ это и слѣдовало ожидать. Цѣлый рядъ стоянокъ группируется по уступамъ скалъ Апеннинскихъ и Абруцкихъ горъ, въ аллювіи Тибра, Кіасчіо и др., въ гротахъ и пещерахъ, изъ которыхъ нѣкоторые служили убѣжищами огромному махайродусу. Найденныя во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ каменныя орудія представляли разныя формы остроконечниковъ, скребковъ, ножей и др. Ихъ сопровождали кости мамонта, носорога (R. tichorhinus), пещернаго медвѣдя, пещерной гіэны, волка, оленя, сурка и др. Въ послѣднее время обратили на себя вниманіе находки въ пещерахъ Гримальди, расположенныхъ недалеко отъ Монако, гдѣ, на ряду съ другими остатками, найдены кости человѣка негровиднаго типа, повидимому, болѣе поздняго времени. Этотъ типъ открытъ во Франціи, а именно въ Бретани, съ памятниками, характерными для неолитической эпохи.

Несомнѣнно, столь же обильные остатки имѣются и на Балканскомъ полуостровѣ, но, къ сожалѣнію, тамъ до сихъ поръ не успѣли заинтересоваться такими памятниками, и мы имѣемъ о нихъ извѣстіе лишь изъ Греціи, гдѣ открыты слѣды человѣка палеолитической эпохи того времени, когда, по мнѣнію Скуфоса, Балканскій полуостровъ отдѣлился моремъ отъ Малой Азіи.

Австрія. Въ Австріи можно указать нѣсколько мѣстонахожденій остатковъ поры сколотыхъ орудій. Они извѣстны какъ въ рѣчныхъ дилювіальныхъ отложеніяхъ, такъ и въ пещерахъ.

Проф. І. Кушта открылъ стоянку въ Чехіи, въ Любне, гдѣ, между двумя слоями нетронутой кирпичной глины, залегалъ небольшой прослоекъ культурной почвы, достигавшій 5 см. мощности; въ немъ заключались характерныя сколотыя орудія, кости четвертичной лошади, носорога (R. tichorhinus) и сѣвернаго оленя.

Подобныя находки встрѣчены и въ другихъ мѣстностяхъ, но особенно богата ими Моравія. Большою извѣстностью среди нихъ пользуются: пещера „Бычьей скалы", гдѣ найдены сколотыя орудія съ ископаемыми костями сѣвернаго оленя, а также пещеры „Чортовой дыры" и „Шипки", изслѣдованныя г. Машкою. Въ Чортовой дырѣ культурные остатки оказались въ межледниковыхъ отложеніяхъ. По мнѣнію проф. Вольдржиха и проф. Нидерле, это самые древніе памятники существованія человѣка въ австрійскихъ земляхъ, которымъ соотвѣтствуютъ только древности, найденныя въ самомъ нижнемъ слоѣ пещеры „Бычьей скалы".

Въ пещерѣ „Шипки" изобиловали остатки пещернаго медвѣдя и кости лемминговъ (пеструшекъ). Въ настоящее время потомки послѣднихъ водятся лишь въ тундрахъ, поэтому необходимо заключить, что и въ Моравіи, во время ихъ существованія, были тундры, а это могло имѣть тамъ мѣсто послѣ отступленія ледниковъ. И, дѣйствительно, фауна нижнихъ слоевъ пещеры, не содержащихъ костей пеструшекъ, имѣетъ характеръ ледниковой и межледниковой эпохъ: въ ней преобладаютъ мамонты и носороги. Всѣ каменныя орудія, собранныя въ нижнихъ слояхъ, оказались типичной сколотой техники.

Въ Моравіи же, близъ Предмоста, была открыта одна изъ замѣчательнѣйшихъ стоянокъ, на которой слѣдуетъ остановиться и разсмотрѣть её болѣе подробно.

Предмостская стоянка располагается на берегу р. Бечвы, недалеко отъ впаденія ея въ р. Мораву. Поверхность почвы здѣсь слагается изъ лёсса, достигающаго 8—9 мет-

ровъ толщины, отложившагося на пластѣ бѣлой глины и девонскихъ известнякахъ.

Лѣтъ 40 тому назадъ, одинъ землевладѣлецъ задумалъ спланировать свой участокъ для сада и при этомъ напалъ на громадныя залежи костей гигантскихъ ископаемыхъ животныхъ. Количество этихъ костей такъ было велико, что ихъ стали молоть въ муку и удобрять пашни Предмоста. Такъ прошло много лѣтъ, пока, наконецъ, не было обращено вниманіе на это явленіе учеными людьми. Сначала д-ръ Ванкель, потомъ К. Машка произвели цѣлый рядъ систематическихъ изслѣдованій и раскопокъ, выяснившихъ, что въ лёссѣ, на глубинѣ 2—2$^1/_2$ м. отъ современной поверхности, залегаетъ прослоекъ темнаго цвѣта, не одинаковой толщины. Онъ весь состоитъ изъ золы, древеснаго угля, смѣшанныхъ съ пескомъ и глиной, множества костей, кремневыхъ орудій и др. подѣлокъ. Кости принадлежатъ различнымъ видамъ дилювіальныхъ животныхъ, среди нихъ находятся кости мамонта, носорога, сѣвернаго оленя, медвѣдя, лошади, волка и др. Особенно поражаютъ мамонтовыя кости, встрѣчающіяся здѣсь въ такомъ количествѣ, какъ ни въ одномъ другомъ пунктѣ Европы. Большинство этихъ костей искусственно расколото, а иногда сложено въ груды, какъ бы по сортамъ. Кости принадлежатъ индивидуумамъ всѣхъ возрастовъ, даже зародышамъ. Многія изъ нихъ обуглены, нѣкоторыя—окрашены въ красный цвѣтъ, другія — обработаны въ разнаго рода подѣлки, изъ которыхъ особенно бросаются въ глаза крупныя орудія булавовидной формы, украшенныя надрѣзами, расположенными косыми рядами въ ёлку, затѣмъ шиловидные предметы, просверленные зубы медвѣдя и др.

Каменныя орудія всѣ сколотой техники. Среди нихъ встрѣчено огромное число ножей, скребковъ, остроконечниковъ и проколокъ, рядомъ съ которыми залегали въ безчисленномъ количествѣ осколки, нуклеусы и галькн, указывающіе на присутствіе мастерскихъ.

Первые изслѣдователи стоянки первоначально полагали, что это мѣстонахожденіе представляетъ собою памятникъ человѣка, жившаго одновременно съ мамонтомъ. Но въ 1888 году Предмостъ посѣтилъ маститый археологъ Стеенструпъ, изучилъ на мѣстѣ условія залеганія памятниковъ и пришелъ къ заключенію, что „мамонтъ не жилъ въ этой странѣ вмѣстѣ съ человѣкомъ, такъ какъ мамонтъ—животное доледниковое, а человѣкъ—существо послѣледниковое. Человѣкъ явился въ Предмостѣ спустя много тысячелѣтій послѣ того, какъ здѣсь какимъ-то образомъ погибло цѣлое огромное стадо мамонтовъ. Человѣкъ увидалъ кости этихъ животныхъ и сталъ пользоваться ими такъ же, какъ пользуются ими и въ настоящее время якуты, юраки и другіе сибирскіе инородцы. Они отыскиваютъ трупы, зубы, бивни и др. кости мамонта и пользуются ими для различныхъ цѣлей: трупами кормятъ собакъ, изъ костей мастерятъ разныя издѣлія или продаютъ ихъ заѣзжимъ купцамъ. И вотъ подобно тому, какъ якуты и ихъ соплеменники не могутъ быть названы современниками мамонта, такъ и предмостскіе древніе жители, охотившіеся за костями мамонтовъ, не жили одновременно съ послѣдними“.

Такой взглядъ Стеенструпа былъ принятъ д-ромъ Ванкелемъ и нѣкоторыми нѣмецкими учеными. Однако, еще болѣе авторитетные ученые спеціалисты, какъ Гёрнесъ, Сомботи, Вурмбрандтъ, Вольдржихъ, д-ръ Кржижъ и Машка, держатся перваго мнѣнія, что предмостскія находки не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что человѣкъ и мамонтъ жили одновременно. Вѣрность такого взгляда еще болѣе подтверждается тѣмъ, что мамонтъ, по новѣйшимъ даннымъ геологіи, жилъ не только въ ледниковыя, межледниковую, но и послѣледниковую эпохи. Къ послѣднимъ какъ разъ относятся и всѣ сибирскіе ископаемые мамонты, а, слѣдовательно, предмостскій человѣкъ, признанный современникомъ сѣвернаго оленя, водившагося тамъ въ эпоху отступленія ледника, долженъ быть и современникомъ мамонта.

Послѣдователи мнѣнія Стееншрупа поражаются колоссальностью результатовъ охоты дилювіальнаго человѣка за мамонтомъ и спрашиваютъ: „неужели человѣкъ изловилъ такую массу гигантскихъ животныхъ въ одномъ мѣстѣ и тутъ же убилъ ихъ?“ [1]). Но на это можно возразить, что это еще болѣе кажется поразительнымъ при объясненіи Стееншрупа. Сибирскіе инородцы эксплуатируютъ залежи мамонтовыхъ костей гораздо продолжительнѣе, чѣмъ предмостскіе древніе обитатели, и дѣлаютъ это, благодаря спроса культурныхъ народовъ, не мыслимаго въ предмостское время, гораздо интенсивнѣе, однако ни одинъ поселокъ, ни одна стоянка ихъ не только не окружена милліонами ископаемыхъ костей, но даже не содержитъ ихъ хоть въ сколько-нибудь замѣтномъ количествѣ. И это понятно: инородецъ береть изъ найденнаго остова мамонта лишь годное для подѣлокъ, т.-е. бивни, которые полностью и перерабатываетъ въ вещи или продаетъ на сторону, но не бросаетъ ихъ около своихъ очаговъ или юртъ. Въ Предмостѣ — другая картина. Аналогію ей можно указать въ стоянкѣ Салютре, гдѣ найдены остатки нѣсколькихъ десятковъ тысячъ лошадей. И если при созерцаніи этой стоянки не приходитъ мысль, что человѣкъ, не будучи современникомъ дикой лошади, собралъ здѣсь лишь кости ея, то эта мысль не должна приходить и при созерцаніи мамонтовыхъ остатковъ въ Предмостской стоянкѣ. Скопленія костей въ стоянкахъ Салютре и Предмостѣ, очевидно, обусловливаются особымъ бытомъ ихъ насельниковъ, бытомъ, который въ основѣ скорѣе являлся охотничьимъ, чѣмъ индустріальнымъ.

Во всякомъ случаѣ въ Предмостѣ мы имѣемъ дѣло съ памятникомъ, который множествомъ признаковъ доказываетъ современность человѣка съ мамонтомъ.

Германія. Памятники поры сколотыхъ орудій найдены во многихъ мѣстностяхъ Германіи. Въ планировкѣ ихъ

[1]) Ранке. „Человѣкъ“. II, 361.

замѣчается та особенность, что они почти совсѣмъ не встрѣчаются въ области, подвергавшейся второму оледенѣнію. Явленіе это наблюдалось и въ другихъ странахъ, находившихся, по отношенію къ ледникамъ, въ одинаковыхъ физико-географическихъ условіяхъ. Оно заслуживаетъ особеннаго вниманія, потому что объясняетъ, какъ много первобытныхъ памятниковъ должно быть стерто движеніемъ того гигантскаго жернова, какимъ представляется континентальный европейскій ледникъ.

Въ числѣ германскихъ памятниковъ имѣются какъ открытыя стоянки, такъ и пещерныя жилища.

Изъ стоянокъ наиболѣе замѣчательна Таубахская (Taubach), близъ Веймара. Остатки ея залегаютъ надъ мореной перваго (древнѣйшаго) ледника и относятся къ межледниковому времени, характеризующемуся болѣе теплымъ и мягкимъ климатомъ. Среди многочисленныхъ представителей фауны Таубахской стоянки также совершенно отсутствуютъ представители холоднаго климата: въ составѣ ихъ нѣтъ ни сѣвернаго оленя, ни лемминга (пеструшки), а имѣются только виды умѣреннаго климата, каковы: косуля, олень, бобръ, кабанъ и, на ряду съ ними, вымершіе дилювіальные виды древняго слона (Elephas antiquus), носорога (R. merckii), пещернаго льва и гіэны.

Стоянка дала обильные остатки индустріи. Ея каменныя орудія имѣютъ типичную сколотую форму. Въ число ихъ входятъ остроконечники, скребки, ножи и др. Многія кости оказались со слѣдами искусственныхъ древнихъ надрѣзовъ и ударовъ, повидимому, медвѣжьею челюстью, вооруженною клыкомъ, и обугленными; другія обработаны въ разнаго рода колотушки, крючки, сдѣланные изъ оленьихъ роговъ, клевцы или чеканы изъ челюстей пещернаго медвѣдя.

На ряду со всѣми этими остатками залегаютъ куски известковаго камня со слѣдами вліянія на нихъ жара и угли; это, вѣроятнѣе всего,—остатки очаговъ и костровъ.

Найдена вертлюжная впадина бедра крупнаго животнаго, служившая чашей, и др. предметы.

Не менѣе интересная стоянка открыта и въ Шуссендритѣ, у верховья р. Шуссена (притока Дуная). Время ея, по геологическимъ даннымъ, пріурочивается къ началу послѣледниковаго періода. Сопровождающіе стоянку представители флоры и фауны соотвѣтствуютъ холодному полярному климату; таковы: разные виды мховъ, сѣверные олени, полярныя лисицы, зайцы, небольшой породы быки и большеголовыя лошади, обычные спутники, въ Средней Европѣ, сѣвернаго оленя. Въ числѣ животныхъ не оказались ни слоны, ни носороги, ни пещерные львы, ни пещерныя гіэны.

Судя по обильному скопленію костей, слѣдуетъ полагать, что человѣкъ Шуссеина, обитая въ предледниковой тундровой полосѣ, велъ спеціально охотничій образъ жизни. Его кухонные отбросы изобилуютъ костями дичи. Многія изъ нихъ разбиты и расколоты каменными орудіями, простыми камнями и клевцами изъ медвѣжьихъ челюстей. Повсюду видны слѣды костровъ и очаговъ.

Кремневыя орудія принадлежатъ къ сколотымъ типамъ. Одни изъ нихъ имѣли формы остроконечниковъ, другія—скребковъ, ножей и шилъ. Полагаютъ, что всѣ они снабжались рукоятками, сдѣланными изъ роговъ сѣвернаго оленя, каковыя и были найдены въ отбросахъ стоянки. Изъ тѣхъ же роговъ и др. костей выдѣлывались костяные кинжалы, острія, удильные крючки, гарпуны, сосуды, выдолбленные изъ рога оленя, начальническіе жезлы, бирки и др. Рядомъ со всѣми этими предметами найдены и кусочки красной краски.

Сравнивая шуссенскую культуру съ таубахской, легко замѣтить ея прогрессивное развитіе. Грубыя таубахскія каменныя орудія въ Шуссеинѣ получаютъ болѣе легкія и совершенныя формы, принадлежа къ одной и той же техникѣ. Вмѣсто простыхъ расколотыхъ таубахскихъ костей, въ Шуссеинѣ является цѣлая костяная промышленность.

Вмѣсто таубахскихъ сосудовъ изъ вертлюжныхъ впадинъ крупныхъ ископаемыхъ животныхъ, въ Шуссейнѣ появляются искусственно выдолбленные сосуды изъ роговъ оленя и т. д.

Между германскими пещерами, обитаемыми въ палеолитическое время, наиболѣе извѣстны Голефельская, Бокштейнская и Таингенская.

Голефельская пещера находится въ долинѣ Швабскаго Аха. Изслѣдованіе ея выполнено О. Фраасомъ. Найденныя имъ въ пещерѣ кремневыя орудія отличаются малыми размѣрами, характерными для болѣе позднихъ палеолитическихъ стоянокъ. Гораздо многочисленнѣе и разнообразнѣе подѣлки изъ кости. Особенное вниманіе обращаютъ на себя нижнія челюсти медвѣдя, приспособленныя, какъ полагаютъ, для рубки мяса и раскола костей. Суставные вѣнечные отростки, всѣ зубы, за исключеніемъ клыка, удаляются, и вся челюсть приспособляется для схватыванія ея рукою. Острый и довольно длинный клыкъ служитъ рубящимъ и колющимъ клинкомъ. Съ помощью такого орудія разбивались кости, на которыхъ, въ пунктахъ ударовъ зубами, остались характерные проломы и трещины.

Не менѣе заслуживаютъ вниманія сосуды, приготовленные изъ череповъ сѣвернаго оленя, привѣски изъ звѣриныхъ зубовъ и даже цѣлыхъ челюстей мелкихъ звѣрковъ, а также остроконечники.

Судя по костямъ, найденнымъ въ культурномъ слоѣ пещеры, человѣкъ того времени охотился на мамонта, носорога, льва, рысь, дикую кошку, куницу, лошадь, быка, сѣвернаго оленя, а также на лебедей-кликуновъ, утокъ, галокъ и т. п.; въ рѣкахъ ловилъ окуней, карповъ и др.

Бокштедская пещера относится къ одной эпохѣ съ Голефельской, но въ ней остатки крупныхъ животныхъ мамонтовой фауны оказались гораздо многочисленнѣе. То же самое слѣдуетъ сказать и про Таингенскую пещеру, называемую „Kesler Loch“, расположенную къ сѣверу отъ Шафгаузена. При изслѣдованіи ея найдено около 1200

кремневыхъ орудій, большое число разнаго рода костяныхъ подѣлокъ, иногда покрытыхъ узорами и рисунками оленей, лошадей и т. п. Почти полное отсутствіе костей крупныхъ ископаемыхъ животныхъ и изобиліе костей сѣвернаго оленя указываютъ мѣсто этой стоянкѣ въ самомъ концѣ палеолитической эпохи.

Россія. Выше мы уже отмѣтили, что въ предѣлахъ Россіи памятниковъ ранней поры палеолитической эпохи, поры тесанныхъ орудій, нигдѣ не найдено. Возможно, что ихъ не существуетъ совсѣмъ въ предѣлахъ Россіи, но еще болѣе возможно, что они существуютъ, но только не найдены или не открыты. Во всякомъ случаѣ, какъ въ концѣ третичной, такъ и въ началѣ четвертичной геологической эпохъ, территорія Европейской Россіи представляла вполнѣ удобную арену для жизни и дѣятельности человѣка.

Стѣсненіе могли представить оледенѣнія страны. Въ Россіи ихъ допускаютъ два. Первое изъ нихъ отличалось особенно сильнымъ развитіемъ. Громаднѣйшіе ледники, спустившись съ сѣверовосточныхъ отроговъ Скандинавскихъ горъ, покрыли всю котловину Балтійскаго моря, всѣ горы и холмы Финляндіи, всѣ равнины сѣверной и средней Россіи и, раздѣлившись на двѣ огромныя лопасти, направленныя въ области Днѣпра и Дона, проникли далеко въ предѣлы южной Россіи.

По новѣйшимъ даннымъ геологіи, граница распространенія русскаго ледника, приблизительно, шла отъ пересѣченія австрійско-русскою границею рѣки Зап. Буга на г. Овручъ, затѣмъ поворачивала на юго-востокъ и проходила между Житомиромъ и Кіевомъ къ Умани и далѣе на востокъ къ Кременчугу и къ сѣверу, между рѣками Псломъ и Ворсклой, на Рыльскъ, Сѣвскъ, Болховъ, Мценскъ, гдѣ, описавъ вокругъ г. Орла дугу, вновь направлялась къ югу на Коротоякъ, потомъ поворачивала къ востоку на ст. Раздорную и вновь шла на сѣверъ, на гг. Аткарскъ, Курмышъ, Ветлугу, Вятку и на верховья рѣки Мезени.

Сѣверный Уралъ также покрывался ледникомъ, представляя или особую изолированную область, или рѣзко выдавшуюся лопасть общаго Скандинавскаго ледника.

Все, включенное съ сѣверной стороны въ очерченныя границы, покрывалось сплошнымъ льдомъ и представляло картину, аналогію которой, въ настоящее время, можно указать лишь въ Гренландіи да на южномъ полюсѣ.

Если бы, въ то время, мы могли перенестись на площадь г. Москвы, то увидали бы необозримую ледяную пустыню, поверхность которой, смотря по времени года, то блистала ослѣпительной бѣлизною свѣжаго снѣга, то казалась синевато-сѣрой, отъ обнажившейся подъ лучами лѣтняго солнца атмосферной пыли на фонѣ льда. Однообразіе ландшафта нарушали лишь трещины и легкія морщины на мѣстахъ, гдѣ ледникъ, преодолѣвая какія-нибудь невидимыя глазу препятствія своему вѣчному движенію, вздувался и трескался. Внимательный взглядъ могъ еще примѣтить темныя пятна валуновъ, оторванныхъ отъ горныхъ скалъ гдѣ-нибудь въ Финляндіи или даже на сѣверѣ Швеціи. Тихо совершали эти безмолвные кристаллическіе путешественники свой длинный путь съ холоднаго сѣвера къ теплому югу. Проходили многія тысячи лѣтъ, пока они, миновавъ Москву, Рязань, Тамбовъ, Воронежъ, достигали береговъ средняго теченія Дона и тамъ, вмѣстѣ съ глыбами тающаго льда, падали на землю. Казалось, время для этой холодной равнины, точно для остывшаго трупа, потеряло всякое значеніе. Между тѣмъ на всемъ пространствѣ ледяной пустыни шла гигантская работа: дробились и шлифовались твердыя скалы и сорванныя съ нихъ части растирались въ мягкую муку, которая впослѣдствіи образуетъ тучныя почвы, необходимыя для питанія такихъ высокоразвитыхъ и культурныхъ существъ, какихъ ранѣе на землѣ никогда не бывало. Но эта гигантская работа происходила подъ такимъ толстымъ покровомъ льда, что была совершенно недоступна для наблюденія. Ни шумъ деревьевъ, ни голосъ животныхъ и птицъ,

ничто живое не колебало воздухъ. Лишь завываніе бурь и мятелей нарушало вѣковую тишину, да внезапный трескъ и взрывы гдѣ-нибудь лопнувшихъ льдинъ давали знать о жизни и безустанной работѣ природы. Растенія, звѣри, животныя, птицы и гады, все было отодвинуто за предѣлы царства льдовъ и ютилось на узкой полосѣ, съ одной стороны ограниченной неприступною стѣною льдовъ, съ другой—бурными водами Чернаго и Каспійскаго морей, соединившихся проливомъ и отдѣлившихъ Кавказъ отъ Европы. Воды Каспія поднялись на 150 метровъ, залили огромныя площади Астраханской, Саратовской и Самарской губерній и, выдвинувъ узкій морской заливъ въ область нижней Камы, создали естественную границу, отдѣляющую и съ этой стороны Европу отъ Азіи. Въ Россіи оставалось открытой суши немного. Въ составъ ея входили части Пермской и Вятской губерній, вся Казанская, части Пензенской, Симбирской, Саратовской, области Войска Донского, вся площадь Новороссіи и часть Малороссіи; изъ среднихъ великорусскихъ губерній оставались открытыми только Орловская и Курская губерніи.

На очерченномъ пространствѣ были сжаты флора и фауна, ранѣе распространявшіяся по всей территоріи Россіи. Полярный поясъ прилегалъ къ самымъ ледникамъ, за нимъ къ югу слѣдовала таежная, или лѣсная, полоса, и далѣе у береговъ южныхъ морей раскидывались травяныя степи. Всё это изобильно орошалось могучими потоками, выходившими изъ-подъ ледниковъ и обильными атмосферными осадками. Климатъ былъ холодный и сырой, но не убійственный для растительнаго царства, которое въ это время, повидимому, достигло необыкновенной пышности и изобилія. Животныя также отличались значительнымъ развитіемъ: громадные мамонты, слоны, эласмотеріи, носороги, львы, медвѣди населяли югъ Россіи. Полярныя и тундровыя животныя въ родѣ мускуснаго овцебыка, оленей, песцовъ, леммпиговъ жили близъ типичныхъ представителей тайги и лѣсостепи, какъ лоси,

бурые медвѣди, дикіе виды быковъ, лошадей и др. Въ это время охотнику не пришлось бы долго ходить, чтобы найти дичь: она встрѣчалась всюду и, какъ говорится, на каждомъ шагу. Рѣки изобиловали рыбой, черепахами, моллюсками, бобрами, выдрами и др. Но присутствія человѣка среди всего этого богатства еще не открыто.

Самые древніе человѣческіе слѣды оказываются лишь послѣ того, какъ ледникъ или совсѣмъ исчезъ, или удалился далеко къ сѣверу. Таковы стоянки въ Костенкахъ, Гонцахъ, Кіевѣ и Ново-Александріи. Къ тому же времени слѣдуетъ отнести пещерныя жилища, открытыя гр. Завишей и Оссовскимъ въ Польшѣ, Мережковскимъ въ Крыму и бар. де-Баемъ на Кавказѣ. Мы сдѣлаемъ обзоръ ихъ, начиная съ запада.

Въ обширномъ водоемѣ Балтійскаго моря памятники палеолитической эпохи не найдены ни на территоріи Финляндіи, ни въ областяхъ русскихъ губерній, ни въ Остзейскомъ краю, ни въ Польшѣ, за исключеніемъ южныхъ ея предѣловъ, примыкающихъ къ австрійскимъ границамъ, гдѣ открыты одна стоянка и двѣ пещеры, обитаемыя въ палеолитическую эпоху.

Польша *). Объ польскія пещеры располагаются въ Кѣлецкой губерніи, Олькушскомъ уѣздѣ, въ долинахъ рѣкъ Пронднка и Рудавы, недалеко отъ впаденія послѣдней въ р. Вислу. Въ этой области открыто нѣсколько пещеръ: однѣ изъ нихъ оказались костеносными или звѣриными, другія обитаемыми или посѣщаемыми человѣкомъ въ различныя культурныя эпохи, начиная съ палеолитической и кончая металлической. Изъ нихъ первыя дали

*) *Литература*:

1. Гр. А. С. Уваровъ. „Археологія Россіи. Каменный періодъ“.
2. Гр. Завиша объ изслѣдованіи имъ Мамонтовой пещеры писалъ въ „Wiadomości archeologiczne“, т. I—IV, Варшава, 187—1882 г., и въ „Mémoires de la Soc. d'Anthropol. de Paris“, t. I, 2 série, pl. XII—XIV, p. 439—447, статья подъ заглавіемъ „La caverne de Mammouth en Pologne“.

богатый палеонтологическій матеріалъ, по которому составляется довольно полное представленіе о фаунѣ, сопутствующей первобытному палеолитическому человѣку, а вторыя – довольно богатые остатки первобытной культуры самаго человѣка.

Первоначальное изслѣдованіе пещеръ сдѣлано гр. Яномъ Завишей, въ семидесятыхъ (1872—1876 г.) годахъ XIX столѣтія. Большой любитель археологіи, онъ по собственному почину и на свои средства предпринялъ цѣлый рядъ изысканій, давшихъ столь интересные результаты, что въ дальнѣйшихъ работахъ приняла участіе Краковская Академія Наукъ и нѣсколько лицъ съ крупными научными именами. Изъ послѣднихъ особенно выдѣляются труды Г. О. Оссовскаго, изслѣдовавшаго до 80 пещеръ разной величины. Его печатный трудъ „О геологическомъ и палеоэтнологическомъ характерѣ пещеръ юго-западной окраины Европейской Россіи и смежныхъ съ нею мѣстностей Галиціи“, изданный въ Трудахъ Томскаго Общества Естествоиспытателей и Врачей (годъ 5-й), представляетъ общую сводку и резюме всему сдѣланному по изученію польско-галицкихъ пещеръ за періодъ времени съ 1872 по 1901 годъ.

Польскія пещеры образовались въ бѣлыхъ юрскихъ известнякахъ. Происхожденіе ихъ обусловливается неравномѣрною плотностью горной породы бѣлоюрскихъ известняковъ и общею рыхлостью ея строенія. Атмосферныя воды легко проникаютъ въ скалы, размываютъ въ нихъ пустоты и, скопившись въ послѣднихъ, мало-по-малу прокладываютъ путь наружу, образуя внутренность и входъ

---

3. Г. О. Оссовскій. „О геологическомъ и палеонтологическомъ характерѣ пещеръ юго-западной окраины Евр. Россіи и смежныхъ съ нею мѣстностей Галиціи“. Печат. въ Трудахъ Томскаго Общ. Естествоиспыт. и Врачей, годъ V, Томскъ, 1895.

4. Его же. „Опытъ хронологической классификаціи находокъ каменн. вѣка въ Россіи“, Тр. VI Археол. Съѣзда въ Одессѣ, т. I, стр. 47—71, съ семью табл. фототипій и 2 рис. въ текстѣ.

пещеры. Величина такихъ пещеръ является очень разнообразною. Нѣкоторыя пещеры не превышаютъ 20 аршинъ длины и нѣсколькихъ аршинъ ширины, другія же достигаютъ нѣсколькихъ сотъ аршинъ длины и аршинъ 30 и болѣе ширины. Высота ихъ бываетъ до 20 и болѣе аршинъ. Въ планахъ и разрѣзахъ пещеры, обыкновенно, представляютъ длинную, болѣе или менѣе извилистую, пустоту, съ которой соединяется нѣсколько боковыхъ пустотъ, представляющихъ боковыя вѣтви главной пещеры.

Когда процессъ образованія пещеръ заканчивался, тогда на днѣ ихъ начинала отлагаться почва, въ составъ которой поступали землистыя частицы, вносимыя проникающей въ пещеру атмосферной водой изъ верхнихъ пластовъ почвы, лежащихъ на горной породѣ пещеръ, затѣмъ пыль и песокъ, вносимые вѣтромъ черезъ открытыя отверстія пещеръ и, наконецъ, продукты вывѣтриванія стѣнъ и потолка самой пещеры, получающіе, обыкновенно, видъ дресвы, каменныхъ обломковъ и цѣлыхъ глыбъ, иногда весьма большихъ размѣровъ. Такимъ образомъ, съ теченіемъ времени, на днѣ пещеръ образовывались весьма мощныя отложенія, достигающія нѣсколькихъ аршинъ толщины. Въ типичныхъ разрѣзахъ этихъ отложеній всегда можно отличить два пласта: нижній, состоящій изъ болѣе грубыхъ глинистыхъ осадочныхъ матеріаловъ, и верхній, состоящій изъ пылевыхъ гумусныхъ частицъ, сообщающихъ ему видъ чернозема; изъ нихъ первый развивался на счетъ дилювіальныхъ отложеній, состоящихъ изъ толщъ сѣровато желтой лёссовидной глины, залегающей непосредственно на известнякахъ, а второй—на счетъ слоя сѣрой растительной почвы, отложившагося на слоѣ поименован-

5. Его же. „Sprawozdanie z wycieczki paleoetnolog. po Galicyi w r. 1889, 1890, 1892“. Печатаны въ „Zbiór wiadomości do Antropologii krajowej“, t. XIV, XV, XVI, Krakow, 1889—1892.
6. Его же. „Jaskinie okolic Ojcowa pod względem paleoetnologicznym“. Печатано въ „Pamiętnik wydzisału matematyczno-przyrodnieczego Akademii Umiejętnosci w Krakowie“, t. XI, Krakow, 1884.

ной глины. Возрастъ перваго — гораздо древнѣе возраста второго. Въ первомъ находятся кости ископаемыхъ животныхъ мамонтовой фауны, а во второмъ—кости животныхъ современной фауны.

Въ составъ мамонтовой фауны входятъ:

1) мамонтъ (Elephas primigenius Blum.);

2) носорогъ (Rhinoceros tichorhinus Ficher.);

3) лошадь ископаемая (Equus caballus Linn., var. fossilis);

4) лошадь ископаемая, видъ малый (Equus caball. foss. minor Woldrzich);

5) Гіэна пятнистая, разновидность пещерной (Hyaena crocuta, var. spelaea Acc.);

6) левъ пещерный (Felis leo spelaeus Acconci);

7) рысь (Felis lynx Linn.);

8) кошка лѣсная (Felis catus silv. Linn.);

9) медвѣдь пещерный (Ursus spelaeus Goldfuss.);

10) медвѣдь бурый (Ursus arctos Linn.);

11) зубръ (Bos priscus Bojanus);

12) волъ ископаемый (Bos primigenius Bojanus);

13) овцебыкъ (Ovibos moscatus Blainville);

14) лось большерогій (Cervus canadensis Linn.);

15) лось ископаемый (Cervus alces Linn., var. fossilis);

16) олень ископаемый (Cervus elaphus Linn., var. fossilis):

17) олень сѣверный (Cervus tarandus Linn.);

18) сайга (Antilope saiga Pallas.);

19) барсукъ (Meles taxus Linn.);

20) собака пещерная (Canis spelaeus Cuv.);

7. Его же. „Przyczynek do wiadomości o grotach Krzemiennych znajdowanych na ziemiach dawnej Polski“, Kraków, w druk. Uniwers. Jagiell., 1886, 14 стр. 8°.

8. Его же. „Feuilles de la caverne de Wierzchowska-Górna en Pologne. Печат. въ „Antiqua“ 1887, mai—juin.

9. J. Tur. „Zabytki artyzmu praczłowieka z epoki magdalenskiej“. Z 5 fig. w tekście. Wszechświat, № 45, 719—722.

21) собака домашняя, разновидность (Canis domest., var. fossilis Woldrzich);

22) лисица ископаемая (Vulpes vulgaris, var. fossilis Woldrzich);

23) лисица сѣверная (песецъ) (Vulpes lagopus Linn.);

24) бѣлка (Mustella foina Brisso);

25) заяцъ (Lepus timidus Linn., var. fossilis);

26) пѣтухъ (Gallus domest., var. foss. Woldrzich) и др.

Количество добытыхъ костей этихъ животныхъ достигаетъ огромнаго числа. Одному Г. О. Оссовскому удалось извлечь ихъ не менѣе 20000 экземпляровъ. Сотни тысячъ ископаемыхъ костей были отправлены изъ польскихъ пещеръ въ Бреславль для выработки полевыхъ удобрительныхъ туковъ, и множество хранится въ разныхъ музеяхъ. Особенно изобиловали кости ископаемыхъ лошадей, лосей, сѣверныхъ оленей, песцовъ и лисицъ; наиболѣе же рѣдкими являлись кости овцебыка и сайги. Въ отношеніи зоогеографическаго распредѣленія видовъ животныхъ замѣчено, что мамонтъ населялъ равномѣрно всю область, а пещерная гіэна, пещерный левъ и пещерный медвѣдь преимущественно держались въ южной части области, по направленію и ближе къ Кракову.

Богатый палеонтологическій матеріалъ привлекъ вниманіе выдающихся ученыхъ и въ освященіи его принимали участіе такія силы, какъ Оскаръ Фраасъ, Нерингъ, Рютимейеръ и А. Сѣверцовъ.

На ряду съ палеонтологическимъ матеріаломъ встрѣчены во многихъ пещерахъ памятники первобытной культуры древняго населенія края. Памятники эти относятся,

10. Его же. „Jaskinie okolic Ojcowa. Badanie przedhistoriczne". Z 8 rys. w tekście. Wędrowiec, № 9, 164—165, № 10, 189.

11. С. К. Кузнецовъ: „Г. І. Оссовскій". Біографич. очеркъ съ указаніемъ литературы Оссовскаго, касающейся Польши, Пруссіи и Украины; печат. въ „Ежегодникѣ по Геологіи и Минералогіи Россіи", изд. Н. І. Криштафовича, т. III, отд. I.

главнымъ образомъ, къ каменному и рѣже къ металлическому періоду.

Предметы каменнаго періода находятся въ обоихъ основныхъ пластахъ пещерной почвы, при чемъ тѣ изъ нихъ, которые заключаются въ нижнемъ глинистомъ пластѣ, имѣютъ совершенно особый характеръ, отличный отъ характера предметовъ верхняго черноземнаго пласта, и могутъ быть совершенно справедливо отнесены къ палеолитической эпохѣ, тогда какъ вторые принадлежатъ уже къ болѣе позднему времени.

Въ составъ палеолитическихъ памятниковъ входятъ кремневыя орудія, разнаго рода костяныя подѣлки, краски и друг.

Кремневыя орудія состоятъ исключительно изъ рѣжущихъ узкихъ пластинокъ, отличающихся сравнительно крупными размѣрами, тяжестью, толстымъ отколомъ и, преимущественно, вторичною оббивкою. Всѣ они выполнены при помощи сколотой техники и являются вполнѣ характерными для поздней поры палеолитической эпохи.

Столь же характерными для этой эпохи являются и костяныя издѣлія. Всѣ они сработаны изъ костей ископаемыхъ исчезнувшихъ животныхъ видовъ, въ родѣ мамонта и носорога, а также изъ роговъ сѣвернаго оленя, какъ извѣстно, изобиловавшаго въ предѣлахъ Средней Европы въ концѣ ледниковой эпохи. Въ числѣ этихъ издѣлій, кромѣ обычныхъ орудій домашняго обихода, въ родѣ шилъ, лопатокъ и др., имѣются наконечники стрѣлъ и дротиковъ или гарпуновъ, иногда покрытыхъ орнаментикой самаго архаическаго стиля. Отысканы также куранты, служившіе для растиранія краски, и самыя краски, представляющія изъ себя порошокъ краснаго лимонита.

12. П. І. Криштафовичъ. „Станціи древнѣйшаго палеолитическаго человѣка на территоріи Евр. Россіи и ихъ геолог. возрастъ". Дневн. XI Съѣзда Русск. Естествоиспыт., № 4, 133, 134 и 277.

13. Его же. „Послѣтретичныя образованія въ окрестностяхъ Ново-Александріи", Варшава, 1896 г., стр. 47—52, 59—68.

Всё это живо напоминаетъ пещерные памятники Франціи конца палеолитической, или мадленской, эпохи.

Въ польскихъ пещерахъ такіе памятники встрѣчаются не часто. До настоящаго времени открытіе ихъ извѣстно только въ двухъ пещерахъ: Мамонтовой, или Средней Вержховской, и Машицкой, у с. Ойцова, изъ нихъ особенно замѣчательна первая.

Мамонтовая пещера находится на лѣвомъ берегу долины рѣки Рудавы, у подошвы скалы, сложенной изъ бѣлыхъ юрскихъ известняковъ. Пещера довольно обширна, имѣетъ около 27 аршинъ длины и 18 аршинъ ширины. Дно ея покрыто двумя различными пластами почвы, содержавшими памятники каменнаго періода двухъ различныхъ эпохъ: палеолитической и неолитической, при чемъ первые рѣшительно преобладаютъ.

Въ составъ палеолитическихъ памятниковъ вошли кремневыя орудія, костяныя подѣлки и кости, повидимому, съѣденныхъ ископаемыхъ животныхъ.

Кремневыя орудія изготовлялись изъ прозрачнаго кремня сѣроватаго цвѣта, представляющаго мѣстную породу камня. Значительное количество найденныхъ ядрищъ указываетъ на производство выработки орудій въ самой пещерѣ, гдѣ однимъ только графомъ Завишей найдено до 2000 кремневыхъ подѣлокъ. Всѣ эти многочисленныя подѣлки не отличаются разнообразіемъ формъ, представляя видъ узкихъ сколотыхъ пластинокъ. Гр. Завиша совершенно вѣрно сблизилъ ихъ съ французскими кремневыми орудіями эпохи Мадленъ, или поздней поры палеолитической эпохи: техника подѣлокъ одна и та же. По формѣ пластинокъ, ихъ называютъ скребками, ножами и даже

---

14. Его же. „О древнѣйшихъ палеолитическихъ находкахъ въ долинѣ р. Вислы близъ Ново-Александріи". Дневн. X Съѣзда Русск. Естеств. и Врачей въ Кіевѣ, № 3—4, стр. 88—89; № 5, стр. 154.
15. Фрехъ. „О кремневомъ орудіи, найденномъ съ костями пещернаго медвѣдя въ Ержмановицкой пещерѣ, въ Польшѣ".

пилами, но рѣзкихъ, вполнѣ выразительныхъ, признаковъ назначенія онѣ въ большинствѣ случаевъ совсѣмъ не имѣютъ.

Изъ костяныхъ подѣлокъ заслуживаютъ вниманія челюсти пещернаго медвѣдя, приготовленныя, по мнѣнію проф. Фрааса, особымъ способомъ, чтобы служить вмѣсто молота или клевца. Подобныя клевцы изъ медвѣжьихъ челюстей были найдены въ германскихъ палеолитическихъ стоянкахъ Таубаха, Шуссейна и пещеры Голефельса.

Не менѣе интересны орудія, изготовленныя изъ костей животныхъ, служившія для домашняго обихода; таковы шила и разнаго рода проколки, сдѣланныя изъ костей лисицы, оленя и бивней мамонта. На одномъ обломкѣ ребра животнаго сохранилась часть изображенія рыбы, и на многихъ костяхъ лошади и рогахъ оленя замѣтны пиленія и насѣчки.

Среди кухонныхъ и случайныхъ отбросовъ найдены кости мамонта, пещернаго медвѣдя, лося, сѣвернаго оленя, ископаемой лошади и др. Особенно изобиловали кости послѣднихъ четырехъ видовъ животныхъ.

Центрами всѣхъ этихъ остатковъ служилъ обширный очагъ, расположенный внутри пещеры, гдѣ, повидимому, и протекала вся домашняя жизнь ея палеолитическаго обитателя.

Машицкая пещера пользуется меньшею извѣстностью, хотя Оссовскій приписываетъ ей бо́льшее значеніе и даже возводитъ въ хронологическій типъ, обозначая именемъ ея древнѣйшую эпоху польскихъ первобытныхъ древностей.

Пещера эта располагается верстахъ въ 5-ти къ югу отъ развалинъ Ойцовскаго замка, во владѣніи села Машицъ, на лѣвомъ берегу Ойцовскаго ущелья, почти у самаго гребня высокаго берега ручья Прондника.

16. Эразмъ Маевскій. „Доисторич. кремневыя орудія, собранныя у дер. Оссовки, въ Стопницкомъ у. Кѣлецкой губ.“ Съ атласомъ изъ 22 фотограф. таблицъ, содержащихъ снимки 1602 орудій. На польскомъ и французскомъ языкахъ. Варшава, 1895, 4°.

Въ продольномъ разрѣзѣ пещера дѣлится на двѣ камеры, расположенныя другъ за другомъ. Изъ задней камеры поднимается вверхъ, до растительной почвы, узкій каналъ, который отдѣлился отъ камеры упавшимъ въ самомъ устьѣ большимъ камнемъ.

Длина пещеры достигаетъ 40, а ширина 12 аршинъ. На днѣ ея отложилась наносная почва не менѣе 4 аршинъ толщины, дѣлившаяся на два различныхъ слоя: верхній и нижній. Верхній слой состоитъ изъ глинистаго чернозема съ включеніями известковаго щебня, опавшаго, вслѣдствіе вывѣтриванія, со стѣнъ и свода пещеры. Кромѣ того, въ немъ залегаютъ разныя подѣлки изъ камня, кости, глины и кухонные отбросы, характерные для неолитической эпохи, а въ самыхъ верхнихъ отложеніяхъ—памятники еще болѣе поздняго времени и даже исторической эпохи.

Нижній пластъ лежитъ непосредственно на днѣ пещеры. Его толщина достигаетъ 2 аршинъ. Въ составъ его входитъ глина свѣтлаго сѣровато-желтаго цвѣта, множество известковыхъ камней и мелкаго щебня; среди нихъ находились кости животныхъ мамонтовой фауны, принадлежавшихъ, по опредѣленію Оссовскаго, слѣдующимъ видамъ:

1) мамонту (Elephas primigenius Blum.);
2) носорогу (Rhinoceros tichorhinus Fisch.);
3) лошади ископаемой (Equus caballus sp. foss.);
4) гіэнѣ пятнистой, разновидности пещерной (Hyaena var. spelaea);
5) медвѣдю пещерному (Ursus spelaeus);
6) медвѣдю бурому (Ursus arctos);
7) зубру (Bos priscus Boj.);
8) быку ископаемому (Bos primigenius Boj.);
9) лосю (Cervus alces);
10) оленю (Cervus elaphus);
11) сѣверному оленю (Cervus tarandus);
12) сайгѣ (Antilope saiga Pult.);
13) зайцу ископаемому (Lepus timidus foss).

Кромѣ того были найдены кости птицъ, но, къ сожалѣнію, непригодныхъ къ опредѣленію видовъ. Поверхность костей покрывалась дендритами. На ряду съ этими костями найдены культурные остатки древнѣйшаго человѣка, состоявшіе изъ кремневыхъ орудій и костяныхъ подѣлокъ.

Всѣ кремневыя орудія оказались сколотой техники и имѣли видъ простыхъ ножевидныхъ и скребковидныхъ пластинъ. Величина ихъ достигала 134 и 174 мм.; отколъ представлялся грубымъ и вѣсъ—тяжеловатымъ. Въ общемъ они оказались совершенно тождественными съ найденными въ Мамонтовой пещерѣ и вполнѣ характерными для поздней поры палеолитической эпохи. Большинство изъ нихъ подправлено по краямъ дополнительною оббивкою. Всего найдено болѣе 110 орудій. Вмѣстѣ съ ними отысканы и нуклеусы, указывающіе на производство этихъ орудій внутри пещеры.

Особенно интересны подѣлки изъ кости. Онѣ найдены въ значительномъ количествѣ, отличаются тщательностью отдѣлки и нерѣдко покрываются орнаментомъ. Однѣ изъ нихъ имѣютъ форму стрѣлъ и копій, другія—проколокъ или шилъ, третьи—долотъ и т. п.

Стрѣловидныя орудія имѣютъ тонкую круглую форму, длиною въ 15—25 см.; одинъ конецъ ихъ пріостренъ, другой—стесанъ на клинъ съ очевидною цѣлью лучшаго скрѣпленія наконечника съ древкомъ.

Копьевидныя орудія удерживаютъ ту же форму, но отличаются болѣе крупными размѣрами; такъ нѣкоторыя изъ нихъ достигали до 50 см. длины. Для лучшаго скрѣпленія съ рукояткой ихъ тупой конецъ также срѣзался на клинъ.

Долотовидныя орудія имѣютъ формы или плоскія, или полукруглыя. Послѣднія формы вырабатывались посредствомъ продольнаго распиливанія круглой кости на двѣ половинки.

Проколки и шила представляютъ видъ осколковъ костей, съ однимъ концомъ пріостреннымъ и другимъ ту-

пымъ, болѣе или менѣе приспособленнымъ для схватыванія рукою.

Всѣ орудія сдѣланы изъ костей ископаемыхъ дилювіальныхъ животныхъ и преимущественно изъ костей мамонта, носорога и лося.

Выработка ихъ производилась посредствомъ первоначальныхъ отколовъ и распиливанія при помощи кремневаго инструмента, а затѣмъ стачиванія на песчаниковыхъ камняхъ, каковые и были найдены въ пещерѣ. Когда орудіе было готово, то очень часто поверхность его покрывалась орнаментомъ и даже краской.

Орнаментъ наносился или посредствомъ простыхъ выемокъ и нарѣзовъ или рельефомъ. Въ первомъ случаѣ онъ представлялъ группы прямо или косо поставленныхъ линій, иногда связанныхъ одною изогнутою чертою; во второмъ случаѣ — рельефно выдвинутыя стрѣловидныя фигуры.

Одно изъ долотовидныхъ орудій, кромѣ рѣзного орнамента, было окрашено красною краскою лимонита. Въ пещерѣ найдены двѣ кварцевыхъ плитки, характерно сглаженныя съ одной стороны, и кварцевый пестикъ съ приставшею къ нему красною краскою лимонита. Очевидно, эти предметы служили для растиранія красокъ, и очевидно также, что употребленіе послѣднихъ представлялось дѣломъ довольно обычнымъ.

Любопытенъ одинъ предметъ, сдѣланный изъ рога сѣвернаго оленя, обычно называемый начальническимъ жезломъ (bâton de commandement). Назначеніе этихъ предметовъ точно не выяснено; сначала полагали, что это, дѣйствительно, начальническіе жезлы или знаки власти, но въ послѣднее время высказывается мнѣніе, что этотъ предметъ могъ служить для выпрямленія луковъ, для застегиванія одежды, вмѣсто фибулъ, или вообще для обыкновеннаго бытового употребленія. Такіе предметы появились въ Европѣ въ концѣ палеолитической эпохи. Ихъ особенно много найдено во Франціи въ культурѣ мадленскаго типа.

Должно замѣтить, что и всѣ другія костяныя подѣлки Машицкой пещеры имѣютъ сходство съ мадленскими подѣлками, и въ этомъ нельзя не видѣть живой культурной связи обитателей восточныхъ и западныхъ областей Европы.

Ново-Александрійская стоянка. Ново-Александрійская палеолитическая стоянка открыта на лѣвомъ берегу р. Вислы, близъ с. Гуры Пулавской, противъ пос. Ново-Александріи, Люблинской губерніи. Эта стоянка представляетъ особый интересъ по тщательности изученія геологическихъ условій ея нахожденія. Она открыта въ 1894 году извѣстнымъ геологомъ Н. І. Криштафовичемъ, выполнившимъ, для болѣе полнаго освѣщенія ея, цѣлый рядъ геологическихъ экскурсій въ ближайшихъ окрестностяхъ Ново-Александріи, на обоихъ берегахъ р. Вислы.

Поводомъ къ открытію стоянки послужило слѣдующее обстоятельство. Знакомясь съ палеонтологическими коллекціями геологическаго кабинета Института сельскаго хозяйства и лѣсоводства, въ Ново-Александріи, Н. І. Криштафовичъ обратилъ вниманіе на многочисленныя кости вымершихъ млекопитающихъ послѣтретичнаго времени, найденныхъ на лѣвомъ берегу р. Вислы, напротивъ институтскаго парка. Это и послужило поводомъ къ изслѣдованію мѣстности и привело къ открытію стоянки.

Р. Висла, пробѣгая въ данной мѣстности, съ юга на сѣверъ, промыла глубокую долину въ мѣловомъ возвышенномъ плато, южнѣе Ново-Александріи, и широко раздвинула её въ предѣлахъ низменной равнины къ сѣверу. Въ южной области берега рѣки высоки, круты и скалисты; рѣчные наносы здѣсь почти отсутствуютъ, будучи смыты водой, но тамъ, гдѣ эти наносы сохранились, они представляютъ видъ ясно выраженныхъ террасъ. Всѣхъ террасъ насчитываютъ три: коренная, древняя и новѣйшая. Остатки палеолитической стоянки открыты въ отложеніяхъ древней террасы. Эта терраса прислонена непосредственно къ коренному берегу и возвышается надъ современнымъ уровнемъ рѣки до 18 аршинъ; поверхность ея ровная, только

мѣстами размытая оврагами. Благодаря песчаности почвы, на ней растутъ сплошные сосновые лѣса. Превосходный естественный разрѣзъ ея имѣется на лѣвомъ берегу долины, выше с. Гуры Пулавской, гдѣ она непрерывно подмывается рѣкой, проложившей свой путь у самой ея подошвы. Здѣсь-то и были собраны тѣ многочисленныя кости вымершихъ млекопитающихъ, которыя служатъ украшеніемъ коллекцій Ново-Александрійскаго института и нѣсколькихъ частныхъ лицъ.

Въ разрѣзѣ наблюдаются слѣдующіе слои:

1) Почвенный растительный песчаный слой, 10—12 вершковъ.

2) Кварцевые, иногда глинистые пески, перемѣнно тонко или крупно діагонально слоистой структуры, около 4 аршинъ.

3) Слой ледниковыхъ валуновъ, залегающій въ основаніи песчаной толщи; мѣстами валуны замѣщаются гравіемъ.

4) Лёссовидный суглинокъ съ массой, особенно въ верхней части, полусгнившихъ корешковъ и стеблей растеній, обломками раковинъ моллюсковъ и обломками костей млекопитающихъ. Верхніе горизонты суглинка песчаны, а нижніе все болѣе и болѣе глинисты, незамѣтно переходятъ въ темносѣрую, почти черную глину нижележащаго слоя; мощность достигаетъ аршинъ 5 или 6.

5) Темносѣрая, почти черная глина, содержащая мѣстами въ изобиліи мелкія раковины сухопутныхъ моллюсковъ: Pupa muscorum, Lucena oblonga, Limnophysa truncatula, Helix, Cyclas и др., а также остатки травъ и деревьевъ, кости птицъ и млекопитающихъ. Въ этихъ глинахъ наблюдаются тонкіе прослои, состоящіе изъ обломковъ мѣстнаго мѣлового песчаника и валуновъ сѣверныхъ кристаллическихъ породъ. Общая мощность слоя достигаетъ аршинъ 4.

Въ одномъ изъ нижнихъ горизонтовъ этого слоя и были открыты остатки палеолитической стоянки. Въ составъ ихъ входили различныхъ формъ кремневыя орудія,

разбитыя кости мамонта (El. primigenius), носорога (R. tichorhinus), лошади (Equus caballus fossilis), быка (Bos priscus и свиньи (Sus scrofa fossilis). Все это, перемѣшиваясь съ древеснымъ углемъ, залегаетъ въ глинѣ въ видѣ неправильныхъ прослоекъ, включеній и внѣдреній. „Этотъ характеръ залеганія, говоритъ Н. І. Криштафовичъ, несомнѣнно коренной (in situ), на ряду съ отсутствіемъ какой-либо водной сортировки всѣхъ перечисленныхъ предметовъ, столь по удѣльному вѣсу различныхъ между собою,— заставляетъ предполагать, что означенные предметы попали въ глину въ то время, когда она была не подъ водой; принимая же во вниманіе топографію ложа этой глины и соотношеніе ея съ мѣстами находокъ, вѣроятно, не будетъ ошибкой предположеніе, что во время пребыванія здѣсь человѣка, эта глина находилась временно надъ поверхностью воды, составляя самый берегъ бассейна; многочисленные остатки древесныхъ растеній, раковинки наземныхъ моллюсковъ, заключенныя въ этой же глинѣ, указываютъ также на прибрежный характеръ ея".

Въ приведенномъ разрѣзѣ древней террасы особеннаго вниманія заслуживаетъ присутствіе въ ней остатковъ двухъ ледниковыхъ моренъ. Детальными изслѣдованіями установлено, что древнѣйшая изъ нихъ, характеризуясь щебнемъ раздробленныхъ мѣстныхъ горныхъ породъ и сѣвернымі кристаллическими валунами, залегаетъ въ основаніи всѣхъ послѣтретичныхъ образованій, заполняющихъ долину Вислы, и, слѣдовательно, представляетъ явленіе болѣе древнее, нежели явленіе всей террасы и заключающейся въ ней стоянки палеолитическаго человѣка.

Остатки второй позднѣйшей морены, напротивъ, отложились гораздо выше слоя глины, содержащей памятники стоянки, и поэтому представляются явленіемъ болѣе позднимъ.

Приписывая остатки моренъ двумъ ледникамъ, нѣкогда покрывавшимъ Польшу, необходимо отнести возрастъ

стоянки къ межледниковой эпохѣ, какъ это и сдѣлано изслѣдователемъ-геологомъ.

Собранные археологическіе памятники нисколько не противорѣчатъ такой датѣ. Эти памятники, какъ выше отмѣчено, состоятъ изъ кремневыхъ подѣлокъ. Въ составъ ихъ входитъ большое число осколковъ и цѣлыхъ орудій. Тѣ и другія выполнены посредствомъ одной и той же сколотой техники, получившей начало и развивавшейся именно въ межледниковую эпоху. Судя по длинѣ и чистотѣ орудій, время ихъ скорѣе слѣдуетъ пріурочить къ концу, нежели къ началу поры сколотыхъ орудій. Они близки, но, судя по сопровождающей ихъ фаунѣ, древнѣе французскихъ орудій мадленской эпохи, составляющей конецъ палеолита. Они имѣютъ общій характеръ съ древнѣйшими орудіями ойцовскихъ пещеръ и, подтверждая палеолитическій возрастъ послѣднихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ дорисовываютъ картину быта польскаго палеолитическаго человѣка.

Южная Россія *). Южная Россія, какъ страна или совсѣмъ не подвергавшаяся оледенѣнію, или подвергавшаяся только одному древнѣйшему оледенѣнію и сравнительно на короткое время, представляетъ особенно удобную арену для жизни палеолитическаго человѣка. И, дѣйствительно, слѣды ея удалось найти въ различныхъ пунктахъ этой обширной области.

Въ юго-западномъ углѣ Россіи извѣстны два мѣстонахожденія памятниковъ палеолитической эпохи: у села Врублевицъ Каменецкаго уѣзда и мѣстечка Студеницы Ушицкаго уѣзда, Подольской губерніи.

У села Врублевицъ найдены два кремневыхъ орудія, залегавшія въ лёссѣ вмѣстѣ съ костями мамонта. Оба

*) *Литература:*

1) Проф. В. Б. Антоновичъ. „О скальныхъ пещерахъ на берегу Днѣстра Подольской губерніи". Труды VI Арх. Съѣзда въ Одессѣ, т. I.

2) Е. Сѣцинскій. „Археологическая карта Подольской губерніи". Труды XI Арх. С. въ Кіевѣ, т. I, стр. 292 и 293.

орудія типичной сколотой техники. Врублевицкая находка сдѣлана случайно, при постройкѣ земляной плотины и, повидимому, большая часть ея предметовъ погибла [1]).

Гораздо болѣе памятниковъ сохранилось отъ Студеницкой стоянки и пещеръ.

Мѣстечко или, вѣрнѣе, урочище Студеница находится на лѣвомъ берегу р. Днѣстра, при впаденіи въ него рѣчки Студеницы. Урочище представляетъ долину, охваченную съ трехъ сторонъ высокими берегами или, по-мѣстному, „горами", сложенными изъ третичныхъ известняковъ. Глубокая долина р. Студеницы и безымённый оврагъ расчленили берегъ на три горы: Горошковатую, Ганусысько и Бѣлую. Бѣлая гора поднимается надъ уровнемъ Днѣстра на 70 саженъ и образуетъ крутой, а мѣстами совершенно отвѣсный берегъ. Почти у гребня, подъ яркимъ обрывомъ, находится пять пещеръ. Двѣ изъ нихъ представляютъ небольшія камеры и скорѣе могутъ быть названы гротами, чѣмъ пещерами; три же имѣютъ довольно значительные размѣры и раздѣляются на нѣсколько камеръ. Первое изслѣдованіе ихъ произведено проф. В. Б. Антоновичемъ. „Дно всѣхъ пещеръ, говоритъ онъ, покрыто камнями и мусоромъ, обвалившимися изъ сводовъ пещеръ, по мѣстамъ мягкою почвою и щебнемъ, происшедшими отъ вывѣтриванія той же скальной породы. При раскопкѣ мягкаго дна пещеръ, а также при осмотрѣ скатовъ горы у ихъ выходовъ и поверхности поля, расположеннаго на вершинѣ горы, непосредственно надъ пещерами, найдено было нѣсколько десятковъ отбитыхъ кремневыхъ орудій: ножей, острій, скребковъ, нуклеусовъ и топоровъ. Орудія оббиты

3) Каталогъ Выст. XI Арх. С. въ Кіевѣ, стр. 179.

4) „Древности". Труды Имп. Моск. Арх. Общ., т. XXI, вып. 2, приложеніе II къ проток. № 638.

[1]) Гр. А. С. Уваровъ. „Каменный періодъ", т. I, стр. 111 и 112. —Каталогъ выставки XI Арх. Съѣзда въ Кіевѣ, стр. 179.—Е. Сѣцинскій. „Археологическая карта Подольской губ". Труды XI Арх. Съѣзда въ Кіевѣ, т. I, стр. 326.

большими отбоинами, отличаются грубою формою, и края большей части ихъ подправлены рядомъ мелкихъ ударовъ, расположенныхъ по краямъ орудія".

Судя по этимъ свѣдѣніямъ, студеницкая культура и условія отложенія ея на днѣ пещеръ должны быть одинаковыми съ ойцовскими и время ея слѣдуетъ пріурочить къ поздней порѣ палеолитической эпохи.

Почти рядомъ съ пещерами, на днѣ безымённаго оврага, отдѣляющаго Бѣлую гору отъ Ганусыськи, были открыты остатки стоянки. Здѣсь на ряду съ многочисленными костями мамонта, залегавшими въ плотной глинистой и каменистой почвѣ, замѣчено „множество отбивныхъ кремневыхъ орудій и отбитыхъ осколковъ кремня различной формы и величины". Многія изъ орудій представляютъ осколки, отбитые отъ нуклеусовъ однимъ ударомъ; но на ряду съ ними встрѣчены и болѣе изящныя ножевидныя формы съ вторичной оббивкой острыхъ краевъ.

Позже, въ томъ же оврагѣ, въ верхнихъ пластахъ глинистой почвы, найдены остатки распиленныхъ и искусственно расколотыхъ оленьихъ роговъ.

Крымъ и Кавказъ *). Въ Крыму и на Кавказѣ также существуютъ слѣды палеолитическаго человѣка. Въ Крыму они открыты К. С. Мережковскимъ въ Волчьемъ гротѣ, или небольшой пещерѣ, къ востоку отъ Симферополя. Въ этомъ гротѣ, въ нижнемъ глинистомъ слоѣ наноса, были найдены кремневыя орудія типичной сколотой техники, а наряду съ ними кости ископаемыхъ лошади, быка, благороднаго оленя и мамонта.

---

*) *Литература*:

1) Габр. и Андр. Мортилье. „Доисторическая жизнь". Спб., изд. 1903 г., стр. 506.

2) Матеріял. до українско-рускоі Этнологіі, издав. Науковим Товар. ім. Шевченко во Львовѣ, т. I, стр. 221.

3) Ѳ. Волковъ. „Палеолитическая стоянка на Черноморьѣ". Арх. Лѣт. Ю. Россіи, 1899 г., т. I, стр. 74 и 75.

4) Изв. Имп. Арх. Комиссіи. Прибавл. къ в. 10-му.

На Кавказѣ слѣды палеолитическаго человѣка отысканы, въ 1898 году, французскимъ археологомъ барономъ де-Баемъ (de Baye) въ станицѣ Ильской, къ югу отъ Новороссійска. Позже эта мѣстность изслѣдовалась геологомъ Н. І. Криштафовичемъ. Трудами обоихъ изслѣдователей установлено, что въ Ильской существовала палеолитическая стоянка. Ея остатки залегали подъ нѣсколькими слоями наноснаго песка и гравія, въ желтовато-сѣроватой песчанистой глинѣ, отложившейся непосредственно на третичныхъ нефтеносныхъ породахъ. Среди отбросовъ стоянки найдены кремневыя и, повидимому, кварцевыя орудія, большое количество осколковъ съ ясными признаками откола ихъ рукою человѣка, а также кости мамонта и умышленно продольно расколотыя кости первобытныхъ быковъ (Bos primigenius) и нѣкоторыхъ другихъ животныхъ.

Кремневыя орудія оказались древнѣйшей сколотой техники. Изъ нихъ особенно обратили на себя вниманіе одно скребковидное орудіе (racloir) и одинъ остроконечникъ, формами вполнѣ напоминающіе французскія орудія мустьерскаго типа.

Стоянки въ Кіевѣ *). Болѣе выразительные остатки палеолитической культуры найдены въ предѣлахъ Малороссіи и Великороссіи. Самыми замѣчательными изъ нихъ являются кіевскіе.

Въ 1893 году В. В. Хвойко нашелъ первые слѣды этихъ остатковъ и со свойственной ему энергіей и прилежаніемъ тотчасъ принялся за изслѣдованіе, въ которомъ позже приняли живое участіе проф. В. Б. Антоновичъ и проф. П. Я. Армашевскій. Результатомъ ихъ трудовъ яви-

---

*) *Литература*:

1) В. В. Хвойко. Труды XI Арх. Съѣзда, т. I, стр. 736.
2) Его же. „Кіево-Кирилловская палеолитическая стоянка и культура эпохи Мадленъ". Археол. Лѣт. Ю. Россіи, 1903 г., № 1, стр. 26 и др.
3) Ф. К. „Волковъ. Искусство мадленской эпохи въ Украинѣ". Арх. Лѣт. Ю. Россіи, 1903 г., № 1, стр. 14 и др.

лось открытіе одной изъ обширнѣйшихъ въ мірѣ стоянокъ, извѣстной подъ названіемъ Кирилловской.

Эта стоянка занимаетъ мѣсто въ самомъ городѣ Кіевѣ, на Подолѣ, въ Кирилловской улицѣ, близъ Іорданской церкви, у подножія одного изъ днѣпровскихъ береговыхъ отроговъ, отдѣленнаго отъ общаго берегового массива двумя глубокими оврагами и представляющаго видъ вала или продолговатаго холма, понижающагося къ долинѣ р. Днѣпра.

Строеніе почвы отрога отличается отъ нормальнаго строенія всего оврага тѣмъ, что нѣкоторые слои на мѣстѣ стоянки оказываются смытыми. Въ виду послѣдняго обстоятельства, для точной оцѣнки геологическихъ условій отложенія остатковъ Кирилловской стоянки, необходимо знакомство съ обоими разрѣзами.

Общею чертою обоихъ разрѣзовъ служитъ то, что въ составъ ихъ одинаково входятъ образованія третичныя и четвертичныя. Въ основѣ полнаго нормальнаго разрѣза залегаютъ спондиловыя глины. Ихъ общая мощность достигаетъ 15 саженъ, изъ которыхъ 11 саженъ лежитъ выше уровня Днѣпра. Цвѣтъ глинъ синеватый, а въ сухомъ видѣ зеленоватый. Онѣ очень пластичны, легкоплавки, содержатъ цѣлые остовы и отдѣльныя кости рыбъ, много морскихъ раковинъ, изъ которыхъ одна, называемая Spondylus Buchii, и сообщила свое имя всему слою; въ нихъ попадаются губки, морскіе ежи, кораллы, растенія изъ семействъ бобовыхъ, хвойныхъ и пальмовыхъ тропическаго климата; послѣднія свидѣтельствуютъ о томъ, что спондиловыя глины отлагались въ водахъ моря, недалеко отъ плодородной суши.

---

4) Его же. Та же статья на малороссійскомъ языкѣ: „Магдаленьске майстерство на Україні“, печат. въ XLVI томѣ „Записок Науковаго Товариства імени Шевченка“, во Львовѣ.

5) Проф. П. Я. Армашевскій. „О геологическомъ строеніи Кіева“.

6) Его же. „О стоянкѣ человѣка палеолитической эпохи по Кирилловской улицѣ, въ Кіевѣ“. Извѣстія XI Арх. Съѣзда, стр. 173 и 175.

Выше отложились зеленоватые пески. Проф. Армашевскій называетъ ихъ янтаропосными, такъ какъ въ верхнихъ слояхъ ихъ попадаются куски янтаря, представляющаго смолу древнихъ хвойныхъ лѣсовъ, росшихъ по берегамъ моря, отложившаго зеленоватые пески. Кромѣ янтаря въ пескахъ встрѣчаются стебли и корневища морскихъ растеній и водоросли. Мощность всего слоя равняется $6^1/_2$ саженямъ.

На зеленоватыхъ пескахъ отложился слой сначала сѣровато-бѣлыхъ, а затѣмъ чисто бѣлыхъ кварцевыхъ песковъ, достигающихъ 9 саженъ мощности. Въ этихъ пескахъ никакихъ ископаемыхъ не находятъ; но, судя по тѣсной связи съ нижележащими зеленоватыми песками, ихъ относятъ къ одному и тому же третичному возрасту и отложенію въ водахъ одного и того же мелѣющаго и отступающаго моря.

Надъ ярусомъ песковъ залегаетъ цѣлая свита буровато-пестрыхъ, огнеупорныхъ горшечныхъ глинъ. Мощность ихъ достигаетъ $6^1/_2$ саженъ. Возрастъ остается не выясненнымъ, но полагаютъ, что эти глины, скорѣе всего, принадлежатъ къ послѣтретичнымъ доледниковымъ отложеніямъ.

Еще выше залегаютъ пласты несомнѣнно четвертичнаго возраста; общая толща ихъ равняется 15 саженямъ. Профессоръ Армашевскій дѣлитъ ихъ на три яруса: нижній — доледниковый, средній — ледниковый и верхній — послѣледниковый.

Доледниковый ярусъ слагается изъ мергельныхъ суглинковъ съ прослоями темнобурыхъ глинъ, схожихъ съ нижележащими горшечными глинами. Мощность его въ среднемъ около 4 саженъ. Въ этомъ ярусѣ находятся

7) Проф. П. Я. Армашевскій и проф. В. Б. Антоновичъ. „О нахожденіи костей мамонта въ Кіевѣ совмѣстно съ кремневыми орудіями“. Дневникъ IX Съѣзда Русскихъ Естествоисп. и Врачей, 1894 г., и Записки Кіевскаго Общ. Естеств., т. XIV, вып. 1, прот. стр. VIII—IX.

остатки прѣсноводныхъ моллюсковъ изъ рода Limneus, Planorbis и др., указывающихъ на отложеніе почвъ яруса въ рѣчныхъ или озерныхъ водахъ.

Ледниковый ярусъ слагается изъ желтовато-бурыхъ моренныхъ глинъ, включающихъ въ себя ясно-слоистые, иногда прихотливо скрученные грубые пески. Глины переполнены мелкими и крупными валунами различныхъ горныхъ породъ, въ родѣ гранита, гнейса, діорита, кварцита, известняка, принесенныхъ изъ сѣверныхъ горъ Скандинавіи, Финдляндіи, Валдайской возвышенности и др. мѣстностей.

Въ составъ послѣледниковаго яруса входятъ разнообразныя песчано-глинистыя образованія и лёссъ; изъ нихъ послѣдній представляетъ наиболѣе новое геологическое образованіе.

Полагаютъ, что песчано-глинистые слои отложились въ рѣчныхъ водахъ, отъ которыхъ современный Днѣпръ получилъ первое свое начало. Ихъ высокій горизонтъ, превышающій современный горизонтъ Днѣпра на 40 саженъ, указываетъ, что въ періодъ ихъ отложенія воды еще не имѣли современнаго глубоко проторреннаго русла. Слѣдовательно, отложеніе ихъ относится къ самому раннему времени отступленія ледника.

Лёссъ представляетъ почву совершенно особеннаго характера. Эта почва имѣетъ видъ свѣтло-желтаго неслоистаго, пористаго суглинка, способнаго къ яркому вертикальному расколу и громаднымъ обваламъ, за которыми остаются почти вертикальныя обнаженія берега, напоминающія неприступныя стѣны. Происхожденіе этой почвы

---

8) Проф. В. Б. Антоновичъ. „Исторія поселеній на территоріи нынѣшняго города Кіева отъ палеолитическаго періода до начала христіанства“. Резюме въ „Кіевск. Словѣ“ 1896 г. № 2927.

9) Его же. „Памятники каменнаго вѣка, найденные въ Кіевѣ въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ“. Докладъ X Арх. Съѣзду въ Ригѣ. Рефератъ-резюме Н. Бѣляшевскаго въ „Кіевск. Старинѣ“ 1896 г. № 10, стр. 27—30; о томъ же въ Изв. X Арх. С., стр. 70 и 71.

несомнѣнно воздушное, или, какъ выражаются геологи, субъ-аэральное. Отложеніе ея, въ настоящее время, наблюдается въ Китаѣ, Туркестанѣ, Сѣв. Кавказѣ и всюду въ плодородныхъ областяхъ, соприкасающихся съ сухими песчаными пустынями. Вѣтеръ, перегоняя песокъ съ одного мѣста на другое, перетираетъ его въ тончайшую пыль, которую вздымаетъ къ верху и несетъ далеко въ плодородныя области, гдѣ она, осѣдая на землю, закрѣпляется корнями растеній. Такимъ путемъ получилъ начало древній русскій лёссъ. Источниками его служили обнаженныя изъ-подъ льда моренныя поверхности, содержавшія громадное количество пыли, полученной отъ перетиранія горныхъ породъ льдами, и обширныя песчаныя пустынныя области, обнажившіяся на мѣстѣ отступавшаго огромнаго Арало-Каспійскаго бассейна.

Отлагаясь болѣе или менѣе равномѣрнымъ слоемъ по всей поверхности плодородныхъ странъ, эта легкая и рыхлая почва на новомъ мѣстѣ залеганія тотчасъ же подчинялась делювіальнымъ процессамъ, стремившимся перемѣстить ея частицы въ болѣе низкія мѣстности. Этими процессами объясняется и большая мощность лёссовыхъ отложеній на низинахъ и скатахъ, а также и нахожденіе въ этихъ делювіальныхъ отложеніяхъ лёсса слоистости, песчаности, а иногда даже камней, явившихся результатомъ перемѣщенія и сортировки матеріаловъ, сносимыхъ ручейками и ручьями, стекающими внизъ съ болѣе возвышенныхъ мѣстностей.

Начало лёссовыхъ отложеній въ Россіи должно относиться къ эпохѣ отступленія перваго ледника, а конецъ— къ эпохѣ окончательнаго отступленія второго ледника, когда, благодаря болѣе теплаго и сухаго климата, вся пло-

---

10) Археологич. Лѣт. Ю. Россіи, т. I, 1899 г., стр. 93. Замѣтка о находкѣ черепа льва.

11) Арх. Лѣт. Ю. Россіи, т. II, 1900 г., стр. 71 и др. Замѣтка о бивнѣ мамонта, съ рисунками. Прилож. фототипіи.

щадь Россіи окончательно освободилась отъ льдовъ и получила характеръ, наиболѣе свойственный степнымъ странамъ. Подобныя явленія имѣли мѣсто и въ Зап. Европѣ. Нерингъ, извѣстный нѣмецкій зоологъ, нашелъ въ лёссѣ Зап. Европы множество степныхъ видовъ животныхъ, свойственныхъ въ настоящее время лишь ю. Россіи и ю.-з. Сибири, таковы: сайга, дикая лошадь, дикій оселъ, или куланъ, красный суслик, степной сурокъ, или бобакъ, земляной заяцъ, чекута, множество полевыхъ мышей, два вида хомяковъ и др. Остатки тѣхъ же животныхъ находятся и въ южно-русскомъ лёссѣ. Но, на ряду съ этими остатками еще живыхъ видовъ животныхъ, въ лёссѣ встрѣчается много остатковъ животныхъ вымершихъ, таковы: мамонтъ, носорогъ (R. tichorhinus), эласмотерій, бегемотъ, овцебыкъ, ископаемая лошадь и гигантскій олень. Въ лёссѣ также найдены естественно отложенными остатки культуры и кости самаго человѣка, относимые справедливо къ палеолитической эпохѣ.

Въ разрѣзѣ Кирилловской стоянки наблюдается другой порядокъ; именно, тамъ на слой спондиловой глины налегаютъ прямо послѣледниковые слои. Слои третичныхъ песковъ, доледниковыхъ и ледниковыхъ глинъ оказались совершенно уничтоженными. Вопросъ, когда и какъ произошло это уничтоженіе, рѣшается геологіей довольно точно.

Разрушеніе слоевъ произведено водами, вытекавшими изъ-подъ ледника, отступавшаго къ сѣверу. Сначала эти воды, не имѣя протореннаго стока, текли по моренному слою, расположенному саженъ на 35 выше современнаго уровня Днѣпра. Воды направлялись къ руслу нижняго теченія рѣки, которое находилось внѣ области оледенѣнія и поэтому представлялось хорошо протореннымъ и, вѣ-

12) Н. І. Криштафовичъ. „Послѣтретичныя образованія въ окрестностяхъ Ново-Александріи“, стр. 65 и 66.

13) Его же. „Ежегодникъ по геологіи и минералогіи Россіи“, т. I, отд. II, стр. 157 и 158.

14) Th. Volkow. „Découvertes préhistoriques de Kiew“. L'Anthropologie, t. VIII.

роятно, имѣло уровень близкій къ современному, или лишь немного выше его, вслѣдствіе чего должна была получиться значительная разница въ уровняхъ воды нижняго и кіевскаго теченія, а это и вызвало огромную разрушительную дѣятельность рѣки въ кіевскомъ районѣ и въ частности повело къ уничтоженію всѣхъ поименованныхъ слоевъ въ кирилловскомъ разрѣзѣ. Разрушеніе, несмотря на грандіозность его, совершилось, повидимому, быстро и во всякомъ случаѣ гораздо ранѣе начала отложенія лёсса.

Разрушительный процессъ кончился, когда уровни водъ новаго и древняго руслъ Днѣпра пришли въ нормальныя отношенія.

Въ это время мѣсто Кирилловской стоянки представляло крутой размытый берегъ, въ основѣ котораго лежалъ совершенно обнаженный массивъ синей спондиловой глины, массивъ, устоявшій отъ разрушенія только благодаря особой компактности жирной глины. Этотъ массивъ имѣлъ форму ясно выраженной террасы съ гладкой какъ полъ поверхностью, шириною не менѣе 200 аршинъ. У подножія его свободно катились волны дилювіальнаго Днѣпра, а съ противоположной стороны круто поднимался нагорный кіевскій берегъ. Мѣсто представлялось уютнымъ убѣжищемъ, и человѣкъ скоро замѣтилъ это. Его древнѣйшіе культурные остатки лежатъ непосредственно на поверхности синей глины. Съ теченіемъ времени поверхность террасовиднаго выступа стала затягиваться осыпавшеюся почвой съ крутого нагорнаго берега. Первыми упали рыхлые пески, въ составъ которыхъ вошли разноцвѣтные пески третичныхъ и четвертичныхъ отложеній, сообщившихъ новому слою зеленовато-сѣрый цвѣтъ, и валуны разнообразныхъ кристаллическихъ сѣверныхъ породъ камня, вы-

15) Его же. „Défense du mammouth gravée du gisement paléolithique de Kiew“. Bull. et. Mém. Soc. d'Anthropologie. Paris. V série, I.

16) V. Khvoika. „Découvertes paléolithiques récemment faites en Russie“. L'Anthropologie. XII, 158—159.

павшіе изъ моренной глины, покрывавшей высокій берегъ. Человѣкъ и при новыхъ условіяхъ не оставлялъ Кирилловскаго берега: наибольшее количество его культурныхъ остатковъ и отбросовъ находится, именно, въ основаніи делювіальныхъ отложеній. Этотъ процессъ продолжался, пока песчаные слои не достигли 12 аршинъ толщины; при этомъ нѣкоторые слои песковъ приняли видъ желѣзистыхъ песчаниковъ, а другіе получили ясно выраженную слоистую структуру. Только послѣ этого сталъ отлагаться лёссъ, достигающій здѣсь 16 аршинъ мощности.

Итакъ, если принято памятники, отложившіеся въ лёссѣ, относить къ дилювіальнымъ, или палеолитическимъ, то кирилловскіе памятники уже никакъ не могутъ быть отнесены къ болѣе позднему времени.

Принимая во вниманіе всѣ геологическія условія залеганія остатковъ кирилловской стоянки, проф. геологіи П. Армашевскій утверждаетъ, что „человѣкъ появился на территоріи Кіева въ довольно ранній періодъ послѣледниковой эпохи; весьма вѣроятно, что въ это время въ сѣверной, а можетъ быть и въ средней, Россіи находился еще ледниковый покровъ, а въ южной — господствовалъ холодный климатъ, благопріятный для существованія мамонта, носорога, мускуснаго быка“.

„Во всякомъ случаѣ, заключаетъ онъ, мы видимъ, что изъ всѣхъ русскихъ мѣстностей въ Кіевѣ найдены пока самые древніе слѣды существованія человѣка, такъ что эта мѣстность можетъ считаться однимъ изъ древнѣйшихъ пунктовъ поселенія человѣка на обширной территоріи нынѣшней Евр. Россіи“ [1]).

Геологъ Н. І. Криштафовичъ, соглашаясь съ проф. Армашевскимъ, что, по отношенію къ одному первому оледенѣнію, возрастъ всего комплекса породъ, покрываю-

[1]) Проф. П. Армашевскій. „О геологическомъ строеніи Кіева“, стр. 25 и 27.

щихъ культурные слои, включая и сѣрые пески, заключающіе ихъ, будетъ послѣледниковымъ, полагаетъ, что сѣрые пески съ культурными остатками и костями мамонта, раскрытые въ кіевскомъ разрѣзѣ, описанномъ проф. Армашевскимъ, отлагались въ эпоху синхроническую межледниковой [1]).

Весьма важною особенностью Кирилловской стоянки служитъ то, что культурные слои ея лежатъ не въ одномъ, а въ нѣсколькихъ горизонтахъ; это указываетъ, что здѣсь имѣется дѣло не съ одной, а съ цѣлымъ рядомъ послѣдовательно смѣнившихъ другъ друга стоянокъ.

Самый древній горизонтъ стоянки лежитъ на поверхности синей спондиловой глины. Въ этомъ горизонтѣ найдены слѣды, повидимому, двухъ кострищъ, которыя характеризовались золою, углемъ, кусками обугленнаго дерева, костей и сопровождались, сравнительно, большимъ количествомъ кремневыхъ орудій, нѣсколькими искусственно обработанными костями мамонта, кусками и цѣлыми стволами окаменѣвшихъ кедра и ели, валунами сѣверныхъ кристаллическихъ породъ, янтаремъ, а также значительнымъ количествомъ костей мамонта, преимущественно, бивней и однимъ черепомъ носорога (R. tichorhinus).

Всѣ кремневыя орудія—сколотой техники. Формою они напоминаютъ острые небольшіе осколки, какіе нерѣдко встрѣчаются и въ неолитическихъ мастерскихъ. Крупныя кремневыя орудія совершенно отсутствуютъ. Изъ костяныхъ подѣлокъ замѣчательны: бивень молодого мамонта около $2^1/_2$ арш. длины, съ выдолбленнымъ во всю длину желобкомъ и краями, покрытыми множествомъ зарубокъ, сдѣланныхъ сильными ударами кремневаго орудія, и обломокъ остраго конца бивня другого мамонта, около 7 вершковъ длины. На поверхности этого куска былъ выгравированъ рисунокъ, часть котораго, повидимому, уничтожена време-

---

[1]) Н. І. Криштафовичъ. „Послѣтретичныя образованія въ окрестностяхъ Ново-Александріи“, стр. 65 и 66.

немъ. На рисункѣ, среди орнаментальныхъ украшеній, нѣкоторые изслѣдователи различаютъ очертанія головы птицы съ глазомъ и фигуру черепахи. Совмѣстное нахожденіе въ нижнихъ горизонтахъ стоянки костей мамонта и носорога свидѣтельствуетъ о ея глубокой древности, такъ какъ въ концѣ палеолитической эпохи носорогъ (R. tichorhinus) исчезаетъ и остатки мамонта находятъ безъ сопровожденія ихъ костями носорога. Однако сравнительная малочисленность остатковъ послѣдняго ясно указываетъ на тотъ моментъ, когда этотъ видъ ископаемаго животнаго начинаетъ исчезать, т.-е. на конецъ палеолитической эпохи.

Янтарь, нѣкоторыя изъ окаменѣвшихъ деревьевъ и сѣверные кристаллическіе валуны имѣютъ къ стоянкѣ только случайное отношеніе: первые, вѣроятнѣе всего, попали изъ отсыпей янтароносныхъ зеленовато-сѣрыхъ третичныхъ песковъ, а валуны—изъ отсыпей моренныхъ отложеній.

Второй горизонтъ стоянки залегалъ вершковъ на 8 выше перваго, на слоѣ зеленовато-сѣраго песка. Въ этомъ горизонтѣ было открыто огромное кострище, простиравшееся аршинъ на 80 въ длину и аршинъ на 25 въ ширину. Въ составъ его входили зола, угли, пережжённыя кости и куски обгорѣвшихъ деревьевъ. Мѣстами слой достигалъ вершковъ 10—12 мощности.

Вокругъ кострища лежало множество костей слоновъ, среди которыхъ находили верхнія челюсти съ бивнями, нижнія челюсти, лопатки, ножныя кости, позвонки и др. Нѣкоторыя кости были обработаны въ орудія. На ряду съ ними, но сравнительно рѣдко, попадались кремневыя подѣлки въ видѣ скребковъ и ножевидныхъ пластинокъ, а также лежали толстые древесные стволы, около трехъ арш. длиною и полъ-аршина въ діаметрѣ, повидимому, принадлежавшіе ели. Одинъ изъ стволовъ съ частью корня носилъ на себѣ слѣды рубцовъ, произведенныхъ какимъ-то острымъ орудіемъ. Концы всѣхъ древесныхъ стволовъ оказались обугленными.

Кремневыя орудія по своимъ формамъ и техникѣ совершенно одинаковы съ найденными въ нижнемъ горизонтѣ; они также малы и также напоминаютъ простые осколки. Костяныя орудія сдѣланы изъ слоновыхъ бивней и ножныхъ костей. Изъ бивней вырѣзались крѣпкія палицы или дубины, а изъ ножныхъ костей—нѣчто въ родѣ гигантскихъ клиньевъ, для чего одинъ конецъ кости отбивался наискось и затѣмъ затачивался. Поверхность нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣла слѣды зарубовъ и разнаго рода углубленій.

Третій горизонтъ стоянки залегалъ на 1 аршинъ выше перваго горизонта и обозначался, подобно обоимъ первымъ, остатками обширнаго кострища, вокругъ котораго лежали бивни, ноги, лопатки мамонта. Бивни нерѣдко оказывались въ естественной связи съ челюстью и лобной костью. На отдѣльно лежавшихъ бивняхъ, въ особенности у толстыхъ концовъ, находились во многихъ мѣстахъ поперечныя зарубки или царапины, иногда глубокія и носившія на себѣ слѣды обжиганія; на двухъ или трехъ экземплярахъ оказались довольно большіе продольные отколы. На ряду съ костями залегали одиночные экземпляры кремневыхъ орудій, схожихъ съ найденными въ нижнихъ горизонтахъ. Они никогда не находились непосредственно въ самыхъ слояхъ угля и костей, а всегда внѣ ихъ.

Въ описанныхъ трехъ горизонтахъ найдено до 53 челюстей мамонта и болѣе 100 бивней, не включая въ это число обугленныхъ и обгорѣлыхъ экземпляровъ.

Остатки стоянокъ встрѣчены и еще выше, но они имѣли уже нѣсколько иной характеръ. Остатки эти располагались гнѣздами, представлявшими въ планѣ круглыя или овальныя площадки, обозначенныя золою, углемъ, пережжёнными костями животныхъ и множествомъ мелкихъ кремневыхъ орудій, отбойниковъ и кремневыхъ галекъ, заготовленныхъ для выработки изъ нихъ орудій. Кости мамонтовъ встрѣчались рѣдко и только въ видѣ небольшихъ обломковъ, но на ряду съ ними найдены остатки

пещернаго льва, пещерной гіэны и пещернаго медвѣдя, не встрѣчавшіеся въ нижнихъ горизонтахъ стоянки. Всего открыто и обслѣдовано до 20 культурныхъ гнѣздъ. Они располагались на высотѣ отъ $2^1/_2$ до 7 арш. надъ самымъ нижнимъ горизонтомъ стоянки и на 5 или на 10 арш. ниже основанія лёсса. Принадлежность ихъ одной, именно, палеолитической, эпохѣ подтверждается какъ единствомъ типовъ кремневыхъ орудій, такъ и единствомъ геологическаго пласта, въ которомъ всѣ они залегаютъ.

Помимо описанной Кирилловской стоянки, въ Кіевѣ открыты слѣды такихъ же стоянокъ и во многихъ другихъ мѣстахъ. Такъ, по свидѣтельству Хвойки, бивни мамонта, иногда цѣлые, но чаще разбитые или сколотые, найдены въ различныхъ усадьбахъ той же Кирилловской улицы, расположенныхъ у подошвы нагорнаго берега версты на двѣ, а въ 1903 году были открыты остатки стоянки той же эпохи въ Протасовскомъ яру, у желѣзнодорожнаго вокзала, по другую сторону города Кіева.

Остатки послѣдней стоянки, выразившіеся слѣдами костровъ, скопленіями мамонтовыхъ костей и мелкихъ кремневыхъ орудій, залегали въ слоѣ песка, покрытаго сверху лёссомъ, на глубинѣ 24 аршинъ отъ современной поверхности почвы, т.-е. совершенно одинаково съ залеганіемъ остатковъ Кирилловской стоянки.

Всѣ эти явленія показываютъ, что въ эпоху Кирилловской стоянки берега Днѣпра являлись съ довольно густымъ населеніемъ, и мы въ правѣ предполагать, что, съ развитіемъ бо́льшаго интереса къ такого рода памятникамъ, число подобныхъ открытій быстро увеличится. Въ заключеніе намъ остается бросить взглядъ на общее состояніе культуры того времени.

Культура, обыкновенно, характеризуется знаніемъ, искусствомъ, вѣрованіемъ, нравственностью, обычаями и т. п. Съ этой точки зрѣнія, днѣпровская палеолитическая культура можетъ быть оцѣнена далеко неполно: повидимому,

многое отъ времени погибло, и многое еще не было извѣстно человѣку.

Всѣ знанія кирилловскаго человѣка, насколько они выразились въ найденныхъ остаткахъ быта, заключались въ добываніи огня, обработкѣ камня, кости и дерева, убиваніи крупныхъ и мелкихъ, животныхъ и звѣрей. Эти знанія свойственны самымъ дикимъ современнымъ народамъ.

Какъ добывался кирилловскимъ человѣкомъ огонь, и какъ онъ охранялся отъ непогоды (дождя, вѣтра и бури), намъ неизвѣстно. Но дошедшіе до насъ остатки костровъ достигаютъ большихъ размѣровъ. Такіе костры могли быть сожжены только подъ открытымъ небомъ. Хвойко описываетъ найденные имъ въ Кирилловской стоянкѣ гигантскіе стволы первобытнаго кедра, одинъ изъ которыхъ имѣлъ около 3 арш. въ діаметрѣ, и высказываетъ мысль, что деревья входили въ составъ столбовъ для какого-либо человѣческаго убѣжища. Но трудно допустить, чтобы человѣкъ того времени могъ строить жилища изъ такого крупнаго матеріала. Эти деревья скорѣе всего предназначались для костровъ, поддерживавшихся, судя по ихъ размѣрамъ, для согрѣванія въ холодное время.

Обработка камня находилась на второй степени развитія этого искусства, при которой для инструментовъ назначаются отбитые отъ ядрища осколки. На этой степени искусства обработки камня европейскій человѣкъ оставался большую часть палеолитической эпохи, а мѣстами съ нею перешелъ и въ болѣе позднюю неолитическую эпоху.

Обработка кости доведена, сравнительно, до высокой степени совершенства. Кирилловскій человѣкъ умѣлъ раскалывать такія толстыя и крѣпкія кости, какъ ножныя мамонта. Его клиновидно-заточенныя орудія изъ этихъ костей могли производить весьма значительное разрушительное дѣйствіе, и, вѣроятнѣе всего, посредствомъ именно этихъ орудій были разбиты всѣ черепныя коробки мамонтовъ и носорога, съ цѣлью извлеченія изъ нихъ мозга, любимаго кушанья всѣхъ первобытныхъ людей.

Еще совершеннѣе обработка мамонтовыхъ бивней. Кирилловскій человѣкъ довольно свободно ихъ перерѣзалъ, шлифовалъ и даже украшалъ узорами и цѣлыми картинами. Кирилловскія палицы или дубины, сдѣланныя изъ бивней мамонта, представляютъ серьезное ударное оружіе и свидѣтельствуютъ о большой физической силѣ ихъ владѣльцевъ.

По всей вѣроятности, кромѣ крупныхъ костяныхъ орудій, у человѣка имѣлись и мелкія, но, къ сожалѣнію, они не сохранились.

О существованіи обработки дерева свидѣтельствуютъ уже упомянутые толстые стволы кедра. Корни стволовъ оказались какъ бы стесанными и обугленными. Обработка дерева при помощи огня и каменныхъ или костяныхъ орудій является для той культуры вполнѣ естественною и поэтому возможною.

Какъ убивалъ человѣкъ такихъ крупныхъ животныхъ какъ мамонтъ и носорогъ, сказать трудно. Нѣкоторые изслѣдователи допускаютъ, что для овладѣнія такими животными палеолитическій человѣкъ вырывалъ ловчія ямы, замаскировывая ихъ сверху, и звѣри сами случайно попадали въ западню, гдѣ и бывали добиваемы охотниками; другіе полагаютъ, что охотники отбивали одиночныхъ животныхъ отъ стада и загоняли ихъ въ болота, глубокіе сугробы снѣга или озера, покрытыя тонкимъ льдомъ, гдѣ неповоротливыя животныя вязли и были убиваемы; наконецъ, третьи, совершенно не допуская возможности охоты палеолитическаго человѣка на живыхъ мамонтовъ, допускаютъ, что онъ только отыскивалъ и пользовался трупами павшихъ животныхъ. Однако, противъ послѣдняго, въ настоящемъ случаѣ, говоритъ то, что части животныхъ не съѣдались на мѣстѣ, какъ это дѣлаютъ современные дикари-охотники за трупами, въ родѣ, напримѣръ, южныхъ австралійцевъ, охотящихся за трупами китовъ, выбрасываемыхъ океаномъ на берегъ, а расчленяли животное и части его приносили къ одному очагу, кромѣ того, что

трупы мамонтовъ съѣдались кирилловскими обитателями въ довольно свѣжемъ состояніи или вскорѣ послѣ смерти животнаго, доказываетъ то, что черепа всѣхъ животныхъ оказались разбитыми или вскрытыми; а извѣстно, что мозгъ портится очень скоро, и у сибирскихъ ископаемыхъ мамонтовыхъ труповъ мозга не оказывалось, а поэтому такіе трупы не дали бы повода къ разрушенію череповъ, для чего требовались значительныя усилія.

Убивъ животное, охотники такъ или иначе доставляли его на мѣсто своей стоянки. Острые кремневые осколки могли служить при ѣдѣ для отрѣзанія кусковъ или соскабливанія мяса.

Болѣе мелкихъ звѣрей, напримѣръ, медвѣдей и гіэнъ, человѣкъ могъ убивать своими дубинами изъ мамонтовыхъ бивней.

Изящныя искусства кирилловскаго человѣка выразились въ рѣзьбѣ и гравированіи на кости. Ф. К. Волковъ, преподаватель антропологіи и этнографіи въ высшей школѣ общественныхъ наукъ въ Парижѣ, подвергъ сравненію всѣ кирилловскія гравюры съ таковыми же изъ французскихъ пещеръ конца палеолитической, такъ называемой мадленской, эпохи и нашелъ полное сходство между ними. И, дѣйствительно, приведенныя имъ параллели вполнѣ подтверждаютъ его мысль. Такъ, на французскихъ костяхъ мадленской эпохи мы находимъ и продольные желобки, подобные желобку, проведенному вдоль одного кирилловскаго бивня мамонта, и орнаментальныя насѣчки, и изогнутыя и прямыя линіи, поперечныя черточки, зигзаги и даже рисунки, если не вполнѣ, то очень похожіе на кирилловскіе. Разницу можно замѣтить лишь въ томъ, что днѣпровскіе рисунки первобытнѣе, чѣмъ французскіе. Однако, связь и заимствованіе искусства представляются вполнѣ установленными.

Что касается общественнаго строя и обычаевъ кирилловскаго человѣка, то о нихъ мы почти ничего не знаемъ. Представляется правдоподобнымъ, что люди того времени

имѣли обычай жить болѣе или менѣе значительными сообществами или родами; по крайней мѣрѣ, на это указываютъ какъ обширность кострищъ, вокругъ которыхъ протекала жизнь обитателей, такъ и успѣшность охотъ на такихъ крупныхъ животныхъ, какъ мамонтъ и носорогъ.

Существовала ли у кирилловскаго палеолитическаго человѣка въ то время вѣра въ Бога, и имѣлось ли понятіе о нравственности и правѣ, ничего не извѣстно.

*Стоянка въ Гонцахъ**). Одною изъ первыхъ палеолитическихъ стоянокъ въ Россіи была открыта стоянка въ с. Гонцахъ, Лубенскаго уѣзда, Полтавской губ. Ея открытіе принадлежитъ Ф. И. Каминскому.

Весною 1873 года Г. С. Кирьяковъ, просвѣщенный любитель и цѣнитель искусствъ и древностей, подарилъ Лубенской гимназіи кости мамонта, найденныя при земляныхъ работахъ въ его имѣніи Гонцахъ. Это послужило поводомъ къ поѣздкѣ въ Гонцы Каминскаго, которому и удалось вполнѣ установить, что въ данномъ случаѣ имѣется дѣло съ памятниками палеолитическаго человѣка. Позже мѣстонахожденіе изслѣдовалось проф. геологіи К. М. Феофилактовымъ и многими другими русскими геологами и археологами.

Стоянка располагалась въ широкой долинѣ рѣки Удая, праваго притока Сулы, проложившаго свой путь черезъ моренные пласты довольно перепутанной структуры, покрытые сверху типичнымъ лёссомъ. Самая долина Удая сложилась изъ двухъ террасъ: древнѣйшей—дилювіальной и новѣйшей — аллювіальной. Остатки стоянки залегали въ отложеніяхъ древнѣйшей террасы, настолько уда-

---

*) *Литература*:

1. Ф. И. Каминскій. „Слѣды древнѣйшей эпохи каменнаго вѣка по р. Сулѣ и ея притокамъ“. Труды III Арх. Съѣзда, т. I, стр. 147—152.
2. К. М. Феофилактовъ. „О мѣстонахожденіи кремневыхъ орудій человѣка вмѣстѣ съ костями мамонта въ с. Гонцахъ на рѣкѣ Удаѣ, Лубенскаго уѣзда, Полтавской губерніи“. Труды VI Арх. Съѣзда, т. I, стр. 153—159.

ленной отъ современнаго ложа рѣки, что до нея не достигаютъ даже воды весеннихъ современныхъ разливовъ. Въ составъ этой террасы вошли слегка глинистые, иловатые пески, около $1^1/_2$ аршина толщины, и залегающій ниже ясно — слоистый пластъ террасоваго лёсса желтоватаго цвѣта, озерно-аллювіальнаго происхожденія. Въ основаніи же всѣхъ отложеній лежитъ пластъ эрратическихъ валуновъ, осажденный первоначальными водами р. Удая.

Остатки стоянки были найдены въ среднемъ лёссовомъ пластѣ.

Для опредѣленія геологическаго возраста весьма важно было бы установить отношеніе террасоваго лёсса, къ материковому лёссу, отложившемуся на поверхности коренныхъ береговъ долины. Но, къ сожалѣнію, оба пласта лежатъ изолированно, и мы не можемъ рѣшить, современенъ ли террасовый лёссъ съ материковымъ, или первый изъ нихъ явился какъ результатъ вторичной переработки послѣдняго. Только на основаніи палеонтологическихъ и археологическихъ данныхъ, именно на основаніи залеганія въ террасовомъ лёссѣ костей мамонтовой фауны и сколотыхъ кремневыхъ орудій залегавшихъ, несомнѣнно, въ первоначальномъ ихъ положеніи, можно утверждать объ одновременномъ отложеніи обоихъ пластовъ лёсса. Эти остатки находились въ одномъ пластѣ. Кости, налегая одна на другую, не составляли цѣлыхъ скелетовъ и казались набросанными въ безпорядкѣ: рядомъ съ опрокинутой нижней челюстью мамонта валялись куски рога оленя, ребра различныхъ животныхъ, зубы и др. Среди костей вкраплены грубыя кремневыя орудія и осколки кремня, носившіе ясные слѣды искусственнаго откола ихъ рукою человѣка. Всё это, но особенно зубы и нижнія челюсти мамонта, отличалось свѣжестью и сохранностью поверхностей и малѣйшихъ из-

---

3. Протоколы засѣданій III Арх. Съѣзда. Труды III Арх. Съѣзда, т. I, стр. XXV.
4. Гр. А. С. Уваровъ. „Каменный періодъ", т. I, стр. 104—110.

ломовъ, указывавшихъ, что всѣ предметы залегали здѣсь in situ, съ перваго момента ихъ отложенія и до настоящаго времени, безъ малѣйшаго передвиженія дѣйствіемъ воды.

Что касается причины ихъ скопленія въ одномъ слоѣ, то она такъ ясно и характерно выражена, что не можетъ быть никакого сомнѣнія въ участіи въ этомъ явленіи человѣка, который жилъ вмѣстѣ съ мамонтомъ и питался мясомъ этого гиганта и современныхъ ему животныхъ. Въ данномъ случаѣ имѣется дѣло съ типичною стоянкою палеолитическаго человѣка.

Центромъ стоянки служилъ очагъ, остатками котораго являются золистая почва и обугленныя кости животныхъ. Всё прочее, окружающее этотъ очагъ, представляетъ отбросы кухни и предметы обыденной жизни. Сопровождающія очагъ большія трубчатыя кости расколоты и разбиты, верхнія челюсти отломаны отъ черепныхъ чашекъ, очевидно, уничтоженныхъ съ цѣлью извлеченія изъ нихъ мозга. Расколы костей производились, несомнѣнно, крупными орудіями, въ родѣ, напримѣръ, тѣхъ громадныхъ клиньевъ, сдѣланныхъ изъ ножныхъ костей мамонта, какіе найдены въ Кирилловской стоянкѣ въ Кіевѣ, и которые въ Гонцахъ или не были оставлены человѣкомъ, какъ цѣнные предметы, или разрушились отъ времени, или, благодаря ограниченности площади раскопокъ, не могли быть отысканы.

Кремневыя орудія оказались сколотой техники. Они имѣли формы грубыхъ ножевидныхъ пластинокъ. Присутствіе на ряду съ ними большого количества мелкихъ осколковъ и нуклеусовъ показываетъ, что ихъ выработка производилась на мѣстѣ самой стоянки.

---

5. S. Nikitine. „Sur la constitution des dépôts quaternaires en Russie et leurs relations aux trouvailles résultant de l'activité de l'homme préhistorique. Congrès international d'archéologie préhistorique et d'anthropologie à Moscou", t. I, p. 28 & 29.

Кромѣ подѣлокъ изъ кремня, въ отбросахъ стоянки найдены два костяныхъ шила. Эти орудія очень грубы и скорѣе напоминаютъ иверни, или простые осколки, отбитые отъ большихъ костей однимъ мѣткимъ ударомъ. Одно изъ шилъ такъ остро и прочно, что свободно прокалываетъ, по словамъ Каминскаго, толстую кожу.

Судя по числу зубовъ и челюстей, найденныхъ среди кухонныхъ отбросовъ, заключаютъ, что въ Гонцовской стоянкѣ находились остатки по меньшей мѣрѣ шести мамонтовъ. Это показываетъ на продолжительность стоянки. Въ общемъ же, какъ по характеру очага, такъ и по кухоннымъ и бытовымъ отбросамъ, она является вполнѣ схожею съ Кирилловской и Ново-Александрійской, и время ихъ относится къ одной и той же порѣ палеолитической эпохи.

*Стоянка въ с. Костенкахъ**). Село Костенки, въ которомъ найдены остатки довольно богатой палеолитической стоянки, находится въ 30 верстахъ къ югу отъ г. Воронежа, на правомъ берегу р. Дона. Ранѣе село называлось городомъ Костенскимъ. Какъ въ самомъ селѣ, такъ и въ ближайшихъ и удаленныхъ окрестностяхъ, по берегамъ р. Дона, повсюду находились кости животныхъ, отъ которыхъ, вѣроятнѣе всего, и получило свое имя еще въ древности возникшее селеніе. Обиліе костей не разъ обращало на себя вниманіе пытливыхъ людей и побуждало ихъ къ изслѣдованію мѣстности.

Французскій путешественникъ де-Бруинъ, посѣтившій въ 1701 году г. Воронежъ, гдѣ находился въ то время Петръ Великій, пишетъ: „Въ мѣстности, въ которой мы были (на берегахъ р. Дона, въ 8 верстахъ отъ Костенокъ), къ великому удивленію нашему, нашли мы много слоно-

---

*) *Литература*:

1. С. Г. Гмелинъ. „Путешествіе по Россіи для изслѣдованія трехъ царствъ естества. Часть первая. Путешествіе изъ Санктепетербурга до Черкаса, главнаго города Донскихъ казаковъ, въ 1768 и 1769 годахъ".
2. Де-Бруинъ. „Путешествіе въ Московію" (1701 г.), стр. 130.

выхъ зубовъ, изъ которыхъ я сохранилъ одинъ у себя, ради любопытства, но не могу понять, какимъ образомъ зубы эти могли попасть сюда".

Въ 1768 и 1769 годахъ г. Костенскъ посѣтилъ акад. Гмелинъ, съ цѣлью научнаго изслѣдованія причины явленія въ окрестностяхъ города мамонтовой кости.

„Уже довольно извѣстно, пишетъ Гмелинъ 1-го ноября 1768 г., что въ окрестности города Костинска, лежащаго на Дону въ 30 верстахъ отъ Воронежа, находятъ мамонтову кость. Дабы тѣмъ лучше о семъ удостовѣриться, поѣхалъ я туда и по пріѣздѣ моемъ на мѣсто, какъ скоро начали копать, то на песчаномъ берегу рѣки Дона немедленно оказались безпорядочно разсѣянныя слоновыя кости. Зубы, челюсти, ребра, лбы, стегна и берцы, не окаменѣлые, но въ естественномъ своемъ состояніи, или отъ долговременности трупорѣховые, лежали на три локтя въ глубину и около 40 саженъ въ длину. Кромѣ слоновыхъ остатковъ не могъ я найти никакихъ костей отъ другихъ звѣрей, и притомъ совсѣмъ невозможно мнѣ такъ же было собрать полный скелетъ. Жители заражены ложнымъ мнѣніемъ о великомъ подземномъ четвероногомъ звѣрѣ, котораго бытіе открывается послѣ его смерти. Хотя и не можно доумѣться, откуду бы зашли слоновыя кости въ сіи страны, гдѣ нынѣ ни малѣйшаго ихъ слѣда не находится, по крайней мѣрѣ извѣстно, что такое оныя суть, и слѣдовательно разсѣянныя о томъ басни не могутъ насъ болѣе привесть въ заблужденіе" [1]).

3. И. С. Поляковъ. „Антропологическая поѣздка въ центральную и восточную Россію", Спб., 1880 г., и въ Запискахъ Имп. Академіи Наукъ, т. XXXVII, кн. 1.

4. А. И. Кельсіевъ. „Палеолитическіе кухонные остатки въ с. Костенкахъ Воронежскаго уѣзда". Труды Имп. Московскаго Археологическаго Общества, т. IX, вып. I, стр. 154—179.

[1]) С. Г. Гмелинъ. „Путешествіе по Россіи для изслѣдованія трехъ царствъ естества. Часть первая. Путешествіе изъ Санктепетербурга до Черкаса, главнаго города Донскихъ казаковъ, въ 1768 и 1769 годахъ", стр. 53.

10 апрѣля 1769 года Гмелинъ вторично посѣтилъ Костенскъ и уже не одинъ, а въ сопровожденіи Д. Гильденштета, и снова произвелъ раскопки, но на этотъ разъ не столь успѣшныя, какъ въ предшествующій годъ. Случилось такъ, что мѣсто первыхъ раскопокъ оказалось залитымъ водою весенняго разлива Дона, и поэтому новыя раскопки пришлось удалить отъ берега на два аршина, гдѣ уже ископаемыхъ костей не оказалось [1]).

Въ 1879 году село Костенки, въ которое былъ переименованъ старый городъ Костенскъ, посѣтилъ академикъ И. С. Поляковъ. Его посѣщеніе было вызвано желаніемъ повѣрки показаній акад. Гмелина и въ результатѣ привело къ открытію палеолитической стоянки.

Въ 1881 году изслѣдованія Полякова продолжилъ, по порученію Россійскаго Историческаго Музея, А. И. Кельсіевъ.

Трудами этихъ ученыхъ выяснено, что геологическія условія залеганія остатковъ стоянки палеолитическаго человѣка здѣсь совершенно тѣ же, какъ и въ стоянкѣ Гонцовъ. Находки сдѣланы также въ древней дилювіальной террасѣ, возвышающейся на правомъ берегу долины р. Дона, хотя устройство коренныхъ материковыхъ береговъ совершенно другое. Окрестности с. Костенокъ представляютъ часть того обширнаго плоскогорья, которое тянется на протяженіи всего Воронежскаго уѣзда и далѣе внизъ по теченію и вдоль праваго берега Дона. Въ составъ его входятъ горныя породы мѣловой системы, покрытыя сверху слоемъ типичной ледниковой глины съ мелкими валунами діорита, гранита и кварцита. Высокій правый берегъ, изрѣзанный ручьями и оврагами, круто

5. S. Nikitine. „Sur la constitution des dépôts quaternaires en Russie et leurs relations aux trouvailles résultant de l'activité de l'homme préhistorique. Congrès international d'archéologie préhistorique et d'anthropologie à Moscou", t. I, p. 29.

6. Гр. А. С. Уваровъ. „Каменный періодъ", т. II, стр. 144.

[1]) Ibid. стр. 119 и 120.

спускается къ долинѣ Дона. Послѣдняя слагается изъ двухъ ясно выраженныхъ террасъ: древней, не заливаемой, и новой, заливаемой, современными разливами рѣки. Древняя терраса является приложенною къ коренному берегу, выполняя всѣ изгибы его и отходя, по долинамъ ручьевъ, далеко внутрь страны. Въ основѣ ея залегаютъ пески, на которыхъ позже отложился довольно мощный пластъ красноватой или сѣрой глины слоистой структуры, иногда съ гальками изъ бѣлаго мѣла. Всё это сверху покрыто пластомъ жирнаго чернозема, мѣстами достигающаго двухъ аршинъ мощности.

На поверхности древней террасы, у подножья мѣловыхъ утесовъ, и расположено село Костенки. При разнаго рода земляныхъ работахъ, мѣстнымъ жителямъ нерѣдко случалось нападать на цѣлые слои мамонтовыхъ костей. Это и дало поводъ сначала И. С. Полякову, а потомъ и А. И. Кельсіеву произвести раскопки на дворахъ, въ садахъ и гумнахъ обывателей.

Остатки палеолитической стоянки залегали въ поверхностныхъ слояхъ террасовой глины. Полякову удалось отыскать каменныя орудія, сопровождаемыя обломками глиняной посуды, и въ черноземномъ пластѣ, но они относились уже къ другой, болѣе поздней, неолитической эпохѣ.

Къ вечеру (перваго дня раскопокъ), пишетъ Поляковъ, когда весь слой чернозема, мощностью отъ 1 арш. 10 вершк. до 2 арш., былъ снятъ, обнаружилась сѣрая глина, а вмѣстѣ съ нею и тѣ ископаемые остатки, которые произвели на меня неизгладимо-глубокое, потрясающее впечатлѣніе. Въ глинѣ, какъ разъ на границѣ ея съ черноземомъ, я началъ встрѣчать первоначально типичные кремневые осколки каменнаго вѣка, потомъ замѣтилъ глину, перемѣшанную съ золой и втиснутыми въ нее кремневыми осколками, и, наконецъ, тутъ же рядомъ были найдены осколки коренныхъ зубовъ и лопатка мамонта. Такимъ образомъ, къ концу работъ перваго дня, были вырыты мною изъ глубины почвы самыя неопровержимыя доказа-

тельства того, что здѣсь, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ,—на р. Удаѣ, Полтавской губерніи, и около Карачарова, Владимирской губерніи,—человѣкъ не только существовалъ вмѣстѣ съ мамонтомъ и охотился на него, но даже больше, онъ преслѣдовалъ его, шелъ по пятамъ за нимъ. Мамонтъ, этотъ гигантъ диллювіальной эпохи, былъ какъ бы единственнымъ животнымъ, на котораго обращались всѣ взоры, силы и вниманіе человѣка; можно сказать, что человѣкъ былъ хищнымъ спутникомъ мамонта въ такой же степени, какъ, по выраженію покойнаго Ѳ. Ѳ. Брандта, ископаемый носорогъ былъ его вѣчнымъ товарищемъ („ewiger Begleiter“) по распространенію; впрочемъ въ пользу послѣдняго, замѣчаетъ Поляковъ, я не нашелъ пока здѣсь доказательствъ, признавая всю справедливость выраженія покойнаго академика по отношенію ко всѣмъ другимъ мѣстностямъ“.

Въ слѣдующіе дни раскопокъ находки становились все болѣе и болѣе обильными и интересными. Собрано большое количество кремневыхъ орудій и костей ископаемыхъ животныхъ. Кости принадлежали преимущественно мамонту; среди нихъ находились ребра, лопатки, зубы, бивни и др. Въ ихъ планировкѣ не было равномѣрности; напротивъ, въ однихъ пунктахъ онѣ совсѣмъ не встрѣчались или встрѣчались единичными экземплярами, а въ другихъ сгружались въ большомъ количествѣ. Иногда онѣ оказывались какъ бы разсортированными: въ одномъ мѣстѣ лежали преимущественно лопатки, въ другомъ — бивни. Трубчатыя кости, въ большинствѣ случаевъ, оказывались расколотыми съ очевидною цѣлью добыванія изъ нихъ мозга. Кости другихъ животныхъ встрѣчались чрезвычайно рѣдко, изъ нихъ можно было опредѣлить лишь зубы медвѣдя и маленькаго хищника, похожаго на куницу или хорька. Всё это сосредоточивалось около остатковъ костровъ и составляло типичные кухонные отбросы.

Костры (ихъ открыто не менѣе трехъ) характеризовались массой золы, углей, пережжённыхъ костей живот-

ныхъ и прокаленныхъ на огнѣ камней. Близъ одного костра Поляковъ добылъ часть мамонтовой тазовой кости съ вертлюжной впадиной. „Впадина этой кости, говоритъ онъ, была обращена вверхъ; похожая объемомъ и формой на весьма порядочную чашку, она была также заполнена золой и пережжёнными костями, какъ будто она служила первобытному человѣку посудиной, на что и въ самомъ дѣлѣ существуетъ большая доля вѣроятности".

Кельсіевъ подвергъ сомнѣнію эту вѣроятность, но, въ настоящее время, подобные факты наблюдались и въ другихъ стоянкахъ, напр. въ нѣмецкой стоянкѣ Таубаха, и тамъ они привели изслѣдователей къ такому же заключенію, какое сдѣлано Поляковымъ.

Кремневыя орудія и осколки всѣ носили ясные слѣды одной и той же сколотой техники ихъ обработки [1]). Отколы ихъ отличались чистотою и даже нѣкоторымъ изяществомъ. Орудія имѣли нижнюю сторону гладкою, а верхнюю обработанною въ нѣсколько красивыхъ граней. Края ихъ остры, а иногда подправлены вторичной оббивкой. Лучшіе экземпляры, обыкновенно, находились въ массѣ костей, золы и угля; вдали же отъ этихъ скопленій попадались только простые осколки.

Раскопки Кельсіева немного прибавили къ тому, что было сдѣлано Поляковымъ. Этими раскопками также устанавливалось присутствіе въ пластѣ террасовой глины остатковъ костровъ, сопровождавшихся кремневыми орудіями и осколками, а также костями ископаемыхъ животныхъ [2]).

Мѣста костровъ обозначались бѣловатыми пятнами и прослойками какъ бы золы, черными мелкими обугленными костями и сильно обгорѣлыми небольшими кусками

---

[1]) Орудія хранятся въ Антропологическомъ Музеѣ Академіи Наукъ, въ Петербургѣ.

[2]) Коллекція Кельсіева хранится въ Россійскомъ Историческомъ Музеѣ, въ Москвѣ, зала I.

костяной клѣтчатки. Встрѣчены также пережжённыя и растрескавшіяся на огнѣ кремневыя орудія, перегорѣлый осколокъ діорита, раскрошившіеся куски песчаника и, наконецъ, куски глины, принявшіе подъ вліяніемъ жара видъ кирпича.

Кости принадлежали мамонту. Исключеніе представляли немногія кости болѣе мелкихъ животныхъ, изъ которыхъ опредѣлены трубчатыя кости ноги лани или козули и часть нижней челюсти лисицы. Мамонтовыя кости лежали безпорядочно и „во всякомъ случаѣ, замѣчаетъ Кельсіевъ, не въ видѣ полныхъ костяковъ, которые говорили бы о простой гибели здѣсь животныхъ, а лишь какъ остатки труповъ, расчлененныхъ въ другомъ мѣстѣ, приволоченные сюда для ѣды".

Кремневыхъ орудій найдено 330 экземпляровъ. Осколки кремня встрѣчались въ большомъ количествѣ. Кельсіевъ даетъ въ своей работѣ интересное описаніе какъ породы кремня, такъ и разныхъ формъ найденныхъ орудій и сопровождавшихъ ихъ осколковъ и другихъ камней.

„Кремень, изъ котораго сдѣланы орудія, говоритъ онъ, полупрозраченъ, дымчатаго, рогового, иногда почти чернаго цвѣта, сравнительно мягокъ, т.-е. имѣетъ всѣ признаки кремня мѣловой формаціи, встрѣчающагося и нынѣ вездѣ на правомъ побережьѣ Дона самородными желваками неправильной закругленной формы разныхъ величинъ. Желваки, всегда покрытые охристой непрозрачной коркой, попадаются и при раскопкахъ, цѣлые или разбитые. На многихъ отбивкахъ и орудіяхъ, получившихся отъ первыхъ ударовъ по желваку, можно прослѣдить наружную корку,—доказательство, что орудія приготовлялись на мѣстѣ и изъ мѣстнаго матеріала".

„Орудія въ моментъ ихъ обнаруженія имѣли натуральный роговой цвѣтъ и полупрозрачность. Затѣмъ, въ теченіе первой четверти часа, вслѣдствіе испаренія влаги, наполнявшей ихъ поры, они быстро снаружи тускнѣли, дѣлались совершенно непрозрачными и принимали голу-

бовато-молочный, почти бѣлый цвѣтъ. То же явленіе замѣчено и г. Камінскимъ при раскопкахъ у с. Гонцовъ, Лубенскаго уѣзда; онъ называетъ его вывѣтренностью".

„Орудія имѣютъ несомнѣнные признаки палеолитической эпохи; они крупны, получены отъ одного ловкаго удара по тупой грани большого кремневаго ядрища, такъ что задняя сторона отщиба у всѣхъ плоская. Видно вездѣ стремленіе имѣть плоскій, длинный и широкій кремень, съ рѣжущими краями по обѣимъ сторонамъ".

Далѣе Кельсіевъ приводитъ описаніе ядрищъ, или нуклеусовъ, осколковъ, отбивокъ, дѣлитъ орудія на скребки и острія.

Присутствіе ядрищъ среди культурныхъ остатковъ всегда является признакомъ мѣстной обработки каменныхъ орудій. Въ Костенковской стоянкѣ ядрища найдены обоими ея изслѣдователями и имѣли форму кусковъ кремня, отъ которыхъ отбивались орудія и осколки.

Скребки отличаются отъ другихъ орудій особой обработкой одного конца, приспособленнаго для скобленія. Вѣроятная цѣль этихъ орудій заключалась въ томъ, чтобы очищать кожи животныхъ отъ мяса и, можетъ быть, отъ волосъ. Эти орудія обратили на себя особенное вниманіе и перваго изслѣдователя И. С. Полякова, который подчеркиваетъ тщательность и совершенство ихъ обработки, а одну изъ встрѣченныхъ формъ удачно сближаетъ съ формами, довольно обычными во французскихъ пещерахъ.

Заканчивая обзоръ находокъ, каждый изъ талантливыхъ изслѣдователей Костенковской стоянки высказалъ нѣсколько остроумныхъ мыслей, касающихся разныхъ сторонъ быта древняго человѣка.

„Имѣя въ виду представленный мною очеркъ кремневыхъ орудій, говоритъ Поляковъ, едва ли кто можетъ сомнѣваться въ томъ, что они суть произведенія рукъ человѣческихъ; точно такъ же, принимая во вниманіе условія ихъ залеганія съ золою, углями и съ костями разныхъ животныхъ, придется остановиться на томъ заклю-

ченіи, что въ Костенкахъ мы имѣемъ неопровержимыя доказательства въ пользу того, что человѣкъ отдаленнаго отъ насъ палеолитическаго періода жилъ одновременно съ преобладавшими здѣсь въ то время мамонтами. Но въ описанныхъ выше орудіяхъ заключается ли дѣйствительно всё, чѣмъ располагалъ человѣкъ для удовлетворенія своихъ собственныхъ нуждъ и для борьбы съ природою?.. Можно сказать, что, конечно, не всё, что въ придачу къ орудіямъ каменнымъ, которыя онъ умѣлъ уже выдѣлывать съ значительнымъ совершенствомъ, у него, навѣрно, существовали и костяныя издѣлія; подобное совмѣстное существованіе орудій изъ камня и кости имѣло мѣсто у всѣхъ народовъ древняго и новаго періода каменнаго вѣка, начиная съ древнѣйшихъ обитателей французскихъ пещеръ до современныхъ дикихъ народовъ крайняго сѣвера и острововъ Тихаго океана. Только для сохраненія костяныхъ орудій на открытомъ воздухѣ существуетъ гораздо меньше шансовъ, чѣмъ, напримѣръ, въ пещерахъ, гдѣ вліяніе климатическихъ условій, дождя, снѣга и холода, гораздо меньше на нихъ отражается".

Кельсіевъ пытается рѣшить вопросъ, какимъ образомъ палеолитическій человѣкъ добывалъ мамонтовое мясо, и старается возсоздать цѣлыя картины домашняго быта этого человѣка.

„Въ Гонцахъ, въ Карачаровѣ и въ Костенкахъ, говоритъ онъ, изслѣдователи открыли кухонные остатки, и это было ясно для нихъ съ перваго дня раскопокъ. Во всѣхъ трехъ мѣстахъ трапеза совершалась главнымъ образомъ мясомъ мамонтовъ, съ присоединеніемъ немногихъ другихъ современныхъ ему и частію уже вымершихъ животныхъ. До-сихъ поръ неизвѣстно никакихъ данныхъ, разъясняющихъ древніе способы овладѣвать мамонтами. Въ кухонныхъ остаткахъ не найдено ни одного орудія, которое можно было бы признать за наконечникъ стрѣлы или копья, увязнувшій въ мясѣ умерщвленнаго животнаго. Кости, пронзенныя кремневыми орудіями, были находимы

во Франціи, но принадлежать не мамонту (гр. Уваровъ, Кам. періодъ, I, 240). Рытье ямъ, куда мамонты будто бы попадали во время бѣга и издыхали тамъ, есть только предположеніе, сдѣланное по аналогіи со способами ловли слоновъ у индусовъ. Въ виду чрезвычайной трудности овладѣванія мамонтами, ихъ умерщвленія и расчлененія, сколь бы огромны ни были поселки того времени, изумительнымъ является количество животныхъ, потребное для единовременной трапезы, тѣмъ болѣе, что не видно выбора для ѣды опредѣленныхъ частей организма. Одинъ взрослый мамонтъ, полагая его въ 200 пудовъ и, слѣдовательно, чистаго въ немъ мяса 100 пудовъ, съѣденный весь, могъ бы напитать слишкомъ шестьсотъ человѣкъ. Мнѣ кажется, затрудненіе весьма упростится, если допустить, что катастрофы ледниковаго періода могли и въ Европейской Россіи губить и замораживать стада мамонтовъ, какъ это происходило въ полярной Сибири; люди же палеолитической эпохи могли выбирать для поселковъ мѣста, изобилующія, кромѣ воды да кремневыхъ желваковъ, и такими естественными запасами провизіи, обезпечивающей вѣрнѣе, нежели бродячія стада. Подобно звѣрямъ и собакамъ, питавшимся оттаявшимъ трупомъ якутскаго мамонта, который былъ найденъ въ началѣ нынѣшняго вѣка и описанъ Адамсомъ, и первобытные люди могли извлекать куски животныхъ, стаскивать ихъ въ одно мѣсто и упитываться мясомъ лежалымъ, и потому не столь твердымъ, сообразно своему вкусу".

При обзорѣ австрійскихъ палеолитическихъ древностей, мы уже имѣли случай познакомиться съ совершенно такимъ же мнѣніемъ, высказаннымъ семью годами позже археологомъ Стееностропомъ по поводу необыкновеннаго скопленія костей мамонта въ Предмостской стоянкѣ. Эти мысли, вѣроятно, будутъ повторяться и впредь, но онѣ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, не имѣютъ никакого научнаго основанія.

Извѣстно много случаевъ, когда кости мамонтовъ и

носороговъ сопровождали палеолитическія стоянки такихъ теплыхъ странъ, какъ Испанія, Италія, Сирія и Египетъ, гдѣ никогда не было ледниковъ, а, слѣдовательно, и никакихъ естественно замороженныхъ труповъ животныхъ. Очевидно, въ этихъ мѣстностяхъ палеолитическій человѣкъ умѣлъ справляться съ современными ему гигантскими животными. А если это такъ, то почему съ тѣми же животными не могъ бы справиться человѣкъ болѣе холодныхъ странъ?

Кромѣ того, съ точки зрѣнія гипотезы Кельсіева и Стееностру па, являются совершенно необъяснимыми вопросы, почему человѣкъ позднѣйшихъ палеолитическихъ стоянокъ, къ разряду которыхъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, принадлежитъ и человѣкъ Костенковской стоянки, извлекалъ изъ льдовъ трупы только мамонтовъ и не трогалъ трупы носороговъ, которые, судя по фактамъ, наблюдаемымъ въ Сибири, такъ же часто и такъ же хорошо сохраняются въ ледникахъ, какъ и трупы мамонтовъ? Между тѣмъ, при допускѣ, что позднепалеолитическій человѣкъ охотился на живыхъ мамонтовъ, это легко объясняется тѣмъ, что носорогъ, какъ установлено палеонтологіей, вымеръ нѣсколько ранѣе мамонта. Кромѣ того, гипотеза о скопленіи на мѣстахъ палеолитическихъ стоянокъ костей мамонта, благодаря пользованія ими человѣкомъ для своихъ потребностей, какъ мы уже имѣли случай отмѣтить, совершенно не въ силахъ объяснить, почему такихъ скопленій не наблюдается въ болѣе позднихъ стоянкахъ неолитической, бронзовой, желѣзной и современной эпохъ, тогда какъ кости и трупы мамонта и многовѣкового его спутника носорога отлично сохраняются и до настоящаго времени?

Въ Костенковской палеолитической стоянкѣ И. С. Поляковымъ и А. П. Кельсіевымъ, несмотря на сравнительную незначительность вскрытой ими площади, найдены остатки по меньшей мѣрѣ 16 мамонтовъ; поэтому можно судить, какое огромное количество этихъ остатковъ хра-

нится въ почвѣ, вокругъ костровъ и очаговъ, оставленныхъ человѣкомъ на берегу р. Дона.

Мы уже упоминали, что де-Бруинъ видѣлъ подобныя скопленія мамонтовыхъ костей въ восьми верстахъ выше Костенокъ, а въ послѣднее время открыты несомнѣнные слѣды палеолитической стоянки въ селѣ Борщевѣ, верстахъ въ шести ниже Костенокъ по теченію Дона.

Со временемъ многіе береговые пункты, содержавшіе скопленія этихъ костей, были размыты весенними разливами рѣки Дона, и кости перемѣщены внизъ, въ слои новѣйшей аллювіальной долины, гдѣ часть ихъ и найдена раскопками акад. Гмелина.

Всё это указываетъ на присутствіе въ области Дона довольно многочисленнаго населенія, питавшагося мясомъ мамонтовъ. Возникаетъ вопросъ, къ какому времени относится это населеніе? Изслѣдователи Костенковской стоянки твердо установили принадлежность ея остатковъ къ палеолитической эпохѣ: но эта эпоха, какъ намъ извѣстно, была очень продолжительна; поэтому естественно желаніе поискать признаковъ болѣе точной даты, а такіе признаки въ Костенковской стоянкѣ имѣются. Прежде всего ихъ можно видѣть въ индустріи, а затѣмъ въ геологическихъ и палеонтологическихъ данныхъ, сопровождающихъ отложеніе въ почвѣ памятниковъ этой индустріи.

Главными представителями индустріи являются кремнёвыя орудія. Всѣ они выполнены при помощи сколотой техники, а это сразу опредѣляетъ, что они не могутъ быть древнѣе поздней палеолитической поры сколотыхъ орудій.

Костенковскія орудія длинны, изящны и выразительны, а это указываетъ на мѣсто ихъ въ концѣ поздней поры палеолитической эпохи.

Среди костенковскихъ кремневыхъ орудій имѣются скребки овальной формы. Изображеніе наилучшаго изъ нихъ можно видѣть на таблицѣ III (фиг. 18), приложенной къ статьѣ Полякова, отмѣтившаго въ текстѣ, что это орудіе какъ по тщательности выдѣлки, такъ и по изящности

своей внѣшней формы не уступаетъ наилучшимъ представителямъ этого типа инструментовъ новѣйшихъ временъ. Дѣйствительно, такіе скребки прекрасно извѣстны въ неолитическихъ культурахъ и ни разу не были встрѣчены въ другихъ русскихъ палеолитическихъ стоянкахъ, а это указываетъ на близость костенковской культуры къ неолитической и даетъ ей мѣсто въ самомъ концѣ палеолитической эпохи, что вполнѣ подтверждается и условіями залеганія ихъ въ почвѣ.

Остатки стоянки лежатъ подъ слоемъ почвеннаго чернозема. Верхній слой чернозема, какъ и всякій изъ современныхъ почвенныхъ слоевъ, представляетъ образованіе новое. Рѣшительно во всѣхъ случаяхъ, гдѣ приходилось наблюдать отношеніе этихъ слоевъ къ слоямъ рѣчныхъ долинъ, они являлись синхронично связанными только съ новѣйшими аллювіальными террасами, а это указываетъ, что начало ихъ отложенія не можетъ быть древнѣе неолитической эпохи.

Такимъ образомъ Костенковская стоянка, залегая на поверхности древней дилювіальной террасы, самымъ своимъ положеніемъ доказываетъ принадлежность ея ко времени смѣны палеолита неолитомъ.

То же самое подтверждаетъ и отсутствіе въ кухонныхъ отбросахъ стоянки костей носорога, который, какъ мы уже отмѣтили, передъ концомъ палеолитической эпохи исчезъ въ Европѣ окончательно.

Итакъ, въ памятникахъ Костенковской стоянки мы имѣли послѣднее слово русской палеолитической культуры, и въ этомъ заключается ея особенный научный интересъ. Сдѣланное И. С. Поляковымъ сближеніе костенковскихъ орудій съ орудіями французскихъ пещеръ Мадленской эпохи слѣдуетъ признать совершенно вѣрнымъ. Мы могли бы указать на такое же сходство ихъ и со всѣми орудіями, находимыми въ европейскихъ стоянкахъ конца палеолитической эпохи, и на этомъ основаніи заключить не только о существованіи культурныхъ связей и вліяній самыхъ

отдаленныхъ областей Европы, но и о культурномъ равновѣсіи, несомнѣнно, существовавшемъ во всѣхъ этихъ областяхъ въ концѣ палеолитической эпохи. Послѣднее явленіе особенно интересно. Повидимому, оно обусловливалось медленностью культурнаго развитія того времени, когда всякое изобрѣтеніе, несмотря на разобщенность населенія, успѣвало сдѣлаться общимъ достояніемъ большинства народовъ. Совсѣмъ другое наблюдается при обзорѣ болѣе позднихъ культуръ, когда началось болѣе сильное біеніе культурнаго пульса. Тогда слабые еще не успѣвали воспользоваться однимъ открытіемъ сильныхъ, какъ у послѣднихъ являлось другое открытіе, вслѣдствіе чего происходило нарушеніе культурнаго равновѣсія, и одни народы становились выше другихъ.

*Стоянка въ с. Карачаровѣ**). Открытіе Карачаровской палеолитической стоянки принадлежитъ графу А. С. Уварову. Эта стоянка, привлекшая вниманіе многихъ изслѣдователей, служила не разъ предметомъ споровъ и неоднократныхъ описаній. Желая научно установить фактъ своего открытія, гр. Уваровъ пригласилъ повѣрить его изслѣдованія самыхъ лучшихъ изъ современныхъ ему представителей первобытной археологіи: проф. В. Б. Антоновича, И. С. Полякова и В. В. Докучаева, совмѣстными трудами которыхъ и былъ установленъ палеолитическій возрастъ стоянки.

С. Карачарово расположено на лѣвомъ, высокомъ берегу р. Оки, недалеко отъ г. Мурома, Владимирской губерніи. Остатки стоянки открыты въ Карачаровскомъ оврагѣ, сѣвернѣе села, въ усадьбѣ гр. Уварова. Поводомъ къ открытію послужили кости мамонта, вымытыя весенними водами въ 1877 году. Произведенный тщательный осмотръ мѣста находки костей выяснилъ, что вода смыла часть берега оврага и снесла на дно его много различныхъ ко-

*) *Литература:*

1. Гр. А. С. Уваровъ. „Каменный періодъ“, т. I, стр. 112—117, т. II, стр. 121 и 122, табл. 15.

стей. Съ цѣлью выяснить причину скопленія такого множества костей въ берегѣ оврага, были произведены раскопки на мѣстѣ, гдѣ виднѣлись слѣды смытой земли, содержавшей кости.

Берегъ оврага, какъ и всей прилегающей мѣстности, слагался изъ растительнаго слоя свѣтложелтой лёссовидной глины, желѣзистой глины темнокрасноватаго цвѣта съ валунами сѣверныхъ кристаллическихъ породъ, представляющей остатки размытой морены, и слоистыхъ валунныхъ песковъ.

Ископаемыя кости лежали въ лёссовидной глинѣ, фута на два выше моренной глины. По мнѣнію геолога проф. Никитина, лёссовидныя глины, содержавшія кости и, какъ оказалось, остатки древнѣйшей индустріи, были обязаны своимъ происхожденіемъ частію субъаэральнымъ отложеніямъ и частію дѣйствію стекавшихъ съ возвышенностей ручейковъ, въ общемъ же представляютъ тотъ самый типъ, который у французовъ долгое время былъ извѣстенъ подъ именемъ „dépôts de ruisselements“.

Отчищая кусокъ мамонтоваго бивня отъ приставшей къ нему глины, гр. Уваровъ замѣтилъ, что „по обѣимъ сторонамъ бивня лежали шесть кремневыхъ ножей“, а подъ бивнемъ — „кремневое ядрище, такого же желтобураго цвѣта, какъ цвѣтъ ножей“. Это и былъ моментъ открытія стоянки. Далѣе слѣдовалъ рядъ находокъ всевозможныхъ осколковъ, ядрищъ и ножевидныхъ орудій. При каждой кости мамонта находилось по нѣсколько орудій. Въ два дня раскопокъ было найдено 56 кремневыхъ орудій. Послѣ, во время повторныхъ раскопокъ при гг. Антоновичѣ, Поляковѣ и Докучаевѣ, было еще найдено 469 орудій.

---

2. S. Nikitine. „Sur la constitution des dépôts quaternaires en Russie et leurs relations aux trouvailles résultant de l'activité de l'homme préhistorique“. Congrès international d'archéologie préhistorique, à Moscou, t. I, p. 29 et 30.

Всѣ орудія были сколотыя. Они состояли изъ ножей, скребковъ, осколковъ и ядрищъ.

„Ножи, говоритъ гр. Уваровъ, сдѣланы изъ кремня. въ два и три ската, и самые большіе имѣютъ 76 миллим. длины и даже немного болѣе. Также и скребки бываютъ самыхъ разнообразныхъ размѣровъ и формъ. Видно, что старались отбивать ихъ съ одного удара и по возможности широкими кусками".

На ряду съ орудіями и костями найдены мелкіе куски угля, но ни на одной кости не замѣчено обугливанія. Кости принадлежали мамонту, носорогу и другимъ животнымъ. Почти всѣ трубчатыя кости оказались расколотыми и разбитыми. Въ расколотыхъ костяхъ найдены кремневые осколки отъ ножей, а въ губчатой оконечности другой кости оказался воткнутымъ цѣлый ножикъ.

Кости и сопровождавшіе ихъ угли и кремни лежали безъ видимаго порядка, но въ одномъ слоѣ, простиравшемся фута на два выше красной моренной глины и фута на три или на четыре ниже поверхности свѣтложелтой лёссовидной глины. Иногда кости лежали отдѣльно, иногда цѣлыми грудами, разбросанными въ безпорядкѣ. Въ одной грудѣ лежали вмѣстѣ кости мамонта (Elephas primigenius), носорога (R. tichorhinus), первобытнаго быка (Bos primigenius) и какой-то неопредѣленной породы оленя.

„Всѣ кости были пропитаны глиною и окружены каменными орудіями. При большихъ костяхъ въ кучѣ лежали большіе куски діорита, съ слабыми слѣдами отбивки. Самыя кости, на видъ желтыя и довольно еще плотныя, покрыты многочисленными дендритами, и большая часть изъ нихъ, по мнѣнію И. С. Полякова, принадлежала носорогу". Одна кость носила слѣды искусственной обработки.

3. И. С. Поляковъ. „Антропологическая поѣздка" и проч., стр. 9.
4. П. Кротовъ. „Къ вопросу объ относительной древности остатковъ каменнаго вѣка на р. Окѣ". Труды Общ. Ест. при Имп. Казанск. Унив., т. X, в. 2, стр. 27—39.

Оцѣнивая время Карачаровской стоянки съ точки зрѣнія ея культуры и сопровождающихъ палеонтологическихъ и геологическихъ данныхъ, необходимо притти къ слѣдующему ряду заключеній:

1) Судя по сколотой техникѣ кремневыхъ орудій, стоянку слѣдуетъ пріурочить къ поздней порѣ палеолитической эпохи; судя же по грубости этихъ орудій, её можно съ бо́льшею вѣроятностью относить къ срединѣ, нежели къ концу названной поры.

2) Палеонтологическія данныя подтверждаютъ послѣднюю дату, такъ какъ среди представителей фауны стоянки мы видимъ мамонта и спутника его носорога.

3) То же самое получается и изъ геологическихъ данныхъ. При обзорѣ Костенковской стоянки самаго конца палеолитической эпохи, мы видѣли культурные остатки лежащими на поверхности лёссовидной глины, непосредственно подъ растительнымъ слоемъ чернозема. Лёссовидныя глины Карачаровской стоянки вѣроятнѣе всего синхроничны Костенковской, а если это справедливо, то памятники, одновременные съ костенковскими, должны бы залегать въ Карачаровѣ также на поверхности лёссовидныхъ глинъ. Но такъ какъ найденные остатки оказались не на поверхности, а глубоко внутри слоя, то слѣдовательно возрастъ ихъ долженъ быть нѣсколько древнѣе, что и подтверждается, въ отношеніи сравненія съ костенковскими памятниками, и всѣми другими выше приведенными условіями.

Слѣды палеолитическихъ стоянокъ въ разныхъ пунктахъ Евр. Россіи. Кромѣ описанныхъ палеолитическихъ стоянокъ, получившихъ болѣе или менѣе полное научное обслѣдованіе, имѣются еще другія, которыя остаются по разнымъ причинамъ недослѣдованными. Изъ такихъ стоянокъ извѣстны: 1) стоянка въ д. Мелтиновой, Бѣлевскаго уѣзда, Тульской губерніи [1]); 2) стоянка близъ г. Козельска,

[1]) В. А. Городцовъ. „Матеріалы для археологической карты долины и береговъ р. Оки". Оттискъ изъ Трудовъ XII Арх. Съѣзда, стр. 26—28.

Калужской губерніи [1]) и 3) въ селѣ Шараповкѣ, Конотопскаго уѣзда, Черниговской губ. [2]) и отдѣльн. находка на Уралѣ [3]).

Въ послѣднее время всё чаще и чаще упоминается о находкахъ будто бы палеолитическихъ стоянокъ въ предѣлахъ сѣверной Россіи, а именно въ Новгородѣ, Бологомъ, Ржевѣ и др.; но къ сожалѣнію ни одна изъ нихъ не можетъ быть пріурочена къ палеолитической эпохѣ, ни по даннымъ индустріи, ни по даннымъ палеонтологіи, ни по даннымъ геологіи.

Сибирь. Стоянка въ г. Томскѣ *). Весною 1896 года были случайно открыты близъ г. Томска кости мамонта. Это послужило поводомъ къ научному изслѣдованію мѣстности и привело къ открытію характерныхъ слѣдовъ палеолитической стоянки. Въ изслѣдованіи ея приняли участіе С. К. Кузнецовъ, Н. Ѳ. Кащенко и нѣкоторыя другія лица, принадлежавшія къ составу Имп. Томскаго университета.

---

[1]) Д. И. Четыркинъ. „Древнѣйшіе обитатели Калужскаго края". Калужск. Губ. Вѣдом. 1900 г. №№ 86 и 99; 1901 г. № 115.

Его же. „Находки близъ города Козельска, въ 2-хъ верстахъ отъ д. Степино". Изв. Калужской Уч. Арх. Ком.

Н. І. Криштафовичъ. „Мѣстонахожденіе костей мамонта въ Козельскомъ уѣздѣ, Калужской губ.". Ежегодникъ по Геологіи и Минералогіи Россіи, т. IV, отд. I, стр. 173—176.

[2]) Д. Я. Самоквасовъ. „Вещественные памятники древности въ предѣлахъ Малороссіи". Антрополог. выставка 1879 г., т. III, ч. 1.

[3]) О. Клеръ. „Объ открытіи вещественнаго доказательства существованія на Уралѣ человѣка въ эпоху мамонта". „Уралъ" 1897 г. № 226 (имѣется отдѣльн. оттиск.). Клеръ увѣряетъ, что имъ найденъ бивень мамонта съ слѣдами искусственной обработки его рукою человѣка въ то время, когда бивень былъ свѣжимъ.

*) *Литература:*

1. Проф. Н. Ѳ. Кащенко. „Скелетъ мамонта со слѣдами употребленія нѣкоторыхъ частей тѣла этого животнаго въ пищу современнымъ ему человѣкомъ". Записки Имп. Академіи Наукъ, VIII серія, т., XI № 7. Въ сочиненіи Н. Ѳ. Кащенко приложенъ списокъ литературы, использованной имъ при описаніи Томской палеолитической стоянки.

Стоянка находилась на правомъ высокомъ берегу р. Томи, на окраинѣ г. Томска. На мѣстѣ ея недавно образовался оврагъ около 50 саж. въ длину. Крутые края этого оврага подвержены частымъ обваламъ. Послѣ одного изъ такихъ обваловъ и были обнажены крупныя кости мамонта, обратившія на себя вниманіе мѣстныхъ обывателей.

Правый берегъ р. Томи, на мѣстѣ находки, слагается изъ слоя суглинковъ, переходящихъ къ низу въ лёссовидную глину, отложившуюся изъ матеріаловъ, навѣянныхъ вѣтромъ съ ближайшаго плато, и отчасти принесенную атмосферными водами. Возрастъ слоя послѣтретичный.

Ниже шли третичныя отложенія, состоящія изъ песковъ съ прослоями глины и гальки, — общей мощностью до 10 саж.

Въ самомъ же низу берега залегаетъ каменный массивъ изъ палеозойскаго глинистаго сланца.

Остатки стоянки, сопровождаемые костями мамонта, залегали на глубинѣ около 5 аршинъ отъ поверхности почвы, въ основѣ лёссовидной глины. Изслѣдованіе стоянки произведено такимъ образомъ, что первоначально была обнажена площадка около 11 аршинъ въ длину и $4^1/_2$ аршинъ въ ширину, на которой и сосредоточивалась главная масса остатковъ стоянки; при чемъ получилась слѣдующая картина: всѣ остатки располагались въ одной плоскости. Кости лежали безъ порядка: черепъ въ одномъ мѣстѣ, а шейные позвонки совершенно въ противоположномъ, иногда рядомъ съ хвостовыми позвонками, крестецъ рядомъ съ груднымъ позвонкомъ и т. п. „Такое расположеніе позвонковъ, говоритъ проф. Кащенко, сосредоточенныхъ однако на весьма ограниченномъ пространствѣ, едва ли могло произойти иначе, какъ вслѣдствіе умышленнаго

2. N. Kastschenko. „Ein von Menschen verzehrtes Mammuth. Correspondenz-Blatt der deutschen Gesellsch. von Anthropologie“. Ethnol. und Urgesch. 1896, s. 45.

расчлененія позвоночнаго столба, произведеннаго человѣкомъ, скорѣе всего для извлеченія спинного мозга. Длинныя и мелкія кости конечностей, кости плечевого и тазового поясовъ, точно такъ же, перепутаны въ полномъ безпорядкѣ. Рёбра, отчасти цѣлыя, отчасти въ кускахъ, разбросаны неправильно по всему пространству площадки и, что весьма интересно, очень часто оказываются лежащими подъ другими, большими и тяжелыми костями: положеніе, которое помимо вмѣшательства человѣка рѣдко можетъ получиться. Если же представить себѣ, что отъ трупа рёбра прежде всего были отдѣлены и, по удаленіи съ нихъ мяса, брошены на землю, а затѣмъ то же самое продѣлано съ болѣе тяжелыми костями, то указанное взаимное ихъ положеніе становится понятнымъ. Черепъ и крупныя трубчатыя кости разбиты, и куски отъ нихъ найдены въ разныхъ мѣстахъ площадки".

Подъ костями, на протяженіи почти всей площадки, лежалъ слой древеснаго угля, сжатаго въ сплошную массу давленіемъ толстаго слоя земли, отложившагося впослѣдствіи сверху. Подъ углемъ глина оказалась обожжённою докрасна. Въ слоѣ угля, особенно на мѣстахъ кострищъ, найдено было значительное количество мелкихъ кусочковъ кости, несомнѣнно подвергавшихся дѣйствію огня. Нѣкоторые изъ этихъ кусочковъ оказывались прокопченными насквозь, такъ что и на распилѣ оказываются черными.

Въ одномъ мѣстѣ, въ угольномъ слоѣ, найденъ кусокъ дерева лиственной породы.

На ряду съ костями и углемъ, нерѣдко въ непосредственномъ съ ними соприкосновеніи, найдено большое количество каменныхъ орудій и кусковъ гальки. Всѣ орудія имѣютъ видъ мелкихъ осколковъ, по своей формѣ ближе всего напоминающихъ орудія Кіевской стоянки.

---

3. S. K. Kusnezow. „Fund eines Mammuthskeletes und menschlicher Spuren in der Nähe der Stadt Tomsk, Westsibirien. Mittheil. der anthropol. Gesellsch", Wien, 1896, Bd. XXVI, Heft 4—5, s. 186—191.

„Среди этихъ многочисленныхъ осколковъ, говоритъ Кащенко, можно различить во-первыхъ такіе, которые могли имѣть значеніе простѣйшихъ орудій и, по всей вѣроятности, были приготовлены именно для этой цѣли, и такіе, которые получены случайно, при разбиваніи галекъ, какъ побочный продуктъ. Осколковъ перваго рода (орудій) найдено 47, осколковъ же второго рода (случайныхъ) около 150. Но такъ какъ и перваго рода осколки получены посредствомъ весьма первобытныхъ пріемовъ, то между ними и случайными осколками рѣзкой границы провести невозможно".

Орудія и осколки носятъ ясно выраженный характеръ сколотой техники, что и подтверждается найденными на ряду съ ними ядрищами, отъ которыхъ отбивались орудія и осколки.

Что касается подѣлокъ изъ кости, то онѣ, повидимому, совсѣмъ отсутствовали; слѣдовъ же дѣятельности человѣка, запечатлѣнной на костяхъ, имѣется довольно много. Прежде всего выяснено, что черепъ мамонта былъ искусственно разбитъ и, вѣроятнѣе всего, съ цѣлью извлеченія изъ него мозга; затѣмъ нѣкоторыя кости, между прочимъ и ребра, оказались съ неизвѣстною цѣлью стертыми, полыя же кости разбиты и продольно расколоты. Проф. Кащенко допускаетъ, что найденные въ остаткахъ стоянки острые осколки бивней мамонта могли служить для человѣка такими же орудіями, какъ и кремневые осколки.

Всѣ кости стоянки принадлежали только одному молодому мамонту. Какимъ образомъ овладѣлъ человѣкъ этимъ животнымъ, ничего опредѣленнаго невыяснено.

„Трудно, конечно, утверждать, пишетъ Кащенко, что мамонтъ непремѣнно былъ убитъ людьми. Строго говоря, онъ могъ быть найденъ и мертвымъ, но еще достаточно

---

4. Его же. „Находка скелета мамонта и человѣческихъ слѣдовъ близъ Томска въ зап. Сибири". Печат. въ „Gaea" 1897, Heft 4. s. 221—690.

свѣжимъ; и затѣмъ частью использованъ для питанія. Однако, молодой возрастъ мамонта, отсутствіе на костяхъ слѣдовъ отъ зубовъ хищныхъ животныхъ и вообще какихъ бы то ни было признаковъ, которые указывали бы на случайную смерть не отъ человѣческой руки, но вслѣдствіе какихъ-либо иныхъ внѣшнихъ причинъ, дѣлаетъ болѣе вѣроятнымъ первое предположеніе. Какими способами мамонтъ былъ пойманъ или, вообще, добытъ, для рѣшенія этого вопроса мы, къ сожалѣнію, имѣемъ очень мало данныхъ, да и тѣ, которыя есть, носятъ скорѣе отрицательный характеръ. Такъ рельефъ той поверхности, на которой были расположены кости, дѣлаетъ мало вѣроятнымъ, чтобы этотъ мамонтъ былъ пойманъ въ яму, т.-е. тѣмъ способомъ, который по А. С. Уварову (Кам. пер., I, 159) предположительно долженъ былъ употребляться палеолитическимъ человѣкомъ при охотѣ на мамонта. По Миддендорфу и Докучаеву, мамонтъ, по всей вѣроятности, нерѣдко застрѣвалъ въ болотахъ и топкихъ берегахъ рѣкъ, чѣмъ также могъ пользоваться палеолитическій человѣкъ для легкой и добычливой охоты. Но и такое объясненіе въ данномъ случаѣ является мало вѣроятнымъ, такъ какъ свойства почвы здѣсь иныя, да и берегъ рѣки въ то время былъ, по всей вѣроятности, довольно далекъ отъ этого мѣста, о чемъ сказано будетъ нѣсколько словъ ниже. И. Поляковъ допускаетъ охоту на мамонта по насту, которая также должна была быть легка и добычлива, такъ какъ тяжелый звѣрь, конечно, при глубокомъ снѣгѣ проваливался и не могъ быть достаточно подвижнымъ. Такое объясненіе въ данномъ случаѣ возможно было бы принять, если только допустить, что климатъ Сибири въ то отдаленное время былъ сходенъ съ теперешнимъ. Но по этому

---

5. Его же. „Находка скелета мамонта со слѣдами человѣка близъ г. Томска“. Сиб. Вѣсти. 1896 г., №№ 90 и 92.
6. „Ежегодникъ по геологіи и минералогіи Россіи“, изд. Н. І. Кришта-фовича, т. II, отд. 2, стр. 3 и 9.

вопросу существуютъ, какъ извѣстно, разныя мнѣнія, и въ послѣднее время преобладаетъ мнѣніе какъ разъ противоположное. Если даже въ Ново-Сибирскихъ островахъ условія жизни для мамонтовъ въ теченіе круглаго года были тогда вполнѣ благопріятны, то въ мѣстности около г. Томска едва ли снѣгъ могъ накопляться большими массами. Но вѣдь возможны и различные другіе способы охоты, хотя бы, напримѣръ, устройство постепенно сужи-вающихся деревянныхъ загоновъ, какіе, судя по описаніямъ, и теперь употребляются для ловли слоновъ".

Далѣе цитируемый авторъ задаетъ цѣлый рядъ вопросовъ, стараясь дать на нихъ возможно точные отвѣты. Всё это настолько интересно и важно, что мы позволимъ привести часть его разсужденій дословно.

„1) Не могъ ли, говоритъ онъ, мамонтъ долгое время сохраняться въ замороженномъ состояніи и затѣмъ быть найденнымъ и употребленнымъ въ пищу человѣкомъ, ему вовсе не современнымъ? Такъ какъ на сѣверныхъ окраинахъ Сибири подобные случаи долговременнаго сохраненія цѣлыхъ труповъ мамонта и носорога извѣстны, то этотъ вопросъ напрашивается самъ собою. Однако, въ той мѣстности, гдѣ найденъ нашъ мамонтъ, сохраненіе его въ замороженномъ состояніи, въ теченіе долгаго времени, можно было бы допустить только въ томъ случаѣ, если бы имѣлись основанія допускать здѣсь, въ одномъ изъ прошлыхъ періодовъ, гораздо болѣе суровыя климатическія условія, чѣмъ тѣ, какія наблюдаются въ настоящее время. Но слѣды ледниковъ въ Сибири (если не считать крайняго сѣвера) чрезвычайно скудны и встрѣчаются из-

7. Проф. Н. Ѳ. Кащенко. „Къ вопросу объ одновременномъ существованіи человѣка и мамонта". Изв. X Арх. Съѣзда, стр. 46, и Труды X Арх. Съѣзда въ Ригѣ 1896 г., т. I, стр. 64—70, М., 1899 г., 4°.
8. Его же. „О найденномъ въ Томскѣ мамонтѣ, съѣденномъ человѣкомъ". „Спб. Вѣсти." 1896 г., № 237.
9. Его же. „О нахожденіи остатковъ мамонта около Томска". Изв. Имп. Ак. Наукъ, 1896 г., т. V, № 1 и 31.

рѣдка только въ горахъ [1]). Вблизи Томска, во всякомъ случаѣ, ихъ нѣтъ, а потому трудно остановиться на этомъ предположеніи. Притомъ же, если принять во вниманіе, что лёссовидная глина, въ толщѣ которой найденъ скелетъ мамонта, представляетъ отложеніе современное періоду жизни мамонтовъ и воздушное, въ чемъ, какъ выше было объяснено, едва ли возможно сомнѣваться, то предположеніе о сохраненіи трупа мамонта въ замороженномъ состояніи лишается всякой почвы".

„2) Не могъ ли быть найденъ только скелетъ мамонта человѣкомъ, гораздо болѣе позднимъ (неолитическаго періода), и не представляетъ ли все описанное результатъ орудованія не надъ трупомъ, а лишь надъ скелетомъ? Въ такомъ случаѣ кости могли, дескать, быть разбиты не для извлеченія костнаго мозга (котораго въ это время уже не было), а просто какъ матеріалъ для приготовленія костяныхъ орудій. Что же касается угля, то онъ указываетъ лишь на костры, которые могли быть все равно нужны для различныхъ цѣлей, разъ только люди здѣсь оставались довольно продолжительное время. Само же по себѣ присутствіе костровъ вовсе не доказываетъ, что на нихъ жарилось мясо, именно, мамонта. Равнымъ образомъ и кремневые осколки, несмотря на свой палеолитическій характеръ, могли быть приготовлены для какой-либо цѣли человѣкомъ и не мамонтоваго періода".

„Предположеніе это на первый взглядъ кажется довольно серьезнымъ. Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи оно оказывается еще менѣе вѣроятнымъ, чѣмъ первое, по слѣдующимъ причинамъ: а) Если бы скелетъ очень долгое время лежалъ на землѣ открыто, то едва ли кости

10. Н. Бѣляшевскій, Н. Ѳ. Кащенко. „Къ вопросу объ одновременномъ существованіи человѣка и мамонта". „Кіевск. Стар.", 1896г., стр. 31.

[1]) Объ этомъ см. у Черскаго, въ его „Описаніи коллекцій послѣтретичныхъ животныхъ, собранныхъ Ново-Сибирской экспедиціей". Спб., 1891. Прилож. къ LXV тому Записокъ Имп. Акад. Наукъ, № 1, стр. 35 и слѣд., а также 647 и слѣд.

сохранили бы свое скученное положеніе, и едва ли онѣ могли бы такъ относительно хорошо сохраниться. Не мѣшаетъ при этомъ обратить вниманіе на общій видъ найденныхъ при скелетѣ осколковъ отъ трубчатыхъ костей. Куски съ такими ровными, иной разъ какъ бы обрѣзанными, краями едва ли могутъ получиться при раздробленіи костей, пролежавшихъ тысячелѣтія подъ измѣнчивыми атмосферными вліяніями. Нѣкоторые изъ этихъ осколковъ имѣютъ даже такой видъ, какъ будто они сдѣланы топоромъ. Только тщательное изученіе боковыхъ поверхностей и сравненіе съ болѣе новыми дѣйствительно рубленными костями убѣдило меня въ томъ, что я имѣю дѣло съ осколками, полученными отъ удара тупымъ орудіемъ. Если же допустить, что кости были выкопаны изъ земли, ради техническихъ цѣлей, то ихъ скученное расположеніе на одномъ горизонтальномъ уровнѣ, почти полный составъ скелета и нахожденіе его, именно, въ томъ геологическомъ напластованіи, которое соотвѣтствуетъ періоду жизни мамонта, станутъ уже совсѣмъ непонятными. Да и слѣдовъ древнихъ раскопокъ никакихъ не замѣтно. b) Способъ раздробленія костей характеренъ, именно, какъ пріемъ для извлеченія костнаго мозга. c) На скелетѣ можно замѣтить отсутствіе (недостачу) только очень небольшого числа мелкихъ кусковъ компактнаго костнаго вещества, годнаго на подѣлки, и для добыванія такого скуднаго матеріала не было никакой надобности разбивать такое большое число костей. Только отъ бивней не хватаетъ значительной части ихъ массы, но они могли быть употреблены въ дѣло и современнымъ мамонту человѣкомъ. Притомъ же остатки отъ бивней, которые, какъ уже было сказано, у такого молодого экземпляра и не должны были имѣть большихъ размѣровъ, могли быть и унесены послѣ ширшества, могли и просто истлѣть въ землѣ. На это отчасти указываетъ то обстоятельство, что степень сохранности найденныхъ двухъ кусковъ бивней несравненно ниже, чѣмъ другихъ костей. d) Наконецъ, нахожденіе не-

сомнѣнныхъ слѣдовъ дѣятельности человѣка на одномъ геологическомъ уровнѣ съ костями одного цѣльнаго экземпляра мамонта, въ совершенно открытой мѣстности, указываетъ уже на одновременность жизни того и другого, разъ только нѣтъ данныхъ считать скелетъ выкопаннымъ здѣсь же, или принесеннымъ изъ другого мѣста (переносъ полнаго скелета для того, чтобы отбить отъ него нѣсколько небольшихъ кусковъ кости, былъ бы дѣломъ совершенно невѣроятнымъ)".

Мы исчерпали какъ наиболѣе существенную часть фактическаго матеріала изучаемой стоянки, такъ и разсужденій, вызванныхъ ея остатками. Намъ остается только установить отношеніе этой стоянки къ стоянкамъ Россіи и вообще всего Европейскаго материка.

Выше нами уже отмѣчено, что кремневыя орудія Томской стоянки сдѣланы при помощи сколотой техники, а это указываетъ на отношеніе стоянки ко времени поздней поры палеолитической эпохи.

Палеонтологическія данныя, подтверждая индустріальную дату, къ сожалѣнію, не прибавляютъ къ ней ничего новаго. Изслѣдованіе выяснило, что въ Томскѣ дѣло касается очень кратковременной стоянки, когда группа палеолитическихъ людей, овладѣвъ однимъ животнымъ, оставалась на этомъ мѣстѣ лишь до тѣхъ поръ, пока мясо животнаго не было съѣдено, благодаря чего никакихъ остатковъ другихъ животныхъ въ стоянкѣ не оказалось, а поэтому и невозможно судить, принадлежалъ ли захваченный человѣкомъ томскій мамонтъ къ ранней или поздней порѣ современной ему фауны.

По геологическимъ даннымъ, Томская стоянка ближе всего стоитъ къ Карачаровской стоянкѣ, такъ какъ остатки обѣихъ ихъ залегаютъ внизу лёссовидныхъ глинъ, но болѣе точныхъ указаній времени и отсюда нельзя получить.

Въ общемъ, слѣдуетъ считать вполнѣ установленнымъ то, что стоянка относится къ поздней порѣ палеолитической эпохи, къ порѣ сколотыхъ орудій.

Стоянка близъ Красноярска *). Весьма интересная стоянка открыта И. Т. Савенковымъ у подошвы Афонтовой горы, въ ближайшихъ окрестностяхъ г. Красноярска, расположеннаго на берегу р. Енисея. Поводомъ къ открытію ея послужили ямы, вырытыя для добыванія кирпичной глины. Изслѣдованія показали, что послѣдняя представляетъ изъ себя лёссъ субъаэральнаго, или воздушнаго, происхожденія. Строеніе его пористо и трещиновато; въ разныхъ горизонтахъ лёссоваго отложенія встрѣчаются остатки сухопутныхъ моллюсковъ (Pupa, Helix, Succinea), а также кости вымершихъ четвертичныхъ животныхъ. Количество послѣднихъ достигаетъ огромнаго числа; такъ въ 1892 году ихъ было уже зарегистрировано 1500 нумеровъ. По опредѣленію извѣстнаго палеонтолога Черскаго, эти кости принадлежатъ:

1) мамонту (Elephas primigenius);
2) носорогу (Rhinoceros tichorhinus);
3) быку (Bos primigenius, Bos taurus, var. fossilis).
4) зубру (Bos priscus);
5) лошади (Equus caballus);
6) сѣверному оленю (Cervus tarandus);
7) оленю (Cervus sp.);
8) собакѣ (Canis sp.);

Съ костями этихъ животныхъ и были найдены разныя подѣлки изъ камня и кости, указавшія на присутствіе въ данномъ пунктѣ стоянки палеолитическаго человѣка.

---

*) *Литература:*

1. I. Savenkov. „Sur les restes de l'epoque paléolitique dans les environs de Krasnoïarsk, (Gouv. de Ienisséisk, Sibérie). Congrès international d'archéologie préhistorique et d'anthropologie, t. I, p. 121—130.
2. Его же. „Каменный вѣкъ въ Минусинскомъ краѣ". Матеріалы по археологіи восточныхъ губерній Россіи, вып. II, стр. 204 и 205.
3. Его же. „О палеолитической эпохѣ въ окрестностяхъ г. Красноярска, Енисейской губ." Прилож. къ протокол. Общества врачей Енисейской губ., Красноярскъ, 1892 г.

Геологическія условія залеганія ихъ представляются слѣдующими. Подъ растительнымъ слоемъ залегаетъ слой лёсса съ остатками стоянки; ниже идетъ слой бѣловатой солончаковой глины, а еще ниже — слой ила и слоистаго песка, отложившагося на коренныхъ, повидимому, юрскихъ образованіяхъ. Въ слоистыхъ пескахъ наблюдаются прослои гравія, гальки и эрратическихъ валуновъ.

Кости и разнаго рода подѣлки начинаютъ встрѣчаться въ лёссѣ на глубинѣ приблизительно 2 аршинъ и ниже до глубины $3^1/_2$ аршинъ отъ поверхности почвы. Систематическихъ археологическихъ раскопокъ въ этомъ мѣстѣ не было произведено, и поэтому строгаго отношенія найденныхъ издѣлій къ остаткамъ ископаемыхъ животныхъ не установлено, что сильно ослабляетъ научную цѣнность находки, хотя палеолитическій возрастъ ея представляется весьма вѣроятнымъ, такъ какъ въ пользу этого говорятъ и типы орудій и возрастъ лёсса, датированный богатымъ палеонтологическимъ матеріаломъ.

Каменныя орудія бо́льшею частію сдѣланы изъ обломковъ эрратическихъ валуновъ; всѣ они носятъ характерные признаки сколотой техники, что указываетъ имъ мѣсто въ поздней порѣ палеолитической эпохи. Но форма ихъ очень груба, оббивка несовершенна, размѣры крупны, а это какъ бы указываетъ на раннее время въ поздней порѣ.

Кромѣ каменныхъ орудій въ стоянкѣ найдены кости со слѣдами ихъ обработки. Особенно интересно орудіе изъ бивня мамонта, сдѣланное въ видѣ массивнаго кинжала или рогатины въ 30 см. длины. Другія костяныя орудія имѣютъ видъ широкихъ ножей, иногда снабженныхъ же-

4. Его же. „О памятникахъ, оставленныхъ на р. Енисеѣ человѣкомъ современникомъ мамонта“. Проток. Общаго собр. Варшавск. Общ. Естеств., годъ VII, 1896—1897 г., стр. 7.

5. De-Baye, le baron. „Rapport sur les découvertes faites par M. Savenkov“, Paris, 1894, съ очень хорошими фототипіями предметовъ палеолит. эпохи, найденныхъ Савенковымъ.

лобками. Найдены камни со слѣдами дѣйствія на нихъ огня.

Принадлежатъ ли всѣ описанные предметы къ одной стоянкѣ или къ нѣсколькимъ, связаны ли они съ ископаемыми остатками мамонтовой фауны или нѣтъ, по имѣющимся свѣдѣніямъ трудно составить точное понятіе.

Стоянка въ г. Иркутскѣ *). Остатки стоянки открыты въ 1871 году, при закладкѣ военнаго госпиталя въ г. Иркутскѣ, на одной изъ горъ праваго берега рѣчки Ушаковки, притока р. Ангары. Остатки эти залегали въ лёссѣ, субъаэральнаго происхожденія, что доказывается присутствіемъ въ его слояхъ раковинъ сухопутныхъ моллюсковъ (Helix, Pupa и Succinea) и многочисленными костями ископаемыхъ животныхъ, принадлежавшихъ, по опредѣленію И. Д. Черскаго,

1) мамонту (Elephas primigenius);
2) носорогу (Rhinoceros tichorhinus);
3) сѣверному оленю (Cervus tarandus);
4) широкорогому оленю (Cervus euryceros (?);
5) благородному оленю (Cervus elaphus);
6) козулѣ (Cervus capreolus);
7) первобытному быку (Bos primigenius);
8) бизону (Bos priscus);
9) лошади (Equus caballus) и др.

Найденныя въ Иркутскѣ вещи, состоящія изъ каменныхъ орудій и подѣлокъ изъ костей мамонта и сѣвернаго оленя, залегали въ двухъ горизонтахъ: на глубинѣ 2 и на глубинѣ 3 аршинъ. Изслѣдователи, И. Д. Черскій и А. Л. Чекановскій, повидимому, не могли раздѣлить вещи по горизонтамъ ихъ залеганія, вслѣдствіе чего произошло

---

*) *Литература*:

1. Гр. А. С. Уваровъ. „Каменный періодъ“, т. I, стр. 231—238; т. II, стр. 4 и 5.
2. И. Д. Черскій. „Извѣстія Сибирск. Отд. Имп. Географ. Общ.“ III (1872), № 3, стр. 167—172; V (1874), № 2, стр. 69; № 3—4, стр. 108.

смѣшеніе древнихъ вещей съ позднѣйшими, въ родѣ просверленныхъ оленьихъ зубовъ, цилиндровъ изъ мамонтовыхъ бивней и др. Но если, дѣйствительно, нѣкоторыя изъ этихъ вещей найдены въ лёссѣ на глубинѣ 3 аршинъ отъ поверхности и залегали въ одномъ горизонтѣ съ костями вышепоименованныхъ животныхъ, то онѣ должны относиться къ палеолитической эпохѣ.

Въ данномъ случаѣ, какъ и въ Красноярской стоянкѣ, ясно ощущается недостатокъ строго научныхъ археологическихъ изслѣдованій.

Индія и Сирія. Изъ южныхъ областей Азіи находки поздней поры палеолитической эпохи извѣстны въ Индіи и Сиріи. Индійскія кремневыя орудія имѣютъ форму осколковъ и въ этомъ отношеніи вполнѣ примыкаютъ къ орудіямъ Сибири и Евр. Россіи. Въ Сиріи сколотыя орудія найдены археологомъ Лорте близъ Тира и Шантромъ—въ гротѣ Кизляръ-Серай (между Гереномъ и Дана) и прямо на поверхности почвы на берегу р. Евфрата.

Африка. Въ Африкѣ памятники поздней палеолитической эпохи найдены въ Египтѣ, въ странѣ Сомали и Тунисѣ.

Въ Египтѣ орудія этого времени найдены близъ Ѳивъ, Луксора, въ пустынѣ, на лѣвомъ берегу Нила, и въ аллювіи сѣверовосточной части Эль-Каба, приблизительно въ разстояніи 800 килом. къ югу отъ Каира. Всѣ они носятъ типичный характеръ сколотыхъ орудій.

Въ Тунисѣ позднія палеолитическія орудія встрѣчаются довольно часто. Надальякъ нашелъ ихъ въ окрестностяхъ Габеса, Р. Коллиньонъ—въ окрестностяхъ Гафза и Сиди-Мансуръ. Въ послѣднемъ пунктѣ орудія открыты въ лёссѣ и по формѣ тонкихъ пластинокъ напоминаютъ

---

3. А. Л. Чекановскій. „Извѣстія Сибирск. Отд. Имп. Географ. Общ.“ II (1872), № 5, стр. 37—38.
4. Его же. „Геологическое изслѣдованіе въ Иркутской губ.“ Иркутскъ, 1874, стр. 156.

орудія русскихъ палеолитическихъ стоянокъ, орудія же изъ Габеса ближе всего стоятъ къ палеолитическимъ орудіямъ Италіи изъ долины ла-Вибраты.

На этомъ мы закончимъ обзоръ палеолитическихъ памятниковъ поры сколотыхъ орудій. Остается сказать нѣсколько словъ о самомъ человѣкѣ этой поры.

Человѣкъ поры сколотыхъ орудій. Личность человѣка конца палеолитической эпохи представляется лишь немного яснѣе, чѣмъ въ началѣ ея, такъ какъ находки человѣческихъ остатковъ попрежнему остаются очень рѣдкими. По временамъ появлялись извѣстія объ открытіяхъ такихъ остатковъ, но критика безпощадно удаляла ихъ съ палеолитической арены. Особенно много литературнаго шума вызвали открытія покойниковъ въ Салютре, Бауссе-Руссе, Ориньякѣ, Кро-Маньонѣ, Фюрфозѣ, Брюникелѣ и др.

Салютре. Въ 1868 году въ Салюстрѣ былъ открытъ обширный могильникъ. Покойники лежали на спинѣ, въ вытянутомъ положеніи, но многіе изъ нихъ оказались потревоженными естественными сдвигами почвы и вслѣдствіе этого приняли неправильныя положенія. Подстилкой имъ служила зола, а вмѣсто гроба — каменныя плиты, разставленныя кругомъ ложа. Первоначально могильникъ отнесли къ палеолитической эпохѣ, но въ настоящее время его пріурочиваютъ къ эпохѣ римскаго владычества въ Галліи.

Бауссе-Руссе (Baoussés-Roussés, въ Италіи) представляютъ имя цѣлаго ряда пещеръ, расположенныхъ на Франко-Итальянской границѣ близъ Ментоны и недалеко отъ Ниццы. Въ этихъ пещерахъ найдены остатки палеолитической эпохи и нѣсколько костяковъ умершихъ людей.

Е. Ривьеръ [1]), изслѣдовавшій пещеры, пришелъ къ заключенію, что найденные въ нихъ покойники также от-

---

[1]) E. Rivière. „L'antiquité de l'homme dans les Alpes Maritimes", Paris, 1887.

носятся къ палеолитическому времени; но съ этимъ большинство ученыхъ не согласилось.

Покойники лежали на боку въ скорченномъ положеніи. Кости ихъ покрывались довольно толстымъ слоемъ краснобурой желѣзистой краски и сопровождались украшеніями изъ звѣриныхъ зубовъ, раковинъ и другими вещами. „Принадлежность ихъ къ неолитическому періоду, говоритъ Г. Мортилье, неоспоримо доказывается обломками плоскаго каменнаго кольца и полированнаго топора, принадлежащими Сенъ-Жерменскому музею и найденными во время раскопокъ Ривьера“. И съ этимъ необходимо согласиться, такъ какъ скорченные окрашенные костяки могутъ быть пріурочены только къ самому концу неолитической эпохи и, еще вѣрнѣе, къ началу металлическаго періода; объ отношеніи же ихъ къ палеолитической эпохѣ даже не должно бы быть никакой рѣчи.

Ориньякъ. Городъ Ориньякъ находится въ департаментѣ Верхней Гаронны, у отроговъ Пиренейскихъ горъ. Въ сосѣдствѣ съ городомъ лежитъ небольшой холмъ Фажоль, въ которомъ оказалась естественная пещера, содержавшая обильные палеолитическіе остатки и погребенія по меньшей мѣрѣ семнадцати человѣкъ. Открытіе этой замѣчательной пещеры сдѣлано въ 1852 году простымъ рабочимъ, и остатки погребенныхъ людей были потеряны для науки. Изслѣдованія пещеры, произведенныя знаменитымъ ученымъ своего времени Э. Лартэ (Lartet) [1]), привели къ открытію несомнѣнныхъ слѣдовъ обитанія ея въ палеолитическую эпоху и установили, что при покойникахъ была глиняная посуда. До настоящаго времени не извѣстно ни одного достовѣрнаго случая находки послѣдней среди палеолитическихъ памятниковъ, поэтому необходимо погребенія пріурочить къ болѣе позднему, времени.

Кро-Маньонъ. Совершенно похожими на ориньякскія погребенія оказались и погребенія Кро-Маньона. Послѣд-

---

[1]) Lartet. „Annales des natur. Zoologie“.

нія одинаково съ первыми были совершены въ небольшой пещеркѣ или гротѣ и пришлись на поверхности отложеній палеолитическаго человѣка, обитавшаго въ пещерѣ. При костякахъ найдены ожерелья изъ раковинъ, съ которыхъ не успѣла сойти ихъ натуральная краска, а это указываетъ на сравнительно недавнее время погребеній и во всякомъ случаѣ на полную непричастность ихъ къ палеолитической эпохѣ, что вполнѣ подтверждается и положеніемъ костяковъ сверху слоя, содержавшаго палеолитическіе остатки.

Фюрфозъ (Furfooz). Въ Бельгіи, въ долинѣ р. Лессы, близъ Фюрфоза находится много пещеръ, содержащихъ культурные остатки палеолитическаго времени. Въ одной изъ нихъ, называемой Фронталь (Trou du Frontal), Дюпонъ[1]) нашелъ остатки одиннадцати погребеній. Покойники сопровождались глиняной посудой овальной формы съ ушками для подвѣшиванія ея. Достаточно одного послѣдняго признака, чтобы сдѣлать вполнѣ вѣрное опредѣленіе возраста погребеній, указавъ имъ мѣсто въ самомъ концѣ неолитической эпохи.

По причинамъ, совершенно аналогичнымъ съ приведенными, невозможно приписать палеолитическій возрастъ и другимъ погребеніямъ, найденнымъ во многихъ пещерахъ Зап. Европы, хотя эти пещеры и содержали палеолитическіе памятники. Дѣло въ томъ, что до сихъ поръ не найдено рѣшительно ни одного факта, который бы свидѣтельствовалъ о существованіи ритуальныхъ погребеній въ палеолитическое время. Покойники того времени, повидимому, предоставлялись попрежнему на произволъ судьбы, и остатки ихъ могутъ находиться въ почвѣ такъ же часто или рѣдко, какъ и кости всѣхъ вообще животныхъ, о погребеніи которыхъ никто не заботился. Такія кости чаще всего являются разрозненными и только въ

---

[1]) E. Dupont. „Étude sur l'anologie de l'âge de renne dans les environs de Dinant sur Meuse, 1865—66".

исключительныхъ случаяхъ цѣлыми костяками. Среди послѣднихъ особенно замѣчательнымъ представляется ложерійскій костякъ.

Ложери. Въ 1872 году Массена (Massenat) нашелъ въ Нижнемъ Ложери, средп позднихъ палеолитическихъ отложеній, костякъ человѣка, лежавшій подъ обломками камней, отпавшихъ отъ каменистаго берега. Костякъ покоился на боку, въ сильно скорченномъ положеніи. Части его позвоночнаго столба и таза оказались раздавленными угломъ большой каменной глыбы. Извѣстные французскіе археологи Картальякъ, Лаландъ и Массена, послѣ самаго тщательнаго изученія всѣхъ условій залеганія костяка, пришли къ заключенію, что послѣдній принадлежитъ человѣку, случайно раздавленному упавшимъ обломкомъ скалы. „Въ самомъ дѣлѣ, говорятъ Г. и А. Мортилье, присоединяясь къ мнѣнію названныхъ изслѣдователей, скелетъ лежалъ въ верхней части толстаго культурнаго слоя Мадленской (поздне-палеолитической) эпохи, покрытаго крупными обломками скалы, которые отдѣлились сверху и достигали 5 метровъ въ длину и двухъ метровъ въ ширину и толщину. Всѣ промежутки между ними были также выполнены мадленскими отложеніями, покрывавшими ихъ сверху слоемъ толщиною въ метръ; слой этотъ былъ когда-то еще толще, такъ какъ часть его срыта при устройствѣ овчарни“.

„Позднѣйшее погребеніе не могло имѣть тутъ мѣста, потому что оторванныя глыбы мѣшали бы копанію ямы. Скелетъ несомнѣнно относится къ Мадленской эпохѣ. Эта жертва несчастной случайности была покрыта своими украшеніями—цѣлымъ рядомъ раковинъ, весьма разнообразно разсѣянныхъ по тѣлу“.

Ложерійскій человѣкъ имѣлъ почти средній ростъ (1,64 см.), сильное мускулистое сложеніе, принадлежалъ къ долихоцефальной расѣ съ черепнымъ показателемъ въ 73,19. Его черепъ высокъ; лобная кость хорошо закруглена; надбровныя дуги слабо выражены; нижняя челюсть массивна и сильна; подбородокъ выдается впередъ.

Къ позднепалеолитическому времени относятъ также костяки, найденные среди несомнѣнно палеолитическихъ отложеній въ убѣжищѣ Реймонденъ, въ общинѣ Шанселада (Дордонь), и въ гротѣ Дюрюти (Duruthy) въ Сордѣ (Лунды). Измѣренія череповъ этихъ погребеній довольно точно совпадаютъ съ измѣреніями и формой ложерійскаго черепа.

Въ послѣднее время особенное вниманіе привлекъ на себя негровидный типъ будто бы палеолитическаго человѣка, открытый въ Лигурійскихъ пещерахъ (Италія). Этотъ типъ существовалъ въ неолитическую эпоху въ западной части Франціи, именно въ Бретани, и въ самой Италіи[1]). Нѣкоторые ученые его допускаютъ для древнѣйшихъ временъ въ Европѣ гипотетически; поэтому неудивительно, что открытіе такихъ остатковъ привлекло на себя особенное вниманіе. Въ 1906 году члены Международнаго конгресса допсторической археологіи въ Монако совершили научную экскурсію на мѣсто находки, а выдающіеся изъ нихъ де-Вилльнёвъ, Буль, Верно, Картальякъ и Годри посвятили ей рядъ научныхъ сообщеній. Найденные остатки носятъ всѣ признаки ритуальныхъ погребеній, а поэтому, безъ особенно убѣдительныхъ доказательствъ, не могутъ быть относимы къ палеолитической эпохѣ.

Этимъ исчерпываются свѣдѣнія о человѣкѣ поры сколотыхъ орудій: ихъ немного.

Судя по тому, что представители древнѣйшей европейской неандертальской расы существовали въ неолитическую и даже историческую эпоху, необходимо заключить, что они существовали и въ разсматриваемую пору. Областью распространенія этой расы служила Средняя Европа, въ особенности бассейны р. Рейна, Дуная и Эльбы;

---

[1]) В. И. Модестовъ. „Введеніе въ Римскую Исторію“, ч. I, 29. — „L'Anthropologie“, 1906, №№ 3 и 4. Статья Буля и Верно о пещерныхъ погребеніяхъ Гримальди, близъ Монако.

но, вѣроятно, область эта простиралась и далѣе, такъ какъ представителей ея находятъ даже въ Америкѣ[1]).

На ряду съ неандертальской расой въ Европѣ обитала другая раса ложерійскаго типа, представлявшая какъ бы результатъ прогрессивнаго развитія первой. Представители обѣихъ этихъ расъ были почти въ одинаковой степени долихоцефальными или длинноголовыми, отличались одинаково небольшимъ ростомъ, сильнымъ мускулистымъ сложеніемъ, но очертанія ихъ череповъ сильно отличались другъ отъ друга: у ложерійцевъ они являлись благороднѣе и вполнѣ подходили къ очертаніямъ современныхъ расъ; большія надбровныя дуги хотя и не совсѣмъ исчезли, но стали значительно меньше; лобъ получилъ сильное развитіе, и темя стало болѣе выпуклымъ и высокимъ.

Такимъ образомъ въ концѣ палеолитической эпохи мы видимъ двѣ расы. Ихъ бытъ и, вѣроятно, нравы мало отличались другъ отъ друга, хотя ложерійская раса, несомнѣнно, была сильнѣе, чѣмъ неандертальская, впослѣдствіи стертая съ лица земли.

Образъ жизни. Судя по характеру культурныхъ памятниковъ, образъ жизни человѣка конца палеолитической эпохи былъ охотничій. Г. и А. Мортилье называютъ его кочевымъ („moeurs nomades“), мотивируя это слѣдующими соображеніями: въ концѣ эпохи разница между лѣтней и зимней температурой была очень замѣтна; это служило причиной значительныхъ передвиженій дичи; человѣкъ долженъ былъ слѣдовать за дичью, такъ какъ она составляла его пищу; слѣдовательно и человѣкъ въ продолженіе года не оставался на мѣстѣ, а дѣлалъ значительныя передвиженія. Съ этимъ можно согласиться, но

---

[1]) Г. и А. Мортилье. „Доисторическая жизнь“ (Le préhistorique) стр. 214, со ссылками на Fred Starr. „Summary of the archaeologi of Jowa“, 1895, стр. 64, и I. F. Snyder. „A group of Illinois mounds“, въ „The Archaeologist“. 1895, стр. 109.

это будетъ бытъ, именно, охотничій, а не кочевой, въ понятіе котораго непремѣнно входитъ представленіе о домашнихъ животныхъ, широкомъ скотоводствѣ.

Западно-европейскія стоянки конца палеолитической эпохи свидѣтельствуютъ, что человѣкъ особенно любилъ охотиться за сѣвернымъ оленемъ. Это животное мѣняетъ мѣста своихъ пастбищъ: зимою оно идетъ къ югу, весною, спасаясь отъ жары и докучливыхъ насѣкомыхъ, возвращается на сѣверъ. По мнѣнію Мортилье, и человѣкъ, слѣдуя за оленемъ, ежегодно совершалъ тѣ же рейсы. Для сравненія приведены краснокожіе С. Америки, которые ежегодно совершали переходы въ нѣсколько тысячъ километровъ съ сѣвера на югъ и обратно, слѣдуя за стадами бизоновъ. Въ доказательство того, что подобныя передвиженія совершалъ и человѣкъ конца палеолитической эпохи, указывается, во-первыхъ, на присутствіе во французскихъ стоянкахъ Средиземнаго моря раковинъ спеціально океаническихъ, а въ стоянкахъ океаническихъ—раковинъ спеціально средиземноморскихъ; во-вторыхъ,—на присутствіе въ стоянкахъ копролитовъ гіэнъ и костей, изгрызенныхъ этими звѣрями; гіэны могли посѣщать лишь оставленныя человѣкомъ стоянки; отсюда заключили, что человѣкъ, дѣйствительно, перемѣнялъ свои мѣстожительства и, перемѣняя ихъ, приносилъ на сѣверъ предметы, взятые на югѣ, и на югъ предметы, взятые на сѣверѣ.

Въ Россіи, гдѣ не найдены ни признаки сколько-нибудь обширныхъ охотъ на сѣвернаго оленя, ни присутствіе на стоянкахъ живыхъ гіэнъ, ни находки морскихъ раковинъ, труднѣе составить понятіе объ образѣ жизни, человѣка но и здѣсь онъ не могъ быть какимъ-нибудь другимъ, кромѣ охотничьяго, въ пользу котораго рѣшительно говоритъ многочисленность костей животныхъ, сопровождающихъ каждую стоянку, и это несмотря на то, что, благодаря громадной древности, могли сохраниться лишь кости крупныхъ животныхъ, кости же болѣе мелкихъ изъ нихъ почти всѣ погибли.

Передвигаясь съ одного мѣста на другое, человѣкъ все же любилъ дольше держаться въ болѣе удобныхъ для него пунктахъ. Это доказывается какъ большимъ скопленіемъ кухонныхъ и другихъ отбросовъ, такъ и повторностью посѣщеній такихъ пунктовъ. Яснымъ доказательствомъ послѣдняго служатъ и приращенія культурныхъ слоевъ стоянокъ послѣ посѣщеній ихъ гіэнами и явленія многихъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга пустыми почвами, культурныхъ слоевъ. Первыя — указываютъ на возвращенія послѣ короткихъ, а вторыя — послѣ продолжительныхъ отлучекъ.

Центромъ стоянокъ всегда и повсюду являлся огонь. Съ огнемъ человѣкъ познакомился очень рано. Нѣкоторые ученые допускаютъ возможность знакомства съ нимъ даже для эолитическаго предшественника человѣка, обитавшаго въ третичный періодъ. Въ древнюю пору палеолитической эпохи человѣкъ является уже знакомымъ съ огнемъ, и это знакомство еще болѣе усилилось въ позднюю пору, когда мы видимъ на всѣхъ стоянкахъ слѣды костровъ, иногда достигающихъ огромныхъ размѣровъ.

Искусственный огонь представляетъ величайшее открытіе человѣка, окончательно предрѣшившее его господство надъ всѣми другими животными и обусловившее множество самыхъ выдающихся явленій современной культуры. Какимъ путемъ первобытному человѣку удалось подойти къ такому открытію, сказать трудно. Во всякомъ случаѣ ему нужно было сначала преодолѣть страхъ предъ стихіей огня и затѣмъ выяснить возможность извлеченія этого огня изъ твердыхъ холодныхъ тѣлъ, какъ-то: камня, дерева и др.

Дикія животныя боятся огня. Нужно полагать, что и предокъ человѣка раздѣлялъ съ ними такой страхъ. Поэтому требовались особенно благопріятныя условія, чтобы ближайшее знакомство его съ такой страшной стихіей состоялось. Подобныя условія могли получиться лишь въ областяхъ, богатыхъ естественнымъ огнемъ. Только

въ этихъ областяхъ человѣкъ или его предшественникъ, постоянно вращаясь близъ огня, могъ не только утратить предъ нимъ страхъ, но и выяснить полезныя его свойства и затѣмъ воспользоваться ими. Такими областями, скорѣе всего, являлись вулканическія. Извѣстно, что подъ остывшей корой лавы огонь тлѣетъ по нѣсколько лѣтъ. Добыть такой огонь не трудно. О пользованіи же имъ у нѣкоторыхъ народовъ сохранились преданія. Такъ новозеландцы и австралійцы вспоминаютъ до настоящаго времени, что предки ихъ ѣздили за огнемъ на сосѣдніе вулканическіе острова.

Кромѣ вулкановъ, источниками естественнаго огня служатъ грозы, самовоспламеняющіеся газы, лѣсные пожары, возникающіе отъ тренія сухихъ сучьевъ и др.; но эти источники слишкомъ случайны и рѣдки, чтобы возбудить желаніе у первобытнаго человѣка воспользоваться ими и удовлетворять запросамъ такого желанія впослѣдствіи.

Вѣроятно гораздо позже человѣкъ овладѣлъ искусствомъ извлекать огонь изъ камня и дерева. Обоимъ способамъ онъ могъ научиться во время изготовленія необходимыхъ каменныхъ орудій и деревянныхъ подѣлокъ. При ударахъ двухъ кремней другъ о друга получаются искры огня. Стоило перенять эти искры на горючія вещества, въ родѣ сухой травы или мха, и огонь воспламенялся. Его можно было воспламенить и треніемъ одного куска дерева о другой. Съ обоими способами человѣкъ имѣлъ возможность познакомиться уже въ глубокой древности. Судя по широкой распространенности огня въ позднюю пору палеолитической эпохи, слѣдуетъ полагать, что человѣкъ этого времени былъ знакомъ съ искусственнымъ огнемъ.

Возникаетъ вопросъ, для чего и какъ пользовался этимъ огнемъ палеолитическій человѣкъ?

Для современныхъ цивилизованныхъ людей огонь является предметомъ первой необходимости: онъ требуется

и для согрѣванія тѣла въ зимнія стужи, и для приготовленія пищи, и для промышленныхъ цѣлей. Далеко не столь распространенную роль огонь играетъ въ жизни дикихъ людей. Племена, населяющія тропическія страны, не имѣютъ надобности ограждать себя огнемъ отъ холода. Рѣдко грѣются и огнеземельцы, которые, подобно животнымъ, почти безъ всякой одежды переносятъ всѣ невзгоды своего сурового климата [1]). Туземцы сѣверозападнаго угла С. Америки, нѣкогда принадлежавшіе Россіи, въ лѣтнихъ жилищахъ совсѣмъ не разводятъ огня и зимою въ хорошую погоду, то-есть при безвѣтріи и морозѣ до 20° R, спятъ мертвымъ сномъ на открытомъ воздухѣ, хотя на обнаженной ихъ спинѣ образуется слой инея въ полпальца толщиною [2]). Такую нечувствительность къ холоду выказываютъ и нѣкоторые изъ инородцевъ полярныхъ странъ Сибири. Возможно, что такъ же мало чувствительными къ холоду были и палеолитическіе люди.

Приготовленіе пищи на огнѣ для первобытныхъ людей точно такъ же не является обязательнымъ: многіе современные дикари незнакомы съ кухней. Пешересы при Валлисѣ уничтожали только-что пойманныхъ рыбъ совершенно сырыми. Они также съѣдали гніющіе трупы китовъ, тюленей и др. животныхъ, выброшенныхъ океаномъ.

Подобнымъ образомъ поступаютъ и сѣверные дикари. Россъ видѣлъ пировавшихъ эскимосовъ, которые съ большимъ аппетитомъ ѣли сырое мясо мускуснаго быка, лося и др. животныхъ, приправляя все это тюленьимъ жиромъ. Эскимосы, обитающіе между Беринговымъ проливомъ и проливомъ Коцебу, поймавъ тюленя, разрѣзаютъ ему животъ, по очереди всовываютъ туда свою голову и высасываютъ кровь животнаго, мясо котораго затѣмъ разрѣзается на куски и съ жадностью пожирается.

Еще съ бо́льшею дикостью утоляютъ свой голодъ на-

---

[1]) Ш. Летурно. „Соціологія“, в. I, стр. 36.

[2]) Л. Загоскинъ. „Путешествіе по русской Америкѣ“, стр. 83.

роды тропическихъ странъ. Брюсъ (Bruce) наблюдалъ, какъ дикари Абиссиніи ѣли куски мяса, отрѣзая ихъ у живого, отчаянно ревѣвшаго быка. Бушмены набрасываются на трупъ убитаго гиппопотама, вскрываютъ его животъ и пожираютъ внутренности подобно собакамъ. Точно такъ же поступаютъ нѣкоторые представители готтентотовъ и гриквасовъ [1]).

Пользованіе огнемъ съ кулинарными цѣлями развивалось очень медленно. Въ зачаточномъ состояніи его можно было наблюдать у тасманійцевъ, которые не знали никакихъ сосудовъ, кромѣ широкихъ свернутыхъ и сшитыхъ листьевъ, не имѣли понятія о кипяченіи воды, но ѣли мясо поджареннымъ, а рыбу, яйца и раковины испеченными въ горячей золѣ. Такъ же дѣлаютъ папуасы Новой Гвинеи, которые, убивъ животное, съ кожей бросаютъ его на горячіе уголья, немного поджариваютъ и ѣдятъ.

Весьма вѣроятно, что такъ поступали и палеолитическіе люди, не знавшіе никакой огнеупорной посуды и не имѣвшіе никакихъ болѣе совершенныхъ очаговъ, кромѣ простыхъ костровъ. Впрочемъ только присутствіе въ этихъ послѣднихъ обугленныхъ костей животныхъ говоритъ въ пользу знакомства палеолитическихъ людей съ зачатками кулинарнаго искусства, но едва ли это искусство было обязательнымъ для нихъ во всѣхъ случаяхъ.

Огонь для первобытныхъ людей нерѣдко служитъ хорошимъ оружіемъ борьбы съ дикими животными и звѣрями. Австралійцы поддерживаютъ огонь въ теченіе всей ночи, чтобы отогнать гадовъ и опасныхъ животныхъ. Дикари острова Борнео устраиваютъ ночлегъ подъ нависшими вѣтвями большого дерева, вокругъ котораго разводятъ огонь для предохраненія отъ змѣй и дикихъ звѣрей. Такъ могъ поступать и, вѣроятно, поступалъ палеолитическій человѣкъ, которому пришлось жить при еще большихъ опасностяхъ.

---

[1]) Ш. Летурно. „Соціологія“, в. I, стр. 37 и 38.

При оцѣнкѣ послѣднихъ необходимо имѣть въ виду, что въ палеолитическую эпоху представители животнаго царства достигли апогея своей силы. Достаточно указать, что въ это время конкурировали съ человѣкомъ махайродусы, самые крупные изъ семейства кошекъ, вооруженные клыками, по формѣ и величинѣ напоминающими современные кинжалы. Пещерные львы, медвѣди, гіэны бродили повсюду въ обитаемыхъ областяхъ Европы, и человѣку пришлось бороться съ ними за свое существованіе, и побѣдой надъ этими сильными врагами онъ едва ли не обязанъ болѣе всего огню. Только этимъ оружіемъ онъ могъ изгнать изъ пещеръ столь сильныхъ звѣрей и, поселившись въ пещерахъ, могъ защитить ихъ отъ нападеній послѣднихъ. Представляется наиболѣе правдоподобнымъ, что къ первому знакомству съ огнемъ побуждало человѣка, именно, желаніе найти въ немъ защиту противъ враждебныхъ представителей животнаго царства. Но какъ бы то ни было, овладѣвъ этой грозной стихіей, человѣкъ не разставался съ нею и по мѣрѣ возможности эксплуатировалъ ея силу и мало-по-малу сдѣлалъ центромъ семейной и общественной жизни. При свѣтѣ и теплѣ огня онъ быстро развивался и сталъ неизмѣримо выше всѣхъ представителей животнаго царства. Результатомъ развитія явилось стремленіе къ комфорту, искусству и др. явленіямъ матеріальной и духовной культуры.

Человѣкъ конца палеолитической эпохи уже былъ занятъ нарядами. Въ Нижнемъ Ложери его остатки оказались покрытыми множествомъ раковинъ, служившихъ украшеніями. Подобныя украшенія бывали находимы и въ пещерахъ, служившихъ жилищами того времени. Полагаютъ даже, что онъ умѣлъ себя раскрашивать красками, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые изъ современныхъ дикарей.

Столь необходимая для цивилизованныхъ людей одежда не составляетъ первой необходимости для первобытнаго человѣка. Многіе изъ современныхъ дикихъ наро-

довъ совершенно чуждаются ея, другіе же по мѣрѣ возможности избѣгаютъ. Индѣйцы Ориноко ношеніе одежды считаютъ даже неприличнымъ. Эскимосы одѣваются въ свои мѣховыя одежды подъ открытымъ небомъ и раздѣваются совсѣмъ въ своихъ хижинахъ. Тацитъ засталъ германцевъ ходившими дома безъ одежды и надѣвавшими звѣриныя шкуры только при выходѣ наружу. Точно такъ же поступали и европейцы конца палеолитической эпохи. На всѣхъ изображеніяхъ, которыя дошли до насъ отъ того времени, люди представлены голыми; слѣдовательно, обычай ходить безъ одежды въ то время являлся широко распространеннымъ. Только найденные на мѣстахъ стоянокъ кремневые скребки и костяныя иглы указываютъ на знакомство съ одеждой. Такой одеждой могли служить шкуры звѣрей, сшитыя посредствомъ жилъ животныхъ, но онѣ носились, повидимому, не часто и, вѣрнѣе всего, лишь для защиты отъ зимней стужи.

Жилищами палеолитическаго человѣка служили естественныя пещеры, нависшія скалы, крутые берега и, весьма вѣроятно, болѣе мелкія сооруженія въ видѣ примитивныхъ шалашей, возводимыхъ то на деревьяхъ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые жители Африки, Ю. Индостана[1]), Новой Гвинеи[2]) и Америки[3]), то на поверхности почвы, какъ это обычно дѣлается повсюду, не исключая и самыхъ цивилизованныхъ народовъ.

Въ пещерахъ и убѣжищахъ подъ скалами человѣкъ спасался отъ стужи и жара, въ легкихъ же постройкахъ онъ проводилъ время, находясь въ болѣе благопріятныхъ

---

[1]) Ш. Летурно. „Соціологія“, в. III, стр. 160.

[2]) Д-ръ Генр. Шурцъ. „Исторія первобытной культуры“. Домъ на деревѣ въ Кояри, въ Британской юго-западной Новой Гвинеѣ.

[3]) Элизе Реклю. „Человѣкъ и земля“. 1908 г., кн. I, стр. 99 и 100. Прекрасныя иллюстраціи жилищъ на деревьяхъ селенія Кимре, близъ оз. Чадъ, во внутренней Африкѣ, даетъ „Нива“ по рис. Пряшникова, составленнымъ для иллюстраціи путешествія Нахтигаля.

климатическихъ условіяхъ, когда ему не было страшно оставаться и безъ всякаго крова.

Къ концу эпохи человѣкъ начинаетъ украшать стѣны пещеръ разнаго рода изображеніями животныхъ, иногда расписывая ихъ красками. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ также расписываетъ красками и камни, служившіе ему для какихъ-то загадочныхъ цѣлей [1]). Все это свидѣтельствуетъ о стремленіи человѣка къ комфорту и нѣкоторому изяществу домашней обстановки. Но въ общемъ эта обстановка оставалась всё же вполнѣ дикою. Аналогію ей мы можемъ указать только въ бытѣ бушменовъ и австралійцевъ, которые, находясь на одной изъ самыхъ низкихъ ступеней развитія, также обитаютъ въ пещерахъ и украшаютъ стѣны ихъ разнаго рода рисунками, иногда поразительно схожими съ рисунками пещеръ палеолитическаго человѣка [2]).

Глиняная посуда совершенно отсутствуетъ. Извѣстно нѣсколько случаевъ находокъ обломковъ глиняной посуды въ пещерахъ, обитаемыхъ въ палеолитическую эпоху, но всѣ они, при повѣркѣ, оказывались случайными и принадлежащими къ болѣе позднимъ эпохамъ. Была ли деревянная посуда, отвѣтить трудно: она могла быть, но отъ времени исчезнуть безъ остатка. Потребность въ какой-нибудь посудѣ несомнѣнно существовала. Это видно изъ приспособленія для такой цѣли роговъ, череповъ и вертлюжныхъ впадинъ животныхъ, съ какими мы познакомились въ стоянкахъ Таубахской, Шуссеинской и Костенковской.

Въ пищу человѣка шло, повидимому, всё съѣдобное. Хотя въ изслѣдованныхъ стоянкахъ еще не найдены остатки растительной пищи, тѣмъ не менѣе существова-

---

[1]) Ed. Piette. „Les galets coloriés du Mas d'Azil".

[2]) А. Желизко. „О настѣнныхъ изображеніяхъ и рисункахъ въ пещерахъ палеолитическаго человѣка по новѣйшимъ изслѣдованіямъ". Извѣстія Таврич. Арх. Ком. № 40, 1907 г., стр. 49—52.

ніе ея не подлежитъ никакому сомнѣнію, и это потому, что человѣкъ искони является всеяднымъ существомъ. Въ составъ его растительной пищи должны входить плоды деревьевъ, корневые клубни и зерна растеній, которые разнообразятъ пищу и современныхъ дикихъ народовъ.

О мясной пищѣ имѣются также далеко не полныя свѣдѣнія. Среди кухонныхъ отбросовъ кости мелкихъ животныхъ почти совершенно отсутствуютъ; очевидно, большинство ихъ погибло безъ остатка. Сохранившіяся кости, обыкновенно, принадлежатъ слонамъ, носорогамъ, дикимъ быкамъ, лошадямъ, а въ концѣ эпохи — сѣвернымъ оленямъ, изобиловавшимъ въ среднихъ и сѣверныхъ областяхъ Зап. Европы.

Главнымъ промысломъ служила охота за животными, которыхъ палеолитическій человѣкъ убивалъ своими каменными орудіями, ловилъ ямами и другими западнями. Допускаютъ, что въ самомъ концѣ эпохи ему стало знакомо и рыболовство, но ни скотоводство, ни земледѣліе ему не были извѣстны.

Въ отношеніи духовнаго развитія человѣкъ конца палеолитической эпохи стоялъ гораздо выше своего предшественника и болѣе походилъ на современныхъ дикарей, чѣмъ на перваго. Особенно выгодно выдѣляютъ его изящныя искусства въ видѣ начатковъ рѣзьбы, гравированія, скульптуры и живописи. Матеріаломъ для такихъ художественныхъ упражненій человѣку служили кость, камень и, весьма вѣроятно, дерево, отъ котораго могло не сохраниться и, повидимому, дѣйствительно не сохранилось никакихъ остатковъ.

Изящныя искусства пользовались довольно широкимъ распространеніемъ. Мы ихъ находимъ въ разныхъ областяхъ Европы: Франціи, Бельгіи, Англіи, Германіи, Швейцаріи, Австріи и Россіи. Въ другихъ частяхъ свѣта образцы ихъ хотя и не найдены, но слѣдуетъ ожидать, что, съ развитіемъ поисковъ, самые древніе образцы искусствъ окажутся въ областяхъ, прилегающихъ къ восточному

побережью Средиземнаго моря: Малой Азіи, Месопотаміи и Египтѣ, гдѣ уже на зарѣ металлическаго періода искусства достигали могучаго расцвѣта и являлись безконкурентными центрами ихъ почти до нашихъ дней.

Первое явленіе изящныхъ искусствъ въ Европѣ относится ко второй болѣе поздней половинѣ поры сколотыхъ орудій. Наиболѣе примитивнымъ представителемъ ихъ является рѣзной геометрическій орнаментъ. Толчкомъ къ первому появленію такого орнамента могли послужить тѣ нарѣзы и зарубы, которые сопровождаютъ кости и непремѣнно сопровождали дерево, подвергшіяся той или другой обработкѣ ихъ рукою человѣка. Стоило дополнить случайно сдѣланные нарѣзы другими, нанесенными для симметріи или гармоніи съ первыми, и начало геометрическаго орнамента являлось осуществленнымъ. И, дѣйствительно, самымъ примитивнымъ элементомъ орнамента всюду являются простые нарѣзы. Позже возникъ элементъ полулунной формы, служившій развитіемъ перваго элемента. Комбинируя и группируя ихъ, человѣкъ создавалъ всё болѣе и болѣе сложные мотивы узоровъ и, наконецъ, перешелъ къ воспроизведенію формъ видимыхъ предметовъ. Въ первомъ случаѣ заслуживаютъ вниманія: 1) нарѣзы, расположенные то прямыми, то косыми рядами; это—первая стадія развитія геометрическаго орнамента; затѣмъ 2) нарѣзы, расположенные въ видѣ зигзаговъ, крестовъ, четырехугольниковъ, лѣсенокъ, волнообразныхъ линій и др. Для особенной красоты, прямыя и волнообразныя линіи нарѣзовъ снабжались мелкими зубчиками, придававшими законченность узору.

Изъ рисунковъ съ изображеніемъ натуры особенно заслуживаетъ вниманія найденный въ Кирилловской стоянкѣ, въ Кіевѣ. Общій характеръ этого рисунка скорѣе орнаментальный. Въ составъ его введены какъ всѣ основные элементы палеолитическаго орнамента, такъ и всѣ наиболѣе характерныя комбинаціи ихъ; но на ряду съ ними имѣются и фигуры, напоминающія голову птицы и черепаху. Объ

фигуры такъ неясны и невыразительны, что одни изслѣдователи признаютъ ихъ за изображенія названныхъ существъ, другіе же не признаютъ и видятъ въ нихъ варіанты обыкновеннаго геометрическаго орнамента [1]). Во всякомъ случаѣ важно то, что въ данномъ рисункѣ мы имѣемъ образцы техники, вполнѣ соотвѣтствующей первымъ запросамъ изобразительнаго искусства. Таковы разнообразно изогнутыя линіи, ясно выраженные углы и законченные кружки, столь необходимые для изображенія глаза. Въ виду всѣхъ отмѣченныхъ особенностей описываемый кирилловскій рисунокъ занимаетъ самое первое мѣсто среди всѣхъ доселѣ открытыхъ палеолитическихъ образцовъ изобразительнаго искусства.

Далѣе слѣдуютъ цѣлые ряды произведеній, по которымъ легко слѣдить, какъ палеолитическіе мастера все болѣе и болѣе овладѣвали и правильностью глазомѣра, и вѣрностью направленія рѣзца.

Для перваго ознакомленія съ произведеніями этого рода, мы упомянемъ наиболѣе популярныя изъ нихъ, каковы: 1) обломокъ кости, изъ грота Шафо (Франція), съ изображеніемъ двухъ оленей 2) начальническій жезлъ изъ рога сѣвернаго оленя, изъ пещеры Мадленъ, съ изображеніемъ ряда лошадей; 3) обломокъ рога сѣвернаго оленя, изъ Нижн. Ложери, съ головкою козла; 4) обломокъ пластинки изъ мамонтовой кости, изъ пещеры Мадленъ, съ изображеніемъ мамонта; 5) обломокъ кости съ изображеніемъ цѣлой сцены, на которой представленъ человѣкъ, двѣ конскихъ головы, нѣчто, напоминающее дерево, и ряды штриховъ; обломокъ найденъ въ пещерахъ Дордони (Франція); 6) стѣнныя изображенія животныхъ, изъ которыхъ особенно славятся рисунки изъ грота Mas d'Asil.

Многіе изъ этихъ рисунковъ отличаются такимъ высокимъ художествомъ, что невольно возбуждаютъ сомнѣ-

---

[1]) Ф. К. Волковъ. „Искусство мадленской эпохи въ Украйнѣ". Археолог. Лѣтоп. Ю. Россіи, 1903 г., № 1, стр. 19.

ніе въ принадлежности ихъ къ столь древнему времени. Но это сомнѣніе разсѣевается сравненіемъ палеолитическихъ художествъ съ современными художествами первобытныхъ народовъ. Оказывается, что подобныя произведенія создаются художниками самыхъ низшихъ дикарей. Такъ мы ихъ находимъ у готтентотовъ, австралійцевъ, эскимосовъ и др., а это заставляетъ признать вмѣстѣ съ Л. Нидерле, что „художественное воспроизведеніе формъ, особенно животныхъ, является какъ бы врожденною способностью дикаря, живущаго въ болѣе тѣсномъ и постоянномъ общеніи съ окружающею его природой“ [1]).

Большинство французскихъ археологовъ склонно полагать, что въ ихъ странѣ скульптура возникла ранѣе, чѣмъ рѣзьба или гравюра. По ихъ мнѣнію, отъ скульптурныхъ изображеній сначала произошли барельефныя, а затѣмъ уже и гравюрныя. Но такой ходъ эволюціи представляется маловѣроятнымъ и противорѣчитъ фактамъ. Во всѣхъ странахъ, гдѣ образцы этихъ искусствъ были найдены, гравюрныя изображенія представляются наболѣе древними, скульптурныя же наиболѣе поздними и, обыкновенно, принадлежащими къ культурамъ неолитической и бронзовой эпохъ. Во Франціи первое явленіе скульптурныхъ произведеній относится къ салютрейской эпохѣ. Мы уже замѣтили, что эта эпоха причисляется къ отдѣлу палеолита совершенно ошибочно. Перенеся же её, ради исправленія ошибки, въ соотвѣтствующій отдѣлъ неолита, мы заполнимъ тотъ пробѣлъ (hiatus), который, вслѣдствіе неправильности классификаціи, образовался въ шкалѣ развитія всей вообще индустріи первобытной Франціи, и уничтожимъ неправильный взглядъ на исторію развитія изучаемыхъ искусствъ.

Во всякомъ случаѣ необходимо признать, что рѣзной орнаментъ на твердыхъ матеріалахъ, въ видѣ дерева, камня и кости, предшествуетъ рѣзнымъ и гравюрнымъ

---

[1]) Л. Нидерле. „Человѣчество въ доисторическія времена“, стр. 66.

изображеніямъ, а эти послѣднія предшествуютъ барельефамъ и скульптурѣ. Возможно, что оба послѣдніе вида искусства получили свое начало въ палеолитической эпохѣ, но никакъ не ранѣе самаго конца ея. Къ памятникамъ этого времени можно отнести знаменитую рукоятку костяного кинжала, представляющую бѣгущаго оленя; обломокъ статуэтки женщины и др.

Полагаютъ, что человѣкъ конца палеолитической эпохи успѣлъ познакомиться съ употребленіемъ красокъ. Такъ, въ пещерахъ, обитаемыхъ въ это время, удалось найти расписанные красками камни и нѣкоторыя фигуры стѣнныхъ изображеній животныхъ и т. п. Многіе, однако, относятся скептически къ древности этихъ памятниковъ.

Въ общемъ, всё приведенное относительно искусства, несмотря на весьма ощутительные пробѣлы, приводитъ къ положительному заключенію, что человѣкъ къ концу палеолитической эпохи зналъ геометрическій орнаментъ и умѣлъ изображать многіе предметы изъ окружающей его природы.

Въ заключеніе намъ остается сказать нѣсколько словъ о языкѣ, религіи и нравственности этого человѣка.

Антропоморфные приматы, не обладающіе даромъ слова, отличаются отъ человѣка (Homo sapiens) отсутствіемъ или слабымъ развитіемъ подбородка и подбородочной кости (spina mentalis interna), находящейся на внутренней поверхности подбородка, къ которому прикрѣпляются мускулы, управляющіе движеніемъ языка. Челюсти нолетскаго типа, приписываемыя Homo primigenius, имѣютъ также очень слабо развитыми оба указанныхъ признака; поэтому естественно полагать, что древнѣйшій палеолитическій человѣкъ или совсѣмъ не обладалъ даромъ слова или обладалъ имъ въ меньшей степени, чѣмъ обладаетъ современный человѣкъ. Напротивъ, человѣкъ конца палеолитической эпохи обладалъ подбородкомъ, совершенно схожимъ съ современными, а поэтому отказать ему въ дарѣ слова не имѣется никакого основанія.

Относительно религіи слѣдуетъ замѣтить, что, среди всѣхъ доселѣ найденныхъ памятниковъ палеолитической эпохи, не найдено ни одного, который такъ или иначе могъ бы свидѣтельствовать о существованіи ея у человѣка того времени. Не найдено также и признаковъ уваженія къ покойникамъ, для которыхъ еще не было выработано погребеніе, и трупы бросались какъ и всякій ненужный предметъ. Отсюда по необходимости приходится заключить объ отсутствіи у палеолитическаго человѣка вѣры въ существованіе души и въ карающихъ или милующихъ боговъ, а это почти равносильно полному отсутствію религіозныхъ чувствъ и представленій.

Главной оцѣнкой нравственности дикарей обыкновенно выставляютъ антропофагію, или людоѣдство. Дикіе народы часто лакомятся мясомъ своихъ собратьевъ; поэтому естественно предполагать, что и древнѣйшій человѣкъ, стоявшій культурно гораздо ниже многихъ современныхъ людоѣдовъ, также былъ не чуждъ такихъ пороковъ. Однако это, повидимому, обстояло иначе. Извѣстно, что изъ числа всѣхъ разнообразнѣйшихъ видовъ обезьянъ ни одинъ не уличенъ въ порокѣ самоѣдства; поэтому необходимо заключить, что и человѣкъ первоначально не былъ людоѣдомъ, или самоѣдомъ, но сталъ имъ уже гораздо позже, когда, благодаря своему культурному развитію, счелъ себя выше всѣхъ представителей не только животныхъ, но и чуждыхъ ему по племенной и расовой крови людей. Весьма вѣроятно, что первоначально человѣкъ рѣшился ѣсть обезьянъ, считая ихъ за неравныхъ себѣ животныхъ, а затѣмъ и людей, чуждыхъ или враждебныхъ племенъ, которые такъ же легко могли казаться ему неравными и даже не людьми, какъ казались средневѣковымъ христіанамъ индѣйцы Америки и современнымъ англійскимъ буржуа тасманійцы. Но до такой человѣконенавистнической гордости едва ли могъ дойти палеолитическій человѣкъ, и его скорѣе можно сблизить съ тѣми благодушными эскимосами, которые, какъ имъ ни объяс-

нялп, никакъ не могли понять, зачѣмъ убпваютъ люди другъ друга и зачѣмъ существуютъ между ними убійственныя войны.

Нѣкоторые ученые въ доказательство существованія у палеолитическаго человѣка антропофагіи указываютъ на примѣры нахожденія въ его стоянкахъ расколотыхъ человѣческихъ костей, но такіе примѣры (кстати сказать, очень рѣдкіе) легче объяснить, какъ это дѣлаютъ Г. и А. Мортилье, простою случайностью, нежели употребленіемъ въ пищу человѣческаго мяса.

Нашъ обзоръ палеолитическихъ древностей оконченъ. Мы познакомились съ тѣмъ зерномъ, изъ котораго выросло и пышно расцвѣло огромное дерево современной культуры. Мы взглянули на тотъ первообразъ человѣка, отъ котораго произошло и происходитъ столько мудрыхъ, нравственныхъ и физически прекрасныхъ потомковъ. Ядромъ культуры послужилъ кусокъ остроребернаго камня и кусокъ дерева, воспламененнаго отъ естественнаго огня, а нашимъ первообразомъ явилось такое существо, въ которомъ съ трудомъ узнается человѣкъ. Мы видѣли, какъ этотъ человѣкъ, вооруженный камнемъ и огнемъ, вступилъ въ борьбу со всѣми невзгодами природы и преодолѣлъ ихъ. Онъ вынесъ холодъ и вьюги ледниковаго періода и выдержалъ кровопролитную борьбу изъ-за обладанія теплымъ пріютомъ въ естественныхъ пещерахъ съ самыми свирѣпыми и самыми сильными звѣрями, какими являлись пещерные львы, медвѣди, гіэны и ужаснѣйшіе махайродусы. Предъ нимъ прошли, смѣняя другъ друга, разнообразные легіоны слоновъ, носороговъ, быковъ, оленей и тысячи другихъ животныхъ, время которыхъ невозвратно миновало. Со всѣми ими человѣку пришлось считаться: это были его стада, но стада буйныя, неукротимыя; это были его богатства, но богатства не легко извлекаемыя изъ хранилищъ. Для пользованія всѣмъ этимъ добромъ,

требовались огромныя физическія силы и такіе же огромные сообразительность и умъ. И человѣкъ настолько добросовѣстно трудился надъ пріобрѣтеніемъ этихъ качествъ, что къ концу палеолитической эпохи явился, по крайней мѣрѣ въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, совершенно преображеннымъ. Его головной мозгъ сильно увеличился въ объемѣ и заставилъ раздаться и округлиться черепъ, придавъ головѣ и лицу благородныя чисто человѣческія очертанія. Произведенія его рукъ умножились, получили разнообразіе и законченность формъ. Отъ Сены до Днѣпра почти по всей Европѣ, а вѣроятно, и далѣе люди отдаютъ минуты своего досуга упражненіямъ въ изящныхъ искусствахъ, и что интереснѣе всего, это— культурная связь между отдаленнѣйшими углами, благодаря которой одни и тѣ же мотивы узора, пріемы техники являются какъ бы общими для всѣхъ странъ и народовъ Европы. Мало того, и во всемъ бытѣ замѣтно удивительное равновѣсіе, выразившееся не только въ одинаковомъ образѣ жизни одинаковыхъ деталяхъ каменныхъ и костяныхъ издѣлій, но даже въ такихъ подробностяхъ, какъ пользованіе вертлюжными впадинами мамонтовыхъ костей, употреблявшихся одинаково и въ Германіи и въ Россіи въ качествѣ сосудовъ.

Неолитическая эпоха.

Смѣна палеолитической эпохи новою неолитическою эпохою совершалась медленно и постепенно. Человѣкъ, переживавшій это переходное время, навѣрно, не замѣчалъ никакой перемѣны. Между тѣмъ для насъ, наблюдающихъ совершившіяся событія издали, эта перемѣна рисуется настолько ясно, что кажется рѣзкимъ переломомъ.

Такое впечатлѣніе естественно обусловливается, во-первыхъ, тѣмъ, что переходное время было сравнительно коротко, вслѣдствіе чего оно не успѣло такъ полно и

ясно обозначиться остатками культуры, фауны и флоры, какъ обозначились ими предшествующая палеолитическая и послѣдующая неолитическая эпохи; во-вторыхъ, тѣмъ, что легко пріурочить одни изъ остатковъ этого переходнаго времени къ болѣе ранней, другіе—къ болѣе поздней эпохамъ, что способствуетъ образованію въ дѣйствительности несуществующаго пробѣла; и, наконецъ, въ-третьихъ, тѣмъ, что, благодаря малочисленности, остатки этого времени рѣже встрѣчаются изслѣдователю, и это еще болѣе увеличиваетъ искусственно созданный пробѣлъ въ исторіи культурныхъ смѣнъ каменнаго періода.

Въ виду всего этого у нѣкоторыхъ археологовъ возникла мысль, что между культурами палеолитической и неолитической эпохъ въ Европѣ существовалъ промежутокъ времени, въ теченіе котораго она оставалась почти необитаемой, и что поэтому между названными культурами не существуетъ никакой преемственной связи, а имѣется дѣйствительный пробѣлъ — „hiatus“. Объясняя послѣднее явленіе, Г. Мортилье высказалъ мысль, что палеолитическое населеніе Европы, живя исключительно охотой на мамонта, носорога, а затѣмъ на сѣвернаго оленя, переселилось на сѣверъ въ слѣдъ за удалявшимися туда поименованными животными, гдѣ одни изъ послѣднихъ пали, а другія еще живутъ и до настоящаго времени.

Бойдъ-Даукинсъ, развивая приведенныя мысли далѣе, приходитъ къ положительному заключенію, что прямыми потомками дилювіальнаго европейскаго человѣка являются современные обитатели арктическихъ странъ сѣвернаго полушарія, занимающіе области вѣчной мерзлоты, снѣговъ и глетчеровъ и до сихъ поръ удержавшіе образъ жизни, во многомъ схожій съ образомъ жизни дилювіальнаго европейскаго человѣка.

Благодаря переселенію всего палеолитическаго населенія въ арктическія страны, Европа болѣе умѣреннаго и теплаго пояса оставалась будто бы нѣкоторое время совсѣмъ безъ обитателей, пока запустѣвшими областями ея

не овладѣлъ новый народъ, принесшій съ собою совершенно оригинальную неолитическую культуру.

Въ доказательство существованія перерыва жизни обитателя Европы указываютъ цѣлый рядъ пещеръ, въ которыхъ, между культурными слоями палеолитической и неолитической эпохи, залегаетъ слой, не содержащій никакихъ культурныхъ остатковъ. Толщина этого слоя иногда достигаетъ значительной мощности и свидѣтельствуетъ о довольно большомъ промежуткѣ времени, отдѣляющемъ культуры обѣихъ эпохъ. По вычисленію Арслена (Arcelin) этотъ промежутокъ времени во Франціи, на берегахъ р. Сены, равнялся 3—4 тысячамъ лѣтъ.

Однако съ подобными заключеніями далеко не всѣ соглашаются, и въ послѣднее время ясно выразилось общее движеніе противъ допуска какого бы то ни было „hiatus“, сопровождаемое представленіемъ всё бо́льшаго и бо́льшаго числа доказательствъ въ пользу непрерывнаго и послѣдовательнаго перехода палеолитической культуры въ неолитическую.

Однимъ изъ первыхъ защитниковъ послѣдняго мнѣнія выступилъ гр. А. С. Уваровъ.

„Относительно различныхъ этихъ мнѣній, говоритъ онъ, мнѣ кажется, что при внимательномъ изученіи находокъ, сдѣланныхъ въ Азіатской и Европейской Россіи, можно прослѣдить переходъ культурнаго развитія палеолитической эпохи къ усовершенствованіямъ, появляющимся въ неолитическую эпоху. Безъ всякихъ рѣзкихъ переломовъ, одна эпоха слѣдуетъ постепенно за другой. Сперва преобладаютъ еще отличительные памятники палеолитической эпохи; но окружающая ихъ среда начинаетъ понемногу измѣняться. Главные представители мамонтовой фауны вымираютъ, и остающіяся млекопитающія животныя одни уже служатъ для пищи человѣка“ [1]).

---

[1]) Гр. А. С. Уваровъ. „Каменный періодъ“, т. I, стр. 252.

Еще ярче ту же мысль проводитъ Л. Нидерле. „Мы полагаемъ, говоритъ онъ, что никакого hiatus'a, т.-е. перерыва, въ культурѣ, въ теченіе каменнаго вѣка, не было. Что это такъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ рядъ находокъ, въ которыхъ слой, заключающій предметы четвертичной эпохи, переходитъ непосредственно въ культурный неолитическій слой. Г. де-Мортилье самъ указалъ на нѣсколько такихъ случаевъ, а въ послѣднее время описанъ былъ цѣлый рядъ ихъ, какъ напр. находки въ пещерахъ „Duruthy", въ Sordes, въ Nermont'ѣ (деп. Йонны), въ Delémont'ѣ (въ Швейцаріи), въ Yport'ѣ (деп. Нижн. Сены), въ Manneville sur-Risle (деп. Eure), въ Reilhac'ѣ, въ Mas-d'-Azyl'ѣ, гдѣ производили недавно раскопки E. Piette и M. Boule, въ Россіи... по берегамъ Оки и пр. Ничего въ себѣ не содержащіе слои въ нѣкоторыхъ пещерахъ, на которые ссылается Г. де-Мортилье, доказываютъ, разумѣется, что человѣкъ тамъ нѣкоторое время не жилъ, но это не значитъ еще, что онъ исчезъ вообще въ цѣлой странѣ и цѣлой Европѣ. Если человѣку, жившему охотой, начинало не хватать дичи въ одной мѣстности, онъ переходилъ въ другую и оставлялъ прежнее жилище, которое легко могло оставаться долгое время незанятымъ, потому что прежніе его обитатели поселились въ другомъ мѣстѣ. Интереснымъ доказательствомъ такого взгляда, продолжаетъ Л. Нидерле, являются пещеры Maszyca и na Milaszówce возлѣ Кракова, изслѣдованныя Г. Оссовскимъ и Я. Вольдржихомъ[1]). Въ первой изъ нихъ, между слоями дилювіальнымъ и неолитическимъ, былъ замѣченъ слой, не заключавшій въ себѣ остатковъ, тогда какъ во второй тотъ же самый слой оказался культурнымъ. Можно думать, что человѣкъ, уйдя изъ одной пещеры, переселился въ другую. Это ясно можно видѣть на слѣдующей таблицѣ:

[1]) „См. статью Вольдржиха въ журн. „Ziva" 1891, стр. 97. „O pravlasti indoevropského pranároda".

Пещера „Maszyca“.	Пещера „na Milaszówce“.
Слой a)	Слой a)
Остатки эпохи металловъ.	
Слой b) Каменныя орудія, сдѣланныя поср. отбиванія и пришлифованныя, черепки посуды, кости домашнихъ животныхъ. Сѣвернаго оленя нѣтъ.	Остатковъ нѣтъ.
Остатковъ нѣтъ.	Слой b) Оббитыя каменныя орудія, непришлифованныя, черепки посуды, остатки домашняго быка и сѣвернаго оленя.
Слой c) Палеолитическія орудія и четвертичная фауна. Остатковъ глиняной посуды нѣтъ.	Слой c) Четвертичная фауна. Слѣдовъ человѣка нѣтъ.
Горная порода пещеры.	Горная порода пещеры.

„Словомъ, заключаетъ Л. Нидерле, существованіе какого бы то ни было hiatus'a между эпохами палеолитической и неолитической не доказано, и если и замѣчается мѣстами промежутокъ, то не въ дѣйствительности: онъ заключается въ нашихъ свѣдѣніяхъ, какъ однажды высказался и самъ Мортилье“ [1]).

Такимъ образомъ слѣдуетъ признать, что неолитическая культура явилась результатомъ развитія и постепеннаго осложненія основной палеолитической культуры.

---

[1]) Л. Нидерле. „Человѣчество въ доисторическія времена“, стр. 73 и 74.

Результатомъ подобныхъ же процессовъ являются и всѣ физическія условія неолитической природы. Очертанія материковъ, современный климатъ, флора и фауна, всё это получило совершенно отличный характеръ не сразу, а постепенно, путемъ атрофіи однихъ членовъ и усиленнаго развитія или осложненія другихъ.

Въ Европѣ Бѣлое море отступило къ Ледовитому океану, оставивъ обсохшее дно для развитія огромныхъ тундровыхъ пространствъ арктической области. Балтійское море изолировалось отъ Бѣлаго, значительно обмелѣло и опрѣснилось. Острова Великобританіи и Африка отдѣлились отъ Европы. Черное море слилось съ Средиземнымъ, а Каспійское море убрало свои разлившіяся воды, уничтоживъ связь съ Чернымъ моремъ и широко открывъ двери изъ Азіи въ Европу.

Поверхность четвертичныхъ, дилювіальныхъ отложеній покрылась чехломъ новыхъ, такъ называемыхъ въ геологіи современныхъ, образованій. Въ общемъ мощность этихъ образованій весьма незначительна, но мѣстами она достигаетъ внушительныхъ размѣровъ. Среди материковыхъ образованій заслуживаютъ особеннаго вниманія отложенія рѣкъ, озеръ и болотъ. Въ рѣкахъ отложились современныя аллювіальныя террасы, нерѣдко достигающія десяти и болѣе аршинъ толщины. Котловины озеръ представляются то совершенно заросшими или заполненными осадками, то содержащими лишь незначительную часть объема той воды, которая наполняла ихъ по отступленіи ледниковъ. Громадныя болота заросли торфомъ, мѣстами достигшимъ также нѣсколькихъ десятковъ аршинъ толщины.

Изъ сухопутныхъ отложеній необходимо отмѣтить отложенія субъаэральнаго характера, въ видѣ дюнъ, лёсса, а также разнаго рода почвенныхъ слоевъ: черноземa, подзола, суглинка и др., происхожденіе которыхъ въ большой степени зависѣло отъ осадковъ пыли изъ воздуха.

Отношеніе этихъ слоевъ другъ къ другу можно выразить въ видѣ слѣдующихъ положеній: 1) *всѣ современныя рѣчныя, озерныя и болотныя аллювіальныя и торфяныя отложенія, независимо отъ ихъ мощности, синхроничны только съ почвенными слоями, отложившимися на дилювіальныхъ или болѣе древнихъ материковыхъ подпочвахъ;* 2) *древнѣйшія изъ современныхъ рѣчныхъ дюнъ Россіи явились ранѣе начала отложенія современныхъ аллювіальныхъ террасъ и поэтому относятся къ древнѣйшимъ изъ современныхъ отложеній.*

Оба этихъ положенія впервые получили свое рѣшеніе въ археологіи [1]), въ которой они имѣютъ особенное выдающееся значеніе. При помощи ихъ мы легко и вѣрно устанавливаемъ взглядъ на ту или другую относительную древность погребенныхъ въ данныхъ слояхъ памятниковъ. Такъ, руководствуясь первымъ положеніемъ, мы напередъ знаемъ, что вещамъ, погребеннымъ хотя бы на глубинѣ 10 аршинъ въ современномъ аллювіи, синхроничны вещи, погребенныя въ растительныхъ слояхъ на глубинѣ всего какихъ-нибудь 10 вершковъ. Руководясь вторымъ положеніемъ, мы въ правѣ отнести вещи, залегающія въ воздушно-слоистыхъ пескахъ дюнъ, ко времени, которое предшествовало отложенію всего аллювіальнаго слоя, слѣдовательно къ самому древнему времени неолитической эпохи; но вещи, залегающія въ растительныхъ слояхъ дюнъ, являются современными только аллювію, а слѣдовательно и растительнымъ слоямъ на материковыхъ подпочвахъ.

Въ заключеніе мы еще остановимся на делювіальныхъ процессахъ, имѣвшихъ значительное вліяніе въ образованіи современной поверхности суши. Делювіальные процессы образованія почвы, какъ выше было сказано, обусловли-

---

[1]) В. А. Городцовъ. „Матеріалы для археологической карты долины и береговъ р. Оки“, стр. 9 и 10, 24 и 25, съ рис. 85, стр. 40 и 41 съ рис. 95.

ваются исключительно атмосферными осадками. Дождевыя и снѣговыя весеннія воды, сбѣгая съ высотъ, увлекаютъ частицы почвы по скатамъ въ низъ, гдѣ и отлагаютъ всё болѣе и болѣе возрастающія толщи новыхъ образованій, называемыхъ делювіальными. Интенсивность делювіальныхъ процессовъ зависитъ отъ весьма разнообразныхъ условій, и потому результаты ихъ дѣятельности съ трудомъ подчиняются хронологическимъ учетамъ. Къ счастію, они имѣютъ лишь очень рѣдкое отношеніе къ археологическимъ памятникамъ, въ противномъ случаѣ ими были бы внесены многія осложненія въ нашу науку. Для примѣра укажемъ на Кирилловскую палеолитическую стоянку, гдѣ, благодаря погребенію остатковъ подъ делювіальными отложеніями, были сдѣланы весьма грубыя ошибки въ опредѣленіи ея возраста.

Что касается климатическихъ условій, то они въ общемъ сдѣлались болѣе благопріятными, чѣмъ въ предшествующую пору палеолитической эпохи: несомнѣнно, климатъ сталъ умѣреннѣе и мягче. Однако, по мнѣнію геологовъ, онъ не былъ всё время одинаковъ; напротивъ, сначала онъ былъ холоднымъ и сухимъ, а затѣмъ сталъ болѣе влажнымъ и мягкимъ.

Сообразно послѣднимъ климатическимъ измѣненіямъ, совершались измѣненія и въ господствѣ или преобладаніи тѣхъ или другихъ представителей флоры. Полагаютъ, что послѣ отступленія второго ледника, въ занимаемой имъ области господствовала степная флора, которую позже смѣнила флора лѣсная, отвоевавшая въ свою пользу обширныя области отступающей степи.

Указаннымъ смѣнамъ климата и флоры сопутствовали и смѣны фаунъ. Однако, самыя рѣзкія перемѣны въ составѣ послѣдней произошли какъ разъ во время смѣны палеолитической и неолитической эпохъ. Въ это время окончательно вымерли эласмотеріусы, носороги, мамонты, пещерные медвѣди и многія другія животныя. Сѣверный олень, мускусный быкъ, росомаха, песецъ

и лемминг переселились на сѣверъ; леопардъ и гіэна направились къ югу, въ болѣе теплыя страны, а серна и каменный козелъ удалились въ болѣе высокія горныя области. Такимъ образомъ изъ типичныхъ представителей диловіальной фауны только одинъ левъ еще обиталъ въ Европѣ, да зубръ, отстоявшій свое существованіе до нашихъ дней.

Въ періодъ развитія степи широкое распространеніе получили типичные степные виды. Таковы сайга (Saiga tatarica), тушканчики (Alactaga jaculus), бобаки (Arctomys bobac), дикобразы, суслики (Spermophillus), хомяки (Cricetus) и др., остатки которыхъ находятъ не только въ Россіи, но и въ Германіи. Къ этому времени, вѣроятнѣе всего, относится и необыкновенно широкое распространеніе въ Европѣ дикой лошади, десятки или даже сотни тысячъ представителей которой оказались убитыми французскими обитателями знаменитой стоянки Салютре, а также джигетая, составляющаго разновидность кулана.

Позже, подъ вліяніемъ измѣненія климата и наступленія лѣса на степь, всѣ степные виды животныхъ отступили изъ Зап. Европы въ южную Россію, а оттуда, подъ воздѣйствіемъ уже человѣка, отодвинулись въ степныя области Азіи.

Вотъ тѣ главныя условія, при которыхъ протекла жизнь неолитическаго человѣка. Намъ остается коснуться продолжительности времени и тѣхъ характерныхъ особенностей, какими отличается эта жизнь отъ жизни человѣка предшествующихъ и послѣдующихъ эпохъ.

Продолжительность неолитической эпохи опредѣляется съ одной стороны появленіемъ полированныхъ каменныхъ орудій, а съ другой—появленіемъ орудій, сдѣланныхъ изъ металла. Существуетъ нѣсколько попытокъ опредѣленія продолжительности этого времени въ точныхъ цыфрахъ. Результаты такихъ попытокъ отличаются довольно значительнымъ разнообразіемъ, указывающимъ на то, что истина еще не совсѣмъ установлена. По мнѣнію англійскихъ уче-

ныхъ Прествича, Лёббока и Ляйэлля, начало неолитической эпохи относится къ седьмому—пятому (7,000—5,000) тысячелѣтію до Р. Хр. Попытки опредѣленія времени на основаніи скорости роста чернозёма указали, что въ ю. Россіи неолитическія стоянки существовали по меньшей мѣрѣ за 6,000 лѣтъ до Р. Хр.; начало же эпохи, несомнѣнно, относилось къ болѣе раннему времени. Бланкендорфъ относитъ первое появленіе культуры неолитической эпохи въ Сиріи и Палестинѣ за 10,000 лѣтъ до Р. Хр. Вычисленія, на основаніи скорости роста аллювіальныхъ осадковъ въ Фирвальдштетскомъ и Тунскомъ озерахъ въ Швейцаріи, дали Брюкнеру и Беку 15,000, а геологу Хейму—16,000 лѣтъ, какъ время, протекшее съ момента отступленія сѣвернаго полярнаго ледника изъ предѣловъ Швейцаріи, когда должна была наступить неолитическая эпоха. Но Габріель и Адріанъ Мортилье идутъ еще далѣе, относя начало эпохи за 18,000 лѣтъ до Р. Хр.

Точнѣе и основательнѣе опредѣляется конецъ эпохи. Г. и А. Мортилье относятъ его за 6,000 лѣтъ до Р. Хр. То же самое подтверждаетъ Бартелло, по мнѣнію котораго въ Ассиріи пора мѣдныхъ орудій началась около 6,000, а въ Халдеѣ и Египтѣ ранѣе 4,000 лѣтъ до Р. Хр. На островахъ Кипрѣ и Критѣ за 4,000 лѣтъ до Р. Хр. обработка мѣди достигла уже довольно высокаго состоянія, и характерныя мѣдныя издѣлія этихъ острововъ начали распространяться по всему побережью Средиземнаго моря, проникая въ Египетъ, Малую Азію, Ю. Россію, Балканскій полуостровъ, Италію и, вѣроятно, др. области. Но такъ какъ островная культура могла получить начало только подъ воздѣйствіемъ материковыхъ культуръ [1]), то

[1]) На Международномъ конгрессѣ въ Монако О. Монтеліусъ высказалъ мнѣніе, что данная островная культура, получившая названіе эгейской, имѣла самостоятельное развитіе и поэтому должна быть изучаема рядомъ съ древнѣйшими культурами Востока и Египта. Однако съ этимъ невозможно согласиться уже потому, что не имѣется ни одного примѣра, гдѣ бы культура островитянъ развилась безъ воздѣйствія на

и въ ней мы также можемъ видѣть доказательство болѣе ранней смѣны каменнаго періода металлическимъ. Во всякомъ случаѣ, на основаніи имѣющихся данныхъ археологіи, въ настоящее время возможно пріурочить конецъ неолитической эпохи къ VI—V тысячелѣтію до Р. Хр. Принимая же во вниманіе всѣ приведенныя соображенія о началѣ неолитической эпохи, среднюю продолжительность ея слѣдуетъ опредѣлить въ десять тысячъ лѣтъ и указать ей мѣсто приблизительно между 15,000 [1]) и 5,000 лѣтъ до Р. Хр. Такая дата для эпохи, установленная на возможно болѣе точныхъ указаніяхъ моментовъ смѣны руководящихъ явленій въ прогрессивныхъ общечеловѣческихъ культурахъ, должна бы быть общепринятою.

Къ сожалѣнію, многіе археологи не придерживаются принципа этой даты, удлиняя послѣднюю, часто безъ всякой оговорки, сообразно со случайными мѣстными признаками культурныхъ смѣнъ въ отсталыхъ областяхъ, не имѣвшихъ никакого или почти никакого вліянія на раз-

---

нее материковыхъ культуръ. Ростъ островныхъ культуръ всегда является лишь указателемъ интенсивности сношеній ихъ съ материковыми культурами. По отношенію къ Кипру это удостовѣрено, во-первыхъ, историческими документами клинообразныхъ надписей, гласящихъ, что вавилонскій царь Нарамъ-Синъ, сынъ Саргона I, жившаго около 3800 лѣтъ до Р. Хр., ходилъ войною и завоевалъ Кипръ, и, во-вторыхъ, археологическими раскопками, благодаря которымъ удалось найти въ одной изъ кипрскихъ могилъ въ Никосіи цилиндрическую печать съ надписью имени самого Нарама-Сина, при чемъ она оказалась уже вмѣстѣ съ предметами изъ мѣди. Всё это, подтверждая фактъ сношенія островитянъ съ берегомъ, указываетъ на превосходство материковой культуры надъ островной и независимость послѣдней отъ первой

Авт.

[1]) Эта цыфра, конечно, не имѣетъ столь же опредѣленнаго смысла, какъ слѣдующая за ней, установленная почти что на историческихъ документахъ, но, до новой научной повѣрки, её можно принимать какъ наиболѣе точную при современномъ археологическомъ и геологическомъ знаніи.

Авт.

витіе общечеловѣческой культуры въ данное время. Такимъ образомъ О. Монтеліусъ, для Скандинавіи, пріурочиваетъ конецъ неолитической эпохи къ 1500-годамъ; Э. Картальякъ, для Франціи,—къ 1200 годамъ, а Л. Нидерле, для Сѣверной и Средней Европы,—къ 1000 годамъ до Р. Хр. Благодаря такому крайне произвольному обращенію съ датами эпохъ получается много ошибочныхъ и несообразныхъ представленій о послѣдовательности развитія культурныхъ явленій.

Въ предѣлахъ современной Франціи, согласно съ датой Картальяка, признаки первыхъ морскихъ торговыхъ сношеній съ народами восточнаго побережья Средиземнаго моря относятся къ неолитической эпохѣ, а въ области послѣднихъ народовъ признаки такихъ сношеній съ западными областями Средиземнаго моря появляются только въ бронзовую эпоху. Такимъ образомъ выходитъ, что торговое мореходство въ Средиземномъ морѣ началось ранѣе на Западѣ, чѣмъ на Востокѣ. Въ дѣйствительности это было какъ разъ наоборотъ, и признаки морскихъ сообщеній во Франціи явились только слѣдствіемъ прибытія къ берегамъ ея кораблей восточныхъ народовъ, разносившихъ плоды высшей культуры бронзовой эпохи.

Совершенно такія же ошибочныя представленія получаются и при изученіи въ культурно-отсталыхъ областяхъ явленій скотоводства, земледѣлія, религіозныхъ обрядовъ и др. Иногда ошибки въ освѣщеніи подобныхъ явленій становятся настолько велики, что подрываютъ всякій смыслъ хронологической классификаціи на основаніи развитія общечеловѣческой культуры.

Во избѣжаніе подобныхъ ошибокъ, въ настоящемъ курсѣ, къ неолитической эпохѣ нами будутъ отнесены лишь культуры каменнаго періода, синхроничныя современнымъ геологическимъ образованіямъ и не содержащія никакихъ признаковъ одновременности ихъ съ культурой металлическаго періода. Поэтому нами не будутъ включены въ неолитическую эпоху ни стоянки типа фран-

цузскихъ, гдѣ замѣчены признаки сообщеній съ культурами бронзовой эпохи, ни стоянки типа Бутмира (въ Босніи) и Триполья (на Днѣпрѣ), гдѣ ясно выражены признаки ихъ культурной связи съ домикенской, или, какъ теперь называютъ, эгейской, культурой греческаго архипелага той же эпохи, ни стоянки, ни другіе памятники, несущіе признаки несомнѣнной принадлежности ихъ къ послѣднимъ семи тысячелѣтіямъ, хотя бы они сами по себѣ и представлялись культурами вполнѣ характерными для неолитической эпохи. Эти памятники нами будутъ разсматриваться въ соотвѣтствующихъ хронологическихъ эпохахъ, какъ пережитки минувшаго времени.

Къ наиболѣе характернымъ признакамъ культуръ неолитической эпохи относятся полированіе, а въ концѣ сверленіе каменныхъ орудій, явленіе и широкое распространеніе керамики, возникновеніе скотоводства, земледѣлія и судоходства, начало перехода къ осѣдлой сельской и городской жизни, возникновеніе войнъ, пробужденіе религіозныхъ идей и учрежденіе ритуальныхъ обрядовъ.

При изученіи всѣхъ этихъ явленій необходимо постоянно считаться съ развитіемъ ихъ въ прогрессивныхъ культурахъ восточнаго побережья Средиземнаго моря, особенно Египта, Ассиро-Вавилоніи и Малой Азіи, гдѣ, по многимъ даннымъ, начиная съ неолитической эпохи и до позднѣйшаго историческаго времени, находился культурный центръ, изъ котораго, подобно лучамъ свѣта, распространялись новости искусства, знанія и религіознаго откровенія, проникавшія далеко во всѣ области Стараго, а можетъ быть и Новаго свѣта.

По отношенію къ Европѣ это вліяніе оказывалось болѣе непосредственнымъ, такъ какъ совершалось подъ руководствомъ часто приходившаго съ Востока и Юго-востока всё болѣе и болѣе образованнаго населенія, приносившаго съ собою то одно, то другое культурное открытіе.

Проф. антропологіи Римскаго университета Дж. Серджи,

въ цѣломъ рядѣ своихъ работъ [1]), проводитъ мысль о заселеніи въ неолитическую эпоху [2]) большинства областей Европы одною средиземноморскою расою, первоначально обитавшею въ Восточной Африкѣ.

Эта раса, по мнѣнію Серджи, подаваясь къ сѣверу, прежде всего заселила Египетъ, а затѣмъ уже оттуда распространилась, по всему сѣверному побережью Африки, проникла въ южные полуострова Европы и заселила Сирію, Малую Азію, Россію до Ладожскаго озера и всю Европу съ Скандинавскимъ полуостровомъ. Нашествіе африканскихъ расъ запечатлѣлось въ явленіи новыхъ этническихъ элементовъ и скрещиваніи съ нею автохтонныхъ европейскихъ расъ, какъ это выразилось на типахъ череповъ неолитическихъ погребеній Европы.

Насколько эта теорія отвѣчаетъ дѣйствительности, должна сказать антропологія, но мы можемъ отмѣтить, что ею оказывается существенная помощь археологіи въ рѣшеніи нѣкоторыхъ темныхъ вопросовъ, касающихся главнымъ образомъ введенія въ концѣ неолитической эпохи во многихъ областяхъ Европы религіозныхъ обрядовъ, земледѣлія и скотоводства, корни которыхъ слѣдуетъ

---

[1]) G. Sergi. „Sur les habitants primitifs de la Méditerranée“. Congrès international d'archéologie et d'anthropologie préhistoriques, à Moskou, 1893, t. II, p. 305.

— „Africa. Antropologia della stirpe camitica“, Torino, 1897.

— „Origine e diffusione della stirpe mediterranea“, Roma, 1895.

— „Di alcune varieta umane della Sicilia“, Acad. dei Lincei, 1892.

— „Di alcune varieta umane della Sardegna“, Acad. Medica di Roma, 1892, и др.

[2]) Начало переселенія племенъ африканской расы въ Европу Серджи относитъ къ концу палеолитической эпохи. Но такъ какъ въ основаніе такого заключенія имъ положены наблюденія надъ погребеніями типа Ментоны, которыя наиболѣе авторитетными археологами причисляются къ неолитическимъ, то правильнѣе всё время переселенія и распространенія въ Европѣ средиземноморской расы относить къ неолитической эпохѣ, какъ это нами и сдѣлано.

Авт.

искать въ восточныхъ областяхъ Средиземнаго моря, гдѣ въ это время сосредоточились самыя просвѣщенныя силы средиземноморской расы Серджи. О. Монтеліусъ объясняетъ даже красоту формъ каменныхъ, особенно сверленыхъ, орудій сѣвера Европы восточными вліяніями, распространявшимися изъ названныхъ областей Средиземнаго моря [1]), а другіе ученые полагаютъ, что изъ тѣхъ же областей принесено въ Европу и искусство полированія орудій, которымъ характеризуется неолитическая эпоха, и, хотя противъ подобныхъ мнѣній имѣются возраженія [2]), тѣмъ не менѣе, въ послѣднее время, перевѣсъ ясно клонится въ пользу первыхъ.

Пора полированныхъ орудій.

Пора полированныхъ орудій соотвѣтствуетъ древнѣйшей стадіи развитія культуры неолитической эпохи. Она характеризуется явленіемъ и распространеніемъ полированныхъ каменныхъ орудій, керамики, судоходства, приручеміемъ собаки и отсутствіемъ просверленныхъ каменныхъ орудій. Въ составъ памятниковъ этой поры входятъ шахты для добыванія кремня и мастерскія каменныхъ орудій, древнѣйшія стоянки на рѣчныхъ дюнахъ, озерныхъ и рѣчныхъ аллювіальныхъ отложеніяхъ и другихъ мѣстностяхъ, древнѣйшіе кухонные остатки (kjökkenmödding'и), сорныя ямы, жилища въ естественныхъ и искусственныхъ пещерахъ.

Полированіе орудій. Возникновеніе искусства полированія каменныхъ орудій относится къ самому началу неолитической эпохи. Л. Нидерле допускаетъ возможность перваго появленія такихъ орудій еще въ концѣ палеолитической эпохи. Такъ, по его словамъ, „въ мастерской кремневыхъ орудій въ Cissbury найдены были, кромѣ гру-

---

[1]) O. Montelius. „Die Chronologie der ältesten. Bronzezeit in Norddeutschland und Scandinavien", p. 91.

[2]) Л. Нидерле, „Человѣчество въ доисторическія времена", стр. 73.

быхъ топоровъ миндалевиднаго типа, уже и первыя попытки шлифовки и оттачиванія; въ Пшедмостѣ г. Машка также нашелъ въ постпліоценовомъ слоѣ два шлифованныхъ орудія, и подобные же примѣры извѣстны и изъ другихъ странъ“ [1]). Однако большинство изслѣдователей положительно не допускаетъ возможности искусства полированія орудій въ такое отдаленное время и находки, указанныя Л. Нидерле, объясняетъ просто случайностью смѣшенія древнихъ памятниковъ съ болѣе поздними и недосмотромъ изслѣдователей.

Мѣсто, гдѣ впервые возникло полированіе орудій, остается неизвѣстнымъ. Допускаютъ, что оно могло возникнуть въ разныхъ странахъ совершенно самостоятельно, хотя одновременное и довольно скорое распространеніе этого искусства по всѣмъ материкамъ Стараго свѣта болѣе говоритъ за изобрѣтеніе его въ одномъ центрѣ, каковымъ скорѣе всего могло быть восточное побережье Средиземнаго моря. Однако фактически послѣднее предположеніе еще не можетъ быть вполнѣ обосновано.

Полированіе орудій производилось посредствомъ тренія на спеціально приспособленныхъ точильныхъ камняхъ, представлявшихъ, судя по рѣдкости ихъ находокъ, значительную цѣнность. Эти камни имѣли видъ плитокъ и дѣлались изъ песчаника; размѣры ихъ были довольно разнообразны, но въ общемъ не велики. На поверхности точильныхъ камней, обыкновенно, получались углубленія то въ формѣ широкихъ ложчатыхъ вогнутостей, то въ формѣ полукруглыхъ или трехгранныхъ желобковъ. Послѣдніе камни рѣдки. Два обломка ихъ найдены на окскихъ дюнахъ, близъ г. Рязани, и одинъ—въ Н.-Новгородѣ [2]); другіе примѣры такихъ находокъ въ Россіи совер-

---

[1]) Ibid., стр. 73.

[2]) Археологич. Извѣстія и Замѣтки, т. V, стр. 68 и 69. Одинъ обломъ песчанковой плиты съ двумя параллельными полукруглыми желобками намъ удалось найти на дюнѣ близъ с. Шумашь, въ 5 верстахъ отъ

шенно неизвѣстны, но они извѣстны въ Швеціи [1]) и Франціи [2]). Для окончательной отдѣлки полукруглыхъ лезвій долотъ употреблялись особые бруски съ вытертыми желобками на граняхъ [3]).

Самый процессъ полированія представляется медленнымъ и труднымъ. Отъ мастера требовалось много терпѣнія и выдержки, такъ какъ работа иногда тянулась мѣсяцы и даже многіе года. Въ Полинезіи, по свидѣтельству извѣстнаго русскаго путешественника Миклухо-Маклая, полировка одного каменнаго топора производится цѣлыми поколѣніями: работу дѣда продолжаетъ его сынъ и кончаетъ внукъ [4]). Особенно трудна обработка твердыхъ породъ камня въ родѣ кремня, роговика, обсидіана, нефрита и др., изъ которыхъ получались самыя лучшія орудія. Обыкновенно полированныя орудія вырабатывались изъ болѣе мягкихъ породъ камня: сланцевъ, шифера, песчаника, діорита, сіенита, гранита и др. Большинство изъ этихъ породъ являются обычными во всѣхъ горныхъ странахъ и весьма распространенными въ валунныхъ ледниковыхъ глинахъ, покрывающихъ бо́льшую часть Европы и Сѣверной Америки.

На ряду съ полированными орудіями въ продолженіе неолитической эпохи существовали и простыя оббивныя орудія, при чемъ количество ихъ всегда превышало коли-

---

г. Рязани. Благодаря тяжести онъ былъ оставленъ на время въ полѣ, гдѣ и исчезъ, будучи, вѣроятнѣе всего, взятъ крестьянами.

Авт.

[1]) O. Montelius. „Antiquités Suédoises“, Stockholm, 1873, p. 2, fig. 7.

[2]) G. et A. de Mortillet. „Musée préhistorique“, Paris, 1881, №№ 426 et 427.

— I. I. A. Worsaae. „Nordiske Oldsager i det Kongelige Museum i Kjöbenhavn, 12, № 35 Slibesteen for Flintkiler, № 36 Slibesteen for Huulmeisler“.

— O. Montelius. „Antiquités Suédoises“, Stockholm, 1873, p. 1, fig. 5.

[3]) G. et A. de Mortillet. „Musée préhistorique“, Paris, 1881, № 426.

[4]) Н. И. Веселовскій. „Первобытный человѣкъ“, стр. 22 и 23.

чество первыхъ. Въ описываемую же пору можно было встрѣтить въ Европѣ и такія отсталыя культуры, въ которыхъ даже не имѣется никакихъ признаковъ знакомства человѣка съ полированіемъ. Такова несомнѣнно неолитическая культура Бологовской стоянки, такъ настойчиво и такъ ошибочно относимая къ палеолитической эпохѣ.

Что касается техники простыхъ каменныхъ орудій, то она въ данное время также значительно усовершенствовалась и давала возможность приготовлять совершенно симметричныя, изящныя формы листовидныхъ ножей, копій и стрѣлъ такъ называемаго во Франціи типа Салютре. Такая высокая обработка достигалась при помощи давленія на грани камня особыми инструментами, имѣвшими видъ палки или стержня. Многіе археологи допускаютъ, что подобный способъ обработки каменныхъ орудій уже существовалъ въ концѣ палеолитической эпохи и только имъ объясняютъ происхожденіе тѣхъ узкихъ и длинныхъ пластинчатыхъ орудій, которыми характеризовалась культура этого времени. Но тогда такой способъ примѣнялся только для скалыванія пластинокъ отъ нуклеуса, теперь же имъ пользуются и для приданія предмету наиболѣе соотвѣтствующей и красивой формы.

Торквемада, древній испанскій писатель, жившій въ Мексикѣ, такъ описываетъ этотъ способъ обработки камня, практиковавшійся у ацтековъ: „Индѣйскій рабочій садится на землю, беретъ кусокъ чернаго камня (обсидіана), похожаго на агатъ и плотнаго какъ кремень... длиною приблизительно въ 8 дюймовъ или болѣе и толщиною въ человѣческую ногу или немного тоньше, формою похожій на цилиндръ, вооружается палкой толщиною въ рукоятку копья и длиною въ 3 локтя, на концѣ которой, для бо́льшей тяжести, привязанъ кусокъ дерева въ 8 дюймовъ длиною, затѣмъ, сжимая камень голыми ступнями своихъ ногъ, держа его такъ же крѣпко, какъ въ тискахъ или клещахъ, и аккуратно приложивъ палку съ гладко срѣзаннымъ концомъ къ передней грани камня, также гладко

срѣзаннаго въ этомъ мѣстѣ (для образованія плоскости удара), изо всѣхъ силъ надавливаетъ на неё обѣими руками и грудью. Въ результатѣ отъ камня отлетаетъ осколокъ, похожій на обоюдоострый ножъ и настолько правильной формы, что кажется, будто его вырѣзали острымъ ножемъ изъ рѣпы или сковали изъ раскалённаго желѣза. Послѣ ножъ полируется на камнѣ и оттачивается на оселкѣ. Такимъ путемъ рабочій можетъ приготовить въ самое короткое время болѣе двадцати ножей“ [1]).

Совершенно такіе же пріёмы обработки кремня и роговика практиковались сѣверо-американскими индѣйцами и эскимосами. Относительно послѣднихъ Бельчеръ говоритъ: „Они берутъ обрубокъ дерева съ поперечнымъ нарѣзомъ, въ который кладутъ предназначенный для обработки камень и, осторожно надавливая его вертикально (палкой или стержнемъ) вдоль края то съ одной, то съ другой стороны,—въ родѣ того, какъ это дѣлаютъ при натачиваніи пилы,—отбиваютъ небольшія чешуйки до тѣхъ поръ, пока камень не получитъ формы копья или стрѣлы съ острыми зубчатыми краями“ [2]).

Повидимому, путемъ подобныхъ пріёмовъ вырабатывались и лучшіе изъ оббитыхъ орудій неолитической эпохи, хотя на ряду съ ними существовали пріёмы и болѣе первобытные, о чемъ свидѣтельствуютъ нерѣдко находимые на мѣстахъ неолитическихъ стоянокъ и мастерскихъ каменные отбойники (перкуторы).

Керамика. Керамика является столь же, если не болѣе, характерною для отличія неолитической отъ палеолитической эпохи, и это даже въ томъ случаѣ, если бы оказалось справедливымъ предположеніе нѣкоторыхъ археологовъ о первомъ появленіи керамическаго искусства

[1]) J. Lubbock. „Prehistoric Times“, 2-d edit., p. 83—85, со ссылкой на „Torquemada, Manarquia Indiana“, Seville, 1615.

[2]) Ibid., 85 and 86, со ссылкой на „Trans. of the Ethnological Soc. New Series“, vol. 1, p. 138.

въ концѣ палеолитической эпохи, такъ какъ относимые къ той эпохѣ образцы настолько малочисленны и нехарактерны для культуры того времени, что являются какъ бы посторонними наростами, и такое отношеніе ихъ еще болѣе подчеркивается сильнымъ сомнѣніемъ въ дѣйствительности связи ихъ другъ съ другомъ.

Во всякомъ случаѣ вполнѣ характерною керамика становится лишь для культуръ неолитической эпохи. Въ это время почти всѣ народы материковъ Стараго свѣта ознакомились съ нею. Исключеніе составляли лишь наиболѣе консервативные и отсталые народы въ родѣ камчадаловъ и юкагировъ [1]), которые не успѣли воспользоваться этимъ искусствомъ даже до позднѣйшаго историческаго времени.

Гдѣ и какъ возникло керамическое искусство, такъ же трудно сказать, какъ и о возникновеніи искусства полированія каменныхъ орудій. Возможно, что оно возникло въ разныхъ областяхъ самостоятельно, но еще возможнѣе, что оно возникло въ одной какой-нибудь области и, какъ чрезвычайно важное открытіе, быстро распространилось среди всѣхъ народовъ, такъ или иначе связанныхъ между собою. Въ пользу послѣдняго говоритъ единство формъ и техники древнѣйшихъ глиняныхъ сосудовъ на всей огромной площади ихъ распространенія въ предѣлахъ материковъ Стараго свѣта. Эти сосуды являются повсюду круглодонными, толстостѣнными, слѣпленными отъ руки, слабо обожжёнными, безъ шеекъ, безъ ручекъ и ушковъ.

Касаясь вопроса о происхожденіи керамики, гр. А. С. Уваровъ говоритъ: „Я убѣжденъ, что мѣсить глину человѣкъ выучился нечаянно, послѣ сырой и дождливой погоды, когда почва была пропитана влагою. Столь же нечаянно могъ онъ научиться и обжигу, увидѣвъ, что сы-

---

[1]) С. Крашенинниковъ. „Описаніе земли Камчатки“, т. II, ч. 3, стр. 45 и 46.

— „Изв. Имп. Русск. Геогр. Общ.“, т. XXXIV, в. III, стр. 259—274.

рая глина твердѣетъ на солнцѣ, а еще быстрѣе твердѣетъ на огнѣ“ [1]).

Первые глиняные сосуды, вѣроятнѣе всего, вылѣплива́лись при помощи устойчивыхъ основъ въ родѣ корзинъ, плетенокъ, деревянныхъ сосудовъ, скорлупы крупныхъ орѣховъ, корки тыквъ и т. п. Въ виду высокаго состоянія искусства плетенія у всѣхъ дикихъ народовъ, нѣкоторые ученые полагаютъ, что первые глиняные сосуды фабриковались, именно, на корзинахъ, а Уильямъ Гольмсъ считаетъ всё гончарное искусство „подчиненнымъ“ (servil art) искусству плетенія [2]).

Получивъ свое начало, глиняная посуда ранней поры неолитической эпохи очень скоро стала покрываться разнаго рода узорами. Изученіе этихъ узоровъ представляетъ большой интересъ, такъ какъ проливаетъ много свѣта на различныя стороны давно минувшей жизни. Слѣдуя за распространеніемъ и смѣной тѣхъ или другихъ элементовъ и мотивовъ узора, мы получаемъ возможность судить какъ о культурныхъ сношеніяхъ разныхъ областей между собою, такъ и о самомъ ходѣ развитія этихъ культуръ, и слѣдуетъ очень сожалѣть, что во многихъ странахъ на этотъ предметъ недостаточно обращаютъ вниманія, вслѣдствіе чего крайне затруднительно устанавливать болѣе широкія обобщенія. Въ данномъ случаѣ хорошее исключеніе представляетъ Россія, удѣлившая и достаточно средствъ на изданія этого невзрачнаго матеріала и выдвинувшая нѣсколько работниковъ [3]). Судя по имѣю-

---

[1]) Гр. А. С. Уваровъ. „Каменный періодъ“, т. I, стр. 253.

[2]) Проф. Ф. Ратцель. „Народовѣдѣніе“, т. I, стр. 79.

[3]) Наиболѣе важными изъ работъ по первобытной керамикѣ и ея орнаментикѣ являются: 1) А. Е. Теплоухова, „Замѣчанія о глиняныхъ черепкахъ, найденныхъ на берегу Аятскаго озера у д. Палкиной, на р. Исети“, Зап. Уральск. Общ. Люб. Естествозн., т. VII, в. 4; 2) О. Е. Клера и К. И. Ѳаддѣева, „Гончарное производство доисторическаго человѣка, жившаго на городищѣ у д. Палкино, на р. Исети“. Матер. по археол. вост. губ. Россіи, в. II; 3) В. А. Городцова, „Русская доисто-

щимся даннымъ, къ концу поры полированныхъ орудій въ Старомъ свѣтѣ существовало по крайней мѣрѣ два типа керамическаго орнамента, которые, по отношенію къ срединной Европѣ, можно назвать восточнымъ и западнымъ. Первый характеризуется пестротою, излишествомъ и разнообразіемъ элементовъ, второй — бо́льшею умѣренностью, стильностью и однообразіемъ элементовъ орнамента. Въ составъ площади распространенія перваго входили Японія[1]) (вѣроятно, и Китай), вся южная Сибирь, Россія и Средняя Европа, при чемъ наибо́льшаго своего расцвѣта этотъ типъ орнамента достигаетъ въ Россіи. Въ составъ площади распространенія второго типа включались всѣ средиземноморскія и отчасти черноморскія области, Южная и Средняя Европа, гдѣ имѣло мѣсто скрещиваніе его съ первымъ типомъ, острова Великобританіи и Скандинавія.

Несмотря, однако, на характерныя и вполнѣ устойчивыя отличія въ обоихъ типахъ орнамента, ихъ всё же легко производить отъ одного корня, который, вѣроятнѣе всего, скрывается гдѣ-нибудь въ восточныхъ областяхъ Средиземнаго моря. По крайней мѣрѣ въ этихъ областяхъ, въ концѣ каменнаго періода, керамика находилась въ наиболѣе цвѣтущемъ состояніи и наиболѣе разнообразно примѣнялась къ требованіямъ жизни, а также имѣла всѣ главные элементы и мотивы орнамента посуды, изъ которыхъ легко могли развиваться оба отмѣченныхъ типа.

Судоходство. Судоходство въ началѣ неолитической эпохи, повидимому, пользовалось широкимъ распространеніемъ, доказательствомъ чего являются какъ случаи нахо-

---

рическая керамика". Труды XI Арх. Съѣзда, т. I; 4) П. А. Путятина, „О гончарномъ искусствѣ въ каменномъ вѣкѣ", Спб., 1881 г., и „Орнаментика древняго гончарства", Труды VI Арх. Съѣзда, т. I, Одесса, 1886 г.; 5) A. Kopfleisch, „Über die neolithische Keramik in Deutschland", Braunschw., 1875; и 6) Dr. A. Götze, „Gefässformen und Ornamente der neolithischen schnurverzierten Keramik im Flussgebiete der Saale", Jena, 1891.

[1]) Т. Масонъ. „The Ainos of Yeso, Japan", печатана въ „Report of the U. S. National museum" june 30, 1890.

докъ челновъ того времени и остатковъ съѣстныхъ продуктовъ, которые могли быть добыты только въ открытомъ морѣ, такъ и въ особенности топографія многихъ стоянокъ. Однимъ изъ самыхъ древнихъ вещественныхъ памятниковъ судоходства, въ настоящее время, является челнъ-одноде́ревка, найденный въ озерныхъ отложеніяхъ на прибрежьѣ Ладожскаго озера [1]). Подобные челны были найдены въ торфянникахъ Германіи, Даніи, Ирландіи и др. [2]).

Но дерево плохо сохраняется, и поэтому по числу сохранившихся деревянныхъ памятниковъ глубокой древности нельзя составить сколько-нибудь правильнаго сужденія о распространенности ихъ въ минувшемъ бытѣ. Изученіе топографическихъ условій рѣчныхъ дюнныхъ стоянокъ невольно заставляетъ заключить о существованіи у древняго неолитическаго человѣка, жившаго въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, оживленнаго судоходства [3]), а изученіе датскихъ кьеккенмёддинговъ требуетъ допуска даже морского судоходства. „Они (неолитическіе обитатели Даніи), говоритъ Ляйэлль, также отваживались выходить далеко въ море для рыбной ловли на лодкахъ, выдолбленныхъ изъ ствола одного дерева, сходныхъ съ находимыми нынѣ въ торфянникахъ. Доказательствомъ чему служатъ остатки костей разныхъ видовъ рыбъ, живущихъ въ открытомъ морѣ, какъ напр. селедки, трески, камбалы“ [4]).

Весьма вѣроятно, что въ теплыхъ приморскихъ областяхъ и областяхъ, богатыхъ большими незамерзающими

[1]) А. А. Иностранцевъ. „Доисторическій человѣкъ“, стр. 171 и 172.

[2]) Marquis de Nadaillac. „Moeurs et monuments des peuples préhistoriques“, p. 58 et 59.

— Ч. Ляйэлль. „Геологическія доказательства древности человѣка“. стр. 13 и 17.

[3]) Гр. А. С. Уваровъ. „Каменный періодъ“, т. I, стр. 332.

— В. А. Городцовъ. „Жилища неолитической эпохи въ долинѣ р. Оки“, стр. 29.

[4]) Ч. Ляйэлль. „Геологическія доказательства древности человѣка“, стр. 13.

рѣками, судоходство въ это время достигало еще бо́льшаго совершенства.

Обработка лодокъ или челновъ-однодеревокъ для дикарей представляла много хлопотъ и труда. Для камчадаловъ, которые во время завоеванія ихъ казаками пользовались лишь каменными и костяными орудіями, требовалось три года, чтобы выдолбить такую лодку [1]). Но цѣль была настолько серьёзна, что преодолѣвались всѣ препятствія. Впрочемъ весьма возможно, что въ распоряженіи неолитическаго человѣка имѣлись суда изъ болѣе легкихъ и доступныхъ матеріаловъ, въ родѣ древесной коры и шкуръ животныхъ, изъ которыхъ, по свидѣтельству путешественниковъ, дѣлались суда современными дикарями [2]).

Что касается самой прототипной формы первобытныхъ судовъ, то едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что ею послужили толстые стволы или сучья деревьевъ, на которыхъ люди легко могли переправляться черезъ тихія рѣки. Въ настоящее время такъ поступаютъ западные австралійцы, не имѣющіе никакихъ судовъ, кромѣ чурбановъ, на которые они садятся верхами и, съ кускомъ коры вмѣсто весла, благополучно совершаютъ свои плаванія.

Прирученіе собаки. Несомнѣннымъ представителемъ прирученныхъ животныхъ ранней поры неолитической эпохи является одна лишь собака. Ея кости найдены въ пещерахъ, древнихъ аллювіальныхъ отложеніяхъ, торфянникахъ, дюнахъ и въ кухонныхъ отбросахъ (кьеккенмёддингахъ). Тщательнымъ изученіемъ этихъ костей выяснено, что уже въ то время существовало нѣсколько различныхъ породъ домашней собаки. Самою древнею и вмѣстѣ самою распространенною изъ нихъ считается „торфяная

---

[1]) С. Крашенинниковъ. „Описаніе земли Камчатки“.

[2]) Дюмонъ-Дюрвиль. „Всеобщее путешествіе вокругъ свѣта“, ч. IX, стр. 272 и 322.

— Ф. Гельбальдъ. „Естественная исторія племенъ и народовъ“, стр. 41, 537, и 577.

— J. Lubbock. „Prehistoric Times“, 2-d edit., p. 531.

собака“ (Canis familiaris palustris Rüt.). Остатки ея найдены въ бельгійскихъ пещерахъ, торфяномъ слоѣ города Ольмюца, въ свайныхъ постройкахъ Помераніи, южной Германіи, Швейцаріи, въ террамарахъ Модены, въ отложеніяхъ римской эпохи [1]), въ египетскихъ гробницахъ (препарированные въ видѣ мумій) и др. мѣстностяхъ. Ростъ этой собаки—средній или даже малый; сложеніе—изящное и легкое. Потомки ея сохранились и до настоящаго времени, изъ которыхъ болѣе схожими съ неолитическими предками считаются сѣверно-русскія и сибирскія остроухія дворняжки и лайки. Обѣ эти породы—средняго или нѣсколько менѣе средняго роста, отличаются живостью, выносливостью, умомъ и тонкимъ чутьемъ. Онѣ легко пріучаются къ охотѣ на звѣря и лѣсную птицу.

Большинство, и наболѣе авторитетныхъ, естествоиспытателей производятъ „торфяную собаку“ отъ шакала (Canis aureus L.), полагая, что приручение его сдѣлано въ разныхъ мѣстахъ, вѣроятнѣе всего, въ странахъ, прилегающихъ къ Средиземному морю (Сѣверной Африкѣ, Малой Азіи, Балканскомъ полуостровѣ), и въ странахъ Средней и Южной Азіи, гдѣ шакалы водятся въ изобиліи и до настоящаго времени.

Ближайшею разновидностью „торфяной собаки“ является Canis familiaris palustris ladogensis Anutzini, найденная среди остатковъ неолитической стоянки побережья Ладожскаго

---

[1]) Прекрасныя, почти фотографически-точныя, изображенія римскихъ собакъ можно видѣть на древне-римскихъ монетахъ и геммахъ. Судя по этимъ изображеніямъ, въ Италіи и Сициліи около Р. Хр. было не менѣе трехъ породъ собакъ: 1) крупная, чрезвычайно красивая порода, напоминающая современныхъ договъ, употреблялась въ охотахъ по крупному звѣрю, 2) средняя—схожая съ сѣверно-русскими и сибирскими густошерстыми остроухими лайками и 3) малая—въ родѣ комнатныхъ левретокъ. Рисунки см. у Imhoof Blumer'a und Otto Keller'a въ ихъ „Thier- und Pflanzenbilder auf Münzen und Gemmen“, Tafel I, Fig. 26, 36—40; Tafel XV, Fig. 33 und 34.

Авт.

озера[1]). Ладожская собака имѣла средній ростъ и общимъ сложеніемъ близко подходила къ „торфяной собакѣ“. Въ Россіи она, повидимому, имѣла широкое распространеніе; такъ цѣлый остовъ ея найденъ въ Волосовской неолитической стоянкѣ, близъ г. Мурома[2]), т.-е. въ средней Россіи.

Вмѣстѣ съ древне-ладожской собакой отыскались собаки совершенно другой породы, названной, въ честь проф. А. А. Иностранцева, Canis familiaris Jnostranzewi Anutzini[3]).

Эта собака отличалась крупнымъ ростомъ, быстротою бѣга, хорошо развитымъ чутьемъ, словомъ всѣми качествами, необходимыми для успѣшной охоты по крупному звѣрю. Полагаютъ, что такая порода могла произойти или непосредственно отъ волка, или отъ скрещиванія домашней собаки съ волкомъ, каковое часто практиковалось у галловъ и еще недавно у русскихъ для улучшенія породы борзыхъ и гончихъ собакъ[4]).

Въ послѣднее время получено извѣстіе, что швейцарскимъ натуралистомъ Штудеромъ установленъ еще одинъ новый видъ домашней древне-неолитической собаки, найденной также въ сѣверной Россіи, именно въ Бологовской стоянкѣ, и названной, въ честь изслѣдователя кн. Путятина, Canis familiaris Putiatini. Черепъ ея оказался болѣе всего похожимъ на черепъ австралійской собаки „динго“,

[1]) А. А. Иностранцевъ. „Доисторическій человѣкъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера“, стр. 55—80, статья Д. Н. Анучина „Собака, волкъ и лисица“.

[2]) Д. Н. Анучинъ. „Къ древнѣйшей исторіи домашнихъ животныхъ въ Россіи“.

[3]) Д. Н. Анучинъ. „Собака, волкъ и лисица“. Въ этой прекрасной работѣ приведены полныя свѣдѣнія о всѣхъ европейскихъ находкахъ собакъ каменнаго періода и приведена довольно обширная литература предмета. Предшествующая статья служитъ дополненіемъ этой работы.

[4]) По словамъ Э. Реклю, „волки и шакалы скрещиваются съ собаками и даютъ потомковъ, раса которыхъ поддерживается путемъ дальнѣйшихъ скрещиваній. Съ другой стороны, одичавшія собаки, смотря по мѣстности, принимаютъ типъ то волка, то шакала, то лисицы“.

— Э. Реклю. „Человѣкъ и земля“. Спб., 1908 г., стр. 12.

находящейся отчасти въ дикомъ или одичаломъ и отчасти въ прирученномъ состояніи. Интересно, что Штудеръ уже ранѣе отмѣчалъ такое же сходство между черепами собакъ швейцарскихъ свайныхъ построекъ и собакъ папуасовъ архипелага Новой Британіи [1]).

Въ Америкѣ прирученіе собаки состоялось также въ глубокой древности. Въ Перу, въ гробницахъ Анкона, удалось найти много собачьихъ мумій, изученіе которыхъ показало, что американскія собаки принадлежали къ различнымъ породамъ, не схожимъ съ европейско-африканскими древними породами. Американскихъ собакъ производятъ отъ сѣверо-американскаго волка (Lupus occidentalis) и отъ койте (Canis volatrans [2]). Ихъ употребляли для охоты и перевозки тяжестей [3]).

Въ первобытныхъ культурахъ, какъ современныхъ, такъ одинаково и древнихъ, собака играла большую роль: она то помогала человѣку въ охотѣ за разною дичью, то сторожила его жилище и семью, то переносила или перевозила имущество, то кормила своимъ мясомъ [4]) и одѣвала своимъ мѣхомъ, то, наконецъ, служила для развлеченія, какъ пріятный, жизнерадостный и вѣрный компаніонъ. Поэтому неудивительно, что къ ней одни народы относятся съ глубочайшимъ уваженіемъ, другіе почитаютъ за священное животное, окружаютъ имя ея различными миѳами и дѣлаютъ её спутникомъ разнаго рода религіозныхъ обрядовъ.

„Австралійцы, говоритъ Дюмонъ-Дюрвиль, пріучаютъ собакъ для охоты за малыми родами опоссумовъ и кэнгуру, а также для открытія слѣдовъ большихъ кэнгуру

---

[1]) D-r Studer. „Beitrag zur Kenntniss der Hunderacen in den Pfalbauten“. Archiv für Anthropologie, B. XII.

[2]) Nehring. „Ueber Rassebildung bei den Inca-Hunden“. Kosmos, 1884.

[3]) Д-ръ О. Шрадеръ. „Сравнительное языковѣдѣніе и первобытная исторія“. Спб., 1886 г., стр. 381.

[4]) J. Lubbock. „Prehistoric Times, 2-d edit.“, p. 427 and 451. —Ратцель. „Народовѣдѣніе“, стр. 88.

и эму, безъ чего добыча была бы весьма не легка. Обученная собака считается драгоцѣнностью, и дикари даютъ даже иногда собакѣ сосать свою грудь. Лейтенантъ Бретонъ повѣствуетъ, будто дикари австралійскіе убиваютъ дѣтей своихъ, чтобы вмѣсто нихъ кормить грудью щенятъ“ [1]).

Религія Зороастра возвела уваженіе къ собакѣ въ религіозный культъ. „Въ 13-фаргардѣ Вендидада богъ Агурамазда (Ормуздъ) говоритъ Заратустрѣ, своему пророку, слѣдующія слова: „Собаку создалъ я, о Заратустра! съ ея собственной одеждой, съ ея собственной обувью, съ сильнымъ обоняніемъ, съ острыми зубами, привязанную къ человѣку, для защиты загоновъ... Когда она здорова, когда она находится въ загонахъ (скота), когда она бодрствуетъ голосомъ (т.-е. лаетъ),—тогда не подходитъ къ веси ни воръ ни волкъ и не уноситъ изъ весей незамѣтно (имущество)... Кто убьетъ одну изъ этихъ собакъ... того душа, полная страха и болѣзни, идетъ изъ этого нашего (міра) въ міръ надземный... и не можетъ другая душа его душѣ по смерти оказать помощь, ибо страхъ и ужасъ внушаетъ она и тому міру, и не помогаютъ ей обѣ собаки, стерегущія мостъ (Чинватъ), послѣ смерти, ради страха и ужаса, наводимаго ею“ [2]). И такихъ примѣровъ можно было бы привести нѣсколько.

Собаки, по представленію многихъ древнихъ народовъ, то сопровождаютъ боговъ и богинь въ ихъ небесныхъ путяхъ, то стерегутъ входы въ загробный міръ, то являются вѣстниками смерти, то сами сопутствуютъ умершимъ.

Всё это прекрасно иллюстрируетъ значеніе собаки въ бытѣ народовъ и разъясняетъ отношеніе къ ней древняго неолитическаго человѣка, окруженнаго безпрерывными опасностями, отъ которыхъ часто спасалъ его этотъ вѣрный и чуткій спутникъ.

---

[1]) Дюмонъ-Дюрвиль. „Всеобщее путешествіе вокругъ свѣта“, ч. IX, стр. 325.

[2]) В. Ѳ. Миллеръ. „Значеніе собаки въ миѳологическихъ вѣрованіяхъ“. Древности, т. VI, в. III, стр. 197.

Шахты для добыванія кремня. Одною изъ главныхъ заботъ первобытнаго человѣка всегда являлось пріобрѣтеніе необходимыхъ матеріаловъ для выработки орудій. Въ продолженіе всего каменнаго періода такимъ матеріаломъ преимущественно служилъ кремень. Современные дикари, остающіеся въ каменной культурѣ, высоко цѣнятъ кремень за легкость раскола и твердость, и поэтому предпочитаютъ его всѣмъ другимъ породамъ камня. Но и кремень бываетъ не одинаковыхъ качествъ: въ одной мѣстности онъ раковистъ, въ другой — трещиноватъ, въ третьей — сухъ и плохъ для раскола; все это—недоброкачественные матеріалы. Хорошій кремень долженъ быть въ изломѣ чистымъ, почти какъ стекло, и въ обработкѣ легкимъ. Такимъ требованіямъ хорошо отвѣчаетъ кремень изъ древнихъ геологическихъ отложеній мѣла, и поэтому онъ всегда служилъ предметомъ усердныхъ поисковъ.

Палеолитическій человѣкъ пользовался, исключительно, естественными обнаженіями этого дорогого матеріала, собирая его по оврагамъ и отсыпямъ разрушающихся береговъ. Неолитическій человѣкъ пошелъ далѣе: онъ сталъ добывать этотъ матеріалъ посредствомъ шахтъ, ведя послѣднія иногда на значительную глубину и для выработки кремненоснаго слоя устраивая боковые ходы и галлереи, какими ведутъ выработку рудоносныхъ жилъ и современные горные инженеры.

Добытый такимъ путемъ кремень тутъ же, еще въ свѣжемъ видѣ, подвергался обработкѣ и затѣмъ расходился на далекія разстоянія.

Въ Западной Европѣ подобныхъ кремне-копныхъ шахтъ открыто довольно много. Онѣ извѣстны въ Сициліи [1]), Франціи [2]), Бельгіи [3]) и, вѣроятно, въ другихъ странахъ.

---

[1]) Проф. В. И. Модестовъ. „Введеніе въ Римскую исторію“, Спб., 1902 г., ч. I, стр. 52.

[2]) J. Lubbock. „Prehistoric Times“, 3-d edit., chapter IV.

[3]) A. de Loë et E. de Munck. „Ateliers et puits d'extraction de silex en Belgique, en France, en Portugal, en Amérique“, Paris, 1892.

Особенно богата имп Франція. Близъ Брандона находятся такъ называемыя „грязныя ямы“. Изслѣдованія Гриnуэля выяснили, что это настоящія шахты, пробитыя въ мѣловомъ отложеніи, съ цѣлью извлеченія кремня. Всего такихъ шахтъ оказалось около 250. Діаметръ каждой изъ нихъ варіировалъ между 10 и 30 аршинами, глубина же достигала аршинъ 16; другъ отъ друга онѣ располагались аршинъ на 10. Со дна шахтъ шли боковые ходы или галлереи, которые нерѣдко сообщались съ ходами сосѣднихъ шахтъ. Посредствомъ этихъ ходовъ и разрабатывались кремненосные слои.

Вся работа по сооруженію шахтъ и галлерей производилась кирками изъ оленьихъ роговъ и каменными топорами, которые часто ломались, тупились и бросались въ мусоръ, гдѣ и были найдены современными изслѣдователями. Выброшенная изъ шахтъ почва и мусоръ обыкновенно сваливались въ сосѣднюю покинутую шахту, и только около одной изъ нихъ (очевидно, первой) оказался холмъ, состоящій изъ почвы, выброшенной при работѣ.

Какъ высоко цѣнилась первобытнымъ человѣкомъ эта кремненосная мѣстность, можно судить по обильнымъ остаткамъ его жилищъ въ окрестностяхъ Брандона, безплодныхъ и малоудобныхъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ.

Не менѣе интересныя шахты найдены въ Бельгіи, близъ Спьенна. Онѣ располагаются въ 4—5 верстахъ къ юго-западу отъ г. Мона. Почва этой мѣстности слагается изъ сѣроватаго песчанистаго мѣла, въ которомъ и заключаются слои, изобилующіе кремневыми гальками.

Благодаря послѣднему обстоятельству, эта мѣстность, въ началѣ неолитической эпохи, сдѣлалась центромъ распространенія лучшаго кремня не только въ Бельгіи, но и въ сѣверной Франціи. Осколки кремня, не совсѣмъ доконченныя, сломанныя и случайно затерянныя орудія покрываютъ сплошь огромную площадь и массами обнажаются при вспашкѣ полей. Среди этой-то площади и удалось отыскать три шахты, шесть мастерскихъ и остатки пяти хижинъ.

Устройство шахтъ совершенно одинаково съ французскими: онѣ также имѣли видъ круглыхъ колодцевъ, со дна которыхъ шли боковыя галлереи, сообщающіяся другъ съ другомъ.

Глубина шахтъ варіировала между 11 и 17 аршинами, а діаметръ—около 2 аршинъ. Мѣстами на гладкихъ стѣнахъ шахтъ были видны слѣды ударовъ инструментами, каковыми, вѣроятнѣе всего, служили кремневыя орудія.

Въ мусорѣ, заполнившемъ шахты до верха, найдено множество кремневыхъ осколковъ и сломанныхъ отбивныхъ и полированныхъ орудій, а въ одной изъ шахтъ отысканъ плоскій, овальной формы известковый камень, приспособленный для привязи къ веревкѣ. При помощи этого камня, какъ полагаютъ изслѣдователи баронъ А. де-Лое и Е. де-Мюнкъ, поднимались и опускались въ шахту рабочіе и вытаскивались добытые куски кремня.

Ни въ Германіи, ни въ Австріи, ни въ Россіи подобныхъ шахтъ не было найдено. Возможно, что онѣ въ этихъ странахъ не существовали, и неолитическіе обитатели ихъ довольствовались сборомъ кремня на обнаженныхъ поверхностяхъ, а еще возможнѣе, что памятники эти еще не открыты. Въ Россіи онѣ могли быть въ мѣстахъ мѣловыхъ и отчасти известковыхъ отложеній.

Мастерскія. Мастерскія (atelier, Werkstatt) обыкновенно сопровождаютъ мѣста, богатыя кремнемъ. Близъ описанныхъ шахтъ для добыванія кремня ютились также и мастерскія.

Первое появленіе мастерскихъ относится къ глубочайшей древности, именно къ порѣ тесанныхъ орудій палеолитической эпохи, но особенно широкаго развитія онѣ достигли въ неолитической эпохѣ, когда болѣе сильно выразилось стремленіе къ спеціализаціи и раздѣленію труда. Въ это время мастерскія каменныхъ орудій возникали всюду, гдѣ только оказывались болѣе или менѣе подходящія для этого условія. Не говоря про страны Зап. Европы, гдѣ тщательныя и обширныя изслѣдованія привели

къ открытію множества подобныхъ памятниковъ, они найдены и въ Россіи въ достаточномъ количествѣ. Такъ остатки ихъ намъ извѣстны въ Тиманской тундрѣ, на берегу Ледовитаго океана [1]), на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря [2]), на берегахъ Волги близъ г. Старицы [3]), Казани [4]), на Окѣ недалеко отъ г. Рязани [5]), на Донцѣ [6]) къ югу отъ Славянска, на Днѣпрѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ. Характерною чертою неолитическихъ мастерскихъ служатъ скопленія осколковъ въ видѣ холмиковъ или грудъ, явленіе которыхъ указываетъ на установившійся порядокъ, требовавшій не засорять отбросами всю площадь мастерской, а по возможности убирать ихъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ. Въ Спьеннѣ съ послѣднею цѣлью выкапывались даже особыя ямы, куда и сбрасывались всѣ осколки и неудавшіяся или сломавшіяся подѣлки. Цѣлые предметы въ мастерскихъ находятся рѣдко; ихъ легче найти на мѣстахъ стоянокъ, обыкновенно расположенныхъ вблизи. Къ концу поры полированныхъ орудій, формы вырабатываемыхъ въ мастерскихъ предметовъ становились всё болѣе и болѣе выра-

---

[1]) Гр. А. С. Уваровъ. „Каменный періодъ“, т. I, стр. 229.

[2]) Ibid., стр. 343.

— П. К. Зенгеръ. „Поѣздка въ золотницкую фабрику доисторическихъ каменныхъ орудій“, Москва, 1877 г., стр. 2. Изъ проток. „Антропологической Выставки“.

[3]) Имп. Россійскій Историч. Музей, зала 2, круглая витрина. Представлена цѣлая мастерская, среди остатковъ которой находятся крупные куски кремня, составляющіе матеріалъ, приготовленный для выработки орудій, осколки, обычно сопровождающіе каменныя мастерскія, нуклеусы, сломанныя и недоконченныя подѣлки и т. п. На ряду со множествомъ кремней отыскались двѣ глиняныхъ бусины и нѣсколько обломковъ глин. посуды, характерной для неолитич. эпохи.

[4]) Гр. А. С. Уваровъ. „Каменный періодъ“, т. I, стр. 344.

[5]) С. Дубровичи, въ 12 верстахъ отъ г. Рязани. Обширная мастерская каменныхъ орудій открыта В. А. Городцовымъ на мѣстѣ совр. озерка „Кремневой музги“.

[6]) В. А. Городцовъ. „Результаты археологическихъ изслѣдованій въ Изюмскомъ уѣздѣ, Харьковской губ. 1901 года“, стр. 2 и 76.

зительными и разнообразными. Въ составъ орудій входятъ топоры, долота, копья, стрѣлы, ножи, пилы, скребки, проколки или шила, буравы, молоты, отбойники и др.

Неолитическій топоръ ранней поры представляетъ форму широкаго клина, обыкновенно тщательно заточеннаго по лезвію.

Долота встрѣчаются двухъ формъ: клиновидной и желобчатой. Клиновидная форма совершенно схожа съ формой топоровъ, но нѣсколько у́же; желобчатая имѣетъ изогнутое, иногда почти полукруглое, лезвіе. Послѣдняя форма явилась позже первой.

Древнѣйшіе наконечники неолитическихъ копій имѣютъ форму лавроваго листа. Позже имъ начинаютъ придавать видъ ромба, треугольника и т. п.

Стрѣлы повторяютъ формы копій, отличаясь отъ нихъ только мéньшими размѣрами. Оригинальными по формѣ являются лишь стрѣлы съ поперечнымъ лезвіемъ, сдѣланныя изъ пластинчатыхъ ножей, разбитыхъ поперекъ на отдѣльныя узкія части, при чемъ каждая такая часть и служила стрѣлой.

Ножи дѣлались разныхъ формъ: одни не отличались отъ наконечниковъ копій, другіе имѣли нѣсколько отличную продолговатую форму и третьи представляли изъ себя простыя пластинки кремня, сколотыя однимъ ударомъ или нажимомъ.

Пилы имѣли видъ пластинокъ кремня съ однимъ лезвіемъ, обработаннымъ зубцами. Полагаютъ, что такими пилами распиливались не только куски дерева, кости, но и камни.

Особеннымъ разнообразіемъ формъ отличались скребки: одни изъ нихъ широки и плоски, другіе продолговаты, третьи ножевидны, но съ тщательно-подправленными однимъ или двумя концами (grattoir и double grattoir).

Проколки представляютъ ножевидныя пластинки кремня съ обработанными въ форму шилъ однимъ, а иногда и обоими концами.

Буравы схожи съ проколками, но массивнѣе и крупнѣе размѣрами. Нѣкоторые археологи къ разряду буравовъ относятъ и тщательно обработанные коническіе нуклеусы.

Неолитическимъ молотамъ придавались формы овалovъ или цилиндровъ съ поперечными желобками, служившими для привязи ихъ къ рукояткѣ.

Наконецъ, для выработки изъ камня самихъ орудій употреблялись, хотя повидимому не вездѣ, особые отбойники то круглой, то призматической формы. Въ мастерской Спьенна отбойники оказались сдѣланными изъ кремня и имѣли формы шаровъ [1]).

Несомнѣнно большинство неолитическихъ кремневыхъ орудій снабжалось рукоятками, остатки которыхъ иногда случалось находить при изслѣдованіи культуръ этого времени. Рукоятки дѣлались изъ дерева, кости и рога оленей. Скрѣпленіе ихъ съ орудіями производилось посредствомъ расщеповъ и выдолбленныхъ втулокъ, то заливаемыхъ горною или растительною [2]) смолою, то затягиваемыхъ ремнями, сухожильями животныхъ, берестой и бичевками. Прекрасныя иллюстраціи этихъ скрѣпленій даютъ Дж. Эвансъ [3]), гр. А. С. Уваровъ [4]) и Т. Масонъ [5]).

При помощи такихъ орудій человѣкъ не только удовлетворялъ всѣ свои бытовыя нужды, но и производилъ вполнѣ художественныя вещи. Французскій археологъ Ребу, послѣ многихъ опытовъ, по словамъ Д. Н. Анучина, при-

---

[1]) A. de Loë et E. de Munck. „Ateliers et puits d'extraction de silex en Belgique, en France, en Portugal, en Amérique“, Paris, 1892, pl. XI, fig. 12 et 13.

[2]) Дюмонъ-Дюрвиль. „Всеобщее путешествіе вокругъ свѣта“, ч. IX, стр. 177. Жители Юго-зап. Австраліи пользуются для прикрѣпленія своихъ кремневыхъ орудій смолою растенія ксанторреи.

[3]) J. Evans. „Les âges de la pierre; instruments, armes et ornements de la Grande Bretagne“, traduit de l'anglais par É. Barrier, Paris, 1878.

[4]) Гр. А. С. Уваровъ. „Каменный періодъ“, т. I, стр. 38 и 39, табл. I.

[5]) „Report of the U. S. National museum, june 30, 1889“. „Aboriginal Skin Dressing“.

шелъ къ заключенію, что каменныя орудія въ работѣ весьма дѣйствительны и годятся для самыхъ разнообразныхъ цѣлей, представляя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже преимущество предъ металлическими [1]).

Пораженія, наносимыя боевыми каменными орудіями, вызываютъ невольное удивленіе. Въ пещерѣ Эйзисъ (Eyzies), въ департаментѣ Дордоньи, найденъ позвонокъ молодого оленя, глубоко пробитый наконечникомъ кремневой стрѣлы; судя по положенію послѣдней въ кости, охотникъ стрѣлялъ въ животное снизу вверхъ, и стрѣла, прежде чѣмъ вонзиться въ позвонокъ, прошла насквозь всѣ внутренности. Близъ Фонріаля, въ одномъ курганномъ погребеніи болѣе поздняго времени, найдена правая берцовая кость (tibia), въ которую вонзился кремневый наконечникъ стрѣлы и, не будучи извлеченъ, вызвалъ сильную роспухоль кости (exostose) [2]).

Всѣмъ извѣстна сила ударовъ каменныхъ топоровъ (томагауковъ) сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, перерубавшихъ съ одного удара руку человѣка. Съ такою же силой наносились удары и первобытными европейцами. Въ Шотландіи, въ одномъ могильникѣ, былъ вскрытъ костякъ покойника; одна рука его была почти отдѣлена отъ плеча ударомъ каменнаго топора, осколокъ котораго еще торчалъ въ кости [3]).

Черепъ древней неолитической женщины, похороненной въ Кроманьонской пещерѣ, оказался пробитымъ съ такою силою, что орудіе проникло до мозга.

Самые грубые дикари Австраліи и Америки, въ культурномъ отношеніи стоявшіе не выше неолитическихъ европейцевъ, при помощи каменныхъ орудій создавали не только вполнѣ законченные предметы своего быта, но и любили покрывать ихъ обильными рѣзными узорами.

---

[1]) „Антропологическая Выставка“, 1877 г., т. I, стр. 137.
[2]) Гр. А. С. Уваровъ. „Каменный періодъ“, т. I, стр. 240.
[3]) J. Lubbock. „Prehistoric Times“, 2-d edit., p. 90 and 91.

Жители Микронезіи, въ особенности жители Маршальскихъ и Каролинскихъ острововъ, во время открытія ихъ европейцами, были отличными мореплавателями; между тѣмъ для постройки своихъ быстроходныхъ парусныхъ судовъ они пользовались только каменными топорами [1]).

Жители Полинезіи (Таити, Помоту, Тонга, Самоа) и Новой Зеландіи украшали свои суда пышною рѣзьбою. Даже жалкіе пешересы умѣли своими каменными орудіями выдолбить изъ древеснаго ствола челнъ, годный для плаванія въ морскихъ заливахъ и у береговъ океана.

Не менѣе дѣйствительными каменныя орудія были и въ рукахъ неолитическаго человѣка: онъ также успѣшно выдалбливалъ ими челны, сооружалъ жилища и фабриковалъ необходимую утварь.

Жилища поры полированныхъ орудій. Жилища человѣка поры полированныхъ орудій представляютъ развитіе жилищъ, завѣщанныхъ ему человѣкомъ конца палеолитической эпохи. Въ составъ ихъ попрежнему входятъ убѣжища подъ скалами и пещеры. Новостью являются искусственныя пещеры, землянки и легкія сооруженія въ видѣ простыхъ шалашей, хотя послѣдніе также могли быть получены отъ палеолитическаго человѣка, остатки построекъ котораго, благодаря ихъ непрочности, легко могли не сохраниться до нашего времени.

Убѣжища подъ скалами. Эти убѣжища извѣстны во Франціи и въ Россіи. Въ первой они существовали въ Нижнемъ Ложери, Балюти и др. [2]). Французы ихъ относятъ къ палеолитической эпохѣ Салютре, но, судя по техникѣ орудій, эти памятники должны принадлежать къ началу неолитической эпохи. Орудія ихъ отличаются замѣчательною легкостью и изяществомъ. Они состоятъ изъ наконечниковъ

---

[1]) Ф. Гельвальдъ. „Естественная исторія племенъ и народовъ“, стр. 178.

[2]) Г. и А. Мортилье. „Доисторическая жизнь“, Спб., изд. 1903 г., стр. 508.

копій или, вѣрнѣе, ножей въ формѣ лавроваго листа, такихъ же наконечниковъ стрѣлъ, разнаго рода скребковъ, изъ которыхъ особенно замѣчательны такъ называемые „двойные скребки“ (double grattoir), тонко обработанные шила и буравчики. Всѣ эти виды являются вполнѣ обычными для поры полированныхъ орудій и массами встрѣчаются на рѣчныхъ дюнныхъ стоянкахъ Россіи. Своею изящною формою они обязаны обработкѣ камня при помощи „надавливанія“, т.-е. техники, которая, какъ мы выше говорили, въ Европѣ получила надлежащее развитіе только въ неолитическую эпоху.

Въ Россіи извѣстно одно убѣжище подъ скалами. Оно открыто К. С. Мережковскимъ въ 1879 году въ Крыму, на лѣвомъ берегу р. Бельбека, какъ разъ противъ пещеръ, характерныхъ для ранняго неолита. Найденныя здѣсь орудія относились къ сколотой техникѣ и отличались грубостью отдѣлки.

Любопытно отмѣтить, что бушмены въ Африкѣ [1]) и апачи въ С. Америкѣ [2]) пользуются убѣжищами подъ скалами еще и до настоящаго времени.

Пещеры. Пещеры представляютъ слишкомъ хорошую защиту отъ холода и непогоды, а поэтому неудивительно, что человѣкъ не переставалъ пользоваться ими не только въ неолитическую эпоху, но и въ болѣе позднее, и даже въ наше время.

Бушмены [3]), ведды [4]), австралійцы [5]), индѣйцы Пуэбло [6])

---

[1]) Гр. А. С. Уваровъ. „Каменный періодъ“, т. I, стр. 282.

[2]) Ф. Гельвальдъ. „Естественная исторія племенъ и народовъ“, т. II, стр. 19.

[3]) Ibid., т. I, стр. 417.

[4]) Э. Гроссе. „Происхожденіе искусства“, стр. 171.—Ш. Летурно. „Соціологія“, в. III, стр. 131.

[5]) Проф. Мензбиръ. „О цейлонскихъ веддахъ“. „Русская Мысль“, кн. VIII, 1897 г., августъ.

[6]) Ф. Гельвальдъ. „Естественная исторія племенъ и народовъ“, т. I, стр. 32.—Э. Гроссе. „Происхожденіе искусства“, стр. 156 и др.

и др. еще и теперь живутъ въ пещерахъ. Точно такъ же поступаютъ курды Кавказа, которые ежегодно зимуютъ въ пещерахъ, загоняя въ нихъ и домашній скотъ [1]). Въ Италіи, въ концѣ республики и въ эпоху цезарей, лигуры жили еще въ пещерахъ и искусственныхъ гротахъ, о чемъ упоминаетъ Діодоръ Сицилійскій, писатель I в. по Р. Хр.

Въ древнѣйшія времена пещерныя жилища пользовались еще бо́льшимъ распространеніемъ, такъ что остатки ихъ найдены рѣшительно на всѣхъ материкахъ. Они были весьма распространены и въ неолитическую эпоху, особенно въ пору полированныхъ орудій, когда человѣкъ пользуется не только естественными, но и искусственными пещерами. Отличительною чертою пещеръ этого времени является присутствіе въ культурныхъ слояхъ и отбросахъ полированныхъ или обработанныхъ при помощи надавливанія каменныхъ орудій и обломковъ глиняной посуды. Въ чистыхъ культурахъ этого времени ни разу не были найдены ни признаки земледѣлія и ткацкаго искусства ни признаки прирученныхъ стадныхъ животныхъ.

Во многихъ пещерахъ неолитической эпохи часто находятъ остатки погребеній, совершенныхъ съ соблюденіемъ опредѣленнаго ритуала. Нѣкоторыя изъ этихъ погребеній хотѣли пріурочить къ палеолитической эпохѣ, и, повидимому, никто не сомнѣвается въ принадлежности ихъ къ ранней порѣ неолитической эпохи. Однако мы, въ настоящемъ курсѣ, рѣшительно не можемъ указать такихъ пещерныхъ погребеній, которыя несомнѣнно относились бы къ этому времени. Напротивъ, имѣется много данныхъ для того, чтобы относить всѣ ихъ къ поздней порѣ неолита и особенно къ началу металлическаго періода, когда человѣкъ началъ охотно уступать свои пещерныя жилища мертвымъ. Такими данными представляются согнутое или скорченное положеніе покойниковъ, окрашиваніе ихъ краской, сожиганіе, нахожденіе при нихъ остатковъ стадныхъ

---

[1]) Труды V Арх. Съѣзда, стр. 182, 185 и 434.

животныхъ, земледѣлія и ткацкаго искусства [1]). Всѣ эти признаки чужды не только культурамъ палеолитической эпохи, но и культурамъ поры полированныхъ орудій.

Во Франціи, въ пещерѣ Масса (Départ. de l'Ariège), Ларте нашелъ подѣлки изъ кости и камня, выполненныя съ большимъ искусствомъ; присутствіе же между послѣдними стрѣлъ, снабженныхъ крючками, опредѣленно указываетъ имъ мѣсто среди памятниковъ неолитической эпохи. Между тѣмъ здѣсь не оказалось никакихъ признаковъ ни земледѣлія ни скотоводства [2]). Въ составъ кухонныхъ отбросовъ пещеры входили кости зубра, каменнаго барана и различныя породы оленя; а изъ бытовыхъ вещей оказались только обломки глиняной посуды.

Такое же явленіе наблюдается и въ русскихъ пещерахъ этого времени.

Въ 1879 году К. С. Мережковскій подвергъ изслѣдованію цѣлый рядъ пещеръ въ Крыму, близъ Ялты и на берегахъ рѣкъ Бельбека, Качи и др. Во всѣхъ этихъ пещерахъ найдена однородная культура, характеризовавшаяся присутствіемъ очаговъ, костей животныхъ, большимъ количествомъ оббивныхъ орудій, костяныхъ подѣлокъ, обломковъ глиняной посуды и, наконецъ, костей самого человѣка; послѣднія лежали разсѣянно въ видѣ отдѣльныхъ костей и въ небольшомъ количествѣ.

Остатки животныхъ принадлежали современнымъ видамъ; таковы: Cervus capreolus, Bos bubalus, Sus scrofa (кабанъ), Canis familiaris, Lacerta sp. (ящерица), Tropidonotus sp. (змѣя) и др., а также птичьи кости, рыбьи позвонки и чешуйки и два вида моллюсковъ. Изъ всѣхъ встрѣченныхъ животныхъ прирученнымъ является одна лишь собака (Canis familiaris.)

---

[1]) Проф. В. П. Модестовъ. „Введеніе въ Римскую исторію“, ч. I, стр. 29.

[2]) Акад. К. М. Бэръ. „О первоначальномъ состояніи человѣка въ Европѣ“, стр. 38.

Кремневыя орудія представляютъ изъ себя многочисленныя тонкія ножевидныя пластинки, среди которыхъ особенно замѣчательны наконечники стрѣлъ съ поперечными лезвіями, сдѣланные изъ тѣхъ же ножевидныхъ пластинокъ. Эти интересныя орудія встрѣчаются въ составѣ неолитическихъ культуръ дюнныхъ стоянокъ Днѣпра[1]) и Вислы[2]), въ торфянникахъ Даніи, гдѣ ихъ находили съ уцѣлѣвшими древками, къ которымъ они прикрѣплялись мочалками[3]), во Франціи въ искусственныхъ погребальныхъ пещерахъ долины р. Petit Morin, поздней поры неолита[4]), и, наконецъ, въ Египтѣ при покойникахъ древнѣйшихъ погребеній, гдѣ стрѣлы эти оказались прикрѣпленными къ тростниковымъ древкамъ при помощи горной смолы[5]).

Еще бо́льшій интересъ представляютъ искусственныя пещеры, впервые открытыя въ Россіи въ 1876 году проф. В. Б. Антоновичемъ на берегахъ р. Днѣпра, на пространствѣ около 100 верстъ отъ Межигорья до села Монастырки[6]). Всего имъ открыто 45 пещеръ, изъ которыхъ „7 могутъ быть

---

[1]) Херсонскій музей древностей, коллекція В. П. Гошкевича. Г. Херсонъ.

[2]) Гр. А. С. Уваровъ. „Каменный періодъ“, т. I, стр. 284, т. II, табл 41, рис. 1650, 1651, 1653; табл. 44, рис. 1984.

[3]) Madsen. „Antiquités préhistoriques du Danemark“, „L'âge de la pierre“, Copenhague, 1869, pl. XX.— Гр. А. С. Уваровъ. „Каменный періодъ“, т. I, стр. 284, рис. 54.

[4]) Baron de Baye. „Un dépôt de flèches à tranchant transversal dans les stations du Petit Morin“.—Л. Индерле. „Человѣчество въ доисторическія времена“, стр. 83, рис. 50.

[5]) J. Evans. „Les âges de la pierre“ etc., Paris, 1878, p. 362, 402, fig. 272.—Гр. А. С. Уваровъ. „Каменный періодъ“, т. I, стр. 284, рис 55.

Изданіе наконечниковъ подобныхъ стрѣлъ дастъ Sven Nilsson въ его: „ Les habitants primitifs de la Scandinavie, première partie“. „L'âge de la pierre“, pl. II, 36 et 37, pl. XVI, 266—268.

[6]) В. Б. Антоновичъ. „Археологическія находки и раскопки въ Кіевѣ и въ Кіевской губерніи въ теченіе 1876 года“. „Чтенія въ Истор. Обществѣ Нестора Лѣтописца“, кн. I, стр. 244—250.

отнесены съ бо́льшею или ме́ньшею вѣроятностью къ числу пещеръ, имѣвшихъ связь съ пустынножительствомъ". Бо́льшая часть ихъ находится въ г. Кіевѣ, преимущественно въ оврагѣ у Кирилловскаго монастыря. Всѣ онѣ вырыты въ лёссѣ.

Днѣпровскій лёссъ въ данномъ районѣ представляетъ слой толщиною въ 2—$2^1/_2$ сажени, лишь мѣстами достигающій 4 саженъ и болѣе. Въ этомъ слоѣ, пользуясь его водоупорностью и устойчивостью, неолитическій человѣкъ соорудилъ свои жилища по образцу естественныхъ пещеръ, съ которыми онъ, очевидно, хорошо былъ знакомъ ранѣе заселенія днѣпровскаго берега. Эти жилища представляютъ видъ длинныхъ сводообразныхъ коридоровъ до $2^1/_2$ аршинъ высотою и до $1^1/_2$ аршинъ шириною, врѣзающихся въ грунтъ въ различныхъ направленіяхъ. Одна изъ пещеръ была прорѣзана спирально и представляла полный оборотъ винта въ 100 шаговъ длиною. При изслѣдованіи этой пещеры найдены кухонные остатки, состоявшіе изъ раковинъ рѣчныхъ моллюсковъ (Anadonta Cygnaea и Unio pictorum), костей животныхъ и рыбъ, а также обломковъ глиняной посуды. Отдѣльно находился очагъ, сложенный изъ закопченыхъ и сильно прокалённыхъ камней.

Кости животныхъ принадлежали быку, свиньѣ и лошади. „Судя по незначительному, относительно, количеству костей этихъ животныхъ въ кучѣ кухонныхъ остатковъ, говоритъ В. Б. Антоновичъ, можно полагать, что жители, употреблявшіе ихъ въ пищу, пользовались только изрѣдка экземплярами дикихъ животныхъ этихъ породъ"[1]).

Кости не носили слѣдовъ вліянія огня и рѣжущихъ орудій; изломы ихъ представлялись неправильными и, по мнѣнію изслѣдователя, „произошли, вѣроятно, отъ раздробленія костей ударами большихъ камней".

Изъ рыбьихъ костей сохранились позвонки мелкихъ прѣсноводныхъ рыбъ.

---

[1]) Ibid., стр. 249.

„Кромѣ этихъ пищевыхъ остатковъ въ кучѣ (кухонныхъ отбросовъ) оказались и произведенія человѣческаго искусства: осколки глиняныхъ сосудовъ и каменныхъ орудій. Глиняная посуда была слѣплена безъ помощи гончарнаго колеса изъ бурой или красноватой глины, не очищенной и содержащей въ значительномъ количествѣ зёрна кварца — выжжена она была очень плохо: только наружныя поверхности стѣнокъ сосудовъ представляютъ выжженныя, болѣе плотныя пластинки, между тѣмъ какъ вся толщина стѣнокъ состоитъ изъ бурой, землистой, губчатой массы. На стѣнкахъ сосудовъ не замѣчено вовсе признаковъ орнаментовъ. Среди кучи раковинъ найдены были: кремневый nukleus неправильной формы и довольно большой кусокъ краснаго желѣзняка (песчаника), округленный съ одной стороны и съ другой стороны представляющій трехгранное пирамидальное остріе“... „Наконецъ, нѣсколько дальше отъ входа, на днѣ пещеры, найденъ былъ отломокъ кремневой пилы, съ мелкими зубцами на вогнутомъ краѣ орудія, весьма тщательно отдѣланными посредствомъ ряда мелкихъ ударовъ“ [1]).

Въ нѣкоторыхъ пещерахъ удалось прослѣдить отверстія для выхода дыма, устроенныя какъ разъ надъ очагами, а между кухонными отбросами отыскать кости птицъ и, повидимому, прирученной собаки.

Въ общемъ культура днѣпровскихъ искусственныхъ пещеръ представляется довольно простою, не осложненною ни признаками скотоводства ни признаками земледѣлія.

Гораздо сложнѣе оказываются культуры польскихъ пещеръ [2]). Въ этихъ пещерахъ, кромѣ остатковъ палеолитической культуры, по свидѣтельству Г. О. Оссовскаго,

---

[1]) Ibid., стр. 249.

[2]) Гр. А. С. Уваровъ. „Каменный періодъ“, т. I, стр. 285 и др.— „Wiadomosci archeologiczne“, II, III. —Г. О. Оссовскій. „О геологическомъ и палеоэтнологическомъ характерѣ пещеръ юго-западной окраины Россіи“.

найдены: „очаги, жертовые камни, кремневыя и каменныя колотыя и шлифованныя орудія (ножи, скребки, пилы, долота, сѣкиры, молотки и куранты)... а также костяныя или изъ звѣриныхъ зубовъ и клыковъ украшенія (подвѣски) и т. п., керамика какъ простая, такъ и терракотовая и расписная (малёванная), состоящая изъ сосудовъ, грузилъ, украшеній и фигурокъ религіознаго значенія, представляющихъ очертанія какъ человѣческія, такъ и звѣриныя,—разныя, наконецъ, подѣлки (орудія и украшенія) изъ костей рыбъ и изъ створокъ ископаемыхъ и рѣчныхъ видовъ раковинъ“ [1]). Среди же остатковъ животныхъ обнаружены слѣдующіе виды:

1) медвѣдь бурый (Ursus arctos);
2) барсукъ (Meles taxus);
3) лошадь (Equus caballus);
4) волъ (Bos tavrus);
5) олень (Cervus elaphus);
6) лось (Cervus alces);
7) лань (Cervus dama);
8) серна (Cervus capreolus);
9) коза горная (Antilope rupicapra);
10) коза домашняя (Capra hircus);
11) овца (Ovis aries);
12) дикій кабанъ (Sus scrofa fer.);
13) домашняя свинья (Sus scrofa domest.);
14) лисица (Vulpes vulgaris Gray);
15) волкъ (Canis lupus);
16) собака домашняя (Canis domest.);
17) рысь (Felis lynx);
18) кошка лѣсная (Felis catus silv.);
19) кошка домашняя (Felis domest.);
20) заяцъ (Lepus timidus);
21) бобръ (Castor fiber). [2])

---

[1]) Ibid., стр. 85.
[2]) Ibid., стр. 22 и 23.

Такимъ образомъ среди культурныхъ остатковъ польскихъ пещеръ мы находимъ и памятники земледѣлія, въ видѣ жернововъ и курантовъ, и памятники скотоводства, въ видѣ остатковъ вола, козы, овцы, свиньи, собаки, даже кошки, и, наконецъ, памятники религіознаго назначенія. Всё это— признаки высокой культуры, несвойственной европейскимъ культурамъ ранней поры неолитической эпохи. Поэтому невольно зарождается сомнѣніе въ принадлежности всѣхъ памятниковъ къ одному времени, къ одной порѣ полированныхъ орудій. И, дѣйствительно, внимательное изслѣдованіе всѣхъ явленій, сопутствующихъ поименованнымъ памятникамъ, скоро убѣждаетъ, что отложеніе ихъ въ слояхъ пещеры совершалось въ разныя времена не только неолитической эпохи, но и металлическаго періода съ желѣзной эпохой включительно.

Совершенно то же слѣдуетъ сказать и въ отношеніи громаднаго большинства сосѣднихъ пещеръ Австріи и далѣе Италіи, Франціи и др., гдѣ пещерами пользовались продолжительное время. Въ тѣхъ же рѣдкихъ случаяхъ, когда пещеры этихъ странъ оказывались съ культурными наслоеніями только одной ранней поры неолитической эпохи, то онѣ всегда характеризовались присутствіемъ: 1) кремневыхъ орудій, обработанныхъ при помощи надавливанія и рѣже полированія, 2) глиняной посуды, 3) остатками или слѣдами домашней собаки и 4) полнымъ отсутствіемъ признаковъ земледѣлія и скотоводства.

Ямы. Жилища въ ямахъ или землянкахъ представляютъ переходъ отъ пещеръ къ обыкновеннымъ постройкамъ. Стѣны этихъ жилищъ составляли голые или облицованные деревомъ и камнями бока ямы, а прикрытіемъ служили бревенчатые накатники, заслоны или шалаши, сверху засыпанные землею. Такія жилища еще существуютъ у многихъ арктическихъ современныхъ народовъ; такъ мы ихъ находимъ у сѣверо-американскихъ эскимосовъ [1]), игнали-

[1]) Ф. Гельвальдъ. „Естественная исторія племенъ и народовъ, стр. 283– 314.

ковъ у Юкона [1]), жителей Нартова залива [2]), камчадаловъ [3]) и др.

Въ подобныхъ жилищахъ обитали, по свидѣтельству древнихъ писателей, славяне [4]) и германцы [5]), а по даннымъ первобытной археологіи, такія жилища были весьма распространенными и въ болѣе отдаленныя доисторическія времена, при чемъ въ раннюю пору неолитической эпохи, они еще носили всѣ признаки связи съ пещерными жилищами. Такъ, на ряду съ кіевскими искусственными пещерами на Загоровщинѣ, въ Балашовомъ оврагѣ, по словамъ О. Вильчинскаго [6]), найдена глубокая четырехугольная яма съ нѣсколькими уступами для входа; а на спускѣ береговой горы открыты еще двѣ круглыя вертикальныя ямы, имѣющія видъ глубокихъ колодцевъ съ остатками очень длинныхъ лѣстницъ. Послѣднія двѣ ямы на половинѣ своей глубины оказались соединенными горизонтальною пещерою въ ростъ человѣка. На днѣ и около отверстій всѣхъ ихъ лежали слои ракушекъ (Unio pictorum, Anadonta anatica), перемѣшанныхъ съ рыбьими костями и грубыми черепками посуды, совершенно схожими съ найденными въ древне-неолитическихъ пещерахъ, что и позволяетъ отнести происхожденіе ямъ къ тому же времени.

По мѣрѣ утраты связи съ пещерами, ямы получали всё мéньшіе и мéньшіе размѣры, очевидно, приспособля-

---

[1]) Ibid., „Кепаи“, стр. 337.

[2]) Загоскинъ. „Путешествіе по русской Америкѣ“, стр. 83.

[3]) С. Крашенинниковъ. „Описаніе земли Камчатки“, т. II, гл. IV, стр. 37.

[4]) Ибнъ-Даста. „Книги драгоцѣнныхъ сокровищъ X в. по Р. Хр.“ А. Я. Гаркави. „Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русахъ“, Спб., 1870 г., стр. 266.—И. З. Тиховъ. „Матеріалы для исторіи развитія славянскаго жилища“. Изв. Общества Арх. Ист. и Этногр. при Имп. Казанск. Унив., т. IX, в. I.

[5]) Тацитъ. „Германія“.

[6]) О. Вильчинскій. „Очеркъ древнѣйшей культуры русскихъ областей“, стр. 8.

емые для покрытія ихъ коническими или скатными крышами. Такія ямы, извѣстныя у западныхъ народовъ подъ разными названіями (Ustrinen, Trichtergruben, mardelles, penpits, weems, fondi di capanne и др.), встрѣчаются въ большомъ количествѣ на всемъ материкѣ Европы. Всѣ онѣ довольно однообразны и съ поверхности почвы представляются пепелисто-сѣрыми или темными пятнами круглой и овальной формы, подъ которыми открываются котлообразныя углубленія, наполненныя разнаго рода кухонными отбросами и случайно затерянными, иногда совершенно цѣлыми, предметами домашняго быта. Обыкновенно въ центрѣ ихъ находится очагъ. Въ Россіи такія ямы были прослѣжены въ неолитическихъ стоянкахъ близъ г. Балахны, Нижегородской губ. [1]), въ с. Дубровичахъ, верстахъ въ 12 отъ г. Рязани [2]), въ Кіевѣ [3]) и др. мѣстностяхъ, при чемъ въ послѣднемъ изъ названныхъ пунктовъ эти ямы, какъ по своей формѣ, такъ и по формѣ очаговъ, вырытыхъ въ стѣнахъ, и другимъ признакамъ, должны относиться уже къ болѣе позднему времени.

Шалаши и другіе виды жилищъ. Жилища первобытнаго человѣка уже съ поры сколотыхъ орудій соображались съ требованіями климата и быта. Даже въ то время человѣку пришлось устраиваться въ тепломъ климатѣ и лѣтомъ иначе, чѣмъ въ холодномъ климатѣ и зимою. Съ развитіемъ же культурности человѣка и его жилища должны были удовлетворять еще бо́льшимъ требованіямъ и

---

[1]) А. А. Спицынъ. „Стоянка каменнаго вѣка близъ г. Балахны“, Спб., 1905 г., стр. 4 и 5. Отт. изъ Зап. Русск. Отд. Имп. Русск. Арх. Общ., т. II.

[2]) В. А. Городцовъ. „Жилища неолитической эпохи въ долинѣ р. Оки“, стр. 20—23. Отт. изъ Труд. VIII Арх. Съѣзда, т. I. — Его же. „Археологическія изслѣдованія въ долинѣ р. Оки, 1898 г.“, стр. 22—26.

[3]) В. В. Хвойко. „Каменный вѣкъ средняго Приднѣпровья“. Труды XI Арх. Съѣзда, т. I, стр. 754 — 763. — „Археолог. Изв. и Замѣтки“, 1898 г. №№ 11 и 12, стр. 378.

получить еще бо́льшее разнообразіе. У неолитическаго человѣка поры полированныхъ орудій, помимо жилыхъ пещеръ и ямъ, несомнѣнно существовали и болѣе легкія жилища въ видѣ шалашей, устраиваемыхъ то на деревьяхъ, то на поверхности земли, хотя и онъ, подобно своему предшественнику и отдаленнымъ потомкамъ, легко могъ обходиться и безъ всякаго крова.

„Поищите хорошенько, говоритъ Э. Реклю, и вы, навѣрно, найдете пещерныхъ обитателей въ Парижѣ и Лондонѣ. Здѣсь попадаются и люди, живущіе въ шалашахъ, построенныхъ изъ всевозможныхъ обломковъ и древесныхъ вѣтокъ; про такихъ же, которымъ приходится проводить ночь подъ открытымъ небомъ, на голой землѣ, нечего и говорить“ [1]).

Во время всероссійской народной переписи, счетчики отыскали въ г. Москвѣ цѣлыя семейства, проживающія зимы въ парниковыхъ кучахъ навоза, а лѣтомъ скитающіяся въ окрестностяхъ города безъ всякаго крова.

Апачи выказываютъ особенное отвращеніе ко всему, что походитъ на домъ. Они только въ исключительныхъ случаяхъ строятъ хижины изъ легкихъ вѣтвей и кустарника; когда же становится слишкомъ холодно, то отыскиваютъ углубленія въ землѣ, или же строятъ изъ земли, камней и листьевъ родъ котла, въ 1 метръ въ поперечникѣ и въ ½ метра глубины; скорчившись, садятся въ него совсѣмъ голые, бо́льшею частью въ одиночку, и встаютъ только на другой день, когда солнце согрѣетъ ихъ окоченѣвшіе члены; отъ дождя прячутся подъ скалами и деревьями, а прочее время проводятъ въ открытомъ полѣ [2]).

Такъ же поступаютъ бушмены. Если у нихъ нѣтъ овчинъ, то они нагрѣваютъ огнемъ землю въ длину своего

---

[1]) Э. Реклю. „Человѣкъ и Земля“, кн. I, стр. 99.

[2]) Ф. Гельвальдъ. „Естественная исторія племенъ и народовъ“, т. I, стр. 417.

тѣла, перемѣшиваютъ горячій песокъ съ холоднымъ и зарываются въ него [1]).

Многія племена Австраліи также обходятся безъ всякаго крова [2]). Въ жаркихъ тропическихъ странахъ, гдѣ, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, находится колыбель человѣчества, жилищами дикихъ племенъ служатъ густые кустарники. Нерѣдко такими кустарниками пользуются и жители холодныхъ арктическихъ странъ. Въ зимнее время тунгусъ живетъ охотой. „Тогда онъ, по словамъ Н. В. Слюнина, не знаетъ ни устали, ни холода, ни голода. Ночуетъ подъ кустомъ или въ снѣгу“ [3]). Не стѣсняются такихъ ночёвокъ и другія охотничьи и бродячія племена Америки, Сибири и Россіи.

Въ жаркихъ странахъ жилищами нерѣдко являются большія деревья. Цейлонскіе ведды бо́льшую часть своей жизни проводятъ подъ открытымъ небомъ, располагаясь для отдыха у подножья большихъ деревьевъ; но если имъ будетъ извѣстно, что по близости ихъ стоянокъ появились слоны, то, во избѣжаніе опасности, они устраиваются на ночь на вѣтвяхъ крупныхъ деревьевъ [4]). Нѣкоторые изъ жителей Ю. Индостана устраиваютъ на такихъ деревьяхъ свои постоянныя жилища, напоминающія большія гнѣзда птицъ [5]). Такимъ же образомъ, но болѣе капитально, устраиваются и нѣкоторые жители Новой Гвинеи, Суматры, Сахары и Судана, иногда помѣщая съ собою и мелкій домашній скотъ. Въ древности жилища на деревьяхъ, повидимому, пользовались еще бо́льшимъ распространеніемъ. О нихъ сохранились воспоминанія у многихъ цивилизованныхъ народовъ. Индійцы и египтяне считаютъ

[1]) Ibid., „Африка“, стр. 21.

[2]) Ibid., „Австралійскіе туземцы“, стр. 33.

— J. Lubbock. „Prehistoric Times“, 2-d edit., p. 427.

[3]) Н. В. Слюнинъ. „Охотско-Камчатскій край“, т. I, стр. 374.

[4]) Проф. Мензбиръ. „Цейлонскіе ведды“ и пр. „Русская Мысль“, годъ XVIII, кн. VIII, 1897 г., августъ.

[5]) Ш. Летурно. „Соціологія“, ч. III, стр. 160.

деревья жилищами умершихъ предковъ, а дикія племена ассинибойновъ, австралійцевъ и вымершихъ тасманійцевъ хоронили своихъ покойниковъ на деревьяхъ и въ ихъ дуплахъ. Такъ же поступаютъ черные татары со своими покойниками[1]) и юкагиры съ умершими шаманами[2]).

Ниже мы увидимъ, что жилища мертвыхъ обыкновенно подражаютъ жилищамъ живыхъ, а это доказываетъ, что предки всѣхъ племенъ, связывающихъ съ деревьями представленіе о жилищахъ умершихъ, дѣйствительно нѣкогда жили на деревьяхъ. Принимая же во вниманіе, что въ человѣческомъ организмѣ доселѣ сохраняются рудименты, говорящіе о бывшей у человѣка способности лазанія по деревьямъ, мы въ правѣ заключить объ особенной распространенности древесныхъ жилищъ въ болѣе отдаленныя времена человѣческой жизни и, между прочимъ, въ раннюю пору неолитической эпохи. Къ сожалѣнію, отъ такихъ жилищъ глубокой древности едва ли могутъ сохраниться какіе-нибудь остатки.

Повидимому, болѣе широкимъ распространеніемъ, въ разсматриваемую пору неолитической эпохи, пользовались простые шалаши, устраиваемые на поверхности почвы. Самые примитивные изъ нихъ имѣютъ формы заслоновъ, защищающихъ отъ вліянія погоды только съ одной стороны. Такіе заслоны сохранились у веддовъ[3]) и австралійцевъ[4]), при чемъ первые окружаютъ ихъ для защиты отъ звѣрей кругами изъ колючихъ растеній.

---

[1]) И. М. Ядринцевъ. „Описаніе сибирскихъ кургановъ и древностей". Труды Моск. Арх. Общ., т. IX, в. II—III, стр. 189.

[2]) В. Іохельсонъ. „Бродячіе роды тундры". „Живая Старина", вып. I—II, 1900 г., стр. 181.

[3]) Проф. Мензбиръ. „Цейлонскіе веддыа". „Русская Мысль", 1897 г., августъ.

[4]) Ф. Гельвальдъ. „Естественная исторія племенъ и народовъ", стр. 33.

— J. Lubbock. „Prehistoric Times", 2 edit., стр. 427.

Далѣе слѣдуютъ ульевидные шалаши, составленные изъ согнутыхъ въ дугу длинныхъ прутьевъ, и, наконецъ, коническіе шалаши изъ кольевъ или жердей, связанныхъ верхними концами вмѣстѣ и разставленныхъ нижними концами по окружности болѣе или менѣе правильнаго круга. Эти формы, лишь съ небольшими видоизмѣненіями, существуютъ у бѣднаго и менѣе культурнаго населенія повсюду. Остатки ихъ найдены и среди раннихъ неолитическихъ стоянокъ.

Въ 1889 году на поверхности одной изъ окскихъ дюнъ были обнажены вѣтромъ характерные остатки сгорѣвшаго неолитическаго шалаша. Основаніе его имѣло форму эллипсиса съ осями въ 9 и 7 аршинъ. Остовъ шалаша состоялъ изъ кольевъ или сучьевъ, около $1^1/_2$ вершка толщиною, а покрытіемъ, повидимому, служили мелкіе сучья и трава. Какъ внутри, такъ и вокругъ шалаша лежали въ значительномъ количествѣ обломки битой посуды съ характернымъ неолитическимъ орнаментомъ и двѣнадцать обломковъ тонкихъ кремневыхъ пластинокъ—ножей [1]).

Такіе же слѣды жилищъ и съ такими же черепками глиняной посуды и каменными орудіями находятъ около Кёнигсберга на песчаной косѣ (Kurische Nehrung), отдѣляющей Куришъ-гафъ отъ Балтійскаго моря [2]).

Слѣды подобныхъ жилищъ на раннихъ неолитическихъ стоянкахъ можно замѣтить даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ ихъ остова и крыши не сохраняется никакихъ остатковъ. „Человѣкъ, обитавшій въ подобныхъ жилищахъ въ теченіе продолжительнаго времени, говоритъ Л. Нидерле, устраивалъ въ немъ свой очагъ и оставлялъ около него отбросы своей трапезы. Вслѣдствіе этого почва такого жилища скоро начинала отличаться отъ окружающей, и даже теперь, когда самыя жилища давнымъ-давно

[1]) В. А. Городцовъ. „Жилища неолитической эпохи въ долинѣ р. Оки“, стр. 11 и 12.

[2]) Ibid., стр. 11, примѣч. редакціи.

исчезли, мѣста, гдѣ они стояли и гдѣ мы находимъ черную землю, золу и разные отбросы, указываютъ намъ, что на нихъ когда-то стояло жилье человѣка“ [1]).

Стоянки. Жизнь среди природы передвижными стоянками подъ открытымъ небомъ является особенно характерною для поры полированныхъ орудій. Пещеры, ямы и другія неподвижныя жилища, которыя сооружались въ землѣ въ это время, повидимому, обслуживали человѣка лишь на короткое время зимнихъ стужъ, да и то не повсюду; при нормальныхъ же условіяхъ всё двигалось, всё жило, не скрываясь и неособенно боясь суровости природы, лишь бы она не являлась совершенно невозможною для жизни. Примѣры современныхъ полудикихъ обитателей холодныхъ арктическихъ и жаркихъ тропическихъ странъ, своею культурою только немного превышающихъ неолитическаго человѣка, хорошо иллюстрируютъ жизнь послѣдняго.

„Самоѣды, говоритъ акад. Ив. Лепехинъ, какъ лѣтомъ, такъ и зимою, живутъ въ тундрахъ или въ лѣсахъ артелями, а не всѣ совокупно, и на одномъ мѣстѣ долго не бываютъ, но переѣзжаютъ съ мѣста на мѣсто со всѣми домашними вещами и оленями, гдѣ для корму оленей и для промыслу лучшія выгоды найти могутъ“ [2]).

„Менегирцы на р. Амурѣ, несмотря на благопріятныя почвенныя условія, не обратились къ земледѣлію или скотоводству, а остались вѣрными своему бродячему образу жизни. На Амурѣ ихъ привлекаетъ рыбная ловля, и потому ихъ обыкновенно можно встрѣтить только весною и лѣтомъ, тогда какъ осенью и зимою они охотятся въ горныхъ хребтахъ къ сѣверу и къ югу отъ Амура“... „Такъ какъ и непосредственные сосѣди менегирцевъ по Амуру, орочоны, ведутъ подобную же бродячую жизнь, то опре-

[1]) Л. Шидерле. „Человѣчество въ доисторическія времена“, стр. 88.

[2]) П. Лепехинъ. „Дневныя записки путешествія“, 1768 — 69 г., ч. IV, стр. 291.

дѣлить съ точностью взаимныя границы тѣхъ и другихъ весьма трудно“ [1]).

Такъ живутъ и всѣ полудикія племена полярныхъ и тропическихъ странъ, и не можетъ быть никакого сомнѣнія, что такъ же жили и неолитическіе народы поры полированныхъ орудій, когда, за отсутствіемъ высококультурныхъ народовъ, оберегающихъ неприкосновенность своихъ владѣній, еще болѣе представлялось простора и свободы для всевозможныхъ передвиженій, предѣлъ которымъ полагала только природа. Невѣроятные холода полярныхъ острововъ, сухость воздуха подтропическихъ и тропическихъ пустынь, безпрерывные ливни дождя въ мѣстахъ обильныхъ атмосферныхъ осадковъ, вотъ главные агенты, которые ограничивали, какъ и теперь еще ограничиваютъ, свободу передвиженія и разселенія народовъ. Всѣ же сколько-нибудь удобныя пространства суши оказались занятыми человѣкомъ уже въ неолитическую эпоху. Непроходимые лѣса, болота, лютые звѣри и нестерпимыя насѣкомыя также сдерживаютъ напоръ людей, но уже неолитическій человѣкъ не разъ одерживалъ верхъ надъ этими невзгодами и понемногу отвоевывалъ въ свою пользу всё бо́льшія и бо́льшія области.

Переходя съ одного мѣста на другое, народы и племена, естественно, приходили въ разнообразныя соприкосновенія другъ съ другомъ; но эти соприкосновенія въ раннюю пору неолитической эпохи, повидимому, не носили того грознаго характера, какой они получили въ болѣе позднее время. Ихъ удобнѣе всего было бы сравнивать съ отношеніями другъ къ другу бродячихъ австралійскихъ племенъ. Эти племена постоянно передвигаются съ мѣста на мѣсто, однако держась въ предѣлахъ той области, которую каждое племя считаетъ своею. Только въ такихъ областяхъ они свободно двигаются „то къ рѣчкамъ и рѣкамъ, гдѣ можно наловить рыбы; то къ мѣстамъ, которыя

[1]) Л. Шренкъ. „Объ инородцахъ Амурскаго края“, т. I, стр. 42.

служатъ пастбищами для кэнгуру; то къ чащѣ лѣса, чтобы раздобыть матеріалъ для изготовленія оружія и орудій; то къ мѣстамъ, гдѣ въ извѣстное время года созрѣваютъ плоды хлѣбнаго дерева“ [1]).

Вся жизнь ихъ находится въ зависимости отъ обилія или истощенія животной и растительной пищи въ данномъ районѣ. Когда рѣшено перемѣнить мѣсто стоянки, то главарь племени рано утромъ сообщаетъ объ этомъ всѣмъ шалашамъ, и всё выступаетъ въ путь.— „Предметы, необходимые въ пути, говоритъ Броу Смитъ, несутся съ собою; предметы же другого сорта остаются спрятанными въ покидаемыхъ шалашахъ или прячутся въ дупла деревъ, подъ камни, въ кусты“... „Нагруженные своимъ оружіемъ и снарядами, своими плетенками и шкурами, они пробираются черезъ чащу небольшими группами. Мужчины идутъ обыкновенно съ мужчинами, женщины съ женщинами. Несмолкаемая болтовня и шумъ, подчасъ громкіе окрики мужчинъ развлекаютъ идущихъ. Иногда путь прерывается для охоты. При этихъ перерывахъ женщины и дѣти обыкновенно оставляются подъ защитой двухъ-трехъ мужчинъ, остальные охотятся“ [2]).

По окончаніи перехода выбирается мѣсто новой стоянки. „Строятся шалаши, т.-е. временныя жилища изъ набросанныхъ вѣтокъ и травы. Шалаши располагаются въ извѣстномъ порядкѣ. Бываетъ, что нѣсколько группъ сходятся въ одно мѣсто“ [3]). Отношенія этихъ группъ другъ къ другу прекрасно описаны бѣглымъ ссыльно-поселенцемъ Вильямомъ Берклеемъ, прожившимъ 32 года въ одномъ племени австралійцевъ, въ прибрежной полосѣ, гдѣ теперь Викторія.

---

[1]) К. М. Тахтаревъ. „Очерки по исторіи первоб. культуры“. Москва, 1907 г., стр. 28, (изд. Народнаго университета).

[2]) Ibid., стр. 28 и 29.

[3]) Ibid., стр. 31.

„Послѣ продолжительной стоянки на новомъ мѣстѣ, говоритъ онъ, къ намъ прибылъ вѣстникъ съ приглашеніемъ посѣтить одно очень большое озеро въ нѣсколько миль въ окружности. На разстояніи 4 миль отъ берега расположенъ маленькій островъ, величиной въ двѣ кв. мили... На этомъ мѣстѣ мы нашли безчисленное множество лебедей и другихъ дикихъ птицъ. Мы построили наши шалаши въ нѣкоторомъ разстояніи отъ другой группы соплеменниковъ, которые пригласили насъ посѣтить ихъ. И здѣсь у насъ было столько яицъ, что мы не могли ихъ потребить. По истеченіи перваго дня, проведеннаго въ новой мѣстности, пригласившіе насъ сказали, что они возьмутъ насъ съ собою и устроятъ корроббори (т.-е. празднество съ плясками и пѣніемъ) послѣ того, какъ мы посѣтимъ островъ. Прибывъ туда, мы нашли, что онъ буквально покрытъ яйцами, такъ что мы очень скоро набили ими свои плетенки. Наши друзья, въ области которыхъ мы находились, позволили намъ первымъ наполнить плетенки, а сами наполняли свои потомъ. Такъ жили мы въ теченіе нѣсколькихъ дней и каждую ночь имѣли корроббори. Наконецъ, наши друзья покинули насъ“ [1]).

Такіе обычаи и такія междуплеменныя отношенія съ большою вѣроятностью можно приписывать и древнему неолитическому человѣку Стараго свѣта, съ тою лишь разницею, что послѣднему приходилось двигаться по несравненно болѣе обширнымъ географическимъ площадямъ и соприкасаться съ болѣе разнородными племенными группами людей, а слѣдовательно становиться въ болѣе разнообразныя отношенія какъ къ природѣ, такъ и къ другимъ представителямъ человѣческаго рода.

Самыя раннія неолитическія стоянки, обыкновенно, планируются по берегамъ рѣкъ, озеръ и морей. Среди стоянокъ этого времени, открытыхъ въ предѣлахъ Россіи, особеннаго вниманія заслуживаютъ располагавшіяся на

---

[1]) Ibid., стр. 29 и 30.

рѣчныхъ дюнахъ. Эти стоянки даютъ возможность прослѣдить въ непрерывной послѣдовательности переходъ палеолитической культуры въ неолитическую.

Выше мы уже имѣли случай отмѣтить, что рѣчныя дюны являются древнѣйшими изъ геологическихъ образованій неолитическаго времени. Своимъ явленіемъ и развитіемъ онѣ всецѣло обязаны сухому климату, господствовавшему въ началѣ неолитической эпохи, когда озера и рѣки сильно обмелѣли, и на обсохшихъ песчаныхъ берегахъ вѣтеръ началъ сооружать цѣлые лабиринты песчаныхъ холмовъ, перегоняя ихъ съ одного мѣста на другое. Съ послѣдовавшей затѣмъ перемѣной сухого климата на болѣе влажный, эти холмы поросли лѣсомъ и стояли неподвижными до нашихъ дней, когда интенсивная культура, уничтожившая лѣса, открыла дюнные пески и вновь сдѣлала ихъ доступными вліянію вѣтра [1]).

Итакъ въ рѣчныхъ дюнахъ мы имѣемъ остатки двухъ ярко выраженныхъ періодовъ: періода ихъ движенія и періода покоя. Первый запечатлѣлся въ отложеніяхъ чистыхъ, нѣжно-слоистыхъ, блѣдно-желтоватыхъ или красноватыхъ песковъ, второй — въ темноватыхъ или сѣроватыхъ неслоистыхъ растительныхъ почвахъ, обыкновенно достигающихъ мощности материковыхъ растительныхъ почвъ.

Наблюденія показали, что дюнные и материковые растительные слои являются синхроничными между собою и съ аллювіальными террасами рѣкъ, а чистые нѣжнослоистые или, правильнѣе, воздушно-слоистые пески основного ядра дюнъ — древнѣе всѣхъ этихъ отложеній. Оче-

---

[1]) И. А. Соколовъ. „Дюны, ихъ образованіе, развитіе и внутреннее строеніе“, стр. 164. Авторъ считаетъ главнѣйшимъ нарушителемъ покоя рѣчныхъ дюнъ современнаго человѣка. Въ вѣрности этого замѣчанія намъ приходилось неоднократно убѣждаться при изученіи дюнныхъ окскихъ стоянокъ въ окрестности г. Рязани, а также и на р. Донцѣ въ предѣлахъ Изюмскаго уѣзда.

Авт.

видно, и культурные остатки, погребенные въ чистыхъ пескахъ, будутъ наиболѣе древними.

Такіе остатки найдены на двухъ окскихъ дюнахъ близъ г. Рязани, а именно въ сс. Боркахъ и Шумоши.

С. Борки находится въ разстояніи двухъ верстъ къ сѣверу отъ г. Рязани, среди холмовъ и грядъ древней окской дюны. Въ 1892 году на южныхъ отрогахъ этой дюны производились раскопки финскаго могильника, при чемъ были открыты памятники нѣсколькихъ культурныхъ наслоеній, изъ которыхъ одни заключались въ поверхностныхъ слояхъ, окрашенныхъ въ углисто и золисто-темный цвѣтъ, другіе — въ красноватыхъ или блѣдно-желтыхъ нижнихъ пескахъ. Въ первыхъ, у самой поверхности, находились остатки славянскаго поселка X—XI вѣка, ниже залегали памятники финской культуры, современные могильнику VII—IX вѣка, а еще ниже—остатки поздней поры неолитической эпохи.

Свѣтлые слои дюны въ большинствѣ случаевъ не содержали никакихъ остатковъ, но мѣстами они были насыщены тонкими длинными осколками кремня, въ видѣ пластинчатыхъ ножей. Осколки, обыкновенно, располагались гнѣздами. Среди нихъ удалось найти нѣсколько скребковъ съ однимъ и двумя обработанными концами (grattoir и double grattoir французовъ), тщательно выработанные буравы и проколки, а также два крупныхъ, грубо оббитыхъ, топора и одинъ нуклеусъ. Никакихъ другихъ предметовъ быта, кромѣ небольшого количества угля, не было найдено.

Собранные орудія и осколки, за исключеніемъ топоровъ, живо напоминали такіе же осколки и орудія изъ стоянокъ конца палеолитической эпохи, но были изящнѣе и нѣсколько легче ихъ.

Совершенно такіе же остатки и при такихъ же условіяхъ залеганія въ дюнной почвѣ найдены и близъ с. Шумошь, расположенной на лѣвомъ берегу р. Оки, въ 5 верстахъ къ востоку отъ г. Рязани, при чемъ шумошскіе

осколки оказались болѣе крупными и сопровождались обломками глиняной посуды, чрезвычайно слабо обожжённой, но покрытой обыкновеннымъ точечнымъ орнаментомъ.

Обѣ культуры представляютъ изъ себя связующее звено между палеолитомъ и вполнѣ типичнымъ неолитомъ. Повидимому онѣ пользовались на рѣчныхъ дюнахъ широкимъ распространеніемъ, но до сихъ поръ на нихъ мало или даже совсѣмъ не обращалось вниманія. Между тѣмъ изученіе этихъ остатковъ представляетъ выдающійся интересъ.

Дюнныя стоянки болѣе поздняго времени поры полированныхъ орудій изобилуютъ по всѣмъ областямъ Евр. Россіи и Сибири. Ихъ прослѣдили отъ Бѣлаго до Чернаго и отъ Балтійскаго до Охотскаго моря. Всюду онѣ характеризуются вполнѣ развитою неолитическою культурою. Орудія дѣлаются изъ разнообразныхъ породъ камня; формы ихъ многочисленны, выразительны и часто изящны. Топоры и долота всё болѣе и болѣе тщательно полируются, мелкія же подѣлки, въ родѣ подвѣсокъ, сдѣланныхъ изъ болѣе мягкаго камня, начинаютъ просверливаться. Керамика также совершенствуется и становится вполнѣ обычною. Глиняные сосуды получаютъ разнообразныя формы и орнаментъ, лѣпятся отъ руки, безъ помощи гончарнаго круга, или изъ чистой иловатой глины, или изъ иловатой глины съ примѣсью толченыхъ раковинъ, или изъ глины, смѣшанной съ несортированнымъ пескомъ. Обжиганіе—очень слабое. Костяныя издѣлія являются распространенными и состоятъ изъ проколокъ, иглъ, гарпуновъ и др., часто украшенныхъ скульптурными изображеніями животныхъ и птицъ [1]).

Стоянки этого времени нерѣдко сопровождаются болѣе или менѣе обширными скопленіями кухонныхъ отбросовъ,

---

[1]) P. Koudriavtsev. „Les vestiges de l'homme préhistorique de l'âge de la pierre près du village Volosova, district et gouv. de Vladimir". Congrès international d'archéologie préhistorique et d'anthropologie à Moscou, t. II, p. 253, fig. 31, p. 254, fig. 32 et 33. Предметы хранятся въ Имп. Россійск. Истор. Музеѣ.

состоящихъ изъ прѣсноводныхъ двустворчатыхъ раковинъ, костей дикихъ животныхъ (оленей, лосей, кабановъ), птицъ (преимущественно, утокъ и гусей) и рыбъ. Иногда на площадяхъ ихъ оказываются остатки жилыхъ помѣщеній въ видѣ ямъ и шалашей, а также слѣды мастерскихъ для выработки кремневыхъ издѣлій.

Повидимому, большинство изъ этихъ стоянокъ относится уже къ концу неолитической эпохи, къ порѣ сверленыхъ орудій, но ихъ трудно выдѣлить изъ общей массы, такъ какъ переходъ культуры одной поры въ культуру другой совершился на обширномъ пространствѣ нынѣшнихъ русскихъ владѣній крайне незамѣтно, почти безъ всякихъ нововведеній и съ едва выраженными связями съ передовыми культурами средиземноморской области.

Замѣчательнымъ, объединяющимъ всѣ болѣе позднія неолитическія дюнныя стоянки, признакомъ является пепелисто, рѣже углисто-темный культурный слой.

Тщательными изслѣдованіями этого слоя выяснено, что онъ обыкновенно покрываетъ поверхность всей дюны, при чемъ предѣломъ распространенія его служатъ или вода прилегающихъ озеръ и рѣкъ, или сырыя болота и лѣса. Когда же этихъ естественныхъ предѣловъ не встрѣчается, то пепелисто-темный слой распространяется на десятки верстъ, какъ это наблюдается на береговыхъ окскихъ дюнахъ Спасскаго уѣзда, Рязанской губерніи, и въ др. мѣстностяхъ. Современнымъ намъ движеніемъ дюнъ изслѣдуемый слой часто уничтожается, но присутствіе его легко устанавливается въ пунктахъ, оставшихся въ первоначальномъ покоѣ.

Въ составъ пепелисто-темныхъ слоевъ входитъ зола, уголь и сгорѣвшіе почти до основанія древесные пни, часто съ замѣтными отходящими отъ нихъ обугленными корнями. На поверхности хорошихъ естественныхъ обнаженій обугленные пни деревьевъ выступаютъ настолько ярко, что ихъ можно сосчитать. Такъ въ 1894 году, на одной сравнительно небольшой площади дюны Борокъ,

близъ с. Дубровичъ, Рязанской губерніи, было подсчитано болѣе 200 одновременно обнажившихся обугленныхъ пней, при чемъ на одну квадратную сажень приходилось отъ двухъ до трехъ крупныхъ сгорѣвшихъ деревьевъ, а мѣстами можно было наблюдать по нѣсколько тонкихъ стволовъ, выходившихъ отъ одного корня въ видѣ кустовъ. Всё это показываетъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло со сгорѣвшимъ лѣсомъ, и что всѣ пепелисто-темные слои, покрывающіе, по мѣткому выраженію проф. В. В. Докучаева, чехломъ поверхности рѣчныхъ дюнъ, произошли отъ неоднократно повторенныхъ лѣсныхъ пожаровъ, или паловъ.

Что эти пожары, или палы, совершались не одинъ, а много разъ и черезъ короткіе промежутки времени, это доказывается толщиною пепелисто-темныхъ слоевъ и тѣмъ, что толстые пни деревьевъ сгорѣли до основанія, когда при одномъ пожарѣ они могли бы только обуглиться снаружи, и еще лучше тѣмъ, что продукты горѣнія, отлагаясь на прилегающемъ къ дюнамъ аллювіи, окрашиваютъ его на два и болѣе аршинъ толщины, а это могло случиться только при частыхъ выжиганіяхъ мѣстности въ продолженіе многихъ лѣтъ.

Принимая во вниманіе, что въ пепелисто-темномъ культурномъ слоѣ дюнъ всегда являются остатки быта неолитическаго человѣка, слѣдуетъ заключить, что выжиганіе дюнъ производилось, именно, этимъ человѣкомъ, а принимая во вниманіе безпрерывныя и частыя повторенія выжиганій, необходимо полагать, что такія выжиганія дюнъ у неолитическаго человѣка представляли обычныя явленія.

Возникаетъ вопросъ, какая могла быть цѣль такихъ явленій?

Въ историческое время у разныхъ племенъ и народовъ, населяющихъ материки земного шара, существовали и существуютъ обычаи выжиганія мѣстностей съ тремя главными цѣлями: 1) борьбы съ вредными элементами

окружающей природы, 2) добыванія животной пищи, и, наконецъ, 3) культуры самой почвы ради земледѣлія, скотоводства и т. п.

Пользованіе выжиганіемъ мѣстностей съ первою и второю цѣлью существуетъ у дикихъ, а выжиганіе съ третьею цѣлью—у земледѣльческихъ и кочевыхъ народовъ. Неолитическій человѣкъ рѣчныхъ дюнъ не былъ ни кочевникомъ ни земледѣльцемъ, поэтому онъ не могъ выжигать дюны съ послѣднею цѣлью, а слѣдовательно онъ это дѣлалъ или ради охоты, или ради очищенія мѣстностей, избираемыхъ для стоянокъ, отъ разнаго рода вредныхъ элементовъ природы.

Австралійцы, говоритъ Фр. Гельвальдъ [1]), нерѣдко устраиваютъ сообща большія облавы, спугиваютъ дичь изъ вѣрнаго убѣжища посредствомъ зажиганія сухой травы, а затѣмъ гонятъ къ силкамъ, или засѣкѣ изъ кустарника, гдѣ охотники поджидаютъ её съ копьями и дубинами.

У австралійцевъ мыса Лейванъ, по словамъ Дюмонъ-Дюрвиля [2]), есть обычай выжигать траву, едва только она высохнетъ, чтобы очистить землю и сдѣлать удобнѣе для ловли кэнгуру и др. животныхъ, служащихъ дикарямъ пищею. Они зажигаютъ траву головнями, которыя всегда носятъ съ собою, во избѣжаніе труда—вытирать огонь изъ сухого дерева.

Общій обычай австралійцевъ, по замѣчанію того же писателя [3]), выжигать сухую траву, немало способствовалъ тому, что лѣса Австраліи сдѣлались доступными европейцамъ.

Коль (Kohl) пишетъ, что въ южной Россіи охотники жгутъ камыши, чтобы выгнать изъ нихъ волковъ [4]).

---

[1]) Ф. Гельвальдъ. „Естественная исторія племенъ и народовъ“, т. I, стр. 47.

[2]) Дюмонъ-Дюрвиль. „Всеобщее путешествіе вокругъ свѣта“, ч. IX, стр. 180.

[3]) Ibid., стр. 324.

[4]) В. Княжевичъ. „Reisen in Südrussland von J. G. Kohl“. Записки Одесскаго Общ. Ист. и Древн., т. I, стр. 491.

Однако еще чаще пускаются палы первобытными народами съ цѣлью борьбы съ зловредными насѣкомыми и другими столь же несносными существами.

„Въ теченіе около мѣсяца, говоритъ Богдановичъ, комаръ держится въ долинѣ р. Камчатки въ необъятномъ количествѣ, трудно себѣ представить что-либо подобное. Свѣча, зажжённая ночью въ палаткѣ, тухнетъ въ теченіе одной, двухъ минутъ отъ массы устремляющихся комаровъ на огонь; у собакъ глаза, носъ, уши выѣдены комарами до ранъ; несчастныя животныя выбиваются изъ силъ въ неравной борьбѣ съ этими мучителями и околѣваютъ; скотъ всё время держится около дымокуровъ“ [1]).

„Невозможно описать, говоритъ другой путешественникъ, тѣ испытанія, которыя доставилъ намъ такъ называемый въ Сибири „гнусъ“, т.-е. рои комаровъ, оводовъ и слѣпней. На срединѣ Амура онъ мало насъ безпокоилъ, но.... что мы испытали, войдя въ открытую степь. Тутъ стонъ отъ жужжанія „гнуса“ стоялъ такой, что трудно было разслышать крикъ кулика или иного обитателя болотъ... Они (комары и др. насѣкомыя) ударяли по тѣлу какъ сильнѣйшій дождь, гдѣ каждая капля сопровождалась бы жгучимъ уколомъ. Насѣкомыя лѣзли въ уши, ротъ, носъ, ударяли прямо въ глаза подъ шапку и одежду. Напрасно хватались мы за головы и обмахивали себѣ шею и лицо ладонями... Въ отчаяніи, вскинувъ за плечи ружье, бѣжишь обратно къ костру, гдѣ дымъ разгоняетъ „гнуса“, или на открытую скошенную поляну, гдѣ чувствуется какъ-то легче“.

...„Мы жаждали отдыха ночью, но комары, на которыхъ сыпались безконечныя проклятія, проникали во всѣ щели разставленнаго намп шатра, забирались подъ одѣяло, жужжали и кололи невыносимо. Напрасно мы закутывали

---

[1]) „Изв. Имп. Русск. Геогр. Общ.“, т. XXXV, 1899 г., вып. VI.

голову и шею въ платки, комары прокалывали ткань и продолжали свое дѣло“ [1]).

Такія мученія отъ „гнуса“ испытываютъ по всѣмъ дѣвственнымъ областямъ Сибири [2]), Европейской Россіи [3]) и болѣе южныхъ странъ Азіи.

На берегахъ озера Лобъ-Нора весною появляется множество комаровъ. „Во время перехода, эти ненавистныя насѣкомыя, пишетъ шведскій путешественникъ Свенъ-Гединъ, вились около насъ тучами, а когда мы располагались на привалъ, они набрасывались на насъ милліардами“.

„Около Кара-Куля мы, однако, додумались до утонченнаго способа раздѣлаться съ комарами. На закатѣ мы подожгли сухой прошлогодній тростникъ; огонь разросся въ настоящій степной пожаръ, охвативъ бо́льшую часть озера... Дымъ гонитъ сонмы комаровъ, словно шелуху, на край свѣта“ [4]).

До такого же утонченнаго способа борьбы съ отвратительными насѣкомыми додумались и русскіе поселенцы Уссурійскаго края, гдѣ выжиганіе дѣвственныхъ луговъ, съ цѣлью борьбы съ міріадами вредныхъ насѣкомыхъ, введено въ систему [5]).

---

[1]) Э. В. Эриксонъ. „На Амурѣ“. „Естествознаніе и Географія“, 1901 г., № 5, стр. 15.

[2]) П. Лепехинъ. „Дневныя записки путешествія“, 1768—69, ч. III, стр. 71.—А. П. Чеховъ. Полное собраніе сочиненій, т. XV, „Островъ Сахалинъ“. Мысъ Джаоре, при устьѣ Амура.

[3]) П. Лепехинъ. „Дневныя записки путешествія“, 1768—69 г., ч. I, стр. 347.—Е. Исполатовъ. „Страна кареловъ, ея природа и жители“. „Естествознаніе и Географія“, 1900 г., № 10, стр. 53.—Адамъ Олеарій. „Подробное описаніе путешествія“ и пр., стр. 19.—Бопланъ. „Описаніе Украйны“, стр. 84 и 85.—Какашъ и Тектандеръ. „Путешествіе въ Персію черезъ Московію 1602—1603 г.“, перев. А. П. Станкевича, стр. 27.

[4]) Свенъ-Гединъ. „Въ сердцѣ Азіи“, т. II, стр. 166.

[5]) Ѳ. Буссе. „Уссурійскій край“. „Живописная Россія“, ред. П. П. Семенова, т. XII, ч. 2, стр. 409.

Такъ поступаютъ и другіе племена и народы, и несомнѣнно такъ поступали люди глубокой древности, а между прочимъ и неолитической эпохи, о чемъ свидѣтельствуютъ и разсмотрѣнные культурные слои, а также многочисленные пережитки и обряды, введенные въ древнѣйшій религіозный культъ и домашній бытъ [1]).

Выше мы видѣли, что древнѣйшій неолитическій обитатель, подавляемый дѣвственною природою, ищетъ убѣжища на пустынныхъ движущихся пескахъ дюнъ. Но вотъ и эти убѣжища покрываются могучею лѣсною флорою и населяются безчисленными представителями враждебной фауны, отъ которыхъ бѣжали люди съ материковыхъ рѣчныхъ береговъ. Картины гнетущей природы дикихъ береговъ Амура, Лобъ-Нора и другихъ, такъ живо и художественно очерченныя путешественниками, едва ли могли соперничать съ картинами неолитической природы болѣе плодородныхъ странъ, въ родѣ средней и южной Россіи, и дикій обитатель ея долженъ былъ страдать не менѣе отъ милліардовъ комаровъ, мошекъ и всякаго другого „гнуса“, чѣмъ обитатели восточной Сибири. Перенеся вѣковыя страданія, онъ, очевидно, додумался до самаго раціональнаго средства борьбы съ этими вредоносными элементами природы, пустивъ противъ нихъ огонь. Неразвитой дикарь едва ли понималъ всё то громадное культурное значеніе, какое имѣло вызванное крайнею нуждою его изобрѣтеніе. Между тѣмъ рѣшительно всѣ факты его дальнѣйшей жизни говорятъ, что первый зажжённый имъ по-

---

[1]) Въ древнѣйшихъ погребеніяхъ со скорченными костяками дно могильныхъ ямъ нерѣдко оказывается посыпаннымъ углемъ съ очевидною цѣлью очищенія мѣста загробнаго жилища святымъ огнемъ.

Очищеніе огнемъ мѣста жилыхъ и другихъ построекъ существовало у русскихъ даже въ началѣ ихъ исторической жизни; такъ предъ сооруженіемъ Кіево-Печерской церкви мѣстность была выжжена огнемъ (Гатцукъ. „Изслѣдованіе кургановъ Моск. губ. въ 1863—64 г.“).

Авт.

жаръ былъ лучемъ новой болѣе культурной жизни. Какъ бы внезапно появившіеся разнообразные орудія и бытовые остатки въ пеплѣ пожарищъ, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, какъ много обитатель дюнъ выигралъ съ этимъ огненнымъ оружіемъ въ рукахъ.

Выборъ мѣста для дюнныхъ стоянокъ. При выборѣ мѣста для дюнныхъ стоянокъ неолитическій человѣкъ главнымъ образомъ руководствовался двумя условіями: близостью къ водѣ и возможно-бо́льшею недоступностью мѣстности для посѣщеній извнѣ. Первое условіе являлось слѣдствіемъ отсутствія водонепроницаемой посуды, годной для храненія воды, необходимой въ ежедневномъ употребленіи, такъ какъ имѣвшаяся у древняго неолитическаго человѣка глиняная посуда легко пропускала воду и размокала. Второе—вызывалось очевиднымъ опасеніемъ нашествій какъ со стороны враждебныхъ племенъ, такъ и со стороны крупныхъ звѣрей, въ родѣ волковъ и медвѣдей.

Въ виду обоихъ названныхъ условій, неолитическія стоянки, обыкновенно, находятся въ возможно-близкомъ разстояніи отъ воды и на мѣстахъ, окруженныхъ или со всѣхъ, или съ возможно-бо́льшаго числа сторонъ водою, болотами и т. п.

Если посѣщаемый неолитическимъ человѣкомъ берегъ рѣки или озера идетъ по прямой линіи безъ ярко выраженныхъ излучинъ, то стоянки планируются по береговой площади разсѣянно, почти не совпадая другъ съ другомъ, почему и остатки ихъ представляются скудными. Если же берегъ излученъ, или перерѣзанъ подъ угломъ впадающими притоками, то стоянки сосредоточиваются въ вершинахъ излучинъ и угловъ, получая такимъ образомъ естественную ограду съ нѣсколькихъ сторонъ.

Обыкновенно, излюбленными мѣстами стоянокъ неолитическаго человѣка, обитавшаго въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, служили острововидныя небольшія, но съ разви-

тымъ рельефомъ, дюны, на которыхъ и сдѣланы самыя обильныя находки [1]).

Наиболѣе извѣстныя дюнныя стоянки Сибири и Евр. Россіи. Къ наиболѣе извѣстнымъ дюннымъ стоянкамъ Сибири относятся стоянки: 1) на берегахъ рѣки Патхи, при впаденіи въ рѣку Амуръ [2]), 2) Тункинской котловины, на берегахъ р. Тунки и Иркута [3]), и 3) въ Минусинскомъ краѣ, по берегамъ р. Абакана и Енисея [4]). Изъ нихъ болѣе замѣчательною является Тункинская стоянка. Ея остатки открыты на песчаныхъ холмахъ несомнѣнно дюннаго происхожденія, расположенныхъ частію по берегамъ р. Тунки и частію по берегамъ р. Иркута. На этихъ холмахъ найдены въ большомъ количествѣ каменныя орудія, сдѣланныя изъ яшмы, аморфныхъ цвѣтныхъ кварцевъ, сфероспдерита и нефрита, костяныя орудія и обломки глиняныхъ сосудовъ съ орнаментомъ изъ симметрично расположенныхъ ямочекъ.

Среди каменныхъ орудій господствуютъ наконечники стрѣлъ, отличающіеся тщательностью отдѣлки, съ острыми пилообразными зубчатыми краями.

Въ Тункинской котловинѣ найдены памятники разныхъ эпохъ, при чемъ къ ранней порѣ неолитической эпохи графъ Уваровъ относитъ только наконечники стрѣлъ и ножи съ подправленными ребрами и краями, остатки гончарныхъ сосудовъ съ узорами, нѣкоторыя шлифованныя каменныя орудія и костяныя подѣлки [5]).

---

[1]) Гр. А. С. Уваровъ. „Каменный періодъ“, т. I. „Карта предполагаемаго русла р. Оки во время каменнаго періода“.—В. А. Городцовъ. „Матеріалы къ археологической картѣ долины р. Оки“. Труды XII Арх. Съѣзда, т. I.

[2]) Гр. А. С. Уваровъ. „Каменный періодъ“, т. I, стр. 269 и др.

[3]) Ibid., стр. 260—269.

[4]) И. Савенковъ. „Каменный вѣкъ въ Минусинскомъ краѣ“. „Матеріалы по археологіи восточныхъ губерній Россіи“, вып. II, стр. 183 и 189.

[5]) Гр. А. С. Уваровъ. „Каменный періодъ“, т. I, стр. 269.

Гораздо болѣе открыто дюнныхъ стоянокъ въ Европейской Россіи, гдѣ онѣ получили и болѣе тщательное научное изслѣдованіе. Но такъ какъ большинство изъ нихъ связано съ позднимъ временемъ, то и обзоръ ихъ мы сдѣлаемъ ниже, на ряду съ памятниками поры сверленыхъ орудій.

Аллювіальныя стоянки. Къ разряду аллювіальныхъ стоянокъ нами отнесены тѣ, остатки которыхъ найдены въ аллювіи озеръ и рѣкъ. Благодаря тому, что аллювій нарастаетъ гораздо быстрѣе сухопутныхъ почвенныхъ слоевъ, погребенные въ немъ памятники древностей почти всегда залегаютъ гораздо глубже, чѣмъ современные имъ памятники, отложившіеся въ почвенныхъ слояхъ. Такое явленіе постоянно даетъ поводъ приписывать памятникамъ озерно-рѣчного аллювія преувеличенную древность.

Наиболѣе извѣстныя озерныя стоянки открыты на берегахъ озеръ Ладожскаго, Бологова и Кунды.

Ладожская стоянка. Поводомъ къ открытію Ладожской стоянки или, правильнѣе, цѣлаго ряда стоянокъ послужили работы по устройству обходныхъ каналовъ вдоль южнаго берега Ладожскаго озера. Еще въ 1731 году, при проведеніи стараго Ладожскаго канала, академикъ Гмелинъ нашелъ каменныя орудія и, хотя относилъ ихъ къ царству минеральному, но, повидимому, былъ убѣжденъ въ ихъ искусственномъ происхожденіи.

Въ 1878-82 годахъ, при сооруженіи новыхъ Сясскаго и Свирскаго каналовъ, были вторично найдены каменныя орудія, а вмѣстѣ съ ними и другіе остатки неолитическаго быта, а также и кости человѣка того времени. Эти находки обратили вниманіе проф. А. А. Иностранцева, сумѣвшаго не только тщательно изучить всѣ условія залеганія памятниковъ, но и привлечь къ обработкѣ ихъ лучшихъ спеціалистовъ-естествоиспытателей и антропологовъ, благодаря трудамъ которыхъ добытые матеріалы получили все-

стороннее и вполнѣ научное освѣщеніе [1]). Впослѣдствіи въ разработкѣ нѣкоторыхъ деталей принимали участіе гр. А. С. Уваровъ [2]), акад. И. С. Поляковъ [3]) и геологъ С. Н. Никитинъ [4]).

Совмѣстными трудами всѣхъ этихъ ученыхъ въ настоящее время установлено, что, несмотря на значительную глубину (иногда болѣе 10 арш.) залеганія въ почвѣ культурныхъ памятниковъ, стоянки, содержащія ихъ, всецѣло относятся къ неолитической эпохѣ, а по нашей классификаціи—къ концу поры полированныхъ орудій.

Геологическія условія отложенія культурныхъ остатковъ въ почвѣ представляются слѣдующими: въ основѣ берега лежатъ валунныя глины, а на нихъ—мощный слой аллювіальнаго песка съ включеніями торфа, въ которомъ и были найдены многочисленные остатки какъ человѣческой индустріи, такъ и древней флоры и фауны.

Среди огромнаго количества собранныхъ растеній господствовали шишконосныя и лиственныя породы, въ родѣ сосны, ели, ольхи, дуба, орѣшника, ивы и др. Въ составъ фауны входили: тюлени, косули (Cervus capreolus), сѣверные олени, лоси, быки двухъ видовъ (Bos primigenius

---

[1]) А. А. Иностранцевъ „Доисторическій человѣкъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера“, Спб., 1882 г. Въ описаніи флоры принимали участіе С. Ѳ. Глинка и Н. Ѳ. Шмальгаузенъ; въ описаніи фауны—Н. А. Соколовъ, Д. Н. Анучинъ, М. Н. Богдановъ, К. О Кесслеръ и Н. Я. Акишинъ; въ описаніи остатковъ человѣка—А. Н. Богдановъ, М. А. Тихомировъ и П. П. Вепюковъ; въ собираніи же матеріаловъ древности принимали участіе кандидаты Спб. университета: гг. Андреевъ, Вепюковъ, Коленко, Лебедевъ, Маргаритовъ, Павловъ, Пацукевичъ, Соколовъ, Станкевичъ и Яковлевъ, а также нѣсколько горныхъ инженеровъ.

[2]) Гр. А. С. Уваровъ. „Каменный періодъ“, т. I, стр. 387—394.

[3]) И. С. Поляковъ. „Изслѣдованія по каменному вѣку въ Олонецкой губ., въ долинѣ Оки и на верховьяхъ Волги“, гл. IV.

[4]) S. Nikitine. „Sur la constitution des dépôts quaternaires en Russie et leurs relations aux trouvailles résultant de l'activité de l'homme préhistorique. Congrès international d'archéologie préhistorique et d'anthropologie à Moscou“, t. II, p. 18.

и Bos latifrons), дикіе кабаны, бѣлки, бобры, водяныя крысы, бурые медвѣди, соболи, куницы, хорьки, выдры, прирученныя собаки двухъ видовъ (Canis familiaris Inostranzevi An. и Canis familiaris palustris ladogensis An.), волки, лисицы, большое число птицъ, рыбъ, раковинъ, моллюсковъ Unio tumidus и др. Большинство изъ этихъ представителей фауны существуетъ и до настоящаго времени въ Приладожьѣ, но нѣкоторые оказываются или совсѣмъ вымершими, или удалившимися въ другія области; таковы: дикій быкъ (зубръ), сѣверный олень и кабанъ.

Особенный интересъ представляютъ найденные остатки самого человѣка. Въ составъ ихъ входятъ десять череповъ и нѣсколько обломковъ ихъ, а также отдѣльныя кости скелетовъ.

„Черепа людей, говоритъ проф. Иностранцевъ [1]), въ большинствѣ случаевъ были находимы безъ нижнихъ челюстей, и только одинъ разъ удалось найти совершенно цѣльный черепъ, т.-е. и съ нижнею челюстью, въ которой даже сохранилась большая часть зубовъ. Но отдѣльно пришлось найти какъ нѣсколько челюстей, такъ и части ихъ, т.-е. отдѣльныхъ половинъ нижней челюсти, а равно и отдѣльные зубы. Судя по положенію этихъ остатковъ самого человѣка въ намывномъ слоѣ, очевидно, что надо притти къ заключенію, что костяки его были сильно разстроены прежде ихъ погребенія какъ въ слоистыхъ пескахъ, такъ и въ этомъ намывномъ слоѣ торфа“.

„При тщательномъ перерываніи торфа въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ этими костяками человѣка, намъ, продолжаетъ изслѣдователь, всегда удавалось находить и его подѣлки изъ камня и кости, и здѣсь-то, въ этомъ ближайшемъ сосѣдствѣ, намъ и удалось собрать обширный матеріалъ... Одинъ разъ при такихъ раскопкахъ намъ удалось найти рядомъ

[1]) Проф. А. А. Иностранцевъ. „Доисторическій человѣкъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера“, стр. 13.

съ костями руки и пальцевъ прекрасно сдѣланное изъ кости шило и каменное долото. Рядомъ съ этими остатками здѣсь же, какъ нами, такъ и рабочими, собрана масса костей различныхъ млекопитающихъ, при чемъ точно такъ же остатки ихъ встрѣчались бо́льшею частію разрозненными, т.-е. мы находили, напр., кости лося, или кабана, или медвѣдя то здѣсь, то тамъ по каналу, при чемъ обломки или цѣлые черепа или другія части скелета встрѣчались совершенно отдѣльно, а иногда съ ясными слѣдами ихъ искусственнаго раздробленія. Здѣсь же мы нашли части костяковъ рыбъ, при чемъ въ этихъ остаткахъ можно было ясно отличить рыбьи кости, подвергавшіяся дѣйствію огня, отъ такихъ костей, на которыхъ этого дѣйствія не было замѣчено. Здѣсь же находили обломки горшечной посуды, расколотые орѣхи, при чемъ какъ первые, такъ и послѣдніе встрѣчались только въ видѣ обломковъ, цѣльныхъ горшковъ и орѣховъ намъ ни разу найти не удалось“.

Далѣе изслѣдователь замѣчаетъ, что „сохраненіе костей какъ человѣка, такъ и животныхъ весьма ясно показываетъ, что періодъ ихъ погребенія одновремененъ. Кромѣ того, всѣ предметы въ изобиліи пропитаны вивіанитомъ, который, какъ мы видѣли и раньше, встрѣчается и въ самомъ торфѣ и въ наибольшемъ скопленіи въ нижнихъ его слояхъ. По типичной окраскѣ вивіанитомъ, часто проникающимъ и внутрь костей, почти всегда можно было узнать тѣ горизонты, изъ которыхъ были добыты предметы рабочими“...

„Остатки доисторическаго человѣка были находимы и далѣе по Свирскому каналу, хотя крайній предѣлъ ихъ распространенія опредѣляется д. Коровкиной. Здѣсь опять уже на днѣ канала встрѣчается намывной торфъ. Въ разстояніи трехъ верстъ и ста саженей отъ р. Сяси и на глубинѣ 0,60 саж. подъ дномъ канала, въ колодцѣ, на этомъ днѣ заложенномъ, былъ найденъ черепъ № 10, а въ разстояніи четырехъ верстъ 250 саж. отъ р. Сяси на

дно канала въ торфяномъ слоѣ были найдены черепа № 3 и 8“ [1]).

Изъ приведеннаго обстоятельнаго описанія всѣхъ условій залеганія костей человѣка легко усмотрѣть, что эти кости не представляли остатковъ ритуальнаго погребенія, а лежали какъ и всякія кости животныхъ; ихъ сохранность одинаково съ послѣдними вполнѣ обусловливалась способностью торфа надолго предохранять отъ разрушенія многія органическія вещества: кончался торфъ, кончались и находки не только человѣческихъ костей, но и остатковъ прочей фауны и флоры, а это показываетъ, какое множество подобнаго матеріала исчезло безслѣдно, попадая въ обычные слои почвы и въ особенности чистые пески, въ которыхъ органическіе остатки растеній и животныхъ быстро уничтожаются безъ всякаго слѣда.

Кости человѣка Ладожской стоянки представляются наиболѣе древними изъ найденныхъ въ Россіи. Судя по этимъ костямъ, ладожскій человѣкъ имѣлъ черты родственныя съ чертами человѣка курганнаго типа средней Россіи. Черепа отличались толщиною костей, незначительнымъ развитіемъ и моделировкою лба, малоголовостью и длинноголовостью (долихоцефальностью).

„Такъ какъ и другіе черепа изъ кургановъ съ длинноголовымъ населеніемъ, говоритъ А. П. Богдановъ, какъ, напримѣръ, Полтавской и Ярославской губерній... дали тоже длинноголовый типъ, то этимъ значительно отдаляется въ глубь вѣковъ заселеніе средней и сѣверной Россіи длинноголовымъ типомъ людей, представившимъ значительное единство въ своихъ краніологическихъ черепахъ. Въ самыя древнія времена мы встрѣчаемъ въ коренныхъ областяхъ Россіи только длинноголовыхъ, и они пока должны считаться первыми заселителями этой области земли русской“.

[1]) Ibid., стр. 14 и 15.

„Этотъ фактъ важенъ для насъ потому, продолжаетъ Богдановъ, что выясняетъ намъ и значительную наклонность къ длинноголовости современныхъ русскихъ череповъ. Если стала потомъ появляться всё бо́льшая и бо́льшая примѣсь короткоголовыхъ къ великоруссамъ, то потому, что уже въ періодѣ каменнаго вѣка на пограничныхъ сѣверныхъ и восточныхъ мѣстахъ, начиная съ Мурома, восточныхъ уѣздовъ Московской губерніи и Петербурга, длинноголовое племя стало окружаться короткоголовыми урало-алтайскими племенами, всё болѣе и болѣе съ нимъ смѣшивавшимися“ [1]).

Выше мы уже отмѣтили, что проф. Сергіи (G. Sergi) относитъ ладожскихъ обитателей каменнаго періода къ средиземноморской расѣ.

Проф. А. П. Богдановъ, слѣдя за результатами археологическихъ раскопокъ, замѣтилъ, что длинноголовый курганный типъ разселялся въ предѣлахъ Евр. Россіи съ юго-запада на сѣверъ и сѣверо-востокъ. „Вызвать это разселеніе, по его мнѣнію, могли или условія и удобства охотничьяго промысла, подобно тому, какъ и теперь европеецъ подвигается всё болѣе и болѣе на сѣверъ въ Америкѣ, и какъ подвигались и великоруссы на востокъ Россіи и въ Сибирь,—или же отыскиваніе болѣе спокойнаго, болѣе скрытаго убѣжища. Сѣверъ заселялся потому, что тамъ было больше простора для охотника, меньше борьбы и конкурренціи съ людьми“ [2]).

Помимо костей человѣка, Ладожская стоянка дала многочисленные образцы его издѣлій, въ составъ которыхъ вошли каменныя, костяныя, роговыя, глиняныя и деревянныя подѣлки.

Каменныя подѣлки фабриковались изъ роговика, яшмовиднаго кремнистаго сланца, глинистаго сланца и кварца.

[1]) А. П. Богдановъ. „Человѣкъ каменнаго вѣка“, см. А. А. Иностранцева, „Допсторическій человѣкъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера“, стр. 125.

[2]) Ibid., стр. 124.

Среди подѣлокъ господствовали полированныя орудія въ видѣ разнаго рода долотъ и топоровъ. Тѣ и другіе по формѣ близко подходятъ другъ къ другу. Рѣзко отличаются отъ топоровъ лишь долота съ желобчатыми лезвіями и съ лезвіями, заостренными только съ одной стороны.

Оббитыя орудія очень рѣдки. Они дѣлались преимущественно изъ роговика и яшмовиднаго кремнистаго сланца и представляли видъ скребковъ, рѣзцовъ, ножевидныхъ пластинокъ и, въ одномъ случаѣ, наконечника стрѣлы. Типы этихъ орудій являются вполнѣ обычными.

Для натачиванія полированныхъ орудій служили небольшіе четырехгранные бруски, сдѣланные чаще всего изъ весьма твердаго кремнистаго, глинистаго сланца или кварцита. На нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣются отверстія для привязи.

Кромѣ орудій, изъ камня вырабатывались разнаго рода украшенія, въ видѣ привѣсокъ и колецъ.

Не менѣе обильными представляются издѣлія изъ кости и рога, состоящія изъ ножей, гарпуновъ, долотъ, проколокъ, наконечниковъ стрѣлъ, привѣсокъ и т. п. По изяществу и замысловатости отдѣлки обращаютъ особенное вниманіе двѣ привѣски: одна, представляющая форму кинжала, и другая, воспроизводящая форму тюленя. Обѣ привѣски покрыты узорами и приспособлены къ подвѣшиванію. На ряду съ оконченными издѣліями отыскались издѣлія и въ разныхъ стадіяхъ ихъ подготовительной обработки.

Особенно любопытны кости со слѣдами распиливанія ихъ поперекъ и вдоль. Эта нелегкая работа производилась посредствомъ только каменныхъ орудій.

Изъ деревянныхъ подѣлокъ заслуживаетъ вниманія челнокъ, выдолбленный изъ цѣлаго дуба. Онъ сохранился не весь: носовая часть его уничтожена рабочими. Внутри челнъ раздѣлялся, по крайней мѣрѣ, двумя перегородками, изъ которыхъ сохранилась одна. Наружная поверхность его обработана весьма тщательно, особенно въ тѣхъ мѣстахъ,

„гдѣ пришлось снимать дерево по волокну; спускъ же къ кормѣ, гдѣ пришлось вести обработку наискось расположенія волоконъ, уже не представляетъ такой правильности; здѣсь наблюдаются большія неровности, доказывающія, что обработка дерева, не по направленію волокна, связана была для доисторическаго человѣка съ значительными затрудненіями. Кромѣ того, на этой же поверхности въ кормовой части, по нашему мнѣнію, говоритъ проф. Иностранцевъ, необходимо допустить и участіе огня. Такое заключеніе надо сдѣлать, руководствуясь тѣмъ, что въ кормѣ дерево болѣе сильно обуглено, въ особенности въ первой ея части. Здѣсь мѣстами даже есть части пепла, набившіяся въ клѣтки дуба и между волокнами, а равно и самое вещество дуба много рыхлѣе, чѣмъ въ остальныхъ мѣстахъ“ [1]).

Точно такъ же велась обработка и внутри челна. Гдѣ работа шла по волокну, какъ, напримѣръ, на бортахъ и днѣ, тамъ отдѣлка получалась весьма совершенная; гдѣ же работа велась подъ угломъ къ волокнамъ древесины, тамъ результаты получались менѣе совершенные—поверхность оказывалась неровною, бугристою. Всё это показываетъ, что въ распоряженіи ладожскаго человѣка не имѣлись такіе острые инструменты, которыми можно было бы легко и удобно обрабатывать дерево.

Глиняная посуда является очень распространенною. Сосуды приготовлялись изъ разныхъ сортовъ глины, а именно: 1) чистой глины, 2) глины съ примѣсью толченаго гранита и 3) глины съ большою примѣсью обломковъ раковинъ Unio; послѣдній сортъ былъ наиболѣе употребительнымъ. Для подвѣшиванія сосуды имѣли скважины, замѣнявшія ушки. Обжиганіе оказывалось неравномѣрнымъ и въ общемъ слабымъ. Поверхность сосудовъ,

---

[1]) А. А. Иностранцевъ. „Доисторическій человѣкъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера“, стр. 174.

повидимому, нерѣдко покрывалась орнаментомъ, характернымъ для неолитической эпохи.

Касаясь вопроса объ образѣ жизни, питаніи и одеждѣ, проф. Иностранцевъ приходитъ къ заключенію, что ладожскій человѣкъ жилъ приблизительно такъ же, какъ живутъ эскимосы и самоѣды: лѣтомъ въ шалашахъ, а зимою въ землянкахъ или ледяныхъ домахъ. Главными занятіями его были охота и рыбная ловля. Для этой цѣли онъ неустанно приготовлялъ всевозможныя орудія и оружіе и только изрѣдка отдавался художественнымъ занятіямъ, въ родѣ орнаментаціи костяныхъ подѣлокъ и глиняныхъ сосудовъ.

Относительно права ладожскаго человѣка, изслѣдователь замѣчаетъ, что онъ не отличался воинственностью, т.-е. человѣкъ того времени не былъ по своей природѣ разбойникомъ, такъ какъ изученіе всѣхъ костей его показало, что среди нихъ не имѣлось костей со слѣдами увѣчій и ненормальнаго затѣмъ сращенія. Подобныя же увѣчья непремѣнно должны бы быть, если бы человѣкъ былъ воинственнымъ, потому что, при борьбѣ съ себѣ подобными, такія поврежденія получаются часто какъ побѣдителемъ, такъ и побѣжденнымъ [1]).

Пищей человѣка, преимущественно, служили рыба и моллюски; звѣри и птицы въ этомъ отношеніи являлись только подспорьемъ. Полагаютъ, что ловъ рыбы совершался только у береговъ, а это возможно, главнымъ образомъ, во время нереста. Основываясь на послѣднемъ явленіи, проф. Иностранцевъ пришелъ къ заключенію, „что въ январѣ и февралѣ нашъ (ладожскій) человѣкъ могъ ловить сиговъ и налимовъ, въ мартѣ—окуня и налима, въ апрѣлѣ и маѣ—окуня, судака и сома, въ іюнѣ—только одного судака, и наконецъ въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ—сига и налима“. Іюль, августъ и сентябрь мѣсяцы оставались свободными отъ рыбной ловли. Въ этотъ пе-

[1]) Ibid., стр. 179.

ріодъ года человѣкъ, повидимому, преимущественно жилъ охотой на звѣря и птицу. Кромѣ того, большимъ подспорьемъ въ это время могли служить моллюски Unio, остатки которыхъ найдены въ культурныхъ слояхъ въ значительномъ количествѣ.

Одеждой человѣка служили шкуры животныхъ. Въ пользу такого заключенія говорятъ какъ многочисленные каменные и костяные скребки, спеціальнымъ назначеніемъ которыхъ являлась отчистка кожи отъ мяса, такъ и найденныя шила и иглы. Признаковъ существованія какихъ-либо тканей или плетеній совсѣмъ не найдено. Изъ домашнихъ животныхъ человѣку извѣстна была только собака. Признаки земледѣлія отсутствуютъ.

Таковы въ общихъ чертахъ условія, сопровождавшія остатки Ладожской стоянки, и таковы личность и внѣшній бытъ ея обитателя. Совершенно схожими съ Ладожскою стоянкою оказались стоянки Кунды и Бологова.

Стоянка Кунды [1]). Эта стоянка находится на южномъ берегу Финскаго залива, въ Эстоніи. Изслѣдователемъ ея былъ г. Гревингъ (Grewingk). Обильные остатки ранняго неолитическаго человѣка здѣсь найдены въ прѣсноводныхъ мергелистыхъ отложеніяхъ, покрытыхъ торфяникомъ. Фауна и флора одинаковы съ ладожскою. Среди орудій особенно преобладали костяныя. Типы ихъ, равно какъ и каменныхъ орудій, схожи съ ладожскими.

Бологовская стоянка. Бологовская стоянка открыта въ Новгородской губерніи, близъ ж.-д. станціи Бологое, на берегу озера того же имени. Ея изслѣдованіе принадлежитъ кн. П. А. Путятину.

Озеро Бологое находится въ центрѣ Валдайской возвышенности, среди типичнаго мореннаго ландшафта. Оно

[1]) S. Nikitine. „Sur la constitution des dépôts quaternaires en Russie et leurs relations aux trouvailles résultant de l'activité de l'homme préhistorique. Congrès international d'archéologie préhistorique et d'anthropologie à Moscou“, t. I, p. 17 et 18.—„Archiv für Naturk. Livl., Estl., Kurland.“, I Serie, Bd. IX, 1882.

довольно обширно, съ прихотливымъ почковатымъ очертаніемъ и принадлежитъ къ разряду убывающихъ озеръ. Начало свое оно получило въ эпоху, когда ледникъ второго оледенѣнія отступилъ къ сѣверу. Въ это время обнажившаяся поверхность земли изобиловала озерами, переполненными водою, не успѣвшею проторить для своего стока такихъ глубокихъ руслъ, какими впослѣдствіи явились русла современныхъ рѣкъ. Особенно высоко стояли воды въ изолированныхъ, совсѣмъ не имѣвшихъ стока, озерахъ, какимъ и представляется Бологовское и сотни другихъ озеръ сѣверной Россіи. Первоначальные берега этихъ озеръ легко узнаются по аллювіальнымъ отложеніямъ и окаймляющимъ ихъ мореннымъ наносамъ. Судя по этимъ признакамъ, Бологовское озеро первоначально должно было занимать, по крайней мѣрѣ, въ два раза бо́льшую площадь, покрывая водой всю прилегающую болотистую низменность. При этомъ условіи, конечно, человѣкъ не могъ обитать на Бологовской стоянкѣ, такъ какъ для нея не была еще выработана почва, и на мѣстѣ ея широко гуляли волны озера, и плавали рыбы. Въ такомъ условіи озеро находилось не малое время, потому что усыханіе подобныхъ озеръ совершается медленно. Во всякомъ случаѣ, появленіе берега Бологовской стоянки не можетъ относиться ни къ какой другой эпохѣ, кромѣ неолитической, и человѣкъ могъ остановиться здѣсь стоянкой только въ эту неолитическую эпоху.

Бологовская стоянка имѣетъ довольно обширную литературу и ни одного полнаго научнаго трактата, благодаря чему культура этой стоянки покрывается туманностью, сотканною изъ противорѣчивыхъ показаній и сужденій.

Несомнѣнно, на мѣстѣ стоянки имѣется два культурныхъ наслоенія: 1) раннее—неолитической эпохи и 2) позднее, относящееся къ желѣзной эпохѣ, къ типу культуры Дькова городища. Наслоенія эти стоятъ внѣ всякой преемственной культурной связи, хотя памятники ихъ, повидимому, не разъ смѣшивались изслѣдователемъ.

Неолитическіе памятники, по составу сопровождающей ихъ фауны и всѣмъ культурнымъ признакамъ, относятся къ самому концу поры полированныхъ орудій

Фауна одинакова съ ладожскою, представляя ту же самую совмѣстность формъ, изъ коихъ нѣкоторыя стали, по отношенію къ данной площади, исчезнувшими или отступившими въ другія области. Въ составѣ фауны мы находимъ:

1) дикаго быка (Bos primigenius и Bos brachyceros);

2) дикаго кабана (Sus scrofa);

3) бураго медвѣдя (Ursus arctos);

4) три породы домашнихъ собакъ (Canis familiaris ladogensis, Canis familiaris Inostranzevi и Canis familiari Putiatini).

Сѣверные олени совершенно отсутствуютъ; очевидно, они уже успѣли удалиться въ болѣе сѣверныя широты.

Бологовская культура слагается изъ каменныхъ, костяныхъ и другихъ подѣлокъ. Въ числѣ первыхъ преобладаютъ кремневыя орудія въ видѣ прекрасно обитыхъ топоровъ, наконечниковъ копій, стрѣлъ, ножей, скребковъ, проколокъ, пилокъ и другихъ. Множество ножевидныхъ и болѣе безформенныхъ осколковъ указываютъ на мѣстную выработку всѣхъ кремневыхъ орудій. На ряду съ ними нерѣдко встрѣчаются и орудія изъ другихъ болѣе мягкихъ породъ камня; при чемъ таковыя всегда оказываются отполированными и совершенно схожими съ ладожскими. Сверленыя орудія отсутствуютъ. Костяныя подѣлки менѣе разнообразны, чѣмъ ладожскія; среди нихъ преобладаютъ острія въ видѣ шилъ; отысканы и гарпуны. Привѣски изъ просверлённыхъ звѣриныхъ зубовъ, повидимому, принадлежатъ къ другой болѣе поздней культурѣ. Керамика является совершенно схожею съ неолитическою керамикой рѣчныхъ дюнныхъ стоянокъ средней Россіи.

Въ неолитическомъ культурномъ слоѣ мѣстами прослѣжены круглыя ямы, выполненныя черною почвою, очевидно, представляющія остатки землянокъ. Весьма воз-

можно, что благодаря этимъ ямамъ и попали въ болѣе глубокіе слои аллювія тѣ осколки кремня, которые такъ хочется нѣкоторымъ изслѣдователямъ пріурочить къ палеолиту.

Къ интереснымъ подробностямъ бологовскихъ находокъ слѣдуетъ отнести кусочки красокъ краснаго, желтаго, бѣлаго и чернаго цвѣтовъ. Находка красной краски извѣстна въ Коренецкой неолитической стоянкѣ Рязанской губ., Егорьевскаго уѣзда [1]), но въ общемъ для русскаго ранняго неолита краски представляются большою рѣдкостью.

Остается еще упомянуть о находкѣ въ стоянкѣ человѣческихъ костей. Онѣ составляютъ одинъ неполный скелетъ и довольно большое число отдѣльныхъ костей. Такимъ образомъ и здѣсь, какъ въ Ладожской стоянкѣ, остатки людей не свидѣтельствуютъ объ ихъ ритуальномъ погребеніи.

Кухонные остатки, или кьеккенмёддинги. Особенно интересными и своеобразно характерными памятниками неолитической эпохи являются кухонные остатки, состоящіе преимущественно изъ скопленій раковинъ морскихъ или рѣчныхъ моллюсковъ. Датчане такіе остатки называютъ „kjökkenmödding'ами (отъ kjökken—кухня и mödding—сорная куча), нѣмцы—Küchenabfälle и французы—rebuts de cuisine; первое изъ названій получило почти всеобщее распространеніе.

Кьеккенмёддинги представляютъ видъ то простыхъ скопленій раковинъ, то скопленій, напоминающихъ холмы и прямые или изогнутые валы. Длина послѣднихъ достигаетъ 300, ширина—60 и высота—5 метровъ. Но это размѣры самыхъ большихъ кьеккенмёддинговъ; наименьшіе же изъ нихъ измѣряются всего нѣсколькими метрами длины и ширины, а высоты достигаютъ не болѣе $^1/_2$ метра.

Обыкновенно кьеккенмёддинги планируются по берегамъ морей и рѣкъ. Своимъ происхожденіемъ они обязаны

[1]) Коллекція Имп. Россійскаго Историческаго Музея въ Москвѣ.

исключительно человѣку, любившему питаться моллюсками, и мѣстами продолжаютъ накопляться до настоящаго времени. Ч. Дарвинъ видѣлъ ихъ на мѣстахъ современныхъ стоянокъ пешересовъ, обитателей Огненной земли. „Туземцы (бухты „Вигвамъ“), говоритъ онъ, питающіеся единственно слизнякомъ, вынуждены постоянно мѣнять свое мѣстопребываніе; но время отъ времени они возвращаются къ старымъ мѣстамъ, какъ это видно по кучамъ старыхъ раковинъ, которыя изрѣдка бываютъ приблизительно въ нѣсколько тоннъ вѣсомъ. Эти груды легко различить на большомъ разстояніи по яркозеленому цвѣту извѣстныхъ растеній, неизмѣнно на нихъ растущихъ“ [1]).

На островѣ Вайгу (изъ группы Молукскихъ) Дюмонъ-Дюрвиль отмѣтилъ въ одномъ мѣстѣ по дорогѣ массу разбросанныхъ раковинъ разныхъ родовъ, но чаще изъ рода Arches. Появленіе здѣсь раковинъ Дюмонъ-Дюрвиль объясняетъ тѣмъ, что дикари, отправляясь въ путь, берутъ съ собою запасъ раковинъ, ѣдятъ ихъ дорогой и створки разбрасываютъ, отъ чего вся дорога, такъ сказать, вымостилась черепками раковинъ [2]).

Въ Австраліи, особенно въ Викторіи, по словамъ Фр. Гельвальда, находятъ необыкновенныя скопленія остатковъ ѣды и множество каменныхъ орудій. На берегахъ рѣкъ Викторіи всё это находится повсемѣстно. По массѣ скопленій заключаютъ о большомъ періодѣ времени пребыванія здѣсь человѣка. Кухонные остатки покрываютъ иногда болѣе, чѣмъ акръ земли. Кучи раковинъ и остатки черепокожихъ имѣютъ до 100 м. длины, до 13—16 м. ширины и до 5 м. высоты [3]).

---

[1]) Ч. Дарвинъ. „Путешествіе вокругъ свѣта на кораблѣ Бигль“, пер. Е. Бекетовой, изд. О. Н. Поповой, Спб., 1896 г. т. I, стр. 131.

[2]) Дюмонъ-Дюрвиль. „Всеобщее путешествіе вокругъ свѣта“, ч. VIII, стр. 268.

[3]) Ф. Гельвальдъ. „Естественная исторія племенъ и народовъ“, стр. 61.

Въ болѣе древнія времена кьеккенмёддинги пользовались еще бо́льшимъ распространеніемъ. Такъ, несмотря на уничтоженія ихъ временемъ, атмосферными осадками и морскими или рѣчными водами, нерѣдко уничтожающими эти остатки вмѣстѣ съ берегами, на которыхъ они отложились, ихъ находятъ по берегамъ озеръ во всей Сѣверной Америкѣ, во Флоридѣ, въ Бразиліи, Патагоніи, на Андаманскихъ островахъ, въ Японіи, Сибири, Индіи, Египтѣ, Евр. Россіи, Австріи, Германіи, Даніи, Скандинавіи, Англіи, Франціи, Португаліи, Испаніи [1]) и др. Всюду возникновеніе ихъ относится къ глубокой древности.

На островѣ Березани раковинныя скопленія найдены среди древностей желѣзной эпохи, оставленныхъ первыми греческими колонистами г. Милета, около семи вѣковъ до Р. Хр.

Къ желѣзной эпохѣ также относятся сорныя кучи отбросовъ, найденныя въ Моравіи, близъ Ольмюца, и Шотландіи [2]).

Къ болѣе глубокой древности принадлежатъ раковинныя скопленія днѣпровскихъ стоянокъ съ развалинами глиняныхъ построекъ, относящихся ко времени распространенія эгейской культуры бронзовой эпохи, а также подобныя скопленія, открытыя на берегахъ рѣкъ Венгріи [3]) и на островѣ Ріонѣ, близъ Марселя, гдѣ найдены предметы египетскаго дѣла, свидѣтельствующіе о сношеніяхъ южной Франціи съ Египтомъ [4]).

Самымъ широкимъ распространеніемъ кьеккенмёддинги, повидимому, пользовались въ неолитическую эпоху и, именно, въ пору полированныхъ орудій, когда они получили и свое ярко выраженное начало. Особенною сла-

---

[1]) E. Cartailhac. „Les âges préhistoriques de l'Espagne et du Portugal", Paris, 1886, p. 48—58.

[2]) J. Lubbock. „Prehistoric Times", 2-d edit., p. 221.

[3]) Л. Нидерле. „Человѣчество въ доисторическія времена", стр. 81.

[4]) Zeitschrift für Ethnologie, 1906, № 1. — Статья Швейнфурта „О доисторическихъ кьеккенмёддингахъ на о. Ріонѣ, близъ Марселя".

вою пользуются кьеккенмёддинги этого времени, открытые въ Даніи. Для изслѣдованія ихъ Копенгагенская Академія Наукъ назначила особую комиссію, въ составъ которой вошли три знаменитыхъ ученыхъ своего времени, профессора: біологъ Стеенструпъ (Steenstrup), геологъ Форхгаммеръ (Forchhammer) и археологъ Ворсо (Worsaae). Они изслѣдовали болѣе пятидесяти кьеккенмёддинговъ, многія тысячи добытыхъ предметовъ доставили въ Копенгагенскій музей и научные наблюденія и выводы изложили въ шести томахъ, представленныхъ въ видѣ отчета въ Копенгагенскую Академію Наукъ [1]). Позже описаніе тѣхъ же памятниковъ выполнили М. Морло (M. Morlot), Дж. Лёббокъ (J. Lubbock) [2]), дважды посѣтившій Данію со спеціальною цѣлью изслѣдованія кьеккенмёддинговъ, и Мадсенъ (A. Madsen).

Общими трудами названныхъ и другихъ изслѣдователей выяснено, что датскіе кьеккенмёддинги относятся къ наиболѣе грандіознымъ, достигая 100 — 300 метровъ въ длину, 6—60 метровъ въ ширину и 1—3 метровъ въ вышину. Они располагаются вдоль фіордовъ, встрѣчаясь чаще въ восточной части, чѣмъ въ западной, гдѣ берега размываются моремъ. Ихъ нашли на островахъ Зеландіи, Фіоніи, Мёнѣ, Самсё и полуостровѣ Ютландіи. Въ составъ ихъ повсюду входятъ милліоны раковинъ различныхъ съѣдобныхъ моллюсковъ, костей рыбъ и животныхъ, смѣшанныхъ съ золой и болѣе рѣдкими грубыми каменными орудіями и обломками глиняной посуды.

Среди раковинъ господствуютъ слѣдующіе четыре вида:

1) устрица (Ostrea edulis L.);
2) сердцевикъ (Cardium edule L.);
3) ракушка (Mytilus edulis L.);
4) береговая улитка (Littorina littorea L.).

---

[1]) Untersögelser i geologisk antiquarisk af G. Forchhamer, I. Steenstrup og I. Worsaae.

[2]) J. Lubbock. „Prehistoric Times“, 2-d edit., chapter VII.

Всѣ эти виды и теперь еще употребляются въ пищу. Найденные въ кьеккенмёддингахъ принадлежатъ исключительно взрослымъ особямъ, что указываетъ на искусственный отборъ ихъ.

За раковинами, по количеству остатковъ, слѣдуютъ кости рыбъ и преимущественно:

1) сельди (Clupea harengus L.);
2) трески (Gadus callarias L.);
3) камбалы (Pleuronectes limonda L.);
4) угря (Muraena anguilla L.).

Сельди водятся вдали отъ береговъ; отсюда правильно заключаютъ, что человѣкъ датскихъ кьеккенмёддинговъ не боялся выѣзжать и въ открытое море.

Изъ ракообразныхъ найдены остатки краббовъ; изъ птицъ — остатки глухарей (Tetrao urogallus), дикихъ лебедей (Cygnus musicus), чистиковъ (Alca impennis L.), но чаще всего утокъ и гусей. Глухари питаются преимущественно сосновыми почками, а это указываетъ на существованіе въ Даніи того времени сосновыхъ лѣсовъ; дикіе лебеди прилетаютъ въ Данію только въ зимнее время; слѣдовательно, человѣкъ жилъ на прибрежныхъ стоянкахъ и зиму; чистики (Alca impennis) совершенно вымерли.

Среди животныхъ преобладаютъ:

1) олени (Cervus elaphus L.);
2) косули (Cervus capreolus L.);
3) кабаны (Sus scrofa L.);

Рѣже встрѣчаются:

1) первобытные быки (Bos urus L., Bos primigenius Boj. и Bos bison L., Bos priscus Boj.);
2) собака (Canis familiaris L.);
3) лисица (Canis vulpes L.);
4) волкъ (Canis lupus L.);
5) куница (Martes sp.);
6) выдра (Lutra vulgaris Exl.);
7) дельфинъ, морская свинья (Delphinus phocaena L.);
8) тюлень (Phoca sp.);

9) водяная и полевая крысы (Hypudeus amphibius L. и Hypudeus agrestis L.);

10) бобръ (Castor fiber L.);

11) рысь (Felis lynx L.);

12) дикая кошка (Felis catus L.);

13) ёжъ (Erinacius europaeus L.);

14) медвѣдь (Ursus arctos L.);

15) мышь (Mus flavicollis Mel).

Кромѣ одной собаки, домашнія животныя совершенно отсутствуютъ.

Различныя степени развитія роговъ косули были приводимы въ доказательство того, что туземцы жили въ тѣхъ же поселеніяхъ круглый годъ.

Всѣ эти остатки сосредоточивались около очаговъ, часто сложенныхъ изъ закопченныхъ и прокалённыхъ камней; иногда они образовывали валъ въ формѣ полукольца съ площадкой въ срединѣ, очевидно нѣкогда служившей мѣстомъ жилищъ, повидимому, имѣвшихъ формы круглыхъ шалашей.

Каменныя и костяныя орудія встрѣчаются довольно часто. Въ составъ первыхъ входятъ нуклеусы, топоры, ножи, скребки, проколки, копья, метательные камни, молоты и особенно многочисленные осколки.

Нуклеусы имѣютъ обычную неолитическую форму. Топоры представляютъ видъ небольшихъ клиньевъ, обработанныхъ посредствомъ грубой оббивки, по своей формѣ схожихъ съ топорами новозеландцевъ и нѣкоторыхъ обитателей материка Австраліи. Ихъ лезвіе иногда подвергалось полированію, но это дѣлалось только въ рѣдкихъ случаяхъ. Ножи и скребки одинаково пластинчатой формы. Полагаютъ, что нѣкоторые изъ нихъ употреблялись спеціально для вскрытія раковинъ моллюсковъ. Метательными камнями Дж. Лёббокъ называетъ кремни, оббитые въ формѣ угловатыхъ шариковъ. Такіе камни нерѣдко попадаются и на русскихъ неолитическихъ стоянкахъ. Наконечники копій грубы; проколки обычныхъ формъ. Въ со-

ставъ костяныхъ подѣлокъ входятъ шила, иглы и гарпуны обычныхъ неолитическихъ формъ. Обломки глиняной посуды отличаются грубостью отдѣлки.

Остатковъ самого человѣка, повидимому, ни разу не было найдено. Это очень интересный фактъ, какъ бы указывающій на отсутствіе ритуальныхъ погребеній. Стеенструпъ полагалъ, что богатое населеніе времени кьеккенмёддинговъ хоронило своихъ покойниковъ въ тумулусахъ; но съ этимъ мнѣніемъ невозможно согласиться, такъ какъ погребенія въ тумулусахъ несомнѣнно относятся къ металлическому періоду и поэтому должны быть моложе чѣмъ кьеккенмёддинги, не содержащіе никакихъ признаковъ земледѣлія, стаднаго скотоводства и металлургіи.

Выше мы уже говорили о широкомъ распространеніи древнихъ кьеккенмёддинговъ. Проникая повсюду, они какъ бы объединяютъ и связываютъ всѣ культуры того времени въ одно цѣлое. Изучая это цѣлое, легко замѣтить, что въ основѣ всѣхъ культуръ лежатъ признаки тяготѣнія и непосредственной зависимости отъ продуктовъ рѣчныхъ и морскихъ прибрежныхъ водъ, эксплуатація которыхъ совершается, преимущественно, при помощи подвижныхъ стоянокъ. Человѣку всюду сопутствуетъ прирученная собака, разныя породы которой приспособляются къ выполненію тѣхъ или другихъ спеціальныхъ услугъ. Ни земледѣлія ни стаднаго скотоводства нигдѣ не замѣтно.

Было ли такъ повсюду, трудно сказать. Очень возможно, что въ нѣкоторыхъ областяхъ уже въ то время существовали болѣе развитыя культуры, гдѣ производились и первые опыты культивированія полевыхъ и огородныхъ растеній, и первые опыты приученія стадныхъ животныхъ, и, наконецъ, вызывались къ жизни отвлеченныя идеи о Богѣ, религіи и разрабатывались религіозные культы. Такими областями могли быть восточныя побережья Средиземнаго моря съ ихъ великими рѣками Тигромъ, Евфратомъ и Ниломъ, а также тропическія страны

Африки и Азіи, раннія неолитическія культуры которыхъ остаются до сихъ поръ недостаточно выясненными.

Пора сверленыхъ орудій.

Пора сверленыхъ орудій представляетъ послѣднее звено въ развитіи чистой культуры каменнаго періода. Она характеризуется примѣненіемъ къ обработкѣ каменныхъ орудій особыхъ техническихъ, ранѣе не практиковавшихся, пріёмовъ, въ видѣ сверленія и пиленія. Благодаря этимъ пріёмамъ, самые важные виды орудій, какъ-то: топоры и долота, получили наиболѣе совершенныя формы и наибольшую силу въ работѣ, что не могло не отразиться на общемъ ходѣ культурнаго развитія человѣка. И, дѣйствительно, за этими усовершенствованіями послѣдовалъ цѣлый рядъ важныхъ культурныхъ явленій. Таковы первые несомнѣнные слѣды земледѣлія, скотоводства и ткацкаго искусства. Вмѣстѣ съ тѣмъ произошло замѣтное нарушеніе культурнаго равновѣсія народовъ. Съ этого времени, одни изъ нихъ, стремясь къ открытію всё новыхъ и новыхъ источниковъ культурныхъ благъ, сильно выдвигаются впередъ; другіе, болѣе консервативные и тупые, не успѣвая усвоить новые плоды открытій, становятся всё болѣе отсталыми. Слѣдствіемъ нарушенія культурнаго равновѣсія явилось нарушеніе естественныхъ международныхъ или, правильнѣе, общечеловѣческихъ отношеній. Болѣе культурныя и сильныя племена начинаютъ презирать и угнетать менѣе культурныхъ и слабыхъ, стремясь захватить ихъ земли, имущество и уничтожить или поработить самихъ. Возникаютъ междуплеменная вражда, войны и людоѣдство.

Въ то же время пробуждаются идеи о Богѣ, защитникѣ слабыхъ и угнетенныхъ.

Нѣкоторые ученые полагаютъ, что религія, какъ выраженіе вѣры въ Бога, присуща искони не только всему человѣчеству, но и всему животному міру. По ихъ мнѣнію, религія есть реминисценція (воспоминаніе) тѣхъ отдален-

нѣйшихъ временъ, когда на землѣ начиналась жизнь, и познаніе абсолютныхъ истинъ является только воспоминаніемъ вѣчныхъ идей, какъ объ этомъ училъ Платонъ.

Всё это возможно. Но ни въ мірѣ животномъ ни у палеолитическаго и ранняго неолитическаго человѣка мы рѣшительно не видимъ никакихъ реально выраженныхъ признаковъ религіозныхъ идей. Эти признаки явились только въ культурѣ поздняго неолитическаго человѣка.

Причиной возникновенія или пробужденія ихъ, несомнѣнно, послужило необыкновенно сильное развитіе ума и нервной системы одного или нѣсколькихъ изъ лучшихъ представителей человѣческаго рода [1]).

Тэйлоръ и Спенсеръ доказываютъ возможность возникновенія религіи изъ сновидѣній и почитанія мертвыхъ; но представляется также возможнымъ пробужденіе ея изъ чувства страха, какой возникалъ за сохранность жизни при безправномъ положеніи личности и цѣлыхъ народовъ въ то время, когда рѣзко были нарушены болѣе мирныя естественныя международныя отношенія.

---

[1]) „Изучая человѣка во всѣхъ вѣкахъ и странахъ, говоритъ Элизе Реклю, мы скоро приходимъ къ тому убѣжденію, что никакой прогрессъ въ существованіи народовъ не можетъ быть созданъ иначе, какъ путемъ личнаго усилія. Только человѣческая личность, какъ первичный элементъ всякаго общества, даетъ тотъ толчокъ, который потомъ вызываетъ событія, измѣняющія совершенно жизнь народовъ, и эти толчки тѣмъ энергичнѣе, чѣмъ свободнѣе личность: на свободѣ полнаго развитія каждой отдѣльной человѣческой личности, этой основной клѣточки, которая соединяется и сливается потомъ свободно и по своему усмотрѣнію съ другими клѣточками измѣнчиваго человѣчества, основывается и свобода общества. Общества выигрываютъ въ своемъ значеніи прямо пропорціонально этой свободѣ первоначальнаго развитія личности. Отъ человѣка рождается та созидающая воля, которая строитъ и перестраиваетъ міръ“. (Эл. Реклю. „Человѣкъ и Земля“, стр. 5).

Вполнѣ присоединяясь къ изложенному мнѣнію знаменитаго географа, мы полагаемъ, что и религія возникла черезъ особенное усиліе умственной и нервной дѣятельности отдѣльныхъ личностей.

Авт.

Желаніе выйти изъ тяжелаго положенія, созданнаго борьбою въ средѣ вида, естественно побуждало обиженныхъ вѣрить въ существованіе высшей справедливости за предѣлами обыденныхъ условій жизни, вѣрить въ существованіе правосуднаго и всемогущаго Бога, готоваго принять въ свои трансцедентные райскіе покои „всѣхъ труждающихся и обремененныхъ“, какъ это письменно выражено почти 6000 лѣтъ тому назадъ въ религіозномъ ученіи ассиро-вавилонянъ и около четырехъ тысячъ лѣтъ спустя повторено христіанствомъ. Подъ страхомъ гнѣва этого справедливаго Верховнаго Существа стали слагаться личныя, общественныя и международныя правовыя отношенія и создаваться ритуалы, какъ выраженія отношеній къ самому Верховному Существу, такъ и отходящимъ къ Нему покойникамъ.

Въ концѣ неолитической эпохи у прогрессивныхъ народовъ, несомнѣнно, существовали жертвенники и храмы для моленія Богу и болѣе или менѣе сложные обряды погребеній, ясно свидѣтельствующіе о проникновеніи въ жизнь религіозныхъ идей. Къ сожалѣнію, эти идеи, возвышенныя и чистыя по своей сущности, не были вполнѣ доступны дикой необразованной массѣ людей, стремившейся облечь ихъ въ конкретныя формы, изъ которыхъ развились идолопоклонство и грубый фетишизмъ, принесшіе также неисчислимыя страданія и бѣдствія человѣчеству.

Особые техническіе пріёмы обработки каменныхъ орудій. Одну изъ видныхъ ролей въ развитіи человѣческой культуры всегда играли орудія труда. Совершенство ихъ сначала способствуетъ увеличенію матеріальныхъ средствъ жизни, а затѣмъ и развитію духовныхъ силъ. Несомнѣнно, весьма сильный толчекъ общему развитію неолитической культуры дало открытіе искусства пиленія и сверленія такихъ твердыхъ породъ камня, какія употреблялись на топоры и долота, представлявшіе главныя орудія труда того времени. Къ началу поры сверленыхъ орудій ясно выразі-

лось стремленіе придавать этимъ орудіямъ наиболѣе совершенныя формы, что и достигалось путемъ чрезвычайно тяжелой и медленной обработки ихъ посредствомъ полированія на точильныхъ камняхъ. Чтобы облегчить массу непроизводительной работы по удаленію ненужныхъ частицъ камня, человѣкъ уничтожалъ ихъ скалываніемъ и въ отношеніи кремня успѣлъ достигнуть удивительныхъ результатовъ, благодаря которымъ кремневыя орудія этого времени, предназначаемыя для полировки, получали такую тонкую и аккуратную оббивку, которая сообщала имъ почти точныя геометрическія формы, такъ что при дальнѣйшей обработкѣ орудій полированіемъ приходилось удалять лишь незначительныя возвышенія. Но другія породы камня, какъ-то: нефритъ, діоритъ, разнаго рода сланцы и имъ подобныя, очевидно, не всегда поддавались такого рода тонкой оббивкѣ, и поэтому пришлось придумать другой способъ ихъ обработки, каковымъ и явилось пиленіе камня. На открытіе этого способа легко могло навести полированіе. Замѣтивъ, что при такой работѣ образуются на точильныхъ плитахъ и брускахъ глубокіе желоба, человѣкъ легко могъ додуматься и до распиливанія этимъ путемъ камней, предназначенныхъ для выработки изъ нихъ орудій.

Каменныя орудія, обработанныя при помощи опиловки, найдены въ Сибири [1]), Евр. Россіи [2]), Зап. Европѣ и Новой Зеландіи [3]). При развитіи археологическихъ изслѣдованій площадь такихъ находокъ, навѣрно, увеличится еще болѣе и займетъ всѣ страны древнихъ цивилизацій.

---

[1]) Гр. А. С. Уваровъ. „Каменный періодъ“, т. I, стр. 370.—Имп. Россійскій Историческій Музей въ Москвѣ, зала I, нефритовый топоръ Енисейской губ.

[2]) А. А. Иностранцевъ. „Доисторическій человѣкъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера“, стр. 202.

[3]) J. Evans. „Les âges de la pierre“, p. 45 et 47.

Въ какой области впервые возникла эта техника, и какъ она производилась, точно не извѣстно. Въ Россіи самые древніе слѣды пиленія найдены въ Ладожской стоянкѣ, т.-е. въ концѣ поры полированныхъ орудій; но обычными они становятся уже въ болѣе позднее неолитическое время. Чаще всего они наблюдаются на орудіяхъ, сдѣланныхъ изъ нефрита, что объясняется бо́льшею твердостью этого камня, благодаря которой слѣды пиленія не такъ легко сглаживаются, какъ на другихъ орудіяхъ изъ болѣе мягкихъ горныхъ породъ.

Рѣшеніемъ вопроса о древнихъ способахъ пиленія камня занималось нѣсколько выдающихся археологовъ; таковы Келлеръ, Тройонъ, Эвансъ, Форреръ и др. Всѣ они старались подойти къ рѣшенію вопроса путемъ опытовъ, при чемъ удалось выяснить, что пиленіе камня могло быть производимо или кремневыми пилами, или твердыми деревянными и костяными инструментами, или, наконецъ, бечевой, туго натянутой на лукъ.

Въ первомъ случаѣ кремневыя пилы снабжались нѣсколько выпуклыми зубчатыми лезвіями и утверждались въ расщепѣ палки, въ 60—80 сантиметровъ длиною, которая для работы вставлялась въ особый станокъ, состоящій изъ двухъ стоекъ и перекладины. Одинъ конецъ перекладины скрѣплялся съ вершиной стойки такъ, чтобы другой конецъ ея могъ свободно опускаться внизъ, скользя въ вырѣзѣ второй стойки. Для бо́льшей тяжести на этотъ конецъ подвязывался грузъ. Снизу, въ серединѣ перекладины, просверливалось углубленіе, въ которое вставлялся верхній заостренный конецъ палки, при чемъ нижній конецъ ея, вооруженный кремневой пилой, упирался въ камень, предназначенный для распиливанія. Самая работа производилась движеніемъ пилы взадъ и впередъ по одному слѣду. Такимъ способомъ углубляли разрѣзъ настолько, чтобы можно было однимъ ловкимъ ударомъ отбить по линіи намѣченнаго разрѣза ненужный кусокъ камня. Обыкновенно, это достигалось при углубленіи раз-

рѣза на $^1/_2$ —$1\,^1/_2$ сантиметра [1]). При такой работѣ не требуется песокъ, такъ какъ имъ скоро притупляются зубцы кремневой пилы. Линіи разрѣза получаются штриховатыми и болѣе вогнутыми (углубленными) въ срединѣ, чѣмъ въ концахъ.

Опыты пиленія камня шнуромъ, натянутымъ на лукъ, производилъ Джонъ Эвансъ. Для работы требуются вода и песокъ. Линія разрѣза получается нѣсколько выгнутою, чего, по замѣчанію Эванса, не замѣчается въ древнихъ разрѣзахъ пиленія камня. Насколько этотъ способъ дѣйствителенъ, можно судить по тому, что при помощи его американскіе индѣйцы перерѣзаютъ желѣзныя цѣпи [2]).

При распиливаніи камней деревянными и костяными инструментами требуются также вода и песокъ; самимъ же инструментамъ придается форма линейки съ пріостреннымъ рабочимъ краемъ. Дерево выбирается самое крѣпкое. Линіи разрѣза оказываются нѣсколько выгнутыми, что зависитъ отъ болѣе быстраго снашиванія средины инструментовъ.

Искусство пиленія, несомнѣнно, значительно ускорило выработку каменныхъ орудій и обусловило красоту и симметричность, какія свойственны большинству топоровъ и долотъ конца неолитической эпохи и болѣе поздняго времени; но верхомъ совершенства обработки каменныхъ орудій явилось сверленіе.

Искусство сверлить костяные и, вѣроятно, деревянные предметы быта возникло еще въ палеолитическую эпоху: привѣски съ сверлинами для подвѣшиванія, сдѣланныя изъ звѣриныхъ зубовъ и оленьихъ костей, раковинъ, а также и костяныя иглы съ ушками, найдены въ культурахъ поры сколотыхъ орудій. Въ то же время появляются и первые кремневые буравы, служившіе для сверленія

---

[1]) R. Forrers. „Reallexikon der prähistorischen, klassischen und frühchristlichen Alterthümer“, S. 780.

[2]) J. Evans. „Les âges de la pierre“, p. 46.

предметовъ изъ всѣхъ поименованныхъ и болѣе мягкихъ матеріаловъ. Но сверленіе камней относится всецѣло къ неолитической эпохѣ, ко времени не ранѣе конца поры полированныхъ орудій; при чемъ въ Европѣ сначала появились мелкія сверленыя вещицы, служившія предметами роскоши, въ родѣ разнаго рода привѣсокъ, колецъ и др., и только позже появилось сверленіе орудій, обозначивъ собою послѣднюю стадію развитія культуры каменнаго періода.

Долго не удавалось рѣшить, какимъ способомъ производилось сверленіе орудій, и многіе изслѣдователи (Лёббокъ, Надальякъ, Гёрнесъ и др.) стали полагать, что оно возможно лишь при помощи металлическихъ инструментовъ, а поэтому всѣ сверленыя орудія должны относиться къ металлическому періоду.

Однако цѣлымъ рядомъ опытовъ удалось доказать полную возможность ихъ сверленія при помощи болѣе примитивныхъ средствъ, всегда имѣвшихся подъ руками и у человѣка каменнаго періода.

Проф. Цюрихскаго университета Ф. Келлеръ устроилъ довольно простой аппаратъ, какой употребляется въ настоящее время у нѣкоторыхъ дикихъ племенъ для добыванія огня, и въ теченіе нѣсколькихъ часовъ работы успѣвалъ просверлить самые твердые каменные топоры, пользуясь деревяннымъ сверломъ или, вѣрнѣе, простой палкой, пескомъ и водой. Позже его опыты были провѣрены и отчасти развиты графомъ Г. Вурмбрантомъ [1]) и проф. Р. Форреромъ [2]).

Ихъ аппаратъ устраивался такъ же, какъ и вышеописанный, употреблявшійся для пиленія камня; онъ также состоялъ изъ двухъ, но болѣе короткихъ стоекъ, перекла-

---

[1]) „Mittheilungen der anthropol. Gesellsch. in Wien“, V, S. 117; VI, S. 96.

[2]) R. Forrers. „Reallexikon der prähistorischen, klassischen und frühchristlichen Alterthümer“; „Bohrer“, S. 101—104, Taf. 29.

дины и сверла. Перекладина имѣла гнѣздо или сверлину для помѣщенія верхняго конца сверла и соединялась съ вершинами стоекъ или неподвижно, или такъ, что одинъ конецъ ея могъ опускаться внизъ, чтобы нажимать на сверло. Послѣднее представляло простую палку изъ крѣпкаго дерева, приводимую въ быстрое вращательное движеніе при помощи тетивы лука или смычка.

Рабочій конецъ сверла дѣлался или въ формѣ подокругленнаго конуса и цилиндра, или въ формѣ полой трубки. Въ первомъ случаѣ сверло производило чашечное углубленіе, а во второмъ—кольцевидное, съ выдающимся стержнемъ внутри.

Объ формы такихъ углубленій, обыкновенно, наблюдаются и у древнихъ каменныхъ топоровъ съ недоконченными сверлинами; высверленные же стержни (noyau de rejet) часто находятся среди остатковъ неолитическихъ мастерскихъ, гдѣ сверленіе орудій практиковалось.

Опыты и наблюденія показали, что полыми наконечниками сверлъ могли служить кости и рога животныхъ, а также и стебли твердаго тростника (Arundinaria macrosperma), какими производятъ подобное сверленіе нѣкоторые изъ американскихъ дикарей, и остатки которыхъ удавалось находить въ начатыхъ сверлинахъ древнихъ каменныхъ орудій [1]).

Что касается массивныхъ наконечниковъ сверлъ, то они могли быть какъ изъ твердаго дерева, такъ и изъ кусковъ кремня, но послѣдніе, по наблюденію проф. Рау, могли употребляться только для просверливанія болѣе мягкихъ породъ камня, при сверленіи же твердыхъ породъ, въ родѣ діорита, сіенита и нефрита, кремневыя сверла ломались и крошились при первомъ движеніи снаряда [2]).

[1]) J. Evans. „Les âges de la pierre“, p. 52. — Carl Rau, см. его статью въ „Rapport annuel du Smithsonian Institution“, 1868, p. 397.— „Arch. für Anthropologie“, B III, S. 187.—Гр. А. С. Уваровъ. „Каменный періодъ“, т. I, стр. 359.

[2]) Гр. А. С. Уваровъ. „Каменный періодъ“, т. I, стр. 359.

Нью-Іоркскій проф. Карлъ Рау доказалъ полную возможность сверленія каменныхъ орудій при помощи еще болѣе примитивнаго снаряда, употреблявшагося прокезами и докотами для добыванія огня. Этотъ снарядъ состоитъ изъ сверла, представляющаго палку около 4 футовъ длиною и 1 дюйма въ діаметрѣ, тяжеловѣснаго деревяннаго или глинянаго колеса, помѣщавшагося на нижней части сверла для увеличенія центробѣжной силы при движеніи снаряда, и лука фута въ три длиною, съ длинною тетивою, винтообразно навитою на верхній конецъ сверла.

При надавливаніи лука внизъ тетива разматывается и сообщаетъ настолько сильное вращательное движеніе сверлу, что оно успѣваетъ намотать тетиву въ обратную сторону и поднять лукъ кверху. Тогда производится второе надавливаніе на лукъ, и происходитъ второе вращеніе сверла, но уже въ обратномъ направленіи. При быстрой работѣ сверло получаетъ какъ бы непрерывное движеніе. Въ это время подъ рабочій конецъ его подсыпается смоченный песокъ. Такимъ способомъ Карлу Рау удалось просверлить орудія изъ самаго твердаго діорита, на которомъ даже стальнымъ ножемъ нельзя было сдѣлать царапины.

Древній первобытный человѣкъ, съ очевидною цѣлью облегченія труда, нерѣдко велъ сверленіе орудій съ обѣихъ сторонъ, направляя углубленія сверлинъ навстрѣчу другъ другу, при чемъ отверстіе получало видъ двухъ слившихся коническихъ воронокъ и было значительно ýже въ срединѣ. Въ этомъ случаѣ нерѣдко прибѣгали къ помощи кремневыхъ буравовъ, которыми, по мнѣнію многихъ изслѣдователей, служили многогранные коническіе нуклеусы.

Однако нерѣдко также случалось, что сверлины, направленныя съ двухъ сторонъ, не совпадали, и тогда приходилось оставлять работу недоведенною до конца. Образцы такихъ неудачныхъ сверлинъ не разъ бывали находимы среди остатковъ мастерскихъ поры сверленыхъ орудій.

Интересно отмѣтить, что сверленіе съ двухъ сторонъ практиковалось только массивными инструментами, тогда какъ полыми инструментами работа всегда велась лишь съ одной стороны. Это какъ бы говоритъ за то, что работа первыми изъ нихъ оказывалась болѣе трудною, чѣмъ послѣдними, а слѣдовательно въ поломъ сверлѣ слѣдуетъ видѣть болѣе совершенное орудіе и изобрѣтеніе его относить къ болѣе позднему времени.

О томъ, гдѣ и какъ возникло искусство сверленія камня, такъ же трудно судить, какъ и о возникновеніи искусства пиленія. Извѣстно, что на зарѣ металлическаго періода египтяне легко сверлили камни для своихъ сооруженій и примѣняли это искусство въ широкихъ размѣрахъ. Ихъ сверла иногда даже снабжались алмазами и другими твердыми камнями [1]). Весьма возможно, что какъ сверленіе, такъ и пиленіе камней вообще получили свое начало, именно, въ Египтѣ, или въ еще болѣе образованныхъ сосѣднихъ странахъ восточнаго побережья Средиземнаго моря; но возможно также и самостоятельное возникновеніе ихъ у разныхъ народовъ. Что касается огромной территоріи нынѣшнихъ русскихъ владѣній, то въ нихъ повсюду описываемыя техническія искусства носятъ заимствованный характеръ, при чемъ многими народностями искусства эти даже не были усвоены, что хорошо доказывается явленіемъ въ разныхъ мѣстностяхъ, наряду съ прекрасно высверленными орудіями, экземпляровъ съ долбленными отверстіями, представляющими результатъ неудачнаго воспроизведенія завозныхъ образцовъ, а также и явленіемъ въ сравнительно позднихъ культурахъ каменныхъ топоровъ съ перехватами въ видѣ желобковъ, служившихъ, вмѣсто сверлинъ, для скрѣпленія орудія съ рукояткой.

---

[1]) Энциклопедическій словарь, изд. Брокгауза и Ефрона, 57 полут., стр. 100.

Слѣды несомнѣнныхъ сверлильныхъ мастерскихъ находятся въ областяхъ западной Россіи, Прибалтійскомъ краѣ [1]), Прикарпатьѣ и Приднѣпровьѣ [2]); въ центральной же Россіи имѣются лишь слабые ихъ признаки [3]), а въ восточной Россіи и Сибири не имѣется никакихъ слѣдовъ.

Большое количество сверленыхъ каменныхъ орудій вырабатывалось въ металлическій періодъ, когда они, повидимому, довольно успѣшно конкурировали съ мѣдными и бронзовыми издѣліями. Древнѣйшія же изъ нихъ, несомнѣнно, принадлежатъ къ неолитической эпохѣ, и проф. Вольдржихъ поступилъ совершенно вѣрно, выдвинувъ сверленіе орудій какъ характерный признакъ послѣдней стадіи развитія культуры каменнаго періода и обозначивъ эту стадію въ своей классификаціи подъ именемъ „тримолитическаго“ періода, т.-е. періода сверленыхъ орудій (τρύμη—дыра и λίθος—камень) [4]), что соотвѣтствуетъ „порѣ сверленыхъ орудій“ нашей классификаціи.

Обзоръ каменныхъ подѣлокъ. Каменныя подѣлки поры сверленыхъ орудій представляютъ не только дальнѣйшее усовершенствованіе формъ предшествующаго времени, но и даютъ совершенно новыя оригинальныя формы. Особеннаго расцвѣта достигаютъ полированныя орудія. Бо́льшая часть ихъ вырабатывается изъ мягкихъ горныхъ породъ, въ родѣ сланцевъ, кристаллическихъ или сильно отвердѣвшихъ известняковъ, кварцитовъ, серпентина, діорита,

[1]) Гр. А. С. Уваровъ. „Каменный періодъ“, т. I, стр. 360.

[2]) Каталогъ Выставки XI Арх. Съѣзда, въ Кіевѣ, стр. 181, № 605. Камень съ воронкообразными сверлеными углубленіями, направленными навстрѣчу другъ другу съ двухъ противоположныхъ сторонъ. Найденъ Екатериной Николаевной Мельникъ (Антоновичъ) въ Екатеринославской губ. на скальномъ днѣпровскомъ островѣ, называемомъ „Стрільча Скеля“, близъ с. Волосскаго.

[3]) Музей Рязанской Ученой Архивной Комиссіи, с. Борки; коллекція каменнаго періода В. А. Городцова. Каменная плитка съ начатымъ кольцевиднымъ сверленіемъ.

[4]) Л. Индерле. „Человѣчество въ доисторическія времена“, стр. 75.

сіенита и др. Мéньшею распространенностью пользуются орудія изъ кварца, нефрита и кремня.

Въ составъ полированныхъ орудій входятъ топоры, долота и кирки. Топоры получили наибольшее число типовъ, изъ которыхъ клиновидные дѣлались часто изъ кремня, роговика, яшмы, кварца, нефрита и др. наиболѣе твердыхъ каменныхъ породъ; всѣ же прочія орудія фабриковались только изъ мягкихъ породъ.

Долота удержпвали формы предшествующей поры. Новостью явились кирки, представляющія изъ себя крупныя ладьевидныя или призматическія орудія съ симметрично заостренными концами. Ихъ дѣлали преимущественно изъ мягкихъ породъ камня, но въ Сибири они вырабатывались даже изъ нефрита [1]). Назначеніе этихъ орудій не совсѣмъ выяснено. Прикрѣпленныя къ рукояткѣ, они могли служить и для выкапыванія изъ земли растительныхъ съѣдобныхъ корней и для войны, какъ весьма серьёзное ударное оружіе.

Оббивныя орудія попрежнему фабриковались, преимущественно, изъ кремня, роговика и обсидіана. Ихъ формы въ общемъ достигаютъ наивысшаго развитія. Глядя на многія изъ этихъ произведеній, невольно приходишь къ мысли, что человѣкъ конца неолитической эпохи справлялся съ твердыми породами камня такъ же легко, какъ съ кусками мягкаго дерева.

Среди большого количества оббивныхъ подѣлокъ изрѣдка продолжаютъ встрѣчаться топоры и долота, можетъ быть, лишь случайно не подвергшіеся окончательной отдѣлкѣ посредствомъ полировки, но преобладаютъ скребки, ножи, стрѣлы, копья, проколки, кривыя пилы, жерлицы, удильные крючки, фигурныя привѣски и буравы въ видѣ многогранныхъ коническихъ нуклеусовъ.

Скребки получаютъ самыя разнообразные формы и размѣры. Одни изъ нихъ приспособляются для работы съ

---

[1]) Имп. Россійскій Историческій Музей въ Москвѣ, зала 1, Сибирь.

рукоятками, другіе—безъ всякихъ рукоятокъ. Встрѣчаются экземпляры совершенно миніатюрныхъ размѣровъ.

Ножи попрежнему дѣлаются или въ формѣ сколотыхъ пластинокъ, или въ формѣ древеснаго листа; начинаютъ встрѣчаться и серповидныя формы. Нѣкоторые экземпляры получаютъ весьма крупные размѣры.

Копья удерживаютъ старыя формы.

Образцовыми произведеніями являются кремневые кинжалы. Ихъ клинки и рукоятки вырабатываются изъ одного куска камня, при чемъ получаютъ замѣчательную симметричность и изящность формы и отдѣлки. Однако, выработка этихъ удивительныхъ орудій была далеко неповсемѣстна. Центромъ ея, повидимому, служила Западная Европа. Въ область современной Европейской Россіи кинжалы попадали какъ бы случайно, можетъ быть въ качествѣ торговаго товара, и не проникали далѣе западной половины территоріи государства. Въ Сибири и многихъ другихъ областяхъ каменные кинжалы не найдены совсѣмъ.

На русскихъ дюнныхъ стоянкахъ найдены не менѣе замѣчательныя кремневыя подѣлки, представляющія изображенія людей, животныхъ и птицъ, хотя возможно, что появленіе ихъ относится уже къ металлическому періоду. На ряду съ ними начинаютъ встрѣчаться не менѣе замысловатые по формѣ кремневые удильные крючки, жерлицы и др. Число разнаго рода каменныхъ украшеній и привѣсокъ значительно увеличивается. Начинаютъ всё чаще и чаще попадаться кремневые проколки и буравы. Среди послѣднихъ особенно замѣчательными представляются буравы въ формѣ симметрично обтесанныхъ болѣе или менѣе коническихъ кремневыхъ нуклеусовъ, по мнѣнію многихъ археологовъ, употреблявшіеся для сверленія или расширенія сверлинъ каменныхъ топоровъ и др. орудій.

Костяныя и роговыя подѣлки. Подѣлки изъ кости и рога, по многимъ признакамъ, пользовались весьма широкимъ распространеніемъ. Къ сожалѣнію, для сохраненія

ихъ въ столь продолжительное время, какое протекло съ конца неолитической эпохи, нужны особенно благопріятныя условія, каковыя имѣются въ природѣ далеко не повсюду. Чаще всего отъ костяныхъ и роговыхъ подѣлокъ, какъ и отъ костей вообще, не остается никакого слѣда, и объ уничтоженномъ можно судить лишь по многочисленности такихъ предметовъ въ мѣстахъ, благопріятныхъ для ихъ сохранности. Торфъ, зола, тонкій озерный и рѣчной илъ особенно хорошо сохраняютъ кость; въ нихъ-то и найдены тѣ весьма обильныя издѣлія, по которымъ возстановляется довольно полная картина первобытной костяной индустріи. Въ составъ ея входили иглы, проколки, или шила, долота, гарпуны, удильные крючки, рукоятки каменныхъ орудій, инструменты для обработки кремня посредствомъ нажатія, разнаго рода привѣски, свистки, гребни, рѣзныя фигуры людей, животныхъ, птицъ и рыбъ.

Иглы встрѣчаются очень часто; всѣ онѣ довольно крупны и снабжены сверлинами, или ушками для нитокъ; дѣлаются изъ осколковъ костей животныхъ или изъ отростковъ рыбьихъ позвонковъ.

Проколки, или, какъ ихъ часто называютъ, шила, острія, попадаются въ большомъ количествѣ. Они фабрикуются чаще всего изъ ножныхъ костей мелкихъ животныхъ и рѣже изъ отростковъ оленьихъ роговъ и крупныхъ рыбьихъ позвонковъ. Формы ихъ довольно разнообразны, хотя всѣ онѣ имѣли широкое распространеніе.

Долота и гарпуны удерживаютъ формы предшествующей поры; изъ нихъ первыя встрѣчаются довольно рѣдко.

Новость среди костяныхъ подѣлокъ составляютъ удильные крючки. Они найдены во многихъ мѣстахъ Европы и относятся къ двумъ типамъ: простому и сложному. Крючки перваго типа вырѣзаются изъ одной кости; крючки второго типа состоятъ изъ двухъ косточекъ, прилаженныхъ подъ угломъ другъ къ другу и связанныхъ нитью.

Тѣ и другіе иногда дѣлались съ жалами, какъ современные стальные крючки, и отличались сравнительно круп-

ными размѣрами. Въ общемъ, это довольно несовершенные снаряды, и въ настоящее время ими едва ли можно было бы поймать въ нашихъ рѣкахъ хотя одну рыбу. Удача первобытнаго лова, очевидно, обусловливалась только необыкновеннымъ изобиліемъ крупной рыбы, наполнявшей рѣки въ первобытныя времена. Совершенно схожіе удильные крючки имѣются у многихъ современныхъ индѣйцевъ Америки и островитянъ Австраліи.

Рукоятки каменныхъ орудій, какъ и въ предшествующую пору, преимущественно вырабатывались изъ роговъ оленей и предназначались для топоровъ и кирокъ. Костяныя рукоятки дѣлались для болѣе мелкихъ орудій въ родѣ пилъ и скребковъ; находки ихъ, однако, представляютъ большую рѣдкость.

Въ Сибири [1]), Скандинавіи и Швейцаріи найдены костяныя орудія, совершенно схожія съ орудіями сѣверо-американскихъ эскимосовъ, употребляющимися для обработки каменныхъ орудій посредствомъ нажатія. Возможно, что сибирскія и европейскія орудія употреблялись для той же цѣли.

Большимъ разнообразіемъ отличаются разнаго рода привѣски. Онѣ дѣлаются чаще всего изъ зубовъ дикихъ животныхъ: медвѣдей, волковъ, лисицъ, разныхъ мелкихъ плотоядныхъ и кабановъ. Иногда привѣсками служатъ цѣлыя челюсти мелкихъ звѣрковъ. Всё это въ большинствѣ случаевъ просверливается для ношенія на шнуркахъ. Привѣски изъ обыкновенной кости обрабатываются или въ формѣ животныхъ и птицъ, или въ видѣ геометрическихъ фигурокъ, иногда покрытыхъ незамысловатымъ орнаментомъ изъ линій и насѣчекъ.

---

[1]) I. Savenkov. „Sur les restes de l'époque néolithique, trouvés dans le gouvern. d'Enisseïsk (Sibérie Orientale), sur la rive de l'Enissei, près des embouchures de la Basaïkha et du Tchadobets". Congrès international d'archéologie et d'anthropologie préhistoriques à Moscou, t. II, p. 326.

Болѣе рѣдкими представляются свистки. Они фабрикуются чаще изъ фалангъ животныхъ и рѣже изъ отрѣзковъ вѣтвей оленьихъ роговъ.

Первые найдены въ Россіи и Франціи, вторые — въ Скандинавіи и др. областяхъ Зап. Европы. Особенный интересъ этихъ предметовъ заключается въ томъ, что они являются древнѣйшими представителями духовыхъ музыкальныхъ инструментовъ [1]). Весьма возможно, что на ряду съ костянымп свистками существовали и другіе инструменты, въ родѣ деревянныхъ и тростниковыхъ дудокъ и гудковъ, отъ которыхъ могло не сохраниться никакихъ остатковъ.

Еще бо́льшую рѣдкость представляютъ гребни. Это — небольшія костяныя пластинки съ грубо прорѣзанными четырьмя зубьями или нѣсколько бо́льшимъ числомъ. Ихъ явленіе указываетъ на стремленіе человѣка къ опрятности и комфорту, совсѣмъ незамѣтное у его болѣе древняго предшественника.

Особенный же интересъ возбуждаютъ настоящія скульптурныя изображенія животныхъ, птицъ и даже самого человѣка. Лучшіе образцы ихъ найдены въ центральной Россіи [2]) и Прибалтійскомъ краѣ [3]). Эти произведенія свидѣтельствуютъ о несомнѣнныхъ художественныхъ даро-

---

[1]) Во Франціи подобные свистки найдены въ пещерахъ, содержащихъ памятники поры сколотыхъ орудій, благодаря чему имъ приписывается палеолитическій возрастъ. Но они такъ похожи на свистки поздней поры неолитической эпохи, что невольно закрадывается недовѣріе къ ихъ особенно глубокой древности. (См. Ed. Piette. „L'art pendant l'âge du renne". Album, Paris, 1907).

Авт.

[2]) P. Koudriavtsev. „Les vestiges de l'homme préhistorique de l'âge de la pierre près du village Volosova, district et gouv. de Vladimir". Congrès international d'archéologie et d'anthropologie préhistorique à Moscou, t. II, p. 252—254.

[3]) „Katalog der Ausstellung zum X archäologishen Kongress in Riga", 1896, Tafel 1, Rinnekaln.

ваніяхъ неолитическаго человѣка и его хорошемъ знаніи природы. Назначеніе этихъ вещей не совсѣмъ ясно. Возможно, что онѣ были предметами простой роскоши, вызванной къ жизни стремленіемъ къ творческой дѣятельности даровитыхъ мастеровъ; возможно также, что эти изящныя подѣлки имѣли какой-нибудь особенный религіозный смыслъ и служили фетишами, такъ какъ религіозныя чувства въ это время, несомнѣнно, были пробуждены въ человѣкѣ, тѣмъ болѣе, что явленіе этихъ предметовъ слѣдуетъ относить или къ самому концу поры сверленыхъ орудій, или даже къ началу металлическаго періода.

Деревянныя подѣлки и сооруженія. Дерево особенно плохо противостоитъ разрушительному вліянію времени и массами погибаетъ безъ всякаго слѣда. Тѣмъ не менѣе отъ изучаемой поры до насъ дошли и деревянныя издѣлія. Особенно много сохранилось обработанныхъ рукою человѣка дубовыхъ свай въ илѣ озеръ Зап. Европы. Острые концы свай обтесаны на конусъ, но очень грубо и, повидимому, не безъ помощи огня.

Въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ найдены части сгорѣвшихъ стѣнъ хижинъ, сплетенныхъ изъ хвороста и оштукатуренныхъ глиной.

Деревянный столбъ, служившій, по мнѣнію И. С. Полякова, частью жилой неолитической постройки, отысканъ у подножія дюны „Плеханова бора“, содержавшей обильные остатки типичной стоянки поры сверленыхъ орудій[1]).

Челны, какъ и въ предшествующую пору, выдалбливаются изъ одного дерева, но получаютъ болѣе совершенную и чистую отдѣлку; въ нихъ уже перевозятъ значительные грузы. Такъ въ Біеннскомъ озерѣ, въ Швейцаріи, открытъ челнъ, наполненный камнями, которые предна-

---

[1]) П. С. Поляковъ. „Изслѣдованія по каменному вѣку“. Записки Имп. Русскаго Географическаго Общества, по отдѣленію Этнографіи, т. IX, стр. 68—88.

значались, какъ полагаютъ, для укрѣпленія сваї озерныхъ жилищъ.

Рукоятки топоровъ отысканы также въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ. По формѣ онѣ напоминаютъ обыкновенныя дубины, съ утолщеніемъ надъ клинками топора. Интересно, что совершенно такія же деревянныя рукоятки каменныхъ топоровъ еще и теперь дѣлаются нѣкоторыми дикарями Америки и Австраліи.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть о находкахъ луковъ. Древнѣйшіе изъ нихъ найдены въ свайныхъ постройкахъ; они сдѣланы изъ тиссоваго или буковаго дерева и имѣютъ примитивную форму, съ надрѣзами на концахъ для тетивы[1]).

Глиняныя издѣлія. Къ концу неолитической эпохи глиняныя издѣлія начинаютъ пользоваться всё болѣе и болѣе широкимъ распространеніемъ. Въ составъ ихъ входятъ, помимо сосудовъ, еще разнаго рода грузила и штукатурки жилыхъ помѣщеній.

Глиняные сосуды представляютъ дальнѣйшее развитіе формъ и техники ихъ въ предшествующую пору. Наилучшія керамическія издѣлія въ это время фабриковались на берегахъ Тигра, Евфрата и Нила. Вліяніе керамики этихъ областей сказывается по всѣмъ странамъ, прилегающимъ къ Средиземному морю, и далѣе въ Англіи, Скандинавіи, Германіи и южной Россіи; всѣ же остальныя области послѣдней, а равно и вся Сибирь, остались внѣ этого вліянія и удержали формы древней керамики въ неприкосновенной чистотѣ.

Наиболѣе общею формою сосудовъ попрежнему является форма опрокинутаго конуса. Эту форму легко прослѣдить лишь съ незначительными варіантами въ Сибири, Евр. Россіи, Малой Азіи, Египтѣ, Франціи, Англіи и др. Въ Сибири и Евр. Россіи она оставалась господствующею долго и въ металлическомъ періодѣ. Въ Зап. Европѣ, Передней Азіи

---

[1]) І. Ранке. „Человѣкъ“, т. II, стр. 590.

и Египтѣ её можно наблюдать уже въ видѣ пережитка, вытѣсняемаго болѣе красивыми и практичными производными отъ нея же формами; таковы амфоровидные кувшины, бокаловидныя кружки, колоколообразные и полушарные кухонные горшки и др. На нѣкоторыхъ формахъ этихъ сосудовъ появляются первыя ручки и ушки, а также и плоскія дны.

Приготовленіе глины, обжиганіе, орнаментація значительно совершенствуются въ области средиземноморскаго вліянія и остаются почти неподвижными въ центральной, сѣверной и восточной Россіи, въ Сибири и, вѣроятно, другихъ болѣе удаленныхъ странахъ.

Въ орнаментѣ глиняной посуды особеннаго вниманія заслуживаетъ веревочный, воспроизводимый посредствомъ нажима обыкновенной тонкой веревочки на сырыя мягкія стѣнки сосудовъ. Этотъ орнаментъ встрѣчается почти повсюду въ Европѣ, Малой Азіи и Сибири. Изъ комбинацій элементовъ орнамента, или узоровъ, наиболѣе интереснымъ представляется ленточный (полосатый) узоръ, извѣстный въ Европѣ повсюду. Полосы узора, обыкновенно, слагаются изъ элементовъ одного или нѣсколькихъ видовъ орнамента и располагаются, по отношенію къ основанію сосудовъ, горизонтально. Въ русской керамикѣ въ разсматриваемую пору господствуютъ узоры рябчатые и ёлочные; первые составлялись изъ болѣе или менѣе короткихъ или округлыхъ элементовъ одного и того же вида, расположенныхъ равномѣрно по всей площади орнамента; вторые формировались изъ болѣе продолговатыхъ элементовъ разныхъ видовъ орнамента, расположенныхъ подъ нѣкоторымъ, замѣтнымъ для глаза, угломъ другъ къ другу, благодаря чему въ общемъ узоръ получаетъ видъ ёлки. Ёлочные узоры располагаются, по отношенію къ основанію сосуда, горизонтально и, повидимому, получили свое начало отъ плетеныхъ корзинъ, въ которыхъ, вѣроятнѣе всего, лѣпились древнѣйшіе глиняные сосуды.

Ткацкое искусство, витье веревокъ и вязаніе сѣтей. Полагаютъ, что въ концѣ неолитической эпохи въ Европѣ уже существовали всѣ названныя искусства; а такъ какъ въ то время европейская культура находилась подъ несомнѣннымъ вліяніемъ восточно-средиземноморской культуры, то, слѣдовательно, эти искусства были извѣстны и въ областяхъ послѣдней.

Существованіе веревокъ во всѣхъ этихъ областяхъ доказывается гончарнымъ веревочнымъ орнаментомъ и кромѣ того находками сохранившихся остатковъ ихъ въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ робенгаузенскаго типа, относящихся какъ разъ къ порѣ сверленыхъ орудій.

Изъ тонкихъ веревокъ вязались рыболовныя сѣти, остатки которыхъ удалось отыскать въ свайныхъ постройкахъ, а также и въ орнаментѣ глиняныхъ сосудовъ Волосовской стоянки, близъ г. Мурома.

Особенно же важное явленіе составляютъ неолитическія ткани. Остатки ихъ найдены въ робенгаузенскихъ и вангенскихъ свайныхъ постройкахъ въ Швейцаріи. Ткани приготовлялись частію простымъ плетеніемъ, а частію на примитивномъ ткацкомъ станкѣ. Памятниками ткацкаго искусства чаще всего являются глиняныя грузила, которыя подвѣшивались къ основѣ, и глиняныя прясла, надѣвавшіяся на веретена.

Ни въ Евр. Россіи ни въ Сибири слѣды ткацкаго искусства описываемаго времени не были найдены. Въ этихъ областяхъ они появляются только въ металлическій періодъ.

Древнѣйшія европейскія ткани оказались сотканными изъ льна; родиной льна считается Закавказье; поэтому и европейское ткацкое искусство слѣдуетъ выводить изъ Передней Азіи. Самые древніе слѣды обработки льна найдены въ Месопотаміи, гдѣ возрастъ льноводства превышаетъ 5,000 лѣтъ до Р. Хр. Къ этому времени, повидимому, относятся и ткани древнѣйшихъ свайныхъ построекъ Швейцаріи. Въ Египетъ ленъ былъ принесенъ изъ Западной

Азіи въ третьемъ тысячелѣтіи до Р. Хр., но шерстяныя ткани Египта относятся къ глубочайшей древности. Во всякомъ случаѣ возникновеніе ткацкаго искусства въ Азіи, Африкѣ и Европѣ слѣдуетъ относить, по меньшей мѣрѣ, къ концу неолитической эпохи, но въ это время оно имѣлось и развивалось только у немногихъ прогрессивныхъ народовъ; болѣе же консервативные народы не узнали этого искусства совсѣмъ.

Гораздо древнѣе и распространеннѣе были плетенія цыновокъ и рогожъ. Остатки ихъ найдены въ свайныхъ постройкахъ, при чемъ установлено, что первыя ткани выплетались по образцу рогожъ, что и доказываетъ болѣе раннее происхожденіе плетеній.

Земледѣліе. Въ предшествующую пору земледѣліе, повидимому, совсѣмъ не было извѣстно человѣку. Первые слѣды земледѣлія найдены только въ культурахъ поры сверленыхъ орудій.

Полагаютъ, что возникновеніе его могло послѣдовать въ разныхъ мѣстностяхъ совершенно самостоятельно. Однако имѣются основанія для допуска, что самое древнее земледѣліе получило свое начало гдѣ-нибудь въ Азіи и, вѣроятнѣе всего, въ Месопотаміи, откуда оно довольно быстро перенеслось въ Египетъ, Европу и Китай.

Древнѣйшими культурными растеніями считаются ячмень, пшеница и ленъ. Родиной всѣхъ ихъ служитъ Передняя Азія, гдѣ дикіе предки ихъ произрастаютъ и до сихъ поръ.

О способахъ древней обработки почвы можно составить лишь приблизительное понятіе на основаніи сравненія съ зачаточными формами земледѣлія у современныхъ дикарей, земледѣльческими орудіями которыхъ обыкновенно служатъ простыя деревянныя палки или плуги, представляющіе суки твердаго дерева. По свидѣтельству Гезіода, древнѣйшіе греческіе плуги представляли изъ себя не что иное, какъ длинный деревянный крюкъ или багоръ, загнутымъ концомъ котораго бороздили землю.

Для размола зеренъ пользовались каменными плитами и терками или пестами. Тѣ и другіе нерѣдко встрѣчаются среди древнѣйшихъ земледѣльческихъ культуръ, а также имѣются и въ живомъ употребленіи у нѣкоторыхъ изъ современныхъ дикарей.

Плиты служатъ плоскостью для растиранія зеренъ. Онѣ имѣютъ сравнительно крупные размѣры. Отъ продолжительнаго употребленія поверхности ихъ снашиваются и становятся вогнутыми. Простѣйшія терки имѣютъ видъ обыкновенныхъ небольшихъ булыжниковъ съ одною сглаженною плоскостью.

Древнѣйшіе слѣды земледѣлія въ Европѣ найдены только въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ; въ русскихъ же неолитическихъ культурахъ они совершенно отсутствуютъ.

Скотоводство. Въ разсматриваемую пору сверленыхъ орудій появляются и первыя домашнія стадныя животныя. Прирученіе ихъ, по мнѣнію большинства изслѣдователей, совершилось въ Азіи. Древнѣйшими изъ нихъ считаютъ корову, козу и овцу.

Корову производятъ отъ дикаго вида Bos primigenius. Въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ найдены четыре различныя породы, но всѣ онѣ легко производятся отъ одного дикаго предка, хотя Дарвинъ держится другого мнѣнія, считая болѣе вѣроятнымъ происхожденіе прирученныхъ коровъ отъ нѣсколькихъ дикихъ видовъ [1]).

У всѣхъ арійскихъ народовъ названіе коровы „staura“ является общимъ, что указываетъ на приручение ея до раздѣленія арійцевъ, послѣдовавшаго, какъ полагаютъ, въ концѣ неолитической эпохи. Однако сравнительное языковѣдѣніе указываетъ, что арійское названіе заимствовано отъ первобытнаго семитическаго названія коровы „tauru“ [2]),

---

[1]) J. Lubbock. „Prehistoric Times“, 2-d edit., p. 197.

[2]) О. Шрадеръ. „Сравнительное языковѣдѣніе и первобытная исторія“, Спб., 1886 г., стр. 361.

а это говоритъ за болѣе древнее приручение коровы въ области семитовъ, что и подтверждается новыми археологическими открытіями въ области ихъ исконныхъ поселеній въ Передней Азіи.

Какъ всё чрезвычайно полезное и важное въ развитіи человѣческой культуры, корова была почтена множествомъ народныхъ легендъ и окружена ореоломъ божественности.

Египтяне обоготворяли быка Аписа, какъ сына луча божественнаго свѣта. Они содержали его въ мемфисскомъ храмѣ бога Птага (Ptah), творца міра. Въ мемфисскомъ кладбищѣ нашли болѣе 30 мумій Аписовъ, похороненныхъ въ гранитныхъ саркофагахъ [1]).

Зевсъ, чтобы похитить Европу, обратился въ быка. Вакхъ иногда изображался подъ символомъ быка, а Посейдонъ—съ бычачьей головой. По Зендавестѣ, первоначальнымъ существомъ, изъ котораго произошли всѣ творенія, былъ быкъ Абудадъ, хранитель сѣмянъ всего сущаго, а скандинавскій богъ Одинъ считался сыномъ исполина Имира и коровы Авдумблы [2]).

Поэтическія сказанія славянскихъ, германскихъ и финскихъ племенъ изобилуютъ миѳами о быкахъ и коровахъ, въ образѣ которыхъ олицетворяются то тучи и грозы, то темныя ночи и свѣтлыя зори.

Ассиро-вавилонскіе и греческіе храмы украшались головами быковъ; позже изваянія подобныхъ головъ стали архитектурными украшеніями капителей колоннъ. Изображенія быковъ и коровъ часто встрѣчаются въ миѳическихъ сценахъ, украшающихъ древніе бытовые предметы. Въ южной Россіи кости быковъ находятъ въ древнѣйшихъ курганныхъ погребеніяхъ, содержащихъ скорченные и крашенные костяки покойниковъ.

---

[1]) Г. Веберъ. „Всеобщая Исторія“, т. I, М., 1890 г., стр. 107.

[2]) А. Аоанасьевъ. „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу“, т. I, стр. 655—657.

Родоначальникомъ козы считаютъ дикую козу (Capra aegargus Gmel.), а овцы—дикую овцу (Ovis orientalis Gmel.), изъ которыхъ первая водится въ Малой Азіи, а вторая—въ горахъ Персіи и Антиливанa. Полагаютъ также, что въ образованіи овечьихъ породъ принимали участіе и нѣкоторые другіе виды дикихъ овецъ, напримѣръ, африканскій длинногривый баранъ, сардинскій и корсиканскій муфлонъ и центрально-азіатскій архаръ.

Овца и коза, такъ же, какъ и корова, почтены многочисленными легендами и миѳическими сказаніями о нихъ. „Въ гимнахъ Ригъ-Веды Индра называется бараномъ; Зевсъ представляется иногда съ головою этого животнаго, Гермесъ ѣздитъ на баранахъ, а на празднествахъ Вакху значительная роль принадлежала козлу; по указаніямъ скандинавской миѳологіи, баранъ былъ посвященъ Геймдаллю, а въ громовую колесницу Тора запрягались два козла, которые мчались съ нею по небеснымъ пространствамъ: изъ-подъ ихъ копытъ летѣли молніеносныя искры, стукъ быстро-вертящихся колесъ производилъ громы“ [1]). Въ поэтическихъ легендахъ славянъ овцы и козы то олицетворяютъ тучи, то звѣзды [2]).

Кости обоихъ животныхъ находятся въ древнѣйшихъ курганныхъ и другихъ погребеніяхъ.

Остатки всѣхъ названныхъ домашнихъ животныхъ: коровы, овцы и козы отысканы въ свайныхъ постройкахъ неолитической эпохи, но не въ большомъ количествѣ, что какъ бы указываетъ на начало распространенія ихъ въ то время въ Европѣ. Въ Россіи они появляются позже, именно въ бронзовую эпоху.

Охота, рыболовство и судоходство. По мѣрѣ развитія земледѣлія и скотоводства, охота и рыболовство естественно должны были утрачивать значеніе главныхъ жиз-

[1]) Ibid., стр. 684 и 685.
[2]) Ibid., стр. 692 и др.

ненныхъ промысловъ, но въ пору сверленыхъ орудій они еще играли первую роль.

Возникшее въ предшествующую пору судоходство, теперь замѣтно подвинулось впередъ. Въ Месопотаміи и Египтѣ появились лодки, сооруженныя изъ досокъ и брусьевъ, а это составляетъ значительный прогрессъ въ судостроеніи и является предвѣстникомъ кораблестроенія и далекихъ морскихъ сообщеній, которыя и осуществились въ началѣ слѣдующей культурной эпохи.

Пища, одежда и жилища. Въ пору сверленыхъ орудій въ пищѣ человѣка впервые появляются хлѣбы изъ зеренъ культурныхъ растеній и мясо домашнихъ животныхъ. Въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ найдены обугленныя въ пожарѣ лепешки, выпеченныя изъ муки, и тамъ же, среди кухонныхъ отбросовъ, отысканы кости первыхъ домашнихъ животныхъ.

Одеждами начинаютъ служить ткани. Личныя украшенія становятся болѣе разнообразными; въ составѣ ихъ появляется янтарь.

Особенный же прогрессъ замѣчается въ развитіи жилищъ, которыя начинаютъ сооружать изъ камня и глины. Жилыя ямы со стѣнками, выложенными камнями, найдены въ Дубровической плотинной постройкѣ, близъ Рязани. Но болѣе распространенными становятся круглыя хижины, или шалаши, составленные изъ жердей, оплетенныхъ прутьями и обмазанныхъ глиною. Остатки такихъ жилищъ Келлеръ нашелъ въ древнѣйшихъ свайныхъ постройкахъ [1]). Ихъ находили также въ Египтѣ и др. странахъ.

Но на ряду со всѣми названными нововведеніями повсюду царили старыя формы быта. Большинство народовъ оставалось на степени развитія предшествующей поры: ихъ жилищами попрежнему являлись пещеры, ямы — землянки и легкіе шалаши; одежды шились только изъ шкуръ

[1]) F. Keller. „Vierter Bericht“, S. 135.

животныхъ, а пищей служили продукты охоты и рыболовства.

Погребенія мертвыхъ. Погребенія мертвыхъ обыкновенно разсматриваются, какъ результатъ вѣры въ загробную жизнь. Въ воображеніи первобытнаго человѣка эта жизнь рисуется во всемъ подобною земной жизни. Ему кажется, что необходимое на землѣ будетъ необходимымъ и въ загробномъ мірѣ; поэтому онъ старается своихъ покойниковъ снабдить всѣми нужными вещами, въ видѣ оружія, орудій, утвари, одежды, украшеній и жилья. Такъ поступаютъ современные дикари; такъ поступали и древніе люди съ тѣхъ поръ, какъ увѣровали и убѣдились въ продолженіи жизни въ загробныхъ краяхъ. Полагаютъ, что возникновеніе погребеній относится къ палеолитической эпохѣ. Однако тщательное критическое изслѣдованіе всѣхъ извѣстныхъ погребеній не позволяетъ приписывать имъ не только палеолитическаго, но и ранняго неолитическаго возраста. Представляется даже не совсѣмъ убѣдительной принадлежность древнѣйшихъ европейскихъ погребеній къ поздней порѣ неолитической эпохи, и если мы нѣкоторыя погребенія, въ настоящемъ курсѣ, относимъ къ этому времени, то дѣлаемъ это только потому, что не имѣемъ возможности войти въ критическій анализъ ихъ по существу.

Выше нами уже отмѣченъ тотъ, въ данномъ случаѣ, важный фактъ, что ни одна изъ европейскихъ стоянокъ предшествующей поры полированныхъ орудій не сопровождается современными имъ ритуальными погребеніями. То же самое оказывается и по отношенію къ стоянкамъ поры сверленыхъ орудій. Ни въ обширнѣйшихъ областяхъ Сибири ни въ Европ. Россіи такая связь нигдѣ и никѣмъ не могла быть научно установлена; не установлена она и для стоянокъ Зап. Европы. Даже свайныя постройки, древность которыхъ едва едва восходитъ къ самому концу этой поры, остаются внѣ всякой связи съ ритуальными погребеніями и, повидимому, не сопровождались ими.

„Человѣческія кости на днѣ озеръ, говоритъ Л. Нидерле, представляютъ большую рѣдкость, да и тѣ, которыя были найдены, относятся по бо́льшей части къ позднѣйшимъ временамъ. Надо однако признаться, что и мѣста погребенія на сушѣ до сихъ поръ необъяснимо рѣдки. Наиболѣе замѣчательную находку этого рода представляетъ собой гробница изъ каменныхъ плитъ, заключавшая въ себѣ 12 скелетовъ конца неолитической (?) эпохи и найденная въ Auvernier (V. Gross. „Tombes lacustres d'Auvernier"). Свайное поселеніе въ Chamblades возлѣ Pully имѣло неподалеку также кладбище съ предметами каменнаго вѣка. Подобныя же мѣста погребенія найдены были въ Pierre-Portay, въ Châtelard, и представляли собой гробницы изъ плитъ, содержавшія въ себѣ скелеты" [1]).

Всѣ эти погребенія, несомнѣнно, металлическаго періода, и если Л. Нидерле, колеблясь, рѣшается о нихъ упомянуть на ряду съ памятниками конца неолитической эпохи, то дѣлаетъ это, очевидно, только потому, что полагаетъ конецъ эпохи всего лишь за 1000 лѣтъ до Р. Хр., тогда какъ въ дѣйствительности онъ послѣдовалъ не позже 5000 лѣтъ до Р. Хр.

Изъ всего приведеннаго мы въ правѣ заключить, что ритуальныя погребенія въ концѣ неолитической эпохи далеко не пользовались такимъ широкимъ распространеніемъ, какое имъ нѣкоторыми изслѣдователями приписывается.

Въ Сибири самыми древними представляются погребенія, открытыя Н. И. Витковскимъ въ могильникѣ Иркутской губ. и округа, при устьѣ р. Китоя, притока Ангары [2]). Покойники посыпались красками, хоронились

---

[1]) Л. Нидерле. „Человѣчество въ доисторическія времена", стр. 105 и 106.

[2]) Труды V Арх. Съѣзда, т. I, стр. 264 и 278. Н. И. Витковскій: 1) „Отчетъ о раскопкѣ могильника каменнаго періода въ Иркутской губ., произведенной въ 1880 г."; 2) „О раскопкѣ могилъ каменнаго

въ ямахъ, въ вытянутомъ положеніи, и сопровождались большимъ количествомъ вещей, сдѣланныхъ изъ кости и камня, при полномъ отсутствіи металловъ. Послѣднее явленіе какъ бы говорило въ пользу неолитическаго возраста могильника; однако установленная ритуальная связь этихъ погребеній съ южно-русскими курганными погребеніями не позволяетъ относить ихъ далѣе металлическаго періода [1]).

Погребенія, открытыя гр. А. С. Уваровымъ на площади Волосовской неолитической стоянки [2]), также имѣютъ всѣ признаки одновременности ихъ съ южно-русскими курганными погребеніями, содержащими скорченные костяки, а поэтому должны относиться уже къ металлическому періоду и стоять внѣ связи съ неолитическими остатками стоянки.

Полагали, что къ неолитической эпохѣ слѣдуетъ относить погребенія въ каменныхъ ящикахъ, или цистахъ, не разъ находимыхъ въ юго-западной и южной Россіи. Однако послѣ того, какъ удалось установить связь этихъ погребеній съ курганными, ихъ уже не приходится относить далеко въ прошедшее даже въ металлическомъ періодѣ [3]).

Многіе русскіе изслѣдователи относили и теперь еще продолжаютъ относить къ неолитической эпохѣ курганныя погребенія со скорченными окрашенными костяками. Но это—крупная ошибка, такъ какъ въ настоящее время положительно выясняется, что курганы въ южной Россіи появились никакъ не ранѣе металлическаго періода.

По совершенно аналогичнымъ причинамъ невозможно приписывать неолитическую древность курганнымъ погребеніямъ и Зап. Европы, не исключая погребеній въ дат-

вѣка въ Иркутской губ., на лѣвомъ берегу р. Ангары, произведенной лѣтомъ 1881 г.“.

[1]) Труды XIII Арх. Съѣзда, т. I, стр. 217—219.

[2]) Гр. А. С. Уваровъ. „Каменный періодъ“, т. I, стр. 298 и др.

[3]) Труды XIII Арх. Съѣзда, т. I, стр. 237—239.

скихъ тумулусахъ и курганахъ Англіи [1]), при чемъ преемственная связь послѣднихъ съ южно-русскими курганами не можетъ подлежать никакому сомнѣнію.

Невозможно также относить къ изучаемому нами времени и погребенія, открытыя въ могильникахъ Италіи, такъ какъ даже при самыхъ древнихъ изъ нихъ найдены мѣдные предметы. Таковы погребенія, открытыя въ мѣстечкѣ Сгурголы, на скатѣ Лепинскихъ горъ, и близъ Канталупо, на скатѣ Сабинскихъ горъ. Интересно замѣчаніе по поводу этихъ погребеній, сдѣланное проф. В. И. Модестовымъ. „Одинъ изъ скелетовъ Канталупо, говоритъ онъ, находится въ нѣсколько скорченномъ положеніи. Скорченное положеніе на боку, по преимуществу на лѣвомъ, являющееся характеристическимъ признакомъ погребенія въ неолитическій вѣкъ не только во всей Италіи, но и во множествѣ мѣстъ Европы, съ Россіей включительно, и даже въ Азіи и Африкѣ, въ энеолитическій періодъ (въ пору мѣдныхъ орудій) Лаціума уже видимо проходитъ“ [2]).

Изслѣдованія древнѣйшихъ курганныхъ погребеній въ Россіи приводятъ къ другому заключенію, а именно, что погребенія со скорченными костяками на лѣвомъ боку относятся къ наиболѣе позднему времени, и ихъ нельзя относить не только къ неолитической эпохѣ, но и къ ранней порѣ бронзовой эпохи; позднѣйшія же изъ нихъ, вѣроятнѣе всего, принадлежатъ уже къ желѣзной эпохѣ [3]). Въ Африкѣ они также не древнѣе металлическаго періода [4]).

Загадочными представляются погребенія въ пещерахъ. При обзорѣ ихъ прежде всего возникаетъ вопросъ, всѣ ли

---

[1]) J. R. Mortimer. „Forty years' researches in British and Saxon burial mounds of east Yorkshire“.

[2]) В. И. Модестовъ. „Введеніе въ Римскую исторію“, стр. 15 и 16.

[3]) Труды XII Арх. Съѣзда, т. I, стр. 200—209. Труды XIII Арх. Съѣзда, т. I, стр. 233—245 и 248.

[4]) Д. Н. Анучинъ. „Каменный вѣкъ и доисторическое населеніе Египта“. Арх. Изв. и Зам., изд. Имп. Моск. Арх. Общ., т. VI, стр. 108.

эти погребенія ритуальны, или между ними скрываются погребенія, не имѣющія къ ритуалу никакого отношенія.

Ритуальныя пещерныя погребенія, характеризующіяся скорченностью покойниковъ и посыпкой ихъ краской, по связи ихъ съ курганными, слѣдовало бы относить къ одному времени съ послѣдними, т.-е. не далѣе начала металлическаго періода. Что же касается нересуальныхъ погребеній въ родѣ, напр., погребеній людей, задушенныхъ въ пещерахъ дымомъ, пущеннымъ непріятелемъ, или умершихъ отъ угара, какъ это нерѣдко случается даже въ современныхъ городскихъ жилищахъ, то про древность ихъ, конечно, трудно сказать что-либо положительное: они могутъ относиться къ различнымъ временамъ и эпохамъ.

Изъ ритуальныхъ пещерныхъ погребеній особенно широкою извѣстностью пользуются французскія и итальянскія. Число ихъ значительно. Одни изъ нихъ совершались въ естественныхъ, другія въ искусственныхъ пещерахъ. Изъ первыхъ замѣчательны погребенія въ пещерахъ Ориньяка, Кроманьона и Ментоны.

Въ Ориньякской пещерѣ, или, вѣрнѣе, гротѣ, какъ выше упоминалось, найдены костяки нѣсколькихъ покойниковъ, сопровождавшіеся глиняной посудой и бусами въ видѣ кружковъ изъ раковины Pectunculus, характерными для конца каменнаго и начала металлическаго періодовъ.

Кроманьонскія погребенія, повидимому, относятся къ одному времени съ ориньякскими.

Не древнѣе ихъ и погребенія, открытыя въ пещерахъ Бауссе-Руссе, близъ французскаго г. Ментоны, но на территоріи Италіи. Въ этихъ пещерахъ найдено нѣсколько костяковъ, изъ которыхъ получилъ особенную извѣстность привезенный въ Парижскій музей и названный „человѣкомъ изъ Ментоны“. Этотъ человѣкъ лежалъ на лѣвомъ боку, въ согнутомъ положеніи, съ кистями рукъ у подбородка. Повидимому, въ такомъ же положеніи лежали и

другіе покойники. Они часто покрывались довольно толстымъ слоемъ красновато-бурой желѣзистой краски. При одномъ изъ нихъ найдены полированный топоръ, плоское каменное кольцо, при другихъ—оббитые кремни и многочисленныя морскія раковины.

Въ слояхъ, заключавшихъ описываемыя погребенія, найдены кремневыя пластинки (lames) неолитическихъ типовъ [1]), а это указываетъ на то, что покойники были внесены въ пещеры уже послѣ отложенія въ ней неолитическихъ памятниковъ и поэтому могутъ принадлежать или къ самому концу неолитической эпохи, или къ металлическому періоду. Послѣднее представляется болѣе правдоподобнымъ.

Любопытно то, что всѣ приведенныя здѣсь и другія подобныя имъ пещерныя погребенія упорно относились, да и теперь еще относятся многими изслѣдователями къ палеолитической эпохѣ. Такъ еще слабо и неумѣло чтеніе древнихъ памятниковъ!

Изъ погребеній въ искусственныхъ пещерахъ замѣчательны открытыя барономъ І. де-Баемъ (I. de Baye) въ долинѣ р. Petit Morin, департамента Марны. Погребальныя пещеры оказались выдолбленными въ мѣловыхъ скалахъ и содержали около 2000 человѣческихъ костяковъ. „Въ одной изъ пещеръ вдоль стѣнъ было уложено рядами множество костей съ правильностью, напоминающей сложенныя дрова, или наваленныхъ безъ всякаго порядка (только кости молодыхъ особей), въ другихъ же костей было очень немного, но за то при нихъ было гораздо больше положенныхъ при погребеніи предметовъ. Рядомъ съ костяками попадались, хотя и рѣдко, случаи сожиганія покойниковъ; одна такая пещера была совершенно наполнена пепломъ. Нѣкоторые черепа оказались трепанированными или съ костяными и каменными амулетами.

[1]) Г. и А. Мортилье. „Доисторическая жизнь“, Спб., изд. 1903 г., стр. 255.

Предметы, положенные съ мертвыми, состояли главнымъ образомъ изъ каменныхъ топоровъ, стрѣлъ (очень многочисленны стрѣлы съ поперечнымъ лезвіемъ), сосудовъ безъ ушковъ, украшеній изъ камней, раковинъ, зубовъ и костей; найдены были также двѣ янтарныя бусы и одна изъ каллаита (минерала зеленоватаго цвѣта, близкаго къ бирюзѣ). Чрезвычайно интересны вырѣзанныя на стѣнахъ нѣкоторыхъ пещеръ рельефныя изображенія, представляющія то каменные топоры съ рукоятками, при чемъ самые топоры выкрашены черной краской, то подобія человѣческихъ фигуръ, въ которыхъ баронъ де-Бай желаетъ видѣть идолы домашнихъ боговъ. Эти послѣдніе представляютъ очень грубо очерченную верхнюю часть женской фигуры, съ глазами, наполненными черной краской, съ сильно обозначенными грудями и съ какимъ-то шейнымъ украшеніемъ, на которомъ виситъ предметъ, окрашенный желтою краской—вѣроятно янтарь. Гернесъ считаетъ эти изображенія подражаніями какому-нибудь грубому женскому идолу“ [1]).

По мнѣнію де-Байя, пещеры долины Petit Morin сначала служили жилищами, а потомъ уже мѣстами погребеній. Для опредѣленія времени важны формы стрѣлъ съ поперечными лезвіями, трепанація и изображенія на стѣнахъ топоровъ и женщинъ.

Кремневыя стрѣлы съ поперечными лезвіями появляются очень рано, въ порѣ полированныхъ орудій, всѣ же прочіе признаки указываютъ на болѣе позднее время.

Трепанація въ Евр. Россіи и Сибири впервые появляется только въ бронзовой эпохѣ. Изображенія же топоровъ на стѣнахъ пещеры какъ бы указываютъ на связь культуры съ микенскою, открытою въ Кноссѣ, на островѣ Критѣ, гдѣ на стѣнахъ и колоннахъ такъ называемаго дворца Миноса также оказались многочисленныя изображенія то-

---

[1]) Л. Индерле. „Человѣчество въ доисторическія времена“, стр. 82 и 83.

поровъ. Полагаютъ, что существовалъ особый культъ топора; а если топоры пещеры Petit Morin являются представителями этого культа, то время ихъ не можетъ быть древнѣе бронзовой эпохи. Не древнѣе должны быть и изображенія женскихъ фигуръ, которыя, вѣроятнѣе всего, представляютъ какую-нибудь богиню. Подобныя изображенія, вылѣпленныя изъ глины, изобилуютъ въ эгейской культурѣ бронзовой эпохи.

Въ виду послѣднихъ указаній, погребенія пещеры Petit Morin слѣдуетъ относить къ металлическому періоду. Что касается кремневыхъ стрѣлъ съ поперечными лезвіями, то въ нихъ слѣдуетъ видѣть или доказательство существованія этой формы въ металлическій періодъ, или доказательство существованія въ пещерѣ болѣе древняго культурнаго наслоенія, на что и указываетъ изслѣдователь пещеры баронъ де-Бай, утверждающій, что первоначально пещеры служили для жилья и только позже стали служить мѣстами погребеній.

Подобныя погребенія были найдены и во многихъ другихъ пещерахъ какъ Франціи, такъ Бельгіи, Англіи, Германіи, Швейцаріи, Италіи и Австріи. Въ послѣдней особенно замѣчательны погребенія Аггтелецкой и Лисковской пещеръ. Обѣ онѣ находятся въ Венгріи. Въ первой изъ нихъ найдено множество человѣческихъ костяковъ, положенныхъ тѣсными рядами, лицомъ къ полу; на головахъ ихъ находились плоскіе камни, а вокругъ небольшіе глиняные сосуды и каменныя орудія. Во второй пещерѣ также оказалось очень много (около 1000) скелетовъ, при этомъ нѣкоторыя кости носили на себѣ какъ бы слѣды каннибализма (людоѣдства) [1]).

Не менѣе загадочными представляются остатки покойниковъ, найденныхъ въ Коломцовской стоянкѣ, близъ

---

[1]) Л. Нидерле. „Человѣчество въ доисторическія времена“, стр. 86. — L. von Lócsy. „Die Liszkowaer Höhle“, Pest, 1878.

г. Новгорода, и въ кьеккенмёддингахъ Португаліи, Америки и Японіи.

Въ Коломцовской стоянкѣ человѣческія кости встрѣчались поодиночкѣ и группами. Одиночныя кости попадались по всей площади раскопанной части стоянки, при чемъ болѣе длинныя изъ нихъ всегда оказывались сломанными, а черепа раздавленными на мелкіе кусочки. Въ группахъ кости располагались то въ одномъ, то въ другомъ повторяющемся порядкѣ.

„Въ части площади раскопокъ, говоритъ В. С. Передольскій, ближайшей къ Волхову и Гнилкѣ, наблюдался въ пяти случаяхъ одинъ и тотъ же порядокъ въ расположеніи костей: длинныя части костяка, т.-е. ручныя и ножныя, лежали хотя въ обломкахъ, но кучками, бережно сложенными, по три и по пяти обломковъ въ каждой; разстояніе между кучками шага два, и всѣ онѣ составляютъ кругъ; въ самой срединѣ круга, въ одномъ случаѣ,— полный черепъ, а подъ нимъ пястныя ручныя косточки; въ четырехъ другихъ—части черепа, положенныя кучкой, кусокъ въ кускѣ, выпуклостью внизъ; подъ ними тоже ручныя пястныя косточки и пальцевыя“.

„Въ болѣе отдаленной отъ рѣкъ части площади раскопокъ, имѣющей направленіе отъ ЮЮЗ къ ССВ, въ сторонѣ къ западу, расположеніе костей было иное, и въ шести случаяхъ одинаковое: обломки длинныхъ костей бережно сложены прямоугольнымъ четырехугольникомъ; въ срединѣ его почти полный черепъ; а въ другихъ двухъ случаяхъ длинныя кости положены внизу рядомъ, поверхъ ихъ нашли только части черепныхъ костей и при нихъ незначительное число обломковъ короткихъ частей костяка“.

„Въ одномъ изъ этихъ случаевъ нашли плотно прижавшимся къ черепу большихъ размѣровъ младенческій, а съ обломками длинныхъ костей перваго перемѣшаны и кусочки второго; нѣсколько въ сторонѣ отъ этихъ костей попалась какъ будто большая берцовая младенца новорожденнаго или даже утробнаго“.

„Въ двухъ случаяхъ усмотрѣны въ кучахъ съ обломками отъ одного черепа нѣкоторыя части длинныхъ костей двухъ человѣкъ,—а въ другихъ двухъ примѣчено обратное смѣшеніе: при обломкахъ длинныхъ костей одного недѣлимаго нашлись части двухъ череповъ".

„При всѣхъ порядкахъ захороненія случалось встрѣчать въ кучкахъ обломковъ длинныхъ костей человѣка обломки же костей животныхъ, между которыми нерѣдко были медвѣжьи, а одинъ разъ пять фалангъ лапы очень крупнаго медвѣдя".

... „Человѣческія кости, одиночно или кучно, всегда, за исключеніемъ одного только случая, захоронены въ пластахъ раковинъ, не одинаково плотныхъ".

„Разстояніе мѣстъ кучныхъ захороненій одного отъ другого, въ первыхъ пяти случаяхъ—до пяти, а въ остальныхъ—отъ трехъ до пяти аршинъ".

„Глубина захороненій отъ поверхности жилого перегноя колеблется между 12-ю и 20-ю вершками; въ одномъ же случаѣ, гдѣ черепъ не въ раковинномъ пластѣ, онъ лежалъ на глубинѣ двухъ аршинъ шести вершковъ".

„Одинъ разъ, при круговомъ захороненіи, около черепа было множество тончайшихъ кремневыхъ пластинокъ; во всѣхъ же прочихъ случаяхъ кругового и прямоугольнокучнаго захороненій подобнаго не встрѣчалось и вообще не попадалось подѣлокъ болѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ мѣстѣ".

... „Къ обстановкѣ захороненія слѣдуетъ относить: а) повторяющіяся на многихъ больше-берцовыхъ, бедряныхъ и плечевыхъ костяхъ глубокія насѣчки, сдѣланныя несовершеннымъ рубящимъ орудіемъ, подъ каждою изъ которыхъ всегда переломъ кости, и б) пригарныя пятна на черепахъ и на прочихъ частяхъ костяка, такія же, какъ на костяхъ животныхъ и костяныхъ подѣлкахъ" [1]).

---

[1]) В. С. Передольскій. „Бытовые остатки насельниковъ Ильменo-Волховскаго побережья", Спб., 1893 г., стр. 131—135.

Очень похожія группировки человѣческихъ костей среди кухонныхъ отбросовъ найдены Перейрой да Коста (F. A. Pereira da Costa) и Рибейромъ (C. Rebeiro) въ Португаліи, на лѣвомъ берегу р. Тахо, въ Кабесо д'Аррюда (Cabeço d'Arruda), въ долинѣ Мюгемъ (Mugem).

Кабесо д'Аррюда представляетъ овальный холмъ, длиною въ 100, шириною въ 60 и высотою въ 7 метровъ, состоящій почти изъ однихъ раковинъ, костей разныхъ животныхъ, кремневыхъ подѣлокъ, золы и угля, а также и человѣческихъ костяковъ [1]). Послѣдніе, обыкновенно, залегаютъ, въ основѣ холма. Они очень рѣдко лежатъ вытянуто, чаще же всего ихъ позы напоминаютъ людей, желающихъ занять какъ можно менѣе мѣста. Кажется, что костяки принадлежали людямъ, спеленатымъ въ сидячемъ положеніи съ колѣнами, подведенными къ подбородку, какъ это дѣлаютъ съ своими покойниками гуанчи и перуанцы, и брошенными на землю какъ попало; голова ихъ, однако, чаще всего направлена къ СВ, и нерѣдко лежитъ нѣсколько откатившись отъ прочихъ костей скелета. Мѣстами кости оказываются правильно сложенными въ группы и, очевидно, уже послѣ того, какъ онѣ лишились мускуловъ.

Костяки принадлежатъ субъектамъ разнаго пола и возраста. Около одного женскаго костяка оказался костякъ, повидимому, только что рожденнаго ребенка. Съ покойниками никакихъ предметовъ не полагалось.

Находки человѣческихъ костей среди кьеккенмёддингъ извѣстны и въ другихъ мѣстахъ Португаліи и даже въ другихъ странахъ свѣта. Оливейра нашелъ человѣческіе костяки въ раковинныхъ скопленіяхъ въ до-

---

[1]) E. Cartailhac. „Les âges préhistoriques de l'Espagne et du Portugal", Paris, 1886, p. 55—57.—F. A. Pereira da Costa. „Da existencia do homen em epochas remotas no valle do Tejo. Primeiro opusculo: Noticia sobre os esqueletos humanos descobertos no Cabeço da Arruda", 1865. — Paule a Oliveira. „Raças dos kjoekkenmoeddings de Mugem", Lissabon, 1881.

линѣ рѣки Миры (Mira) и на берегу океана, по обѣ стороны отъ устья этой рѣки. Отдѣльныя же кости людей бывали не разъ находимы въ кьеккенмёддингахъ Флориды, въ С.-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, и въ Омори, въ Японіи.

Интересно выяснить, какимъ образомъ и когда попали всѣ эти человѣческія кости въ раковинныя скопленія. В. С. Передольскій высказываетъ мысль, что въ Коломцовской стоянкѣ человѣческія кости явились результатомъ антропофагіи [1]). Перейра да Коста полагаетъ, что костяки кьеккенмёддинговъ Кобесо д'Аррюда, вѣрнѣе всего, принадлежатъ охотничьему племени, избитому племенемъ рыбаковъ, прибывшихъ на берега р. Тахо изъ другой какой-нибудь области. Профессоръ Виманъ (Wyman) и М. Эдвардъ (M. Edward) убѣждаютъ, что человѣческія кости въ кьеккенмёддингахъ Флориды и Японіи представляютъ остатки антропофагіи. Э. Картальякъ спрашиваетъ, не имѣлъ ли древній человѣкъ Португаліи религіи и не практиковалъ ли человѣческихъ жертвоприношеній. [2]) Л. Нидерле, по поводу тѣхъ же португальскихъ находокъ, замѣчаетъ, что человѣческія кости сложены такими правильными кучками, которыя позволяютъ заключить, что мертвыя тѣла были сначала очищены отъ мяса, а потомъ уже кости уложены въ порядкѣ [3]).

Послѣднее мнѣніе представляется наиболѣе правдоподобнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, изучая положеніе португальскихъ костяковъ по прекрасному рисунку [4]), исполненному по фотографіи и засвидѣтельствованному членами Лисса-

---

[1]) В. С. Передольскій. „Бытовые остатки насельниковъ Ильмено-Волховскаго побережья", Спб., 1893 г., стр. 135 и 136.—Его же. „Новгородскія древности", Новгородъ, 1898 г., стр. LIII.

[2]) E. Cartailhac. „Les âges préhistoriques de l'Espagne et du Portugal", Paris, 1886, p. 57.

[3]) Л. Нидерле. „Человѣчество въ доисторическія времена", стр. 81.

[4]) E. Cartailhac. „Les âges préhistoriques de l'Espagne et du Portugal", Paris, 1886, p. 56, fig. 69.

бонскаго международнаго конгресса антропологіи и доисторической археологіи, невольно приходишь къ заключенію, что здѣсь имѣется дѣло съ остатками ритуальныхъ погребеній, произведенныхъ особымъ способомъ или обрядомъ. То же самое слѣдуетъ сказать и про костяки Коломцовской стоянки, въ положеніи которыхъ, несмотря на туманное описаніе ихъ, виденъ обрядъ, совершенно аналогичный съ португальскимъ.

Что касается времени новгородскихъ и португальскихъ погребеній, то оно представляется далеко не вполнѣ установленнымъ. Вещей, по которымъ хотя бы приблизительно можно было судить о древности памятниковъ, при человѣческихъ костяхъ совсѣмъ не оказалось. Но если вѣрно, что разсматриваемыя погребенія ритуальны и преднамѣренно зарыты въ почву, то они должны быть или современными концу существованія тѣхъ стоянокъ, въ культурныхъ отбросахъ которыхъ они похоронены, или должны относиться къ еще болѣе поздней эпохѣ, такъ какъ залеганіе костяковъ въ раковинныхъ кучахъ ясно указываетъ на то, что погребеніе въ нихъ являлось возможнымъ только тогда, когда эти кучи уже существовали.

Итакъ, изъ всего приведеннаго видно, что погребенія, несомнѣнно принадлежащія къ порѣ сверленыхъ орудій, на всемъ континентѣ Европы и Азіи отсутствуютъ, и самый вопросъ, существовали ли въ это время гдѣ-нибудь ритуальныя погребенія, по нашему мнѣнію, можетъ получить рѣшеніе только въ областяхъ древнихъ и великихъ культуръ въ родѣ египетской, месопотамской и китайской. Въ настоящее время, однако, и въ этихъ областяхъ несомнѣнно неолитическія погребенія остаются неизвѣстными.

Въ древнѣйшихъ погребеніяхъ Египта, изслѣдованныхъ Питри, Морганомъ и Амелино, уже оказались слѣды мѣди [1]),

[1]) Д. Н. Анучинъ. „Каменный вѣкъ и доисторическое населеніе Египта, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ". Арх. Изв. и Зам., изд. Моск. Арх. Общ., т. VI, стр. 108.

а это указываетъ на принадлежность ихъ къ металлическому періоду. Между тѣмъ эти погребенія имѣютъ несомнѣнное сходство съ древнѣйшими европейскими погребеніями и скорѣе могутъ служить прототипами послѣднихъ, нежели подражаніемъ имъ. Египетскія погребенія были двухъ видовъ: простыя и расчлененныя (съ расчлененіемъ труповъ). Въ простыхъ погребеніяхъ покойники полагались въ круглыхъ ямахъ, на боку, въ сильно скорченномъ положеніи, въ сопровожденіи глиняныхъ сосудовъ и разнаго рода вещей, сдѣланныхъ изъ камня, кости, перламутра и только въ исключительныхъ случаяхъ изъ мѣди. Это — или прототипъ или параллельная вѣтвь европейскихъ погребеній со скорченными костяками.

Въ погребеніяхъ второго вида тѣла покойниковъ расчленялись, при чемъ въ подробностяхъ наблюдается много варіацій. „Иногда въ могилѣ, подъ слоемъ, заключающимъ въ себѣ сосуды (цилиндрическіе, овальные и др.), оказывается только черепъ и нѣсколько костей скелета, а иногда нѣтъ слѣдовъ и черепа; въ другихъ случаяхъ большая часть костей оказывается налицо, но въ безпорядкѣ, при чемъ нерѣдко онѣ заключены въ овальную или четырехугольную цисту (ящикъ), а сосуды помѣщены внѣ ящика; расписныхъ сосудовъ въ такихъ могилахъ обыкновенно не встрѣчается, красные съ чернымъ рѣдки, а преобладаютъ сѣрые и цилиндрическіе, весьма часто также встрѣчаются каменные; кремневыя издѣлія тоже рѣдки, и ихъ чаще замѣняютъ мѣдныя, обыкновенно также сланцевыя пластинки и разныя статуэтки“ [1]). Въ этихъ погребеніяхъ нельзя не замѣтить сходства съ погребеніями португальскихъ кьеккенмёддинговъ и Коломцовской стоянки, а если это такъ, то и возрастъ послѣднихъ долженъ быть не неолитическимъ, а болѣе позднимъ—металлическаго періода.

---

[1]) Ibid., стр. 108 и 109, рис. 12.

Египетская культура, по многимъ признакамъ, получила свое начало въ Месопотаміи. Гоммель относитъ это начало за 5000 лѣтъ до Р. Хр., когда, вѣроятнѣе всего, въ Египетъ впервые проникаетъ мѣдь, домашнія животныя, въ видѣ коровы, овцы и козы, и культурныя растенія, въ видѣ ячменя, пшеницы и винограда. Весьма возможно, что на ряду со всѣми этими нововведеніями проникъ и распространился въ области Нила, а позже и во всей Африкѣ, обрядъ ритуальныхъ погребеній. Къ сожалѣнію, Месопотамія, какъ и другія области древнѣйшихъ и азіатскихъ культуръ, до сихъ поръ остается недостаточно или даже совсѣмъ неизслѣдованною, и поэтому проводимый взглядъ, въ настоящее время, еще не можетъ получить фактическаго подтвержденія

Свайныя постройки. Наиболѣе замѣчательнымъ явленіемъ культуры поры сверленыхъ орудій представляются свайныя постройки (habitations lacustres, palafittes, lake dwellings, Pfahlbauten). Въ настоящее время онѣ открыты въ Зап. Европѣ почти повсюду, но главная масса ихъ сосредоточивается около альпійскихъ горныхъ цѣпей. Впервые ихъ открытіе послѣдовало въ Швейцаріи. Въ 1853—1854 гг., вслѣдствіе сильной засухи, уровень воды въ Цюрихскомъ озерѣ понизился, и мѣстами береговыя отмели совершенно обсохли. Жители Мейлена (Обермейлена) воспользовались такимъ явленіемъ, чтобы отвоевать себѣ кусокъ земли со дна озера. Они огородили участокъ обсохшей мели каменной стѣною и стали засыпать его, стараясь высоту насыпи сравнять съ берегомъ. Для насыпи земля бралась также съ обсохшаго дна озера, при чемъ и былъ открытъ культурный слой, пронизанный остатками свай (вбитыхъ въ почву деревянныхъ столбовъ) и почернѣвшій отъ большой примѣси органическихъ остатковъ, среди которыхъ было найдено множество каменныхъ и костяныхъ орудій, обломки грубой глиняной посуды, янтарныя бусы, скорлупа орѣховъ и другихъ предметовъ.

Дальнѣйшее изслѣдованіе открытыхъ древнихъ остат-

ковъ повелъ мѣстный археологъ Фердинандъ Келлеръ, стяжавшій себѣ этою работою громкое имя. Ему первому удалось установить правильный взглядъ на значеніе открытыхъ памятниковъ и доказать, что они представляютъ остатки озерныхъ древнихъ жилищъ, сооруженныхъ на сваяхъ и деревянныхъ платформахъ.

Открытіе Келлера обратило на себя всеобщее вниманіе и вызвало многихъ изслѣдователей къ продолженію его работъ въ другихъ мѣстностяхъ. Въ результатѣ явились многочисленныя новыя открытія и обширная посвященная имъ спеціальная и популярная литература*).

Къ настоящему времени древнія свайныя постройки открыты въ Швейцаріи, въ количествѣ 160 селеній; во Франціи, въ количествѣ 32; въ Италіи—36, Австріи—11, Германіи—46, Даніи—1 и Польшѣ—1 (Люблинской губ., с. Дялко). Однако большинство этихъ памятниковъ относится уже къ металлическому періоду.

Свайныя постройки поры сверленыхъ орудій отличаются отъ позднѣйшихъ отсутствіемъ металлическихъ издѣлій, сверленными каменными орудіями изъ мѣстныхъ породъ серпентина и діорита, остатками грубыхъ глиняныхъ сосудовъ, рѣдкостью остатковъ домашнихъ животныхъ и земледѣлія. Въ число такихъ построекъ входятъ Робенгаузенская на Пфеффикскомъ озерѣ, близъ Цюриха; Вангенская на Боденскомъ озерѣ, близъ Констанца; Моосзеедорфская и многія другія.

---

*) *Литература*:

1) Ferd. Keller. „Pfahlbauberichte“ in Mittheilungen der antiquarischen Gesellschaft in Zürich, Bd. IX—XX, 1853—80.
2) Его же. „Die keltischen Pfahlbauten in den Schweizer Seen“, Zürich, 1854 bis 1879, resp. 1888, als „Pfahlbautenberichte I—IX“.
3) Jahn und Uhlmann. „Die Pfahlbaualtertümer von Moosseedorf“, Bern, 1857.
4) Troyon. „Sur les habitations lacustres“, Lausanne, 1860.
5) Rütimeyer. „Untersuchungen der Thierreste aus den Pfahlbauten der Schweiz“, Zürich, 1861.
6) Его же. „Crania helvetica“, Basel, 1864.

Самый способъ сооруженія подобныхъ построекъ заключался въ томъ, что первоначально выбиралось подходящее мѣсто, затѣмъ вбивались или другимъ способомъ утверждались сваи, и на послѣднихъ устраивались платформа и жилища. Вполнѣ подходящими мѣстами являлись заливы или излучины, хорошо закрытые отъ вѣтра и разрушительнаго дѣйствія большихъ волнъ и дававшіе возможность основать постройки возможно далѣе отъ берега. Большое значеніе также имѣли наслоенія дна, отъ которыхъ требовалось, чтобы они пропускали и хорошо удерживали вбитыя сваи. Насколько это условіе важно, можно судить потому, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда дно было очень твердо, вся намѣченная для поселка площадь искусственно засыпалась пескомъ и камнями настолько, чтобы сваи могли держаться въ нихъ вполнѣ устойчиво.

Когда мѣсто было избрано и подготовлено, начинали вбивать сваи. Въ открытыхъ большихъ озерахъ между сваями оставляли болѣе значительные промежутки, чтобы дать свободный проходъ волнамъ и такимъ образомъ парализовать ихъ разрушительное дѣйствіе. Сваи приготовлялись преимущественно изъ молодого дуба. Концы ихъ заострялись при помощи огня и каменныхъ топоровъ. Количество потребныхъ свай для одного поселенія иногда было чрезвычайно велико; такъ въ Вангенскомъ поселеніи ихъ подсчитано отъ 30 до 40 тысячъ, а въ Робенгаузенскомъ— болѣе 100 тысячъ.

7) Staub. „Die Pfahlbauten in den Schweizer Seen“, Fluntern, 1864.
8) O. Heer. „Die Pflanzen der Pfahlbauten“, Zürich, 1865.
9) v. Sacken. „Der Pfahlbau im Gardsee“, Wien, 1865.
10) Lisch. „Die Pfahlbauten in Mecklenburg“, Schwerin, 1865 und 1867.
11) Haszler. „Die Pfahlbaufunde des Ueberlinger Sees“, Ulm, 1866.
12) Desor. „Die Pfahlbauten des Neuenburger Sees“, Frankfurt, 1867.
13) Его же. „Les palafittes ou constructions lacustres du lac de Neuchâtel“, Paris, 1865.
14) Его же. „Pfahlbauten in Schweizer Seen“, Neuchâtel, 1861.
15) Moritz Wagner. „Das Vorkommen von Pfahlbauten in Bayern“, München, 1867.

Платформы состояли изъ круглыхъ бревенъ, скрѣпленныхъ между собою связками и деревянными гвоздями. Хижины сооружались изъ прутьевъ и соломы и обмазывались глиной. Онѣ имѣли круглыя или четырехугольныя формы и ставились близко другъ къ другу. Для сообщенія съ берегами каждое селеніе имѣло разборные мостки и челны.

Несмотря на положеніе среди водъ, свайныя постройки часто подвергались опустошительнымъ пожарамъ, благодаря которымъ, какъ это ни странно, сохранилось много драгоцѣннѣйшихъ вещей изъ древняго быта. Загораясь, вещи часто падали въ воду, гдѣ горѣніе ихъ прекращалось мгновенно, и обугленіе служило имъ прекраснымъ предохранительнымъ средствомъ отъ гніенія и дальнѣйшаго разрушенія, благодаря чему до насъ дошли, несмотря на огромное протекшее время, не только подѣлки изъ дерева и кости, но и тончайшія плетенія, ткани, волокна, стебли и зерна растеній. Такимъ образомъ собрано огромное количество разнаго рода бытовыхъ предметовъ, составляющихъ гордость и украшеніе многихъ государственныхъ и частныхъ музеевъ. По этимъ предметамъ точно установлены и образъ жизни и виды занятій и производствъ человѣка того времени. Этотъ человѣкъ жилъ вполнѣ осѣдло. Въ его распоряженіи имѣлись прирученныя коровы, овцы, козы и собаки. Онъ сѣялъ пшеницу, ячмень

---

16) Frank. „Die Pfahlbaustation Schussenried“, Lindau, 1877.
17) Helbig. „Die Italiker in der Poebene“, Leipzig, 1879.
18) Forrer und Messikommer. „Prähistorische Varia“, Strassburg, 1882/89.
19) V. Gross. „Les Protohelvètes“, Paris, 1883.
20) Его же. „La paléthnologie en Suisse“, Revue d'anthropologie, 1889.
21) J. Heierli. „Der Pfahlbau Wollishofen“, Zürich, 1886.
22) Его же. „Urgeschichte der Schweiz“, Zürich, 1901.
23) Forrer. „Die Verbreitung der Pfahlbauten in Europa“, Antiqua, Zürich 1887.
24) G. A. Müller. „Vorgeschichtliche Kulturbilder aus den älteren Höhlen und Pfahlbautenze “, Bühl, 1892.

и ленъ. Занимался изготовленіемъ тканей рыболовныхъ сѣтей и другими, ранѣе неизвѣстными, работами; находился въ сношеніяхъ съ отдаленными странами, благодаря которымъ янтарь изъ прибалтійскихъ областей прибывалъ къ швейцарскимъ озерамъ, а позже начали прибывать изъ болѣе далекихъ странъ и другіе товары.

Вопросъ, почему человѣкъ считалъ для себя болѣе удобнымъ селиться на водѣ, нежели на сушѣ, интересовалъ многихъ изслѣдователей и рѣшался различно.

По мнѣнію однихъ, главною причиною возникновенія свайныхъ построекъ служила постоянная опасность отъ нападенія дикихъ звѣрей; по мнѣнію другихъ—опасность отъ вторженій непріятеля. Первое мнѣніе представляется наименѣе основательнымъ. Изъ предшествующей исторіи развитія человѣка мы знаемъ, что онъ могъ успѣшно бороться и побѣждать гораздо болѣе сильныхъ и многочисленныхъ хищныхъ звѣрей палеолитической эпохи, будучи значительно хуже вооруженнымъ. Въ неолитическую, а тѣмъ болѣе въ послѣдующую бронзовую эпоху, можно съ полною увѣренностью сказать, что европейскій человѣкъ не имѣлъ ни малѣйшаго повода отступать отъ звѣрей. Отсюда слѣдуетъ, что причиной были не звѣри, а другія причины и скорѣе всего враждебныя племена. Насколько сильными укрѣпленіями служили свайныя постройки, можно судить по историческимъ примѣрамъ, гдѣ указывается, что,

---

25) M. Hoernes. „Die Urgeschichte des Menschen“, Wien, 1891.

26) Wilh. Schnarrenberger. „Die Pfahlbauten des Bodensees“, Konstanz, 1891.

27) E. Rückert. „Die Pfahlbauten und Völkerschaften Osteuropas, besonders der Donaufürstentümer“.

28) B. van Muyden und A. Colomb. „Antiquités lacustres“, Album, Lausanne, 1896.

29) K. Schumacher. „Untersuchungen von Pfahlbauten des Bodensees“, Veröffentlichungen der Grossh. Bad. Sammlungen, II Heft, 1899.

30) Его же. „Zur Besiedelungsgeschichte des rechtsseitigen Rheinthals zwischen Basel und Mainz“, Mainzer Festschrift, 1902.

обыкновенно, культурно отсталые обитатели свайныхъ построекъ успѣвали отбивать нападенія армій даже цивилизованныхъ народовъ. Такъ, по свидѣтельству Геродота, въ 520 году до Р. Хр. жители свайныхъ построекъ озера Празіаса, въ городахъ Пеоніи (нынѣшней Румеліи), отбились отъ нападенія отрядовъ персидской арміи и сохранили свою полную независимость, а въ 1810 году, по словамъ Дюмонъ-Дюрвиля, жители свайнаго города Тондано (въ Н. Гвинеѣ?) успѣшно боролись съ голландцами и были съ трудомъ покорены лишь при помощи артиллеріи и канонирскихъ лодокъ. А что жители древнихъ европейскихъ свайныхъ построекъ были окружены враждебными племенами или враждовали другъ съ другомъ, это хорошо доказывается большимъ количествомъ боевого оружія, въ видѣ мечей и копій, явившихся у нихъ въ большомъ количествѣ въ слѣдующую бронзовую эпоху. Очевидно, и неолитическія каменныя и костяныя орудія служили не только для мирныхъ занятій и охоты, но и для войны.

Плотинныя постройки. Кромѣ обычныхъ свайныхъ, озерныя постройки имѣли и другія конструкціи. Такъ иногда онѣ состояли изъ толстыхъ (до 2 метровъ толщины) пловучихъ плотовъ, наложенныхъ одинъ на другой, пока подъ ихъ общею тяжестью всё сооруженіе не осѣдало на дно озера. Для бо́льшей прочности плоты укрѣплялись сваями. Въ другихъ случаяхъ, старались поднять дно посредствомъ насыпки камней и такимъ образомъ соорудить искусственные острова, удобные для постройки на нихъ жилыхъ помѣщеній. Совершенно схожія сооруженія пред-

31) Truhelka. „Prehistoricka Sojenica u. Koritu Save kod Donje Doline“, Serajewo, 1901.
32) E. v. Tröltsch. „Die Pfahlbauten des Bodenseegebietes“, Stuttgart, 1902.
33) R. Virchow. „Hünengräber und Pfahlbauten, München, 1866.
34) A. Pallmann. „Die Pfahlbauten und ihre Bewohnen“, Greifswald, 1866.
35) R. Hartmann. „Ueber Pfahlbauten, namentlich der Schweiz“, Berlin, 1870.
36) Marquis de Nadaillac. „Les populations lacustres de l'Europe“, Bruxelles, 1894. (Extrait de la Revue des Questions scientifiques).

ставляютъ ирландскіе и шотландскіе кранноги, а также и русскія плотинныя постройки.

Изъ послѣднихъ особенно замѣчательною представляется постройка „Черепки“, открытая въ с. Дубровичахъ, въ 12 верстахъ къ востоку отъ г. Рязани. Въ настоящее время эта постройка имѣетъ видъ холма, названнаго отъ множества находимыхъ на немъ обломковъ глиняной посуды „Черепками“. Этотъ холмъ лежитъ среди поёмной окской долины, на берегу древней, сильно заглохшей старицы р. Оки, называемой оз. Долгимъ. Первоначальной основой плотиннаго сооруженія послужилъ небольшой намывной островокъ, образовавшійся среди обмелѣвшаго русла р. Оки. Подобные острова представляютъ въ данномъ окскомъ районѣ самое обычное явленіе. Неолитическій человѣкъ, посѣщавшій смежную дюну Борокъ, рѣшилъ воспользоваться островомъ для сооруженія на немъ своихъ постоянныхъ жилищъ. Съ этою цѣлью ему пришлось искусственно поднять поверхность острова настолько, чтобы она не заливалась водами весенняго разлива. Вся работа выполнена при помощи камня и песка. Изъ перваго была сооружена кольцевидная стѣна, а вторымъ произведена засыпка всей внутренности кольца. Въ результатѣ получился холмъ съ плоскою поверхностью, представляющей эллипсисъ около 60 арш. длины и 50 арш. ширины. Вся эта поверхность, повидимому, сплошь занималась жилищами, представлявшими видъ круглыхъ котловидныхъ ямъ около 7 аршинъ въ діаметрѣ и 2 арш. глубины, съ поломъ и отчасти стѣнками, тщательно облицованными известковыми камнями. Въ срединѣ каждаго жилища помѣщался въ особомъ углубленіи очагъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ болѣе или менѣе правильно расположенныхъ известковыхъ плитъ.

Отъ крышъ землянокъ не сохранилось никакихъ слѣдовъ. Вѣроятно, онѣ были коническими и состояли изъ мелкаго строительнаго матеріала, въ видѣ древесныхъ сучьевъ и травы или камыша.

Остатки жилищъ сопровождались огромнымъ количествомъ мелкихъ костей и чешуекъ рыбъ, а также костями животныхъ и птицъ. Ни признаковъ земледѣлія ни скотоводства здѣсь не было найдено. Изъ костей животныхъ большая масса принадлежала лосю, рѣже встрѣчались кости оленя, медвѣдя, лисицы, барсука, бобра и зайца. Въ большомъ количествѣ попадались также кости дикихъ утокъ и гусей. Кремневыя орудія, костяныя подѣлки и керамика носятъ характеръ чисто неолитическій [1]); принимая же во вниманіе сродство конструкціи всего сооруженія со свайными постройками, необходимо древность культуры пріурочить къ порѣ сверленыхъ орудій.

Дюнныя и аллювіальныя стоянки Россіи. Въ продолженіе всей поры сверленыхъ орудій человѣкъ, населявшій громадную площадь нынѣшней Россіи, почти повсюду оставался въ условіяхъ быта предшествующей поры. Онъ попрежнему ютился на берегахъ рѣкъ и озеръ, избирая для стоянокъ песчаныя дюны, если онѣ оказывались налицо, или отроги, вдающіеся въ береговыя излучины, или рѣчные и озерные островки, продолжая первыя изъ нихъ обжигать огнемъ.

Изъ стоянокъ этого времени особенно замѣчательны Волосовская, близъ г. Мурома, и Коломцовская, близъ Новгорода.

Волосовская стоянка. Волосовская стоянка находится въ углѣ, образуемомъ сліяніемъ рѣкъ Тёши и Велетьмы, недалеко отъ впаденія ихъ общаго русла въ р. Оку. Этотъ уголъ заполненъ дюнными холмами, частію покрытыми лѣсомъ, а частію совершенно обнаженными и пришедшими въ движеніе. На поверхности послѣднихъ часто обнажаются черепки глиняной посуды, кремневые осколки и орудія. Эти остатки и послужили поводомъ къ открытію и затѣмъ изслѣдованію стоянки. Первымъ изслѣдователемъ ея явился графъ А. С. Уваровъ, затѣмъ её посѣтили многіе любители старины, изъ которыхъ нѣкоторымъ удалось собрать об-

[1]) Труды VIII Арх. Съѣзда, т. I.

ширныя и чрезвычайно цѣнныя коллекціи неолитическихъ предметовъ [1]).

Изслѣдованіями гр. А. С. Уварова [2]) выяснено, что подъ тонкимъ слоемъ растительной земли находился культурный слой, состоящій изъ песка темносѣраго цвѣта, съ угольями, костями животныхъ, птицъ и рыбъ, глиняными черепками и каменными орудіями. Толщина культурнаго слоя оказалась весьма разнообразною, достигающею 16 и болѣе дюймовъ.

По опредѣленію академика И. С. Полякова, кости принадлежали слѣдующимъ видамъ:

1) медвѣдю (Ursus arctos);
2) барсуку (Meles taxus);
3) волку (Canis lupus);
4) лисицѣ (Canis vulpes);
5) куницѣ лѣсной (Mustella martes);
6) бобру (Castor fiber);
7) зайцу (Lepus variabilis);
8) кабану (Sus scrofa ferus);
9) лосю (Cervus alces);
10) быку (Bos sp.);
11) стерляди (Accipenser ruthenus);
12) щукѣ (Esox lucius);
13) лещу (Abramis brama?).

Найдены также раковины Unio pictorum и нѣсколько птичьихъ костей, которыя нельзя было опредѣлить. Позже отыскался цѣлый остовъ собаки (Canis familiaris palustris ladogensis Anutzini).

Въ составъ каменныхъ орудій входили сверленые діоритовые топоры-молоты [3]) и топоры съ долбленными от-

---

[1]) Имп. Россійскій Историческій Музей. Коллекція П. Кудрявцева, представляющая обширное и замѣчательное собраніе.

[2]) Гр. А. С. Уваровъ. „Каменный періодъ", т. I и т. II.

[3]) P. Koudriavtsev. „Les vestiges de l'homme préhistorique de l'âge de la pierre près du village Volosova". Congrès international d'archéologie et d'anthropologie préhistoriques à Moscou, t. II, p. 245, fig. 12.

верстіями, представляющіе подражаніе первымъ [1]), полированные топоры и долота, прекрасно оббитые наконечники кремневыхъ копій, стрѣлъ, кривые ножи и пилы, скребки, проколки, жерлицы, удильные крючки и изображенія животныхъ, птицъ и человѣка.

Костяныя подѣлки оказались менѣе обильны, очевидно, по причинѣ почвенныхъ условій, мало пригодныхъ для сохраненія костей. Среди этихъ подѣлокъ имѣются гарпуны, удильные крючки, разнаго рода проколки, привѣски и рѣзныя изображенія птицъ.

Обломки глиняной посуды изобилуютъ, но цѣлые сосуды встрѣчаются лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Всѣ они оказываются круглодонными, безъ ручекъ и ушковъ, съ поверхностями, въ большинствѣ случаевъ покрытыми сплошь характерными неолитическими узорами восточнаго типа. Преобладаютъ формы чашъ и большихъ кухонныхъ горшковъ.

Стоянки, подобныя Волосовской, открыты на многихъ рѣчныхъ дюнахъ Россіи, но особенно ими богата Ока.

Коломцовская стоянка. Коломцовская стоянка находится на берегу озера Ильменя, въ урочищѣ Коломцы, близъ Новгорода. Остатки стоянки залегаютъ въ типичномъ аллювіи. Фауна и флора, насколько онѣ выяснены, состоятъ изъ современныхъ видовъ. Въ составъ первой входятъ: лось, зубръ (Bos latifrons), кабанъ, лошадь (?), медвѣдь, лисица, куница, соболь, бобръ и выдра; виды птицъ остались невыясненными, изъ рыбъ называются сомы, щуки и налимы, а изъ моллюсковъ — раковины Unio lateralis. На ряду съ остатками животныхъ отыскались и остатки человѣка. Эти остатки лежали разбросанно или грудой. В. С. Передольскій увѣряетъ, что на нихъ имѣются несомнѣнные признаки людоѣдства, выражающіеся въ поперечныхъ насѣчкахъ надъ изломами

[1]) Гр. А. С. Уваровъ. „Каменный періодъ“, т. I, стр. 315, т. II, табл. 25, рис. 3692.

длинныхъ костей[1]). Кромѣ того изъ культурнаго слоя стоянки извлечено до 45,000 разныхъ предметовъ быта, въ видѣ каменныхъ и костяныхъ орудій и разнаго рода подѣлокъ, обломковъ глиняной посуды и т. п.

Всѣ орудія, сдѣланныя изъ болѣе мягкихъ породъ камня, въ родѣ діоритовъ, гранитовъ и сланцевъ, полированы, а нѣкоторыя и просверлены или продолблены. Кремневыхъ орудій найдено очень много; всѣ они обычныхъ неолитическихъ типовъ. Тѣхъ же типовъ оказались и подѣлки изъ кости и глины [2]).

Заканчивая на этомъ обзоръ всей матеріальной и духовной культуры неолитическаго человѣка, намъ остается еще взглянуть на него самого. Выше мы видѣли, что къ концу палеолитической эпохи въ Европѣ существовали по мѣньшей мѣрѣ двѣ расы или даже два самостоятельныхъ человѣческихъ вида. Въ неолитическую эпоху древнѣйшая изъ этихъ расъ, неандертальская, окончательно вымираетъ; но вмѣсто ея появляются другія, такъ что къ концу неолитической эпохи уже ясно выступаютъ всѣ современныя расы, при чемъ въ ихъ размѣщеніи замѣчается группировка, близкая къ современной. Бѣлая раса занимаетъ лучшіе участки земли на материкахъ Стараго свѣта, имѣя центромъ своихъ поселеній восточныя побережья Средиземнаго моря. Желтая раса захватываетъ бо́льшую часть Азіи и почти всю Америку. Черная раса преимущественно держится жаркихъ странъ Азіи, Африки и Австраліи. Расовыя смѣшенія происходятъ на границахъ соприкосно-

---

[1]) В. С. Передольскій. „Новгородскія древности“, Новгородъ, 1898 г., стр. LIII.

[2]) Описаніе Коломцовской стоянки имѣется въ сочиненіи В. С. Передольскаго, озаглавленномъ: „Бытовые остатки насельниковъ Ильмено-Волховскаго побережья“, Спб., 1893 г., и въ сочиненіи изданія П. П. Сойкина, подъ заглавіемъ: „Доисторическій человѣкъ“, стр. 161—164.

Авт.

венія занятыхъ областей, хотя наблюдаются случаи и болѣе глубокаго проникновенія представителей одной расы въ область представителей другой. Во взаимныхъ столкновеніяхъ замѣчается слабость черной расы, повсюду уступающей свои позиціи болѣе сильнымъ свѣтлымъ расамъ. Между послѣдними борьба ведется съ перемѣннымъ успѣхомъ, но культурное доминирующее положеніе постепенно переходитъ въ руки бѣлой расы.

Заключеніе.

Резюмируя всё пройденное, мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1. Въ эолитическую эпоху въ Европѣ какъ будто бы существовало человѣкообразное существо, умѣвшее добывать огонь и при помощи его обрабатывать кремневыя орудія.

2. Въ палеолитическую эпоху появился человѣкъ, повидимому, принадлежавшій къ неандертальскому типу. Развиваясь, этотъ типъ усовершенствовался и, на территоріи Европы, къ концу каменнаго періода, приблизился къ настоящему типу бѣлой расы.

3. Его издѣлія, весьма примитивныя вначалѣ, постепенно развивались, осложнялись новыми формами и выполнялись при помощи всё болѣе и болѣе усовершенствованной техники.

4. Прогрессивное развитіе послѣдней дало возможность раздѣлить весь каменный періодъ на двѣ эпохи: палеолитическую и неолитическую, съ подраздѣленіемъ каждой изъ нихъ на двѣ подъэпохи, или поры. Такимъ образомъ въ составъ палеолитической эпохи введены: 1) пора тесанныхъ орудій и 2) пора сколотыхъ орудій, а въ составъ неолитической эпохи: 1) пора полированныхъ орудій и 2) пора сверленыхъ орудій. Пора тесанныхъ орудій соотвѣтствуетъ доледниковому и отчасти ледниковому

времени въ Европѣ, а пора сколотыхъ орудій — ледниковому и отчасти послѣледниковому времени. Пора полированныхъ орудій совпадаетъ съ началомъ современныхъ геологическихъ отложеній, а пора сверленыхъ орудій — съ дальнѣйшимъ развитіемъ ихъ до начала металлическаго періода.

5. Въ пору тесанныхъ орудій человѣкъ велъ бродячій образъ жизни, питаясь, повидимому, всѣми доступными и съѣдобными продуктами природы, а также и мясомъ, можетъ быть, павшихъ гигантскихъ животныхъ, въ родѣ Elephas antiquus, Rhinoceros Merckii и др.

6. Въ пору сколотыхъ орудій человѣкъ становится настоящимъ охотникомъ, а мѣстами и рыболовомъ; занимается обработкой не только каменныхъ, но и костяныхъ орудій, а также изящными искусствами, въ видѣ рисованія, гравпрованія и рѣзьбы.

7. Въ пору полированныхъ орудій человѣкъ продолжаетъ эксплуатировать богатства природы, при чемъ главное вниманіе обращаетъ на рыболовство, ради чего изобрѣтаетъ судостроеніе; вмѣстѣ съ тѣмъ для охоты приручаетъ собаку, а въ домашнемъ бытѣ вводитъ керамику.

8. Въ пору сверленыхъ орудій происходитъ замѣтное нарушеніе культурнаго равновѣсія между разными племенами и народами, слѣдствіемъ чего возникаютъ войны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и первыя укрѣпленныя жилища. Въ то же время приручаются стадныя животныя, въ видѣ коровы, овцы и козы, и культивируются полевыя и садовыя растенія, въ видѣ ячменя, пшеницы, льна и винограда; возникаютъ и распространяются религіозные идеи и обряды.

Объясненіе таблицъ.

ТАБЛИЦА I.

1. Зубъ третичной ископаемой рыбы изъ семейства акуловыхъ. Paris, Musée Broca, collection de l'École d'anthropologie.

   Полагаютъ, что подобными зубами произведены на костяхъ третичныхъ животныхъ разнаго рода насѣчки и царапины, иногда принимаемыя за признаки обработки костей рукою человѣка или его предшественника.

2. Обломокъ ребра Balaenotus insignis. Musée géologique de l'Université de Bologne.

   На поверхности кости видны разнообразныя насѣчки, первоначально принятыя за произведенія рукъ человѣка или его предшественника, но позже объясненныя, какъ слѣды зубовъ акулъ.

3. Зубъ ископаемаго слона Elephas meridionalis.

   Животное характерно для конца эолитической эпохи, но оно иногда встрѣчалось и въ началѣ палеолитической эпохи.

4. Зубъ ископаемаго слона Elephas antiquus.

   Животное появляется въ эолитическую эпоху, въ пліоценѣ, но характернымъ становится для поры тесанныхъ орудій палеолитической эпохи.

5. Зубъ мамонта Elephas primigenius.

   Мамонтъ является позднѣйшимъ представителемъ ископаемыхъ слоновъ: онъ существовалъ только въ палеолитическую эпоху.

ТАБЛИЦА II.

Эолитическая эпоха.

a) Предметы, добытые аббатомъ Буржуа въ Тенэйскихъ отложеніяхъ міоцена, во Франціи:

1. Кусокъ кремня съ трещинами отъ сильнаго вліянія на него огня.

2, 3 и 4. Кремни, какъ бы искусственно обработанные при помощи огня и оббивки.

b) Предметы, добытые Карломъ Рибейро въ міоценовыхъ отложеніяхъ Португаліи:

5, 6 и 7. Осколки кремня съ плоскостью удара, раковистостью излома и щербиной на выпуклости излома. Collection de l'Académie des sciences de Lisbonne.

c) Предметы, найденные І. Рамомъ (I. Rames) въ Орильякскихъ пліоценовыхъ отложеніяхъ, во Франціи:

8 и 9. Осколокъ кремня, отбитый отъ ядрища однимъ ударомъ; представленъ съ двухъ сторонъ. Collection A. de Mortillet.

ТАБЛИЦА III.

Палеолитическая эпоха. Пора тесанныхъ орудій.

1. Тесанное кремневое орудіе изъ Шеляьской (Chelléen) стоянки. Музей Московскаго Археологическаго Института. Коллекція Московскаго Археологическаго Общества. Собраніе барона І. де-Бая.

На поверхности орудія замѣтны дендриты и часть известковой корки, покрывавшей кремневую гальку, изъ которой вытесано орудіе.

ТАБЛИЦА IV.

Палеолитическая эпоха. Пора сколотыхъ орудій.

1. Широкое сколотое кремневое орудіе древнѣйшаго типа. изъ лёссовыхъ отложеній Франціи. Музей Московскаго Археологическаго Института. Коллекція Московскаго Археологическаго Общества. Собраніе барона І. де-Бая.

2 и 3. Узкія сколотыя кремневыя орудія позднѣйшаго типа, изъ Костенковской стоянки. Имп. Россійскій Историческій Музей въ Москвѣ. Коллекція А. И. Кельсіева.

ТАБЛИЦА V.

Палеолитическая эпоха. Пора сколотыхъ орудій.

Образцы древнѣйшихъ изящныхъ искусствъ.

1. Нижній конецъ стрѣлы, сдѣланной изъ рога сѣвернаго оленя, съ гравированными изображеніями лошадей. Предметъ найденъ въ Мадленской пещерѣ, во Франціи. Musée de Saint-Germain. Récoltes Éd. Lartet et Christy.
2. Обломокъ такъ называемаго начальническаго жезла (bâton de commandement) со сверлиной; сдѣланъ изъ рога сѣвернаго оленя; покрытъ изображеніями лошадей; найденъ въ Мадленской пещерѣ. Musée de Saint-Germain. Récoltes Éd. Lartet et Christy.
3. Пластинка шифернаго сланца съ изображеніемъ группы сѣверныхъ оленей; найдена въ Ложери-Бассъ, во Франціи. Muséum d'histoire naturelle à Paris.
4. Кинжалъ изъ рога сѣвернаго оленя съ рукояткой, изображающей оленя; найденъ въ Верхнемъ Ложери, во Франціи. Musée de Saint-Germain. Récoltes Éd. Lartet et Christy.
5. Обломокъ мамонтовой кости съ изображеніемъ мамонта; найденъ въ Мадленской пещерѣ. Musée de Saint-Germain. Récoltes Éd. Lartet et Christy.

ТАБЛИЦА VI.

Палеолитическая эпоха. Пора сколотыхъ орудій.

1 и 2. Обломокъ бивня мамонта, покрытый рисункомъ; найденъ въ Кирилловской стоянкѣ, въ Кіевѣ. Коллекція В. В. Хвойко.
3. Развернутый рисунокъ того же обломка бивня.

На рисункѣ находятъ изображенія какъ бы головы птицы съ глазомъ и клювомъ (a), какъ бы черепахи (b), и орнаментальныя украшенія въ видѣ лѣсенокъ (c и d), зигзаговъ или городковъ (e), полумѣсяцевъ (f), кривыхъ линій съ зубчиками (g) и безъ зубчиковъ (h).

ТАБЛИЦА VII.

Неолитическая эпоха. Пора полированныхъ орудій.

1 и 2. Наконечники кремневыхъ копій. Имп. Россійскій Историческій Музей въ Москвѣ.

Типы характерны только для неолитической эпохи.

3. Кремневый полированный топоръ. Имп. Россійскій Историческій Музей въ Москвѣ.

ТАБЛИЦА VIII.

Неолитическая эпоха. Пора сверленыхъ орудій.

1. Кремневая пила изогнутой серповидной формы. Музей Московскаго Археологическаго Института. Коллекція Московскаго Археологическаго Общества.
2. Діоритовый топоръ со сверлиной. Имп. Россійскій Историческій Музей въ Москвѣ.
3—6. Наконечники кремневыхъ стрѣлъ. Музей Московскаго Археологическаго Института. Коллекція Московскаго Археологическаго Общества.
7. Кремневая проколка. Музей Московскаго Археологическаго Института. Коллекція Московскаго Археологическаго Общества.

ТАБЛИЦА IX.

Неолитическая эпоха.

1. Каменный полированный топоръ съ желобкомъ для прикрѣпленія къ рукояткѣ. O. Montelius. „Antiquités suédoises“, I, fig. 36.

Форма — поздняя, впервые появляется не ранѣе поры сверленыхъ орудій.

2. Кремневый кинжалъ. Ibid., fig. 55.
3. Костяной гарпунъ. Ibid., fig. 53.
4. Точильный брусокъ. Ibid., fig. 5, а также G. et A. de Mortillet. „Musée préhistorique“, pl. XLVI, fig. 427.

Предметы 1—4 хранятся въ Музеѣ Шведскихъ Древностей въ Стокгольмѣ.

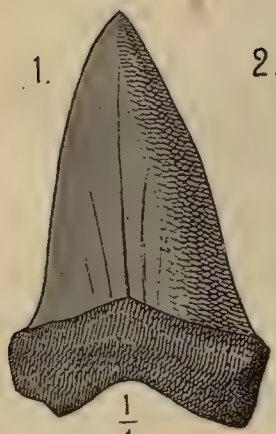
5. Каменная плита, служившая для полированія каменныхъ и костяныхъ орудій. G. et A. de Mortillet. „Musée préhistorique“, pl. XLVI, fig. 426.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
40	(4 снизу)	павіономъ	павіаномъ
42	(1 „ и въ другихъ мѣстахъ)	генеологическія	генеалогическія
43	(9 сверху)	гиббономъ	гиббона
45	(5 „)	впослѣдствіе	впослѣдствіи
52	(5 „)	Неандарталь	Неандерталь
57	(3 „)	изученіи	изученія
58	(5 „ и въ другихъ мѣстахъ)	эксцентрицитета	эксцентрицитета
60	(3 снизу)	землятресеній	землетрясеній
71	(9 сверху)	*γέος*	*γένος*
71	(15 „)	заслуживаетъ	заслуживаютъ
72	(3 „)	ничножныхъ	ничтожныхъ
72	(7 снизу)	пліоцѣноваго	пліоценоваго
72	(5 „)	erectus	erectus
73	(10 „)	поверхностые	поверхностные
77	(11 сверху)	врамени	времени
79	(6 „)	смѣнившихъ	смѣнившими
79	(12 снизу и въ другихъ мѣстахъ)	Вальджихъ	Вольджихъ
84	(3 сверху)	Ами (Hamy)	Гами (Hamy)
84	(13 „)	Г. де-Мортелье	Г. де-Мортилье
84	(8 снизу)	Бланкергорнъ	Бланкенгорнъ
85	(4 сверху)	Rhinoceros	Rhinoceros
85	(6 „)	servus	Cervus
86	(6 „)	масляничнаго	масличнаго
88	(1 „)	VII. Періодъ XIII—XIV.	VII. Періодъ XIII—XIV вѣковъ.
92	(5 снизу)	сентъ-амельскій	сентъ-ашельскій
95	(17 сверху)	обезьяны	обезьяны
96	(12 „)	нѣкотое	нѣкоторое
99	(2 „)	практикующіися	практикующимся
107	(17 „ и въ другихъ мѣстахъ)	„Préhistorique	„La Préhistorique
107	(8 снизу)	Ляйэль	Ляйэлль
108	(2 „)	[2]) Dr E. Mogitot	[2]) Dr. E. Magitot

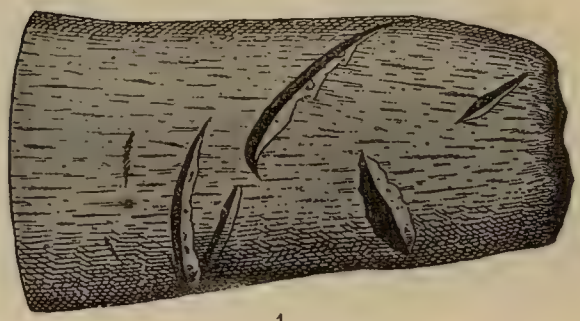
Стр.:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
109	(8 сверху)	Capillini	Capellini
109	(8 „ и въ другихъ мѣстахъ)	Boloenotus	Balaenotus
111	(15 снизу)	Боржуа—Borgbois	Буржуа—Bourgeois
119	(10 „)	Cordium	Cardium
147	(8 „)	Ромъ	Рамъ
157	(10 „)	(мустьерскихъ)	(мустьерскихъ)
179	(11 „)	Сомботи	Сомбати
252	(17 сверху)	Салюстрѣ	Салютре
296	(3 снизу)	Ф. Гельбальдъ	Ф. Гельвальдъ
349	(13 сверху)	familiari	familiaris

1.



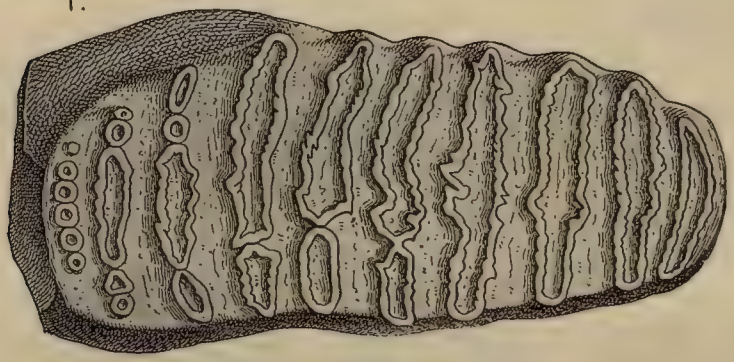
$\frac{1}{1}$.

2.



$\frac{1}{1}$.

3.

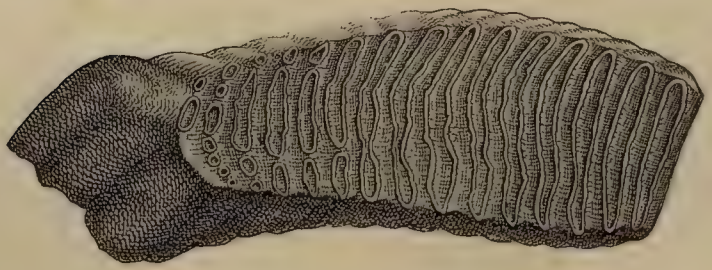


$\frac{1}{3}$.

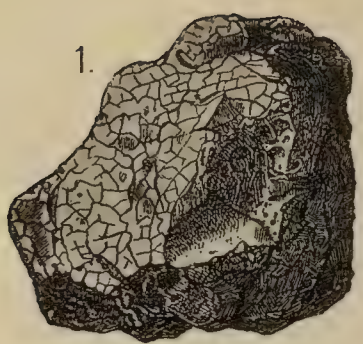
4.

$\frac{1}{3}$.

5.



$\frac{1}{3}$.

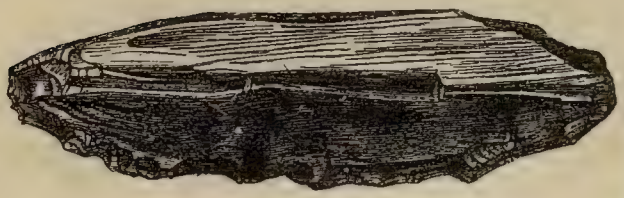


1.

$\frac{1}{1.}$

2.

$\frac{1}{1.}$



3.

$\frac{1}{1.}$

4.

$\frac{1}{1.}$

5.

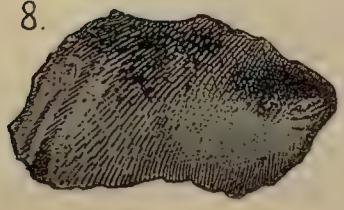
$\frac{1}{1.}$

6.

$\frac{1}{1.}$

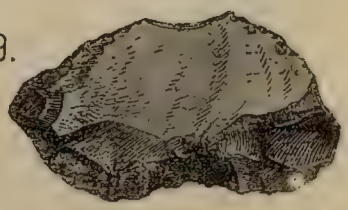
7.

$\frac{1}{1.}$



8.

$\frac{1}{1.}$

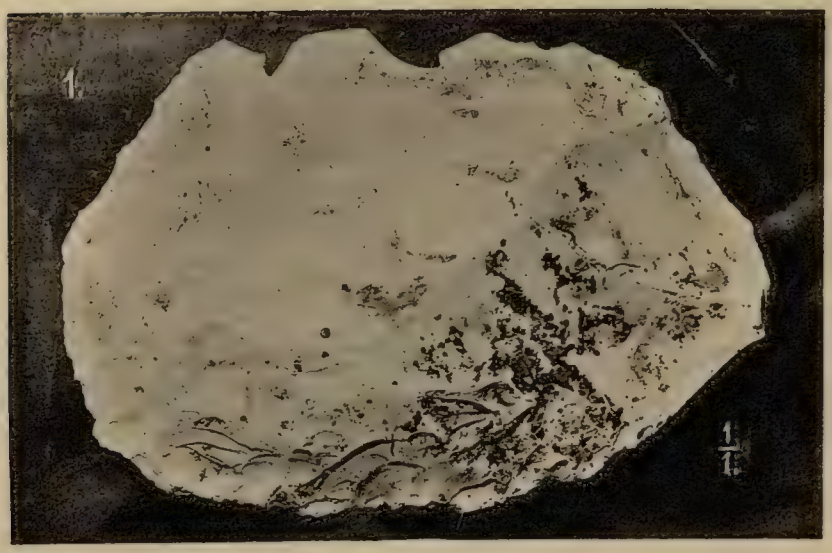


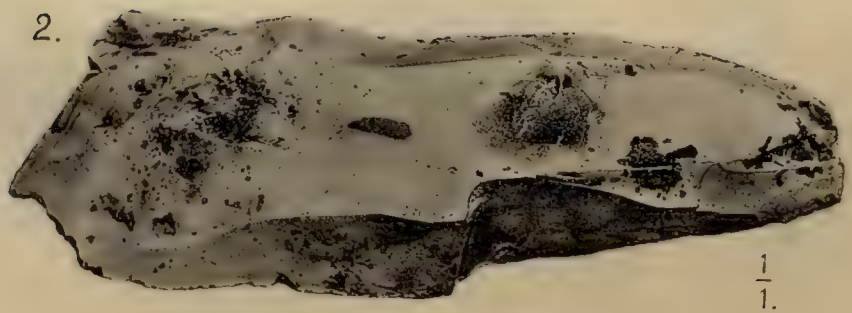
9.

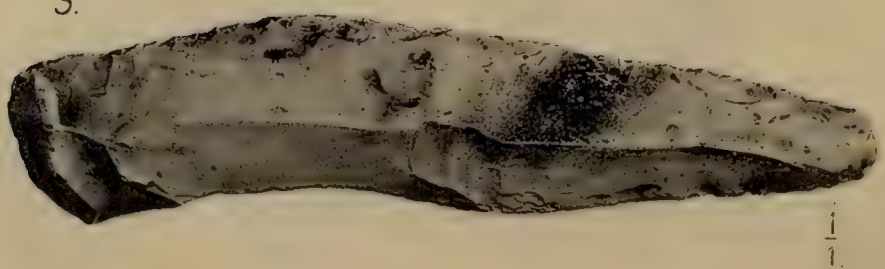
$\frac{1}{1}$

1.

$\frac{1}{1}$.


1.
1/1.

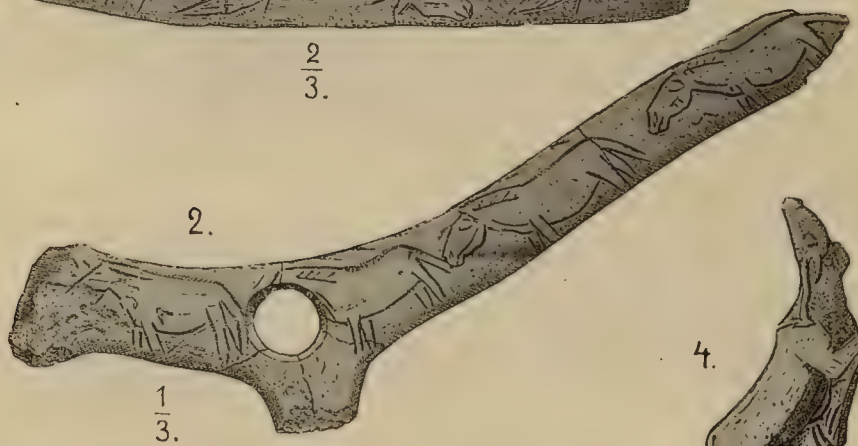

2.
1/1.


3.
1/1.

1.

$\frac{2}{3}$.

2.



$\frac{1}{3}$.

3.

$\frac{1}{3}$.

4.

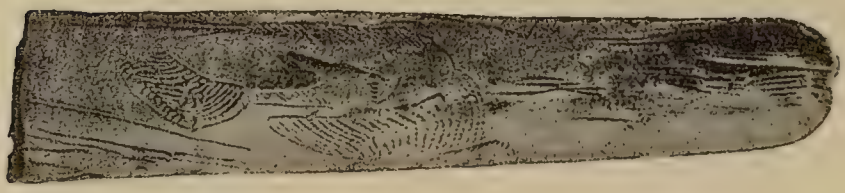
$\frac{1}{3}$.

5.

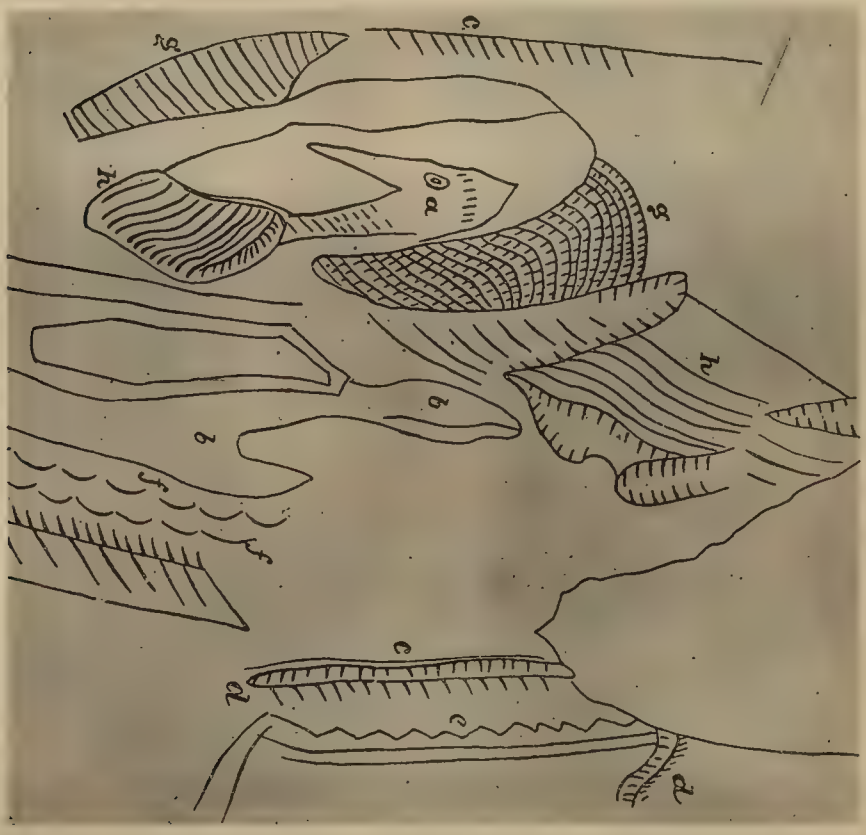
$\frac{1}{3}$

1.

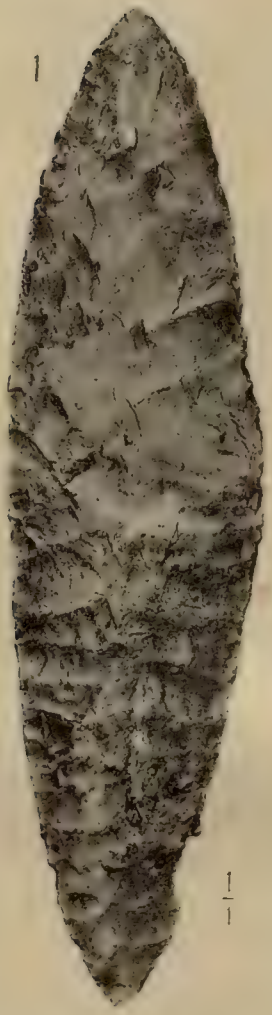
2.



3.



1

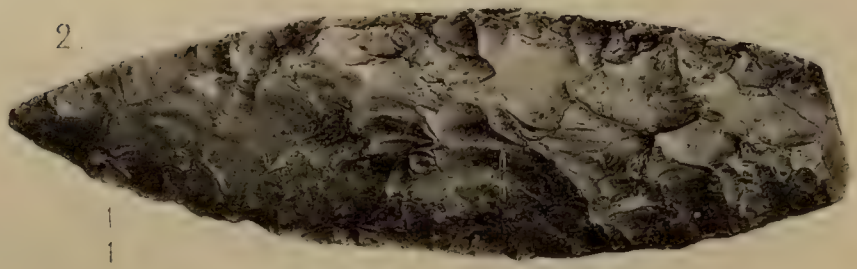


1/1

3.

1/1.

2.



1/1

1.

1/1.

2.

1/1.

3.

1/1

4.

1/1

5.

1/1

6.

1/1.

7

1/1

1.

2/3.

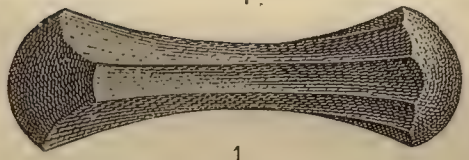
2.

1/2.

3.

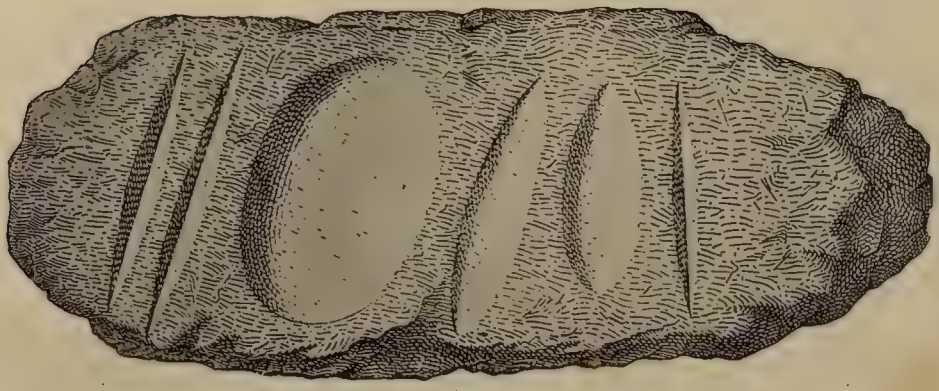
1/2.

4.



1/4.

5.



1/17